

Анатолий Ермолин

ОДИССЕЯ ПИОНЕРА

или Защитник
преданной страны

НАРОДНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

Анатолий Ермолин

участнику Школы
проектирования в
"Бабонегово" на добрую
память от автора

А. Ермолин 28.06.2014

**Одиссея пионера,
или Защитник
преданной страны**

НОВАЯ
ГАЗЕТА

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Москва 2013 г.

УДК 304.9

ББК 84

Е74

Ермолин А.А.

Е74 Одиссея пионера или защитник преданной страны. — М.: Народное образование, 2013. — 282 с.

ISBN 5-879-53298-2

В этой книге есть литературный герой, но нет вымышленных событий. С опорой на личный опыт автор — сотрудник спецназа нелегальной разведки КГБ СССР — рассказывает о последних испытаниях советского офицерского корпуса, о неформальных воинских ценностях и традициях офицеров спецназа, предательстве власти, профессиональном взлете и уничтожении легендарной Группы «Вымпел».

УДК 304.9

ББК 84

Все права защищены. Воспроизведение в каком бы то ни было виде и какими бы то ни было средствами требует письменного разрешения автора или владельца авторских прав.

ISBN 5-879-53298-2

© Анатолий Ермолин, 2012

© «Народное образование», 2013

Содержание

Предисловие автора.....	5
-------------------------	---

Часть I

«СОКРОВИЩА ПЫЛАЮЩИХ СКАЛ»

5 сентября 2004 года, Государственная дума РФ, 12.00.....	7
Сережка.....	10
Советская медаль «фашистскому пособнику»	12
«Гнёздышко»	14
Уральские корни.....	16
Павшая крепость	19
Лысые Горы	20
Бросок на Москву.....	23
«Джентльмен удачи».....	25
«В бой идут одни старики»	27
Семейная «экономика»	31

Часть II

ИНИЦИАЦИЯ

Сиверский.....	34
Принуждение к классике	37
Кармен.....	39
Ботаник-хулиган	41
Золотые пляжи Дагестана.....	43
Дурдом.....	46
Литейный, 4.....	48

Часть III

ОТЛИЧНИК ПОГРАНВОЙСК

Абитура.....	51
Винтик.....	54
«Что за глупый скворец».....	56
«Голубая кровь».....	60
Гонки на лафетах	64
Ожившая грация.....	67
Ветер Афгана	71
Стипендиат ЦК ВЛКСМ.....	73
Последний аккорд	76
Лейтенант государственной безопасности	82

ЧАСТЬ IV

«ЗА КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД БЕЛЫМ ДОМОМ»

Тихая дача.....	86
Возвращение отдела.....	90
«Подвиг» разведчика.....	95
Главная рация отдела.....	102
Читинская гонка.....	108
Откровения Бека.....	120
Узункол.....	125
Боевые пловцы.....	132
Холод и зной Афгана.....	144
КИ.....	153

ЧАСТЬ V

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

«Змей Горыныч».....	161
Баку – Нахичевань.....	172
Господин инспектор.....	183
ГКЧП.....	193
«Серые волки» Дудаева.....	195
Пир во время чумы.....	199
Дело о «зеленых лимонах».....	203
«Слишком» умный спецназ.....	205
«Полковнику никто не пишет».....	216
Арзамас-16.....	219
«Крови не будет».....	231

ЧАСТЬ VI

«ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАД»

Новые планы.....	237
«Крымские гонки».....	242
Учитель специального назначения.....	247
Лицей.....	250
Тайна Анны.....	253
Хождение во власть.....	257
Двадцать лет спустя.....	264
Последний рапорт.....	268
Старая площадь.....	272
Товарищи офицеры! (вместо послесловия).....	276

Предисловие автора

Главный герой Сергей Туев имеет ко мне непосредственное отношение. Это мой оперативный псевдоним, которым я часто пользовался, работая под прикрытием в спецподразделении нелегальной разведки КГБ СССР «Вымпел». А вообще Туевы — фамилия моих предков по линии матери.

В книге нет ни одного вымышленного сюжета или персонажа, равно как нет ни одного события, в котором я бы не принимал участия. В нее вошла та часть новейшей российской истории, от которой я был на расстоянии «вытянутой руки». Как акын, пою о том, что видел. Зачастую видел через прорезь в забрале бронированного шлема бойца специального назначения.

В каком-то смысле мой жанр — легенда. Легенда как инструмент работы разведчика. Кого-то из описанных здесь людей я не могу назвать настоящим именем, исходя из их личной и профессиональной безопасности, кого-то — по этическим соображениям. Кого-то — в целях прикрытия — «собираю по частям» из биографий разных людей. Полагаю, прототипы легко узнают себя и сами решат, признаваться ли, что попали в литературные герои. Публичные люди в книге названы своими именами.

Пишу от третьего лица. Пройдя сквозь огонь, воду и медные трубы, я сегодня очень непохож на себя прежнего. Непохож на воодушевленного пионера 70-х, на убежденного комсомольца и коммуниста 80-х, готового с оружием в руках «до последней капли крови защищать социалистическое Отечество». Непохож на уволенного в запас тридцатилетнего майора элитного спецназа 90-х, чьи уникальные знания и боевой опыт оказались не нужны и даже опасны новой российской власти. На сорокалетнего депутата Государственной думы «нулевых», надеявшегося, что и внутри плохой системы можно что-то изменить с пользой для Отечества.

Причина радикальной разницы между мной сегодняшним и мной вчерашним не только в том, что с возрастом каждый человек меняется, но и в том, что эпоха, в которой я родился, жил и старался быть полезен своей стране, изменилась до неузнаваемости. История не поскупилась на соль для «рассола», сформировавшего мою личность.

В какой-то мере я — секретный свидетель. Но моя роль не в том, чтобы удивлять инсайдерской информацией. События здесь — лишь фон. Есть герой, есть контекст. Моя задача — понять себя, а заодно и моих современников в нагрянувшую «эпоху перемен», затеянных, кстати сказать, без нашего участия.

Что потеряли мы? Что обрели? Что сделали для страны в мутные и неочевидно героические времена? Почему в «застой» любили свое Отечество и были счастливы? Куда испарились эти чувства? Испарились ли? Как вернуть утраченное? Каждый может спросить об этом... только себя.

Попробуем.

«СОКРОВИЩА ПЫЛАЮЩИХ СКАЛ»

**5 сентября 2004 года,
Государственная дума РФ, 12.00**

В кабинете депутата Госдумы Сергея Туева было тесно. Журналисты ждали интервью.

По телевизору диктор уточнил число погибших в Беслане детей.

На душе было гадко. Он здесь, а в Чкаловском уже разгружают «груз 200». Погибшие «вымпела» и «ашники» пытались хоть что-то сделать для этих детишек.

— Звонят из администрации президента, — помощница подождала, пока Сергей снимет трубку, и отключилась.

— Слушаю вас, — по-военному четко ответил Сергей.

Вкрадчивый голос своего «куратора» он узнавал безошибочно. На том конце трубки собеседник произнес:

— Ваше вчерашнее выступление на «Эхе» произвело фурор. Поздравляю. Все СМИ ссылаются только на вас: профессионально, без истерии, внятно.

— Невелика заслуга. Десять лет служил в «Вымпеле», хорошо знаю, что такое спецоперация. А из действующих офицеров никто не может дать оценку происходящему — в силу подписки о неразглашении обстоятельств службы.

— Мы тоже попросим вас дать интервью «Первому каналу», — вкрадчивый голос не сулил ничего хорошего. — Согласны?

— Я готов.

— Тогда подойдите к факсу. Сейчас направлю вам один документ.

Не успел Сергей подняться, как факс зашуршал и из него полезла лента с сообщением. Суть тезисов сводилась к двум мыслям: стране нужны радикальные меры противодействия террору — это раз. И два: кто говорит, что с террористами надо вести переговоры, тот предатель.

Снова зазвенел телефон:

— Прочитали? Что скажете?

— Не понял: вы меня как эксперта или как актера «озвучки» приглашаете?

— Сергей Александрович, ну вы же знаете, у нас так заведено...

Он решил не нарываться по мелочам:

— По первому вопросу — без проблем. Скажу развернуто и намного убедительнее, чем вы тут пишете. А по второму говорить не буду ничего. Переговоры нужны всегда, чтобы потянуть время, оценить обстановку, принять решение, «поиграть» с террористами, если надо. А в ситуации с Бесланом такие переговоры должен был вести президент. Сам. 1128 человек того заслуживают.

— Уверены, что ведете себя правильно? — на том конце провода выразили искреннее удивление. — Подумайте, я с вами свяжусь чуть позже.

Журналисты жадно ловили каждое слово. Сергей извинился и сказал, что пойдет обедать.

В просторном обеденном зале для депутатов звучал рояль.

Здесь в отличие от столовой для сотрудников аппарата обслуживали официантки и каждого посетителя встречал метрдотель. Сергею тут нравилось — спокойно, без очереди, без лишнего пафоса. Цены умеренные, всегда можно поесть просто и сытно. Правда, раздражали таблички «Стол только для депутатов Государственной думы». Столовая и так депутатская. Зачем это обязательное напоминание: «только для белых»?

Старого товарища по «Вымпелу» он заметил сразу.

Тот, как выяснилось, только что вернулся из Беслана и Сергей пригласил его специально, чтобы узнать как все было.

— С-серег, т-ты даже не представляешь, к-какой там был бардак! — Седой подполковник, трижды контуженный еще в Афгане, не мог справиться с заиканием. — Н-никто ничем н-не управлял! Н-наших и группу «А» убрали от школы подальше, на м-машине дорога з-занимала минут двадцать! Руководители штаба обосрались по полной: б-боялись отдать даже п-предварительные распоряжения! Да там и оцепления не было н-нормального. Отцы захваченных детей с ружьями носятся. Женщины орут. И сектора обстрела перекрывают... А п-планы никто н-ни-какие не готовил!

Сергей слушал мрачно, тоскливо. Выплеснув первый запал эмоций, подполковник умолк. Взглядом искал в Сергее понимания.

— А как «вымпела» возле школы оказались?

— Решение Р-разумовского. Мужик з-здравый, настоял, чтобы он и еще несколько человек остались на м-месте в качестве наблюдателей. У них даже с-снаряжения толкового не было. И бронники — только легкие. Как в воду глядел, чуял, д-добром не кончится. А представляешь, их там вообще не было бы?

— Как все случилось?

— В зале рвануло. Из окон, как г-горох, посыпались... л-люди, д-ети. Наши ребята бросились п-помогать. Никакого штурма не было! К-команд тоже!

Первая связь в эфире п-прошла через двадцать минут после взрыва! Мужики вошли в школу по своей инициативе. Надо было как-то прикрыть, дети же у-беж-ж-ать пытались. Разумовский, он верста коломенская! П-подбежал к окну и стал принимать их. Потом его первый раз ранили. П-потом второй, потом еще, а он принимал и принимал. Когда его снайпер добил окончательно, он умер у окна. Уперся в стену и сел калачиком. Как ступенька. Я сам видел, д-дети по нему уже мертвому продолжали соскакивать!

— А остальные?. Почему такие большие потери?

— Потому что ничего не было готово к штурму. Да еще «чехи» д-детьми прикрывались. Эт-то в Голливуде спецназ в шт-турмах не мажет.

Подполковник нервно махнул рукой возле лба.

— А-а м-мы с тобой знаем, дело тут не только в м-мастерстве, но и в случае. Кому охота всю жизнь себя корить, если р-ребенка зацепит? Мужики шли на максимум сближения. Хотели вр-рукопашную, ножами! Все убитые — через бронежилеты. Ты понимаешь, т-такое только при расстреле в упор возможно...

Он задохнулся, устав говорить и прояснять.

— Когда похороны?

— Еще не решили. Пока на Пехотном лежат. С-следствие, вскрытие, то да се... Что я т-тебе рассказываю?

Друзья зашли в буфет и помянули погибших. Четырнадцать человек! Таких потерь ни «ашники», ни «вымпела» еще не знали. На столе кто-то оставил свежую газету с фотоколлажем о бесланских событиях. Сергей взгляделся в фото: на черной, обгоревшей стене школы кто-то нацарапал: «Альфа, Вымпел, спасибо!»

Он закрыл глаза и провел ладонями по лицу. Болезненное чувство предательства, притупившееся за десять лет гражданской жизни, вспыхнуло с прежней силой.

В 1995-м он, тогда еще тридцатилетний майор, пришел в Кремль получить компенсацию по увольнению из «Вымпела». В приказе было написано «в связи с организационно-штатными изменениями». Но все увольняемые офицеры отлично понимали, что «оргштатка» лишь повод для уничтожения легендарной части, удобный способ избавиться от «много возомнивших» о себе «вымпелов».

Кадровик Пал Палыч Пузин, переехавший в Кремль, после того как «Вымпел» переподчинили Федеральной службе охраны, вручая Сергею денежную квитанцию, словно случайно вспомнил:

— Да, вот что. С тобой хотели поговорить люди из аппарата президента. У них к тебе какое-то предложение есть, — написав Сергею номер комнаты и объяснив, куда идти, Пал Палыч по-братски приобнял вчерашнего соратника. — Удачи, старик! Может, сговориться о чем.

Найдя нужный кремлевский кабинет, Сергей представился секретарше. Стройная девушка, одетая в слишком короткую юбку, провела его

в обитую красным деревом комнату, где он еще долго ждал инициатора встречи. Наконец, вошел суетливый молодой парень — невысокий, с белесыми волосами и веснушками на лице и руках. Дорогой английский костюм, белоснежная рубашка и модный заграничный парфюм придавали этому безликому персонажу должную значительность. Присмотревшись, Сергей понял, что он чеченец — среди жителей этой кавказской республики вопреки устоявшемуся мнению редко встретишь человека с типичной внешностью «лица кавказской национальности».

— Мне рекомендовали тебя как очень крутого специалиста, — на ты, не поздоровавшись, начал разговор чеченец. — У меня в этой связи предложение: нам нужен опытный курьер. Задача — доставка грузов через «зеленку» в Чечню. Пара ходок — и ты богатый человек.

— «Нам» — это кому?

— Не задавай лишних вопросов. Что, не понял, где мы разговариваем? — взгляд у безликого был сверлящим и пристальным, как у снайпера.

— Я понял. Груз?

— Доллары. Много. Миллионы долларов.

— В качестве кого я буду выполнять эту задачу?

— Теперь я не понял, — удивился и снова пристально посмотрел Сергею в глаза чеченец. — Сказал же: за деньги! Тебя рекомендуют уважаемые люди — я плачу. Или боишься?

— Боюсь, — не отводя глаз, Сергей поближе наклонился к собеседнику. — Только не того, о чем ты подумал. На каком же уровне надо было нас предать, чтобы такая сволочь здесь со мной сегодня разговаривала?

Сережка

Раннее детство Туева-младшего было очень счастливым. Потому, наверное, он его совсем не помнил. Разве что теплые, сильные руки матери да ее пронзительный, тревожный взгляд, полный надежды, грусти и гордости за свое маленькое богом данное чудо. Не мудрено, что Сережка чувствовал себя самым защищенным и самым важным созданием во всей Вселенной.

Мама строчила на швейной машинке, готовила, убиралась в квартире, по вечерам встречала отца — офицера-техника, служившего в авиационной части, где он отвечал за радиолокационное обеспечение полетов.

Жили Туевы в коммуналке. Их соседями были дядя Коля Дрозд и его жена тетя Катя.

Он — боевой летчик, она — санитарка. Его четыре раза сбивали фрицы и прятали партизаны. Она прошла всю войну, выносила с передовой раненых, но в отличие от мужа и двадцать лет спустя вспоминать про фронт не любила.

Сережка запомнил только один, какой-то «неправильный» рассказ про то, как тетя Катя застрелила молоденького немца. Он тоже подбирал своих

раненых и, столкнувшись с советской санитаркой, так растерялся, что забыл про свой шмайсер. И она, оцепенев, закрыла глаза и в ужасе нажала на спусковой крючок винтовки.

Серезка не знал, кого надо больше жалеть — убитого немца или тетю Катю, отчаянно переживавшую, что «взяла грех на душу».

Дрозды и Туевы, несмотря на разницу в возрасте, очень дружили. Тетя Катя даже стала Серёжкиной крестной. Это были коммунистические крестины. Батага молодых офицеров с женами ввалилась в Краснодарский ЗАГС, а потом весело гуляла дома: торжественно желали молодым родителям счастья, а новорожденному вручили «письмо в будущее», с наказом вскрыть конверт в 16 лет и ни днем раньше.

Праздники в квартире всегда отмечали вместе, и разговоры неизбежно скатывались к войне. Серезка в них понимал мало, но слушал с огромным интересом.

— Ты че, Сашка, — пыхтя папиросой, спрашивал соседа подвыпивший дядя Коля, — правда так думаешь? Думаешь, в мирное время нужны настоящие боевые офицеры? Да половина орденосцев в лагерях сгинула! Войсковые разведчики эками стали. И-ий... — дядь Коля размашисто налил себе в стакан. — Боевой офицер жопу лизать не станет. Аня! Заткни уши Серёге! Никому не станет, Саш... С таким офицером неудобно рядом служить, карьеру себе делать. Это, знаешь, на войне без отчаянных нельзя. Отчаянный и самолет на эшелон бросит, и бойцов в атаку под огнем подымет. С одним кинжалом взвод в рукопашной вырежет!

Дядя Коля знал, что говорил. Полный кавалер орденов Славы, без пяти минут Герой Советского Союза — звезду отозвали, так и не вручив, за драку прямо в День Победы с очень заслуженным киноартистом — все двадцать послевоенных лет проходил в звании майора, не продвинувшись по карьерной лестнице ни на шаг.

Тетя Катя, яркая кубанская казачка, относилась к этому философски. Боевой дух мужа она умело поддерживала, не давая ему спуску ни в одной семейной перепалке. Как-то раз, поссорившись из-за очередного пустика, дядя Коля, решив в знак протеста не разговаривать с женой, написал ей записку: «Завтра полеты. Разбудишь в пять!»

На следующий день заслуженный летчик, боевой командир и орденосец, чуть не опоздал на контрольное построение. Позже, с возмущением пересказывая эту историю своему комполка, он процедил:

— Ну, она и разбудила.

Остроумная тетя Катя написала мужу ответную записку: «Вставай — уже пять!»

Такая жизнь Серёжке ужасно нравилась. Его окружали сильные, веселые люди, он любил ездить с отцом в часть, где все было чисто и строго. Но ничуть не меньше любил походы на яркий краснодарский рынок, где благоухали помидоры «бычье сердце», огромные яблоки и душистые пряности.

И еще он точно знал, что победить его страну невозможно. Потому что есть такие замечательные летчики, как майор дядя Коля, есть отец, мама и все их друзья.

Правда, иногда Серёжка ловил себя на смутном, неуютном ощущении тревоги. Почему-то, когда дядя Коля так интересно рассказывал отцу про фронт, мама весь вечер ходила серая и сдавленным шепотом кричала на них: «Дураки вы, дураки! Один старый дурак, а другой помоложе: без погон хотите остаться? Вы о чем при детях разговариваете?!»

Он не мог этого понять и беззаботно отбрасывал лишние ощущения прочь, но они настигали его во сне. Вот он выходит из своей квартиры на первом этаже офицерского общежития, вот спускается по лесенке, пытается открыть дверь в тамбур подъезда, и ничего у него не получается. Кругом почему-то темно, пахнет сыростью, все сильнее тянет холодом из подвала, и вдруг начинают выть волки. Медленно, протяжно, заунывно. Он понимает, что заблудился в собственном доме, и в ужасе просыпается.

Советская медаль «фашистскому пособнику»

Николай Дрозд был летчик от Бога. И кроме того, фаталист. Не осознанный, а стихийный — жил безоглядно и честно, с отчаянным куражом принимая всякий вызов судьбы и весело играя с ней на равных. Беспечный этот фатализм молодости, уверенность в своем всемогуществе и бессмертии не имеет ничего общего с той холодной отрешенностью, когда тебе нечего терять и за тебя уже всё предрешено другими.

Самолет не падал каким-то чудом: вражеские зенитки крепко потрепали его. Надежда была на близость линии фронта, проходившей по Неману. Мессеры свалились прямо из тучи.

— Черт, так и не дотянул!

Сзади, коротко вскрикнув, умолк стрелок-радист. Штурман безжизненно висел в ремнях.

Машина стремительно неслась к земле, и казалось, только дикий матерный рев пилота заставил ее вздрогнуть в последнем усилии, поднять нос и упасть не в пике, а в отчаянной попытке вновь устремиться к небу.

— Все! — выстрелила в голове возмущенная мысль, разум отключился, и пилот вместе с оторвавшимся колпаком кабины вылетел на морозную пашню одинокого литовского хутора.

Придя в себя, Николай нащупал кобуру пистолета. Пустая. Неужели выронил при падении? Преодолевая тупую боль, летчик открыл глаза и увидел белую полицейскую повязку и дуло винтовки, так близко от своего носа, что взгляд никак не мог поймать нормальный фокус.

— Прилетели... на головку сели. Шу-шу-шу! — разбитые губы сами пробормотали старую детскую присказку.

Полицай с грустными глазами умирающей собаки тоскливо глядел на сбитого летчика. Серая мышинная шинелька нелепо смотрелась на его худой сутулой фигуре. Старая немецкая винтовка в заскорузлых крестьянских руках выглядела неуместно и напоминала игрушечную пукалку с насаженным для важности ржавым штыком.

Молча, словно вилами, литовец потыкал куртку разбившегося пилота. Жестами дал понять: мол, подымайся.

— Ну, пойдем, старый хрыч, умереть всегда успеем.

На хуторе полицай затолкал Николая по лестнице на чердак и там заставил протиснуться в щель между черепицей и обрешеткой стропил. Закидав соломой получившийся схрон, старик спустился вниз к бледной жене и насмерть перепуганной белообрисой дочери.

Вскоре затарахтели немецкие цундабы, остановились у дома, и мотоциклисты быстрым шагом вошли в кухню.

На их резкие гортанные вопросы литовцы что-то невнятно мычали в ответ — Николай не понимал ни слова. По лестнице затопали тяжелые ботинки, автоматная очередь прошла охапки сена, что покрупнее, и шаги прогрохотали вниз.

Снова затарахтели мотоциклы и, забрав с собой полицая, немцы уехали туда, где поднимался в небо дым от советского самолета.

Хозяин хутора вернулся уже за полночь. Не говоря ни слова, вытащил Николая из-под крыши и, поставив перед ним кувшин молока с еще теплым домашним хлебом, молча глядел в сторону, пока тот ел.

Потом знаками велел идти за ним. В темноте они быстро добрались до Немана. На реке только начал закрепляться первый осенний ледок. Туда, туда... жестами показал на другой берег литовец.

Раздевшись до кальсон, Николай вошел в колкую воду. Перехватило дух, и он поплыл, разгребая обжигающие льдинки и держа над головой узел с тщательно увязанной формой.

На той стороне онемевший от холода летчик попытался было встать — и тут же получил грамотный удар по затылку, нанесенный добросовестным смершевцем. Николай Дрозд второй раз за сутки потерял сознание.

Прийти в себя ему помогли два ушата холодной воды, вылитые на голову в камере для дезертиров. Сил не было совсем. Была только злость, и когда здоровый как бык лейтенант с васильковыми погонами назвал его «изменником Родины», ее хватило на то, чтобы выбить наглецу передний зуб и в одних кальсонах броситься в драку с обомлевшими охранниками.

Генерал лично прилетел за Николаем. Он долго не решался задать вопрос майору СМЕРШа, но любопытство взяло верх:

— Его сбили сразу за линией фронта вчера во второй половине дня. Как вам удалось так быстро разобраться с этим делом?

Майор мрачно улыбнулся:

— Ваш Дрозд когда-нибудь «дочирикается». Разбить рожу чемпиону Советского Союза по боксу среди тяжелейших — это надо умудриться. Пусть скажет спасибо, что пострадавший это оценил. Слишком лихо держался... в одном исподнем на волкодава СМЕРШа полез, таких «дезертиров» мы еще не видели.

В расположении части, выслушав историю про полицаев, генерал спросил:

— Ты хутор этот найти сможешь?

— Обижаете!

— Наши Неман только что форсировали и отбросили немцев от реки километров на тридцать. Там, где ты упал, сегодня уже не фашисты, а наш глубокий тыл.

Почтовая «этажерка» без особого труда приземлилась прямо возле хутора. Медленно, будто равнодушно, хозяин вышел за ворота навстречу непрошеным гостям. Узнав Николая, дернул уголок рта и молча перевел обреченный, тоскливый взгляд на подошедшего генерала.

— Ну, размусоливать тут нечего, — строго сказал генерал. — Благодарю за героизм и мужество, проявленные при спасении советского офицера.

Достал из кармана медаль «За боевые заслуги» и бережно прикрепил на куцую серую шинель литовского полицая.

«Гнёздышко»

Из Краснодара Туевы переехали в Мичуринск, в Тамбовскую область. В родные, считай, места. Отец родился на Урале, но военное училище окончил в Тамбове. А мама из этих краев, из деревни Лысье Горы. У Льва Толстого в «Войне и мире» эта деревня упомянута как одно из имений Болконских. Вот, значит, мамина ветвь от крепостных, из литературы.

Мамин отец Григорий Михайлович был зажиточный сельчанин, сиречь тамбовский кулак. До войны владел мельницей, имел с десяток батраков. Когда Сережка спрашивал про деда, мама отвечала коротко: «Он пропал». Спрашивал дальше, суровела лицом и отвечала подробнее: «Ушел и пропал».

Скупые ответы удивляли, но он понимал, что мама почему-то говорить об этом не хочет, и не настаивал.

В Мичуринске Сережа пошел в детский сад «Гнёздышко». Шагая со старшим братом по Интернациональной улице, он рассуждал так: «И чего дети плачут, когда их ведут в сад? Вот я точно не заплачу».

Не успел брат передать его воспитательнице, как он заревел белугой. Первый раз в жизни он попал в казенный дом.

Днем дети спали на летней веранде. И летом, и зимой. В спальнях мешках с капюшонами, таких тесных, что руки приходилось держать по швам. Почесать нос, повернуться на бок, попроситься в туалет — невозможно. Уснуть

Сережке почти никогда не удавалось, и он мужественно отбывал положенные два часа, словно солдат на посту.

У спальных мешков была особая конструкция — ниже колен они были обрезаны так, что в них можно было еще и ходить. Гений инженера-конструктора позволял воспитателям надевать на детей мешки прямо в садике, после чего, связанные по рукам и ногам, они осторожно брели по направлению к летней веранде. Если принять во внимание, что садик «Гнёздышко» располагался в старом купеческом доме дореволюционной постройки с кирпичным первым этажом и деревянным вторым, то спуск по крутой лестнице в мешке и с зафиксированными намертво руками каждый раз казался Сереже непредсказуемым акробатическим трюком.

Зато туалет в садике был незатейлив. Железные эмалированные горшки, изъеденные черными пятнами отколовшейся эмали, были ужасно холодными особенно в первую секунду прикосновения к ним голой детской попки. В туалете дико воняло. Пару раз Сережку вырвало, потом привык.

В параллельную группу ходила Света Солнцепекина. Девочка с пшеничными волосами. Он смотрел на нее с удивлением — от нее в животе разгорался сладкий, непонятный по малолетству, нутряной костер. Потом Свету из садика забрали, и Сережка долго грустил — по странному щемящему чувству, которое она вызывала в его маленьком мальчишеском теле.

Впрочем, были у него страсти и посильнее: купить железную водовозную машину с открывающимися дверями и вертолет, по-настоящему взлетающий в небо, если насадить его на специальную рукоятку со штырем и дернуть за шнур. Мама сказала, что машину надо подождать — месяца три, пока она накопит деньги. А вертолет надо подождать еще дольше — аж до дня рождения.

Теперь мама работала на заводе токарем. Вытачивала поршневые кольца для автомобилей, в ночную смену: платили больше, а главное, оставалось время на дом и детей — маленького Сережку и Виталия, который уже заканчивал школу.

Утром после смены мама, получив зарплату (у нее была зарплата, а у папы почему-то получка) отправилась с сыном на улицу Ленина. В единственный в городе магазин игрушек. Железная водовозная машина, в точности такая, что поливает по утрам сонный город, была в его руках! Он был так счастлив, что усталая мама весело улыбалась в ответ на его восторг.

Мама пошла спать, а Сережка с машиной бегал вокруг дома на улице Гагарина и тарактел, как настоящий автомобиль. Тихо, чтобы не разбудить маму, поднимался к себе на второй этаж и заправлял водовозку водой. Жизнь превратилась в одно сплошное счастье. Дети во дворе радовались и хохотали вместе с ним.

Когда мама проснулась, пришлось идти домой обедать. Вернувшись во двор, он не обнаружил ни машины, ни своих новых друзей.

Он испытал отчаяние на той грани, где можно разочароваться в людях и жизни.

Анна ничего не сказала, крепко обняла сына и пошла в магазин за вертолетом.

Вертолет взлетал выше крыши дома. Он был прекрасен настолько, что притупил боль от украденной водовозки.

Один из мальчишек постарше поймал его прямо в воздухе и принялся рассматривать.

— Дай-ка я попробую, — небрежно бросил он Сережке.

— Попробуй, — ужас сковал Сережкино сердце.

Мальчишка очень быстро вошел во вкус. Про Сережку он забыл.

— Отдай, он мой.

— Было ваше, стало наше!

Старинная игра в кошки-мышки все дальше уводила захватчика от Сережки, и вскоре он понял: не догнать, не вернуть ему свой вертолет. Страх и обида бросили кровь в голову. От обиды и вскипевшей злости он чуть не потерял сознание и, схватив из-под ног камень, с силой швырнул его в обидчика. Сидевшие на лавочке соседи обомлели от ужаса: управляемый неведомой силой, камень пролетел добрых тридцать метров и попал прямо в голову убегавшему противнику. Парень рухнул, из открытой раны полилась кровь.

Со всех сторон сбежались охающие тетушки. Одна из них отдала Сережке игрушку и тихо сказала: «Тебе сейчас лучше уйти».

Прижав к груди отвоеванный вертолет, он убежал домой. Весь вечер просидел в страхе, ожидая, что в дверь позвонят и милиционеры заберут его в тюрьму.

Он виноват? Но он прав! — все смешалось в этот день в маленьком сердце Сережки.

Уральские корни

В шахтерском городе Коркино, что под Челябинском, умер дед Лаврентий Егорович.

«Дедушка Лавруша», говорил о нем отец, рассказывая сыну об уральских родственниках.

В доме сразу стало тревожно. Срочно стали собираться в дорогу, и мама сделала любимое Сережкино лакомство — белый хлеб, пропитанный сладким молоком, залитый яйцом и поджаренный в сливочном масле.

В Коркине родители отца жили у его старшей сестры Марии. У отца было много сестер, а младший брат Женя утонул, давно, до рождения Сережки. Когда-то вместе с ним в семье было восемь детей, но трое умерли.

И сегодня разобраться в многочисленных уральских родственниках, их мужьях, женах, маленьких и взрослых детях было невозможно.

— Саша, Саша приехал! — вполголоса запричитали сестры. — Успели, молодцы. Скоро выносить будем.

Дедушка лежал в большой комнате за закрытыми дверями. Шторы в доме были опущены, зеркала занавешены. Когда взрослые ушли на кухню, Сережка приоткрыл дверь, плотно зажмурился, просунул в комнату голову и тут же выдернул ее обратно. Там пахло пряно, тоскливо и страшно.

Дед приезжал к ним в Мичуринск — когда семья переехала с Гагарина на Красную. Дом на Красной показался Сережке громадой, в нем было пять этажей. А в квартире, которую получили Туевы, три комнаты, кухня, туалет и ванная с титаном!

Дедушка, кажется, совсем тогда не разговаривал. Худой, слабый и мрачный, он ходил вдоль стенок, не выпуская из рук палку с веселым и странным названием «бадик». У дедушки не работала нога: в гражданскую в конном бою Лаврентию Андреевичу шашкой перерубили сухожилия.

В Яицком казачьем войске он дослужился до сотника, прошел Первую мировую и вернулся в станицу полным георгиевским кавалером. И вот же — в первом бою с красной конницей получил тяжелую рану.

— Ну что, Лаврентий, не будешь мешать нам новую власть строить? — спросил без обиняков, войдя в избу, красный комиссар.

— Да как же я вам ноне помешаю? — с трудом выдвинув покалеченную ногу, хмыкнул сотник.

В тридцатых годах ему припомнили и офицерские погоны, и царские кресты. Семью раскулачили: отобрали единственную корову и выгнали с детьми из дома, который он построил собственными руками.

Когда деда вынесли из комнаты, Сережка уже не так страшился и посмотрел на покойника. Худощавое лицо, коротко подстриженные седые волосы. Казалось, он лишь на секунду закрыл глаза, гордо поджал губы и задумался над чем-то неприятным. В гробу дед был строг и подтянут. Офицерская выправка снова вернулась к нему.

За столом отец быстро захмелел.

Разговор перешел в странное, непонятное Сережке измерение. Дядя Саша, тети Машин муж, хмуро, зло вдруг сказал отцу:

— Вот! Они его рубили на куски, а ты у них до майора дослужился.

— Да! Сам дослужился, заметь! А власть нашу не тебе, уголовнику, судить. У тебя к ней претензии имеются, а меня, сына беляка и царского офицера, она ни разу ни в чем не упрекнула. И ты не на помойке живешь! И жена твоя, дочь этого белого офицера, главным инженером у вас тут работает...

Он тяжело бухнул кулаком по столу.

Не дожидаясь драки, мужчин растащили по разным комнатам.

— А что такое «уголовник»? — спросил Сережка, когда за столом остались только женщины.

— Да какой он уголовник! Дурак! Отсидел два года по дури. Выпили с друзьями на День шахтера, а к ним милиция прицепилась. Другие-то стерпели, а этот в драку полез, нос разбил сержанту. Горячий он у меня.

— Озлобленный он, вот и несет ерунду, — тетя Нюра налила себе и сестрам полные рюмки.

Самая старшая из детей, Нюра — единственная из всей семьи была на войне. Она прошла ее от начала до конца.

— Нюр, страшно там было? — Валентина, младше сестры на шестнадцать лет, жадно смотрела в глаза своему кумиру. — Тоже вам, с фронта пришла, а ничего не рассказывает.

— Иди ты!

— Ню-юр...

— Валентина если пристанет, то все — хуже репья. — Ню-юр, страшно?

— Дурочка, отстань.

— Нюр, а у тебя там роман был?

— Какой роман? Знаешь, как люди умирают? Мальчик, с осколком в легком? Он дышит только на вдох, а на выдох не может. И пухнет на твоих глазах, как мяч. И единственное, что может спасти ему жизнь, — второй прокол легкого тут же на месте.

— Ужас! И ты колола?

— Финкой.

В комнату вернулся Сережкин отец — с мокрыми волосами, бледный, слегка протрезвев.

— Саш, Нюриному Кольке орден дали, Трудового Красного Знамени, — Валя кивнула на старшую и подмигнула брату.

— Молодец! За что?

— Черных-то? Умный он у меня. В разрезе после выработки о-огромный экскаватор остался. Пропадать. Никто не знал, как его вытащить. А Колька придумал. Вот и наградили.

Проснувшись, Сережка не мог понять, где он. Длинная узкая комната с высокими потолками. Шкаф, доверху забитый книгами. Высокая металлическая кровать с железными маковками.

— Проснулся, малец? — весело спросил его «уголовник» дядя Саша. — Вставай, на шахту поедem. У нас дома горячей воды нет, а помыться надо.

Горячая-прегорячая вода мощно била Сережкину спину. Дядя Саша тщательно тер его мочалкой и весело брызгался под душем.

— Почему так много пустых кабинок?

— Сейчас смена из забоя поднимется — еще мало окажется.

Вскоре и вправду вся душевая была полна шахтерами, черными от угольной пыли. Уже ничего не было видно от клубов пара, по полу текли темные ручьи с белыми хлопьями мыльной пены.

А потом чистый, веселый и совершенно живой Сережка радостно шагнул домой.

Павшая крепость

На Красной в новых пятиэтажках у каждой семьи имелся небольшой подвал. Сережкины родители хранили там картошку, банки с соленьями и всякую рухлядь, которую жалко выбросить совсем.

Но был человек, который использовал подвал для других, менее прозаических надобностей. Звали человека Ленька, и жил он со старшим братом и бабушкой. Родители его уехали в Африку, в секретную командировку — так говорили соседи. Было это невообразимо и героически сказочно.

В «фамильном» подземном царстве, отданном в полное его распоряжение, Ленька оборудовал мастерскую с несметными запасами пластилина, столярными инструментами и массой полезных железяк и деревяшек. Там Ленька строил настоящую рыцарскую крепость. Она была неимоверных размеров и постоянно росла, порой захватывая сопредельные с верстаком стол, табуретку и навесные полки, теряясь в полумраке подвальной вселенной.

Но иногда Ленька затевал игру. К ней допускались владельцы пластмассовых и оловянных солдатиков. Особо ценились немецкие резиновые индейцы и ковбои.

В бою Ленька не щадил ничего. Гремели пистонные выстрелы, летели пластилиновые ядра. Там, куда они попадали, Ленька безжалостно продельвал бреши. Его соратники тоже могли смело рушить и уничтожать все, что требовалось уничтожить, исходя из логики сражения. После серьезной баталии крепость сильно уменьшалась — чтобы тут же начать расти заново.

Как-то раз Сережка получил приглашение принять участие в битве. Сломая голову он бросился домой, но, увы, ему не удалось объяснить родителям, что им немедленно надо поставить под ружье хотя бы десяток солдатиков. Отрыдавшись, он попытался скостромить небольшое войско, одев наспех скрепленные крестом березовые палочки в доспехи из фольги: в мрачном отчаянии он добыл ее из плитки шоколада «Аленка», трогать которую было запрещено. Впрочем, он не съел ни кусочка.

В подвале витал заговорщицкий ажиотаж. Пахло карбидом. Кто-то сказал, что сегодня крепость будут подрывать по-настоящему.

— Солдатиков принес? — деловито спросил Ленька.

— Вот, — неуверенно предъявил свою доморощенную гвардию Сережа.

— Не считается, — сурово отрезал владыка подземелья и захлопнул дверь.

Обида и отчаяние комом встали в горле. Еле сдерживая слезы, Сережа поплелся к выходу, спотыкаясь в полумраке. Пахло стекловатой, мышами и отсыревшим толем. Жизнь не имела никакого смысла.

Он открыл дверь, и яркий солнечный свет резанул глаза, а следом прогремел взрыв.

Когда суматоха улеглась и порезанных осколками, окровавленных мальчишек растащили по домам, кто-то из взрослых заколотил вход в Ленкин подвал толстыми досками, а сам он был объявлен главным дворовым хулиганом.

— На пушечный выстрел к нему не подходи! — строго велел Сережке отец.

Лысые Горы

Больше всего на свете Сережке хотелось сделать что-нибудь настоящее. Например, самолет. Громко сопя, он обстругивал сосновый брус. Сомнений, что увесистая деревяшка полетит, не было никаких. Так, сейчас вот крылья приделаем и...

— Он просто брякнется вниз, — отец оценивающе взвесил тяжелое полешко. — Ты, брат, физики не знаешь. Не переживай, в сентябре пойдешь в школу, там тебя всему научат.

Погрустив для порядка, Сережка взял карандаш и, обращаясь к сидящему на диване Буратино, принялся задумчиво рисовать длинный острый нос.

— Ты, брат, думаешь, самолет, это просто так? Раз-два, и полетел? Физики не знаешь. Потому что у тебя глупая деревянная голова.

Карандаш сам бегал по листу: нос готов, голова, руки-ноги.

Отец зашел в комнату, перегнулся над плечом и ахнул.

— Мать, ты посмотри, что Сережка тут навалял! — позвал он жену.

Буратино и впрямь получился похожим: объемный, с тенями и полутонами. С перспективой.

На следующий день отец отвел его в художественную студию Дома пионеров. Буратино оценили и там.

— Ему точно никто не помогал? — допытывался преподаватель.

— Да ведь у нас никто не рисует! Мы сами изумились — он раньше так только, каля-маля. А тут взял карандаш, и пожалуйста...

Дяденька в берете наклонился к Сережке:

— Похоже, талант у тебя, голубчик. С первого раза так не рисуют. Я тебя принимаю. Но имей в виду: чтобы талант не пропал, никогда не копируй и не срисовывай. Это убивает художника. Рисовать надо только то, что видишь и чувствуешь.

Слова художника Сережке понравились. Это правило он старался не нарушать — «только то, что видишь и чувствуешь».

Пока отец и Алексей Валерьянович разговаривали, он с интересом осматривался.

Гипсовые головы, высокие мольберты, запах масляной краски и гуаши — он очутился в новом, волшебном мире, который дружелюбно раскрыл перед ним свои двери.

Сережка принялся рисовать все подряд. В то последнее перед школой лето оторвать его от альбома могла только поездка с отцом по военным объектам — «точкам», как называл их отец. На каждой «точке» располагался локатор-кунг с небольшой командой военной obsługi.

Из отцовских водителей ему больше всех нравился Мурмамат — раскосый ефрейтор из Средней Азии, неизменно вежливый и мягкий в общении. У Туевых к нему относились как к родному, Анна всегда заботливо приберегала для него что-нибудь вкусненькое, а старший брат Виталий, поступив в вуз, даже сфотографировался с ним на памятное фото.

Однажды на «точке» Сережка нашел в лопухах несколько бутылок водки, второпях спрятанных солдатами от отцовской инспекции. На общем построении вся радиолокационная смена дружно отказалась от находки, и водка была публично предана казни через выливание в песок. Впервые мальчик почувствовал, что солдаты не рады его появлению, и даже милейший Мурмамат может быть равнодушно холоден.

Вскоре Туевы всей семьей отправились в Лысые Горы. Сережка не очень любил туда ездить. Сначала тащись на электричке до станции Грязи, а потом еще километров пять пешком по разбитой грунтовке. Название Грязи полностью отвечало реальности.

Но в тот раз отец взял на работе машину, и путешествие вышло приятным, хоть и неспешным: ехали не на привычном «газоне», а в какой-то старой военной таратайке, оборудованной под платформу для аэродромного прожектора. Глядя в окно, Сережка наслаждался видами среднерусской природы.

— Товарищ майор, — Мурмамат обратился к отцу, не отрываясь от баранки, — а что это за птица такой: голова белый-белый, хвост серый-серый, когда летит, головой так делает?

Мурмамат сложил пальцы правой ладони в виде клюва и очень живописно изобразил характерное для цапли нырковое движение вниз и вперед во время полета. Это было настолько похоже и артистично, что все рассмеялись.

В доме маминой сестры, в пристройке, кисло пахло свиньями. В темноте за перегородкой кто-то без устали хрюкал, чуть поодаль неистово орал петух, гоготали и шипели гуси. Было неуютно и страшновато.

Сережка с опаской миновал пристройку и вошел в избу. Там у плиты хлопотала тетя Фрося, мать большой крестьянской семьи, лучшая в колхозе доярка. Шумная, веселая и добрая. Но зато дядя Жора...

Фросин муж вселял в Сережку почти мифологический ужас. Зубов у Жоры осталось немного, а те, что сохранились, большие и желтые, так страшно торчали из прокуренного рта, что про себя мальчик называл родственника не иначе как Циклоп — сходство со страшилищем из фильма про Одиссея довершала многодневная щетина, сказочным

образом не перераставшая в бороду, но и не исчезающая под бритвой. Таким же удивительным постоянством обладал запах перегара, пропитавший дядю Жору навсегда.

На фронте Циклопа сильно ранили, и к юбилею Победы ему выдали трескучую инвалидную колымагу, в которой он передвигался по деревне на зависть обывателям, немедленно записавшим его в зажиточные автовладельцы.

Вечером семейство собралось за столом, и Сережка, заскучав от мало-понятных разговоров, сел в уголке у печки со своим альбомом.

Циклоп размашисто пил что-то мутное из граненого стакана, свет от невысокого абажура бросал на его страшную физиономию резкие, объемные тени, и мальчик в странном вдохновенном забытии вдруг сделал портрет — удивительно похожий, а потому не слишком доброжелательный по отношению к родственнику.

Стол грохнул от хохота. Дядя Жора обиделся как ребенок.

— Этот парень своей смертью не умрет, — мрачно уронил «натурщик», подтверждая самые жуткие страхи о своей кровожадности.

На другой день отправились на рыбалку. Сережка барахтался на мелководье, а мужики растянули бредень — в ширину речушки — и прошли с ним метров сто вверх по течению. На том рыбалка и кончилась. Улов небогат, с десятков рыбех, но на уху вполне. Даже щучка приличная попалась.

— Погодь вылезать, художник, — остановил племянника дядя Жора. — Давай я тебе раков наловлю!

Стоя по шею в воде, Сережка смотрел, как вздуваются огромными черными пузырями Циклоповы трусы, когда тот ныряет за небольшими серо-зелеными раками. Растопырив жилистые узловатые руки, он нежным матерком уговаривал «пучеглазеньких», что в кипящем ведре они будут у «Жоры в полном ажуре». И раки, замороженные заклинаниями Циклопа, послушно шевелили в ответ клешнями.

Возвращались Туевы за полночь. Фары у таратайки были так слабы, что даже зоркий Мурмат с трудом угадывал дорогу. К тому же встречные машины нещадно слепили водителя. Крепко пьяный отец, не вытерпев такой беспардонности, вскоре нашел выход — зажег установленный на машине аэродромный прожектор. Фокусированный сноп голубого огня мощно ударил по дороге. И встречные машины как-то сразу остановились, а многие отвернули в сторону и съехали в кювет.

— Ура! — обрадовался Серёжка.

— Прекрати, дурак! — закричала отцу задремавшая было Анна.

Смущенный Мурмат что-то тихо и настойчиво объяснял ей, и насупившийся отец, выключив-таки прожектор, недовольно заснул под его мерное бормотание. Заснул и Сережка, смутно радуясь наступившему возмездию.

Бросок на Москву

В ящике книжного шкафа хранились благородные светло-зеленые листы с синими гербовыми печатями. На каждом было написано «Рационализаторское свидетельство». Мама объяснила, что это отцовские изобретения.

Сережка испытал настоящую гордость за отца и отчего-то за себя: целая папка таких важных бумаг с профилем Ленина, советским гербом, таинственными водяными знаками и умными непонятными словами показались ему достаточным для этого основанием. Теперь Сережка перестал заводить даже другу Коле. Отца у него не было, зато был дядя — капитан дальнего плавания.

Работа отца не предполагала длительных командировок: офицер, отвечающий за обеспечение полетов, не должен отлучаться от аэродрома. И вдруг... отец уезжает. В Москву! На повышение квалификации. Время офицеров без высшего образования заканчивалось, перспективному майору-технарю требовалось получить диплом.

До отправления оставалось минут десять. Локомотив уже подали к поезду Мичуринск-Уральский. Каменный серый вокзал давил ненужной фундаментальностью. Пахло шпалами, было ветрено и зябко. Фонарный свет, яркий и холодный, выхватывал из темноты железное тело поезда.

Отца провожали всей семьей.

Мать нервничала, брат Виталий держался сонно, угрюмо сопел, глядел куда-то в сторону. Отец, обычно веселый и доброжелательный, без конца курил «Беломор», еле сдерживая непонятное раздражение.

— Так, я еду с тобой! — вдруг выпалила мать и потащила Сережку к кассам.

Очереди не было. Она решительно взяла одно место, на себя и сына.

Едва успели заскочить внутрь, как состав тронулся.

Брат вяло помахал с перрона.

И тогда отец весело расхохотался:

— Ну, и где вы жить будете?!

— Проживем! Латышевы на пару дней примут, — независимо, с дерзкой уверенностью парировала мать. — Заодно узнаю, какая там у тебя «академия»!

Москва показалась Сережке злой, темной, холодной. Поезд прибыл на Павелецкий вокзал рано, и метро, о котором он столько слышал, было закрыто. Целый час еще ждать...

Чтобы погреться, зашли в зал. Тепло, но воздух спертый. И грязно. Запах от каких-то бесчисленных бабок, мужичков и прочих неумытых людей ударил Сережке в нос. Поднялись в зал для военнослужащих. Здесь было тихо. Военные патрули в повязках отрезали светлый мир от чужого, страшного и грязного.

Жизнь окончательно утвердилась, когда ему купили две толстые сардельки: молочные, промеж кусков черного хлеба, с жирной кляксой горчицы.

А потом метро открылось, и Туев-младший уверовал, что Москва — действительно лучший город на свете!

Пройти через ждущий пятак турникет было страшно, но Сережка не спасовал и с восторгом ринулся на следующее испытание: убегающую вниз механическую лестницу.

«Не допускайте попадания пальцев под поручни эскалатора!» — всеведущий грозный голос из поднебесья упреждал: осторожно, пацан!

Он отдернул руку от самодвижущейся резиновой ленты: «Я и не допускаю». И осторожно вернул ладошку на черную ленту, убегающую от руки.

Внизу его потрясло все. Он никогда бы не подумал, что люди могут жить и каждый день передвигаться в сказочном дворце.

Латышевы жили в огромном сталинском доме.

Хозяин квартиры дружил с отцом еще с училища. Отец рассказывал, что курсантом Юрка Латышев был большой разгильдяй. Но ему все сходило с рук, потому что отец его — нарком продовольствия.

Неожиданно нагрянувших Туевых приняли без излишней радости. Сережку тут же отдали на попечение дочери, высокой худощавой девушке Кате. Скучливо, но добросовестно она показывала ему свои рисунки. Он молчал и думал про «никогда ничего не копируй». Катя мрачно недоумевала, скорбя о провинциальном невежестве. Потом поиграла на пианино.

Сережка, делая вид, что внимательно слушает Катю, никак не мог прийти в себя от удивления. Он впервые проехал на лифте. И квартира, построенная почему-то не вширь, а ввысь, тоже его поразила: потолки у Латышевых были раза в два выше, чем у них на Красной, но коридоры... такие же тесные и узкие. Он вспоминал соразмерные пропорции подземных метро-дворцов и никак не мог соотнести чудеса друг с другом.

К обеду Туевы выпались и поехали на Красную площадь.

Москва, Кремль... В этих словах была удивительная, огромная, непостижимая сила. Раньше он лишь произносил их, а теперь вот, они стоят. Поразительная вещь.

А еще Мавзолей. Сережка был на огромной площади в самом центре мира. Ботинки чуть скользили по сырой брусчатке, холодный ветер лез под короткое пальто и гнал прочь. Дедушка Ленин показался ему пластмассовым и ненастоящим. Только присутствие строгих, с карабинами «на караул» часовых не позволили этой мысли укрепиться надолго.

Основательно промерзнув, Туевы пошли в ГУМ. В сказочный город-магазин. Оставив маму в очереди за покупками, отец повез Сережку на ВДНХ — смотреть павильон советской космонавтики. Он устал, но, доплетаясь с отцом до ракеты и первого спутника, неожиданно вдруг понял:

космос — это тоже Москва. Хотел обдумать, но дикая усталость, навалившись холодной ноябрьской тяжестью, вышибла из головы все мысли.

Второй раз ночевать у Латышевых мать не стала. Убедившись, что муж действительно направлен в академию, вечерним поездом вместе с Сережкой она вернулась в Мичуринск.

Дома Сережка быстро нырнул досыпать упущенное. Москва осталась где-то там, далеко. Слишком, чересчур великая. Даже страшно...

«Джентльмен удачи»

В ночь на первое сентября Сережка никак не мог уснуть. Он толком не знал, что будет завтра, и тревоги в его полночном бдении было гораздо больше, чем ожидания праздника. Возможно, переусердствовали родители. Весь вечер они дружно твердили, что теперь и у него есть своя работа, суть которой — прилежно учиться, готовясь к взрослой жизни.

Однако в эту жизнь с ее обязательными тревогами, ночными сменами и беготней по магазинам он особо не рвался. Другое дело подвиги — настоящие, захватывающие, когда можно спасти друзей, страну и вообще... человечество. Как в фильме «Сокровища пылающих скал», который показывали в Клубе имени Ленина. Там наши отважные интернационалисты помогали освободительной революции на далеком острове. Простой советский школьник со своим чернокожим другом, которого американские шпионы ранили отравленным дротиком, преодолевая боль и усталость, ползли в недрах ужасной скалы, попутно разоблачая замыслы наемников мирового империализма, а в конце фильма спасли неокрепшую негритянскую революцию.

В первый же день новоиспеченный школьник получил трояк по чистописанию. Это его огорошило: не успел прийти в школу — и уже троечник. Впрочем, унывать он не стал, ведь даже отец говорит: «Главное не оценка, а знание».

Победив сосиской с винегретом, Сережка отправился в школьную библиотеку. Девчонка перед ним сдавала «Волшебника Изумрудного города». Название заинтриговало, и он решил взять «Волшебника» почитать. Но не тут-то было, на книжку, оказывается, уже имелось немало претендентов, надо ждать своей очереди.

Эта неудача расстроила его куда больше, чем тройка, и он тоскливо захлопал носом.

— Не переживай, Серега! — высокий светловолосый мальчик ободряюще похлопал его по плечу. — У меня есть эта книжка. По дороге домой заскочишь ко мне на Интернациональную, я тебе ее дам. Мы ведь соседи, — мальчик улыбнулся и добавил: — Я Миша Конобеев.

В ту ночь Сережка опять не спал допоздна. Александра Волкова он оценил в полной мере, самозабвенно погружившись в выдуманное сказочное пространство. В книге, как в кино, оказывается, можно полностью раствориться.

— Ты смотри, как понравилось учиться! — с радостью прокомментировал отец Серёжкин отказ от ужина. — От уроков за уши не оттащишь!

Анна молчала. Вот уже несколько дней она была не в духе, не понимая, куда делись отложенные пять рублей. Деньги надо было уплатить за потребительский кредит, полученный на покупку черно-белого телевизора «Чайка». Она точно знала, что из кошелька их не вынимала. Зато она вынимала мелочь, и в этот момент пятерку обронила в прихожей. Она залетела за калошницу и вскоре попала на глаза Сережке.

Сережка, конечно, понимал, что деньги на полу не валяются, но о находке скромно умолчал. Что мама потеряла деньги, он и понятия не имел. Утрамбовав начинавшую было шевелиться и попискивать совесть, он решил, что раз он нашел — значит его.

После обеда вся продленка отправилась в кино. Кинотеатр «Космос» в Мичуринске только построили. По последнему слову архитектуры. То, что это слово, «амфитеатр», равно как и принцип уходящих вверх рядов, придумали древние греки, Сережка, разумеется, не подозревал.

Показывали «Джентльменов удачи». Толпа у кассы с завистью смотрела на стайку первоклашек, получивших заветные билеты на сеанс.

Предвкушение восторга полностью себя оправдало. Такого огромного экрана и таких ярких красок Сережка никогда не видел. Свет в зале гас постепенно, плавно уводя из городской обыденности в зазеркалье кино. Шедевр Александра Серого, Данелия и Токаревой, который посмотрели в тот год ни много ни мало 65 миллионов человек, произвел на мальчишку неизгладимое впечатление. Он хохотал до упаду и вышел из зала в полном блаженстве.

У него, что называется, пела душа. И тут он вспомнил о своем неожиданном богатстве. Недолго думая, подбежал к продавщице мороженого и заплатил за всех своих друзей. Молоденькая училка ахнуть не успела, как все ее подопечные уже дружно уписывали пломбир.

Домой Сережка вернулся в самом радужном настроении. Его рапировало от любви к людям и благодарности к щедрой судьбе. В воздухе пахло грозой. Мать была так наэлектризована яростью, что, казалось, искры сыплются.

— Я тебе сейчас покажу, как воровать! — низким сдавленным голосом выдохнула она. (Обеспокоенная училка успела позвонить и поинтересоваться, в курсе ли родители, что Туев-младший сорит деньгами.)

Тяжелый отцовский тапок, зажатый в крепкой рабочей руке, обрушился на его плечи, бока и поднятые в защите руки. Он так растерялся, что даже не подумал заплакать. Самая добрая, самая любящая на свете мама, словно одурманенная колдовским зельем, хлестала его изо всех сил и причитала, как безумная:

— Я тебя научу, как воровать! На всю жизнь запомнишь! Запомнишь у меня! В нашей семье вора́м не место!

Подбежавший на выручку брат схватил Сережку за подмышки и вскинул себе на плечи. Тогда мать, войдя в неистовство, схватила ремень. Брат принимал удары на себя, и мать, потеряв голову, жестко стеганула его по лицу.

— Ну, хватит! — срывающимся голосом скомандовал Виталий и резким движением вырвал у нее ремень.

Анна как-то сразу стихла, медленно опустилась на стул и с горькой тоской уставилась в пустоту.

Сережке стало нестерпимо ее жаль. Он вдруг понял: мама подумала, что он украл у нее пятерку из кошелька. Он довел ее до такого нечеловеческого состояния! Ей же сейчас в тысячу раз хуже и больнее, чем ему.

— Мамочка! Я не воровал, я нашел! Я не вор, не вор!

Вечером, перед сном, разглядывая следы материнского воспитания, старший брат недовольно пробурчал:

— Ну и дура же твоя училка! Надо знать, кому можно что говорить, а кому лучше и не надо!

«В бой идут одни старики»

Наступила весна, первый класс заканчивался, а родители начали заговорщицки перешептываться. Вскоре, понимая, что шила в мешке не утаишь, они под большим секретом рассказали Сережке, что отца посылают в Германию. Действительно, не прошло и месяца, как он уехал, а мама осталась ждать вызова. «Ждать вызова» — это вроде как лотерейный билет: ты уже выиграл, а теперь жди, что случится.

И вызов пришел. Мама купила огромный кругляш сыра, «Российского» не то «Пошехонского», большущую коробку макарон, приличный куль муки, сахару, и когда чемодан, куда все это было упаковано, стал абсолютно неподъемным даже для такой крепкой женщины, как она, наконец, уgomонилась.

Отец встретил семью во Франкфурте.

За несколько часов до этого по Германии пронесся страшный ураган. Целые города остались без электричества, ветер, словно спички, валил деревья. Сережка подумал: вот оно, самое настоящее приключение.

Поездка по обесточенной Германии в Вернойхен, где ему предстояло прожить ближайшие пять лет, показалась бесконечной. Очень хотелось спать, но он упорно таранился в темноту, пытаясь рассмотреть удивительную страну, где бывают волшебные ураганы. Желтые фары «газона» выхватывали из мрака картины разрушения: разбитый шифер, осколки стекла, камни и колотый кирпич, съехавшие с домов крыши и безлюдные, точно вымершие, городишки. Временами машина останавливалась, натываясь на очередное препятствие. В лесу и по обочинам повсюду валялись вырванные из земли деревья.

В темноте их скрученные корни, словно руки троллей из сказок братьев Гримм, не по-хорошему тянулись к осторожно двигавшемуся «газону», будто хотели затащить во мрак незваных гостей, принесенных сюда, подобно девочке Элли, страшным — о, каким страшным — ураганом.

Наконец, Туевы миновали КПП и въехали в свою часть. Двухэтажный темный дом спал. В квартире отец включил свет: лампочку от карманного фонарика наспех притороченную к небольшой военной батарееке непривычной кубической формы.

— Все, спать! Утро вечера мудренее.

Он разостлал полосатый матрас на узкой панцирной кровати, и Сережка провалился в сон.

Волшебный ураган нес его все дальше и дальше от Мичуринска, Лысых Гор, Урала, Москвы и кинотеатра «Космос» — всего того, что здесь будет именоваться коротким, родным словом «Союз».

Открывать глаза было немножечко страшно. Вдруг вся эта Германия с вырванными деревьями, ураганом и спящими городками окажется просто сном...

Раз, два, три... Сказка не исчезла.

Большая светлая комната. Правда, без мебели, штор и занавесок. Маминой руки тут явно не хватало — за несколько месяцев холостяцкой жизни отец не сумел сделать уютным свой дом. Впрочем, из кухни доносился мамин голос, она как ни в чем не бывало собирала отца на службу. Скоро, скоро все будет по-домашнему.

Сережка позавтракал и пошел на разведку.

Дом был похож на мичуринский, только не тот, что на Красной, а прежний, на Гагарина. Но — все добротное. Ничего прогнившего, ничего расшатанного. А похож был удивительно: и крашенные в бордовый цвет деревянные перила, и того же цвета лестница, и двери, и окна. Даже форточки со странными, очень удобными шпингалетами.

Отапливался дом углем, для чего в подвале каждого подъезда имелись просторные помещения с маленькими окошками и желобами: по ним грузовые машины регулярно сгружали жильцам уголь в брикетах.

Оранжево-бурая черепичная крыша придавала дому необыкновенно солидный и разом праздничный вид. Прежде здесь жили фашистские летчики, асы из отборного авиаполка Геринга. Может, как раз те, что четырежды сбивали дядю Колю.

На входной двери Туевых, как и на прочих дверях, над газетной прорезью, сделанной, как ни странно, на уровне колен, крепилась жестяная крышечка с выбитыми именами прежних жильцов.

На улице царил порядок. Красота и чистота. Зеленые газоны, бронзовые парковые скульптуры, даже огромные валуны на лужайках подчинялись строгой, продуманной логике.

Пропитавшись ею, командиры подразделений принялись соревноваться: кто лучше оформит закрепленную территорию. В это увлекательное состязание включился и Сережкин отец, назначенный начштаба дивизиона. На переговорах с немецкими поставщиками канцтоваров и мебели он как-то ухитрился в виде премии за оптовый заказ получить несколько сотен кустов изумительных роз, и уже через год розарий дивизиона стал визитной карточкой вернойхенского гарнизона.

В доме быстро нашлись товарищи. В квартире напротив жил Андрей Ереклинцев, добродушный пухлый мальчишка, весело открывший соседу удивительные местные возможности. Оказалось, по телевизору за один день можно посмотреть и кино про индейцев с Гойко Митичем, и фильм про пиратов, и даже «Фантомаса»! (Недоступного советским школярам, ибо во всех советских кинотеатрах он шел под грифом «Дети до 16 лет не допускаются».)

— Не веришь? — с торжеством спросил Андрюшка. — Пошли ко мне, посмотрим!

Экран ожил, и начался фильм. Сережка уселся поудобнее, с восторгом ожидая развития событий. Странно только, что диктор тянет с переводом.

Чингачгук бодро прокричал краснокожим братьям «Шнеллер, шнеллер!», и тут Сережка, наконец, поинтересовался: когда все-таки будут переводить?

— Ты че? — вытаращил глаза Андрей. — Это ж Германия! Здесь все фильмы на немецком.

Наверное, он еще не был готов стать заядлым киноманом. Слово для него не уступало делу, и смотреть боевики, а также шпионские страсти без внятных «Я убью тебя, негодяй!» он был не готов. Может, поэтому и не расстроился, когда родители решили телевизора не покупать — из экономии. Нормально смотреть телевизор в Вернойхене можно было два раза в неделю: специальная приставка позволяла ловить по четвергам и воскресеньям военный телевизионный канал, рассчитанный на членов семей военнослужащих, находящихся в ГСВГ — Группе Советских войск в Германии.

От избытка свободного времени и отсутствия телевизора Сережка начал читать. Взахлеб, подряд. Все, что лучшие в мире авторы написали для лучшего в мире читателя. Библиотека гарнизонного Дома офицеров щедро снабжала его великими авантурными романами. Он узнал Вальтера Скотта, Роберта Льюиса Стивенсона, Александра Дюма, Артура Конан Дойла и Жюль Верна.

Гарнизонный Дом офицеров стал домом в полном смысле. В ГДО работали кружки, в том числе и рисования. Он торчал там денно и ночно, стал своим, но... с особенным трепетом ждал кино. Художественные фильмы «крутили» по вечерам три раза в неделю. Мама сэкономила каждый

пфенниг и такой роскоши, чтобы ходить на кинопросмотры, позволить не могла ни себе, ни сыну. Лишь раз в две недели Туевы устраивали себе такой праздник.

Но Сережка не мог ждать праздника по полмесяца. И зачем?! Кино можно смотреть бесплатно.

Гарнизонные мальчишки своевольно «записались» в Солдатский клуб. Солдаты смотрели кино, ясное дело, даром. Пацанам затеряться в зеленой толпе было несложно. А когда затевался «шухер» и старшины с подачи дежурных офицеров, включив свет, без особого энтузиазма проверяли, нет ли лишних в зале, мальчишки ложились на пол, где их надежно прятали сочно пахшие кирзой и ваксой солдатские сапоги.

Сережка обычно смотрел любимые фильмы по два раза. Во втором классе он увидел, как «Корабли штурмуют бастионы». И оба раза у него пересыхало в горле, когда наши поднимались в атаку на неприступные стены. Оба раза он поражался, как изобретательно русские флотоводцы продумывают свои операции.

Но один фильм Сережка посмотрел пять раз подряд. Четыре — ныряя в поисках укрытия к надежным солдатским сапогам. Это был фильм «В бой идут одни старики».

Картина Леонида Быкова шла в частях ГСВГ гастрольной премьерой. Представлял ее автор, помогала ему молодая, подающая надежды певица София Ротару. В Вернойхене фильм показывали в День ВВС сразу после торжественного собрания офицеров. Зрители были в парадной летной форме: темно-синие кители, золотые погоны, белоснежные сорочки, медали.

Наверное, для Леонида Быкова это был не просто показ. Фильм смотрели профессионалы. Лучшие истребители Советского Союза — многие отвоевали на Ближнем Востоке, а сейчас осваивали гордость советской авиации, суперистребитель 70-х: сверхзвуковой МИГ-25. Сережка много про него слышал и больше всего восхищался тем, что американские ракеты не могли догнать наш новый самолет, даже когда противник доподлинно знал точное время и место его вылета.

Фильм про «поющую эскадрилью» он смотрел на одном дыхании. Он их всех знал: героев, бесшабашных весельчаков. Он вырос с ними, был их плоть от плоти. Отчаянные, талантливые, веселые, благородные воины-хулиганы, о которых на дружеских застольях рассказывал дядя Коля Дрозд, были ему родными.

«Командир, я сел», — сказал Ромео, и слезы градом потекли из Сережиных глаз, душа его пела «Смуглянку», а сердце переполняла «благородная ярость» и гордость за свою страну и ее сыновей. Утирая лицо, он мельком обернулся в зал: по мужским щекам текли, как и у него, слезы. Этот молчаливый плач военных летчиков он запомнит и пронесет через всю свою жизнь.

Семейная «экономика»

Дело шло к Новому году. Сережка обожал этот праздник с раннего детства. В доме появлялась елка, а в конце декабря отцу давали «набор»: баночку крабов, печень трески, шпроты, хорошие шоколадные конфеты и бутылку шампанского. И сырокопченую колбасу, пахнущую дымком, солью и настоящим вяленым мясом. Мама отрезала тоненькие кусочки, и он сосал их долго-долго, как леденец. В новогодний набор входили и мандарины, а однажды отец принес огромную шишку с заморским названием «ананас»: у нее был странный, приторно-едкий, ни с чем не сравнимый вкус.

В ГДР «наборов» не было. Зачем? Любые продукты здесь свободно лежали в каждом магазине.

Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что Туевы питались деликатесами. Напротив, они экономили на всем, стараясь жить из месяца в месяц только на войсковом продуктовом пайке, положенном отцу и членам семьи: крупы, макароны, масло сливочное и растительное, комбижир для жарки, специи, молоко, мясо и вяленая соленая рыба — обычно треска. Мать пыталась вымочить ее для котлет, но даже полежав несколько дней в воде, треска оставалась верна себе — она была несъедобна. И ее запасы в этой, а равно и в других воинских семьях были неистребимы.

За пайком Сережка ходил на склад, ничем не отличавшийся от магазина, только вместо денег там принимали маленькие бумажные талончики: мама вырезала их из длинной «портянки» продпайка, рассчитанной на месяц.

У летного состава паек был лучше. Сережка немного завидовал Андрюше Ереклинцеву, у которого под диваном в старом чемодане хранился огромный запас горького шоколада «Спорт», выдаваемого военным летчикам в несметном количестве. Главным блюдом в семейном рационе Туевых были продпайковые макароны. Толстые, сухие-пресухие от длительного хранения и ломанные-переломанные от небрежного перетаскивания по военным складам. Однако сыр, который все везли с собой из Союза, обращал макароны в недурное блюдо.

Продуктовая экономия была основой коммерции, которой занимались почти все офицерские семьи. Официально она осуждалась как проявление буржуазного мещанства, но была абсолютно законна: заработанные в Германии марки превращались в сервизы, ковры, хрусталь, обувь и прочий «дифсит», стоивший в СССР очень приличных денег.

К отпуску Туевы успевали собрать несколько так называемых «гроссовских» немецких чемоданов с ценной «мануфактурой» и немецким хрусталем. На пересадочных станциях Сережка с мамой охраняли «груз», а отец торопливо перетаскивал тяжеленные чемоданы от матери

к сыну и на следующем отрезке — от сына к матери. Так, короткими перебежками, и перемещались они от поезда к поезду, от вокзала к вокзалу, от города к городу.

В Мичуринске мать шла на рынок или в комиссионку, где «конвертировала» товар в советские рубли, а затем отец часть денег клал на сберкнижку, а часть отсылал родственникам.

В конце отпуска родители снова закупали сыр, муку, сгущенку и кофе. Кофе непременно — он ценился в Германии, ибо там по сравнению с Союзом стоил очень дорого. Опять же закупали кофе не для себя, а для «подкупа» немецких продавщиц, с удовольствием припасавших для жен советских офицеров ходовой товар в обмен на заветный колониальный напиток.

Сережкину жизнь вся эта экономическая суета ничуть не омрачала. Однообразие продуктов мать восполняла кулинарным талантом. Да и в торговом «марш-броске» была своя приключенческая прелесть и ощущение дружной, спаянной команды: действовать приходилось быстро и слаженно. В дороге отец с мамой всегда были слегка на взводе, но в Бресте, пройдя таможенную и благополучно сев на поезд, они уже на ходу успевали купить с рук еще горячую домашнюю колбасу и устраивали в купе веселый пир удачливых «негоциантов».

В Новый год об экономии Туевы забывали и праздновали от души. Зима в Германии мягкая, снег порой не выпадал аж до января, а потом быстро, уже к утру таял. Но в промозглом воздухе зимнего Вернойхена витал настоящий дух праздника. Городок наряжался: елки, разноцветные шары, витрины, манящие подарками и сувенирами торговые улочки. Сладкая, пряничная атмосфера, пропитанная ароматами другой жизни.

Ах, какие в Германии были новогодние елки! Сережка онемел от восторга, когда в его комнате встала огромная, густая, благоухающая хвоей красавица. Он зажег свечку, выключил свет и почти воочию увидел, как танцуют меж ветвей сказочные эльфы.

Особый уют в доме создавали старинные немецкие печи, облицованные глянцевой плиткой цвета топленого деревенского молока. В зимнее время отец топил их дважды в день: на ночь и с утра перед уходом на работу. Когда в комнате было прохладно, Сережка подсаживался к печке, прижимался к ней спиной и, постепенно пропитываясь ласковым теплом, читал про Малыша и Карлсона, Муми-тролля, «Людей и разбойников из Кардамона»... Мир этих сказок — спокойный, веселый, а главное, доброжелательный — был очень похож на то, что он видел вокруг себя.

По субботам, вернувшись со службы, отец разводил огонь в титане, грел воду, и Сережка шел в ванную. Он выливал в воду подушечку темно-зеленого «Бадузана» с ароматом хвои и блаженствовал в белоснежной пушистой пене.

После бани родители лепили уральские пельмени, отец выпивал три стопки водки, и они начинали строить планы на будущее. Эти семейные субботние «планерки» вселяли в Сережку глубочайшую уверенность в незыблемой надежности жизни: его семьи, Группы Советских войск в Германии и Советского Союза в целом.

За пять лет службы отца в ГСВГ телевизор у Туевых так и не появился. Словно компенсируя это, в доме постоянно играла армейская радиостанция «Волга». Позывными на «Волге» был проигрыш мелодии «И родина часто поила меня березовым соком». Эта песня почему-то очень трогала Сережку. Что касается Анны, то, боясь показаться слабой, она постоянно уходила в другую комнату, когда слышала песню Мигули на слова Лазарева «Не остуди свое сердце, сынок». Словно предчувствуя судьбу сына, Анна не могла сдержать слез, когда слышала:

В небо я лез, замерзал я под снегом,
Еле живой выходил из огня.
Вот и зажглась запоздалая нежность,
Словно подснежник, в душе у меня.

Блудный твой сын, твой мальчишка упрямый
Ходит по свету в обмотках дорог.
Ходят по свету слова твои, мама:
«Не остуди свое сердце, сынок!»

ИНИЦИАЦИЯ

Сиверский

В 1977-м, как-то после Нового года, во время субботнего ужина отец, загадочно улыбаясь, сказал, что скоро им придется паковать чемоданы: его переводят в Ленинград. То есть не совсем в Ленинград, а в поселок Сиверский, это шестьдесят километров от Питера, час на электричке, но это совершенно не важно. Туевы едут не назад в Мичуринск, а в Ленинград!

Отец беспрерывно говорил о том, в каком замечательном, красивом городе им предстоит жить. Мама тоже радовалась: Сережка сможет получить хорошее образование.

В Сиверский Туевы приехали поздней осенью, в морозный, яркий до рези в глазах солнечный день. На первое время их поселили в квартире их сменщиков, в старом сталинском доме с высокими потолками и уже знакомыми Сергею маленькими, похожими на колодцы, комнатами.

Первое, на что обратил внимание Сережа в новой школе, — угрюмые, озлобленные лица. На переменах в коридорах беспрерывно раздавался мат, старшие помыкали малышами, всем управляла грубая, тупая сила.

На второй день его класс заступил на дежурство. Сережу назначили ответственным за крыло дошколят на первом этаже. Минут за пять до начала занятий в детский умывальник ввалились старшеклассники в грязных резиновых сапогах и как ни в чем не бывало принялись смывать налипшую на подошвы глину в низеньких детских умывальниках.

Сережа опешил, а потом ринулся к нарушителям.

— Прекратите немедленно! — гневно велел он, и тут же получил короткий удар прямо в лицо.

Из разбитой губы хлынула кровь, но это не остановило маленького дежурного, и, несмотря на разницу в весе и возрасте, он бросился на обидчика, провел отработанную с отцом заднюю подножку и повалил противника на пол.

Тот не ожидал отпора и на долю секунды остолбенел. Сережина кровь заливала ему лицо и рубашку. Между тем его дружки принялись из всех сил бить юного строптивца ногами, и если бы не подоспевшая учительница, эта драка могла бы обернуться для него самым печальным образом. Разогнав хулиганов, она с удивлением посмотрела на Сережу и, осторожно вытирая платком разорванные вспухшие губы, сказала:

— Ты откуда такой храбрый? Смотри осторожнее, эти гады и пырнуть могут.

Забравший Сережу отец был хмур и расстроен. После того как сыну наложили швы в травмпункте, он имел долгий разговор с директором школы. Вечером, думая, что он уже спит, родители долго решали, что делать дальше.

— Ты понимаешь, оказывается, там целая банда. Учителя и те их боятся. Старший у них цыган. Третий год сидит в восьмом классе. Ему уже почти восемнадцать лет. Недавно прямо в школе он избил учителя физики, а тот не стал обращаться в милицию, вечером его подловили взрослые бандиты и сказали: будет рыпаться — зарежут. Директор — как побитая собака. Просит либо потерпеть полгода, пока этих ублюдков переведут в ПТУ, либо перейти в другую школу.

На самом деле никакого выбора у Туевых не было: Сиверская железнодорожная школа была ближайшей к военному городку, а другая не сильно от нее отличалась, нравы там были не лучше.

Сережа попал в серый, немытый, агрессивный, не любящий его мир. Здесь никто не сражался на палках и не играл в индейцев, здесь не боролись до касания лопатками земли, а сразу били до крови, с отчаянием и мрачной злобой. Здесь, чтобы не потерять чувство собственного достоинства, приходилось бить в ответ.

Детство кончилось. В душе у него поселился не то чтобы страх, а постоянное мерзкое ощущение, что тебя вот-вот кто-нибудь ударит, подстережет, унизит, пырнет... Да уж, от поселка Сиверский до Германии было намного дальше, чем от штата Канзас до Изумрудного города.

Спасение Сергей нашел в английском. Прежде он никаких лингвистических талантов не проявлял, да и мать с отцом не придавали изучению языка особого внимания.

Но интуиция, подкрепленная личным опытом, подсказывала: хочешь «жить прилично», постарайся сделать так, чтобы можно было жить и работать не только в Союзе. Станным образом в нем сочеталась искренняя любовь к своей стране с не менее искренним желанием путешествовать по миру и защищать интересы СССР за его пределами.

Английский стал для него не только возможностью прямо сейчас вернуться в «другой», светлый, дружелюбный мир, но и приблизить мечту — обрести такую профессию, которая позволит постоянно путешествовать. Он еще точно не решил, кем именно хочет стать:

журналистом-международником, дипломатом или офицером-разведчиком. М-да... все работы хороши, выбирай на вкус.

Для начала Сергей очень быстро прошел школьный учебник, да так, что завуч Фаина Александровна, преподававшая английский, частенько оставляла его вести урок вместо себя. Но вскоре обнаружилась печальная правда: он отлично понимал учебники за полный курс обычной школы, но ничего не мог разобрать в пособиях для школ с углубленным изучением.

Тогда он решился подойти к Николаю Кузьмичу, самому сильному преподавателю по «инглишу». Более того, он открыл ему свою заветную мечту — поступить после школы в иняз.

Ухоженный, вальяжный Кузьмич сбросил пушинку с вязаного пуловера и с недоверием поглядел на мечтателя из железнодорожной школы.

— Вы уверены, юноша, что справитесь с этакой задачей?

— Уверен. Я в себе уверен.

— Хорошо, подберу вам полезную литературу.

На следующий день Николай Кузьмич принес Сергею книгу. Английское издание King Solomon's Mines — «Копи царя Соломона» Генри Хаггарда.

— Продолжим наш разговор, когда вы прочитаете.

Сергей был ошарашен. Его взволновала и испугала желтая книжка с черным тисненым рисунком: английские колонизаторы в пробковых шлемах были какие-то уж очень... английские, совсем чужие и непонятные. Но при этом обложка выглядела заманчиво, она сулила настоящие, «неадаптированные» приключения.

Дома Сережа обложился словарями и приступил к делу. Потратив целый вечер, он сумел одолеть всего одну страничку. Почти все слова были ему незнакомы. Более того, он не узнавал даже те, которые вроде бы знал!

Никогда, ни за что не осилить ему этот язык. И тут он разозлился — так нет же, к черту словарь. Прочту все, от корки до корки, так — вслепую. «Назло врагам», даже не понимая, о чем речь.

Целый месяц он пытался по вечерам в своей комнате, пытаясь угадать, что за историю рассказывает ему Хаггард. «Слон», «охота», «копье», «ранен»... этого было достаточно, чтобы бурная фантазия сама дорисовывала остальное. И так, улавливая по десять-пятнадцать знакомых слов на странице, он одолел весь роман.

— Спасибо, прочитал, — Сергей протянул книгу Николаю Кузьмичу.

— Вы все поняли? — удивился учитель.

— Все. Я понял, что в инязе мне делать нечего. Спасибо за хороший урок.

— Погодите, я ничего такого не имел в виду!

— Ну и ладно. Я пойду, с вашего разрешения.

Спустя пару дней он поехал «прошвырнуться» в Питер. Гулял, глазел, съел пару пышек на улице, потом зашел погреться... в свой любимый букинистический на Невском. Взял с полки адаптированный сборник мировой литературы

для английских спецшкол. Открыл книгу наугад и даже сначала не понял, что происходит: текст был понятен на все сто!

Сергей не верил собственным глазам. Схватив соседнюю английскую книгу, он также начал читать ее с листа и понимал в ней почти все! Это было настоящее чудо. Месячное погружение в угадывание английских слов «распечатало» в его подсознании способность узнавать слова, находившиеся до сих пор у него в подсознании — так называемом пассиве. Его прорвало на английский. Свершился великий закон диалектики — количество потраченных усилий переросло в качество понимания иностранных текстов.

Из магазина он вышел с высоко поднятой головой. Он был уверен, что диплом переводчика у него уже в кармане.

Принуждение к классике

Знакомство Сергея с питерскими достопримечательностями состоялось во многом благодаря усилиям матери. Будучи женщиной сильной, работающей и аскетичной, она не только не давала сыну спать в воскресенье дольше восьми часов утра, но в прямом смысле силой выставляла его за дверь с задачей ехать в Ленинград и изучать имеющиеся там музеи.

Экстремальные способы принуждения сына к классике были всегда свойственны Анне. Однажды, когда на экранах сиверского Дома офицеров шел фильм «Мой ласковый и нежный зверь», а у Сергея не было желания идти в тот вечер в кино, мать устроила настоящий скандал. Понимая, что вечер все равно будет испорчен, сын смирился с волей настойчивой матери. Впрочем, как выяснилось позже, нисколько об этом не пожалел. Сам фильм, игра актеров и фантастические мелодии Евгения Доги покорили его воображение своей волшебной грустью и нежной радостью даже на фоне трагической безысходности сюжета.

До Ленинграда от Сиверской было час двадцать езды на обычной электричке и около часа на проходящей из Луги. В десять утра Сергей уже был на Варшавском вокзале, быстро перебежал до Балтийского, что в пяти минутах ходьбы, и нырнул в метро. Как у любого иногороднего, его познание Ленинграда началось с Эрмитажа, Русского музея и Петергофа.

Он сразу влюбился в этот суровый город. Всем своим нутром и кожей он чувствовал, каких усилий стоило поднять на северных болотах такую необыкновенную красоту! В Эрмитаже он испытывал благоговейное чувство гордости и признательности за возможность прикоснуться к этим шедеврам мировой культуры, дышать воздухом древних Эллады и Рима, любоваться залами Рубенса и Мадонной Рафаэля. Он вспоминал Потсдамский дворец Сан-Суси с выставленной там Мадонной с младенцем кисти Рафаэля. Ленинград в сознании Сергея стал ярким примером того, как Запад может стать важной частью российской культурной традиции.

Самой любимой его картиной, правда уже в Русском музее, была «Гладиаторы перед выходом на арену». Маленькая, размером с книгу, она отражала всю гамму эмоций людей, знающих, что, кроме как погибнуть в бою или победить, у них другого выхода нет.

Вот уверенный в себе и потому спокойный опытный воин. Вот отъявленный головорез, взволнованный опасной непредсказуемостью боя и потому еще больше накручивающий себя перед схваткой. А вот юноша, с нежным, миловидным, еще совсем детским лицом, излучающим такой ужас, что невольно проникаешься состраданием к его трагической судьбе и небогатому жизненному выбору. Такого в мясорубке боя может спасти только чудо.

А еще Сергею нравились городские музейные квартиры Питера, как, например, квартира Пушкина на Мойке, откуда он уехал на дуэль с Дантесом на Черную речку и вернулся тяжелораненым, чтобы умереть в своей библиотеке на узеньком, жестком топчане.

К концу девятого класса Сережа точно знал, куда будет поступать. Как-то в конце мая отец принес домой вырезку из «Комсомольской правды».

— Смотри, Сереж! Я, кажется, нашел то, о чем ты мечтаешь. В Москве с этого года в пограничном училище открывается факультет иностранных языков. Все-таки не ВИИЯ, можно попытаться поступить.

Сергей аккуратно расправил на столе вырезанную отцом статью и с замиранием сердца прочел: «Офицер с высшим военным специальным образованием, переводчик-референт». Это было то, что надо! Он, конечно, понятия не имел, как это «то, что надо» будет выглядеть на самом деле, но в тот момент это длинное и таинственное название непонятной для него профессии полностью соответствовало тому, каким дипломом должен обладать военный дипломат или, скажем, советский разведчик.

Все питерские курсанты были для Сергея кумирами. Все они летели куда-то в опрятной, отутюженной военной форме, с дипломатами в руках и широкими желтыми полосками на погонах, между которыми красовалась заветная буковка «К». Он видел в каждом из них небожителя, ангела, спешащего на доклад самому Господу. О боже, какой наивной была эта юношеская вера, но какой силой наделяла она размечтавшегося подростка!

С осени родители начали искать для него репетитора по английскому языку. Первый выбор был явно неудачным. «Преподаватель» жил на Невском в огромной коммуналке, был, по всей видимости, сильно пьющим человеком, но самое главное — он знал английский язык значительно хуже, чем ученик.

Зато со второго захода отец нашел для Сергея не просто учителя, а мечту любого фаната, одержимого желанием выучить английский язык. Это была профессор кафедры иностранных языков Педагогического института имени Герцена Галина Семеновна Качкина. Говорили, что лучше, чем

она, в Питере никто абитуриентов не готовит. Правда, брала она к себе только тех, кто ей понравится.

Отец и Сергей долго караулили «привередливую» профессоршу в фойе института. Сережа пытался представить, как может выглядеть столь легендарная дама, но даже самые смелые предположения оказались ту-склыми в сравнении с появившимся, наконец, оригиналом. Это было похоже на первое появление знаменитой няни из фильма «Мэри Поппинс», разве что не хватало фразы: «Так, внимание! Я выхожу!»

Профессорша, которая была значительно старше отца, оказалось сто-процентной английской леди! Все их общение заняло около полутора минут, включая процедуру знакомства, собеседование с претендентом и резюмирующий вердикт.

Сначала распахнулись тяжелые входные двери, в фойе грациозной походкой стремительно влетела стройная дама в распахнутой норковой шубе. Увидев отца, не снижая скорости, она бросила на ходу:

— Ах да, меня предупреждали! Я поговорю с вашим оболтусом, — и, подхватив Сергея под руку, поскакала с ним вверх по ступенькам. Лестница на второй этаж была старинная, с мраморными балясинами и длинным внутренним балконом.

— Speak up! Quickly! I am hurry!

Такая веселая игра пришлась ему по душе. На первом пролете он рассказал профессорше свою биографию, на балконе объяснил, зачем ему нужен иностранный язык, на втором пролете прочитал пару куплетов из своего любимого Лонгфелло.

— Так, папаша, мне ваш оболтус понравился. Я его беру. Первое занятие в пятницу в восемнадцать, здесь. И чтобы без опозданий!

Кармен

Как и все дети, Сергей всю жизнь мечтал о своей собаке. Вплоть до старших классов школы. Каково же было его удивление, когда на очередной день рождения в самом конце восьмого класса мама привезла ему в подарок самую настоящую немецкую овчарку. Щенок, которому только что исполнился месяц, был абсолютно черным. Точнее была, так как это оказалась самочка. По паспорту ее звали Хара, но это имя как-то не легло на сердце Туевым и щенка нарекли Кармен — в честь всемирно известной цыганки.

У Хары-Кармен были очень заслуженные родители — чемпионы всех собачьих выставок, а мама была чемпионкой СССР 1977 года. Стоила эта кроха по тем временам абсолютно сумасшедшие деньги — целых сто двадцать рублей!

Месяцев до восьми Сергей считал, что с именем для собаки они дали маху: ну какая же это Кармен, если шарахается в сторону и поджигает

хвост при твяканье самого захудалого пуделька или болонки! Но природа, как выяснилось, просто не спешила раскрывать все секреты сразу.

После девяти месяцев пришла пора вести Кармен в школу. Начиналась программа с курса общей дрессировки. Площадка находилась примерно в четырех километрах ходьбы от военного городка, среди соснового леса за железнодорожной насыпью и мостом через речку Оредеж.

Хозяйкой площадки, в собачьем понимании этого слова, была низкорослая злобная сука Багира, также как и Кармен, немецкая овчарка, державшая в повиновении всех собак, приходивших на тренировку. С ней не связывались ни здоровые кавказские овчарки, ни эрдельтерьеры, ни даже мощные злобные ротвейлеры. Единственной собакой, отказавшейся признать верховенство Багиры, стала совсем еще юная Кармен. Два часа, вместо того чтобы дрессировать собак, хозяева удерживали возбужденных четвероногих питомцев, почуявших, что в их кругу появилась новая, наглая, молодая претендентка на лидерство.

Сергей вообще не узнавал своей собаки. Повзрослевшая, набравшая силу и удивительно красивый экстерьер, черная, как смоль, без единого чепрачного подпада, девятимесячная Кармен бесстрашно бросалась на трехлетнюю хозяйку собачьего сообщества. Багира, в свою очередь, хрипела и рвалась из строгого ошейника, чтобы как можно скорее порвать эту наглую выскочку. Короче, занятия были сорваны по полной программе.

Расстроенный Сергей ушел с площадки раньше положенного времени, чтобы оставить другим собачникам хоть какое-то время для завершения тренировки. Отойдя от места проведения занятий на расстояние добрых пятисот метров и переходя замерзшее зимнее поле, он вдруг интуитивно ощутил за спиной какое-то движение.

Обернувшись, он увидел на далекой собачьей площадке размахивающих руками людей и стремительно приближавшуюся к ним черную точку. Это летела на крыльях собачьей ненависти Багира, сумевшая вырваться у своей хозяйки, когда та, очевидно, подумала, что Сергей с Кармен были уже достаточно далеко. Сердце юноши сжалось от ужаса.

Кармен, оценив обстановку, попятилась, присела и в момент, когда Сергей подумал, что его раздухарившаяся была собака струсила, резко бросила свое гибкое тело вверх и вперед, оставив в руках у хозяина две разорванные половинки строгого ошейника «парфорс». Теперь уже две черные точки неслись по белоснежному полю навстречу друг другу.

Догнать собак было невозможно. Когда с одной стороны Сергей, а с другой — все оставшиеся на занятиях собачники домчались до места столкновения, бой сук был в самом разгаре. Они безжалостно рвали друг друга зубами и лапами, катались по земле, вскакивали и снова бросались друг на друга.

Отважные хозяева схватились за хвосты своих собак, а инструктора набросили на них ловчие сети. Бой был прерван в самом разгаре, но

победа Кармен «по очкам» была очевидной. На месте схватки за лидерство в луже крови лежало срезанное как бритвой ухо Багиры. На площадке элитных пород собак делать ей было нечего. Новая королева щерилась рваными кровоточащими губами — ее лидерство было утверждено безоговорочно.

Ботаник-хулиган

В старших классах Сергей стал ездить в Ленинград три раза в неделю. В выходные, как водится, на «принудительное» приобщение к прекрасному и два раза в будни на занятия по английскому. Кроме того, он поступил еще и в художественную студию во Дворце пионеров имени Жданова, которую посещал в те же дни, что и занятия у профессора Качкиной.

Воспитанный в военной семье, Сергей всегда имел не один, а два-три плана про запас. На случай непоступления в погранучилище он заготовил для себя запасные варианты: инженер-судостроитель (об этом почему-то мечтал отец), архитектор или уж на крайний случай художник-декоратор. Служителей муз готовили в училище имени Мухиной.

Чтобы попасть в Муху, надо было иметь не только талант, но и какое-то документальное подтверждение: мол, за кисть, резец или карандаш ты брался не только у себя дома, но и в каком-либо приличном специализированном заведении. Сергей давно мечтал учиться в художественной школе, но в Германии такой возможности не было. И теперь он решил попробовать поступить в престижную художественную студию Ленинградского Дворца пионеров.

Поступление состоялось буднично, хотя конкурс в студию был огромным. Немудрено: в студии частенько преподавал сам Чарушин, известный своими «звериными» картинками художник-иллюстратор многих детских книг.

Видя толпы жаждущих поступления конкурентов, Сергей сдал рисунки в приемную комиссию без каких-либо надежд на победу. Через неделю он даже удивился, увидев свою фамилию в списках поступивших счастливчиков.

Вернувшись к отцу, который ждал его в парке возле памятника Екатерине, он поделился радостью. Отец в ответ поделился своей: в парке, как раз в этом месте, на уютных скамеечках напротив императорского театра было принято играть в шахматы на деньги. Коротая время, ничего не подозревающий отец принял приглашение одного пожилого дядечки и без особого труда выиграл у того несколько партий. В итоге получилась кругленькая по тем временам сумма.

После перевода отца в Сиверский Сергей жил строго по часам: дом, школа, электричка, метро, Дворец пионеров на Невском. Снова метро,

Институт имени Герцена, метро, пышечная с пятью пышками и стаканом кофе на 37 копеек, электричка, Сиверский, военный городок.

Что за пышки готовили в пышечной на Балтийском вокзале! Только ради них он готов был совершать и совершать эти изнурительные путешествия.

В Сиверском он одновременно жил в двух реальностях. Одна из них была связана с подготовкой к вузу, комсомольской работой и многочисленными общественными нагрузками в школе. Вторая — с улицей и ее жесткими правилами и понятиями.

После ухода из школы цыганской банды пропали гнетущее чувство депрессии и боязнь снова быть униженным избитым. К тому же после той стычки в туалете за Сергеем закрепилась репутация бесстрашного «психа», которого лучше не трогать. Это было странное сочетание: комсомолец, отличник, любимчик учителей — и чуть ли не свой среди местной шпаны. Особенно после дискотеки в ленинградском ДК железнодорожников, расположенном всего в двух шагах от Варшавского вокзала.

Эта дискотека Сергею сразу не понравилась: вялая, в тусклом убогом помещении, с плохим светом и никакой музыкой. Девчонки как свои, так и местные были какие-то квялые, питерские пацаны постоянно толкались и напрашивались на драку.

Сергей вообще не любил этот странный вид «культурного досуга»: танцы — не танцы, а вот что тебе сегодня морду набьют или ты кому врежешь — это точно. Но ходить на дискотеки его принуждал комсомольский долг. Вот и тогда, только что избранный замом секретаря школьного комитета комсомола, он был назначен ответственным за «коллективный выезд старшеклассников на новогоднее мероприятие шэфов-железнодорожников».

Что послужило поводом для массовой драки, как обычно, никто не знал. Говорили, что Вальке из параллельного девятого хотели набить морду в туалете местные ребята, но не учли, что тот был кандидатом в мастера спорта по боксу. Первый раунд был проигран хозяевами вчистую, и они послали за подмогой в соседнее ПТУ, тоже гулявшее по случаю приближавшегося Нового года.

Битва началась, когда сиверские возвращались домой на электричку. Откуда-то вылетела толпа подвыпивших парней, человек пятьдесят и принялась, как тогда говорили, «метелить» всех подряд. Надо отдать должное, девчонок они не трогали.

От сиверских в этом бою лидировал Валька. Он велел девчонкам и раненым отступать к электричке, а сам бесстрашно бросился наперерез очередному резерву питерских пэтэушников. За ним рванула самая отчаянная сиверская шпана, на ходу извлекая из карманов ножи и наматывая на руки солдатские ремни с тяжелыми латунными пряжками.

У Сергея не было ни ножа, ни ремня, зато в портфеле лежал только что купленный для немецкой овчарки строгий ошейник «парфорс».

Подчиняясь какому-то удивительному инстинкту боя, зову казачьих генералов и кличу Вальки «Наших бьют!», он намотал на кулак цепь от стального ошейника, вывернул его шипами наружу и, став похожим на профессионала уличных боев, кинулся на помощь землякам. Ножи, парфорс и солдатские ремни произвели на питерских отрезвляющее воздействие. Они в нерешительности остановились, а заслон сиверских, спина к спине, не ломая боевого порядка, стал пятиться к электричке, где их уже ждали спасенные товарищи.

После этой драки, оценив возможности парфорса, Сергей стал брать его во все вечерние поездки в Питер. Возвращаться приходилось поздно, в начале одиннадцатого. Особенно он не любил зиму: несколько минут, которые приходилось ждать автобус, чтобы доехать от станции до военного городка, были особенно неприятными: темно, зябко, малоллюдно и постоянно снуют какие-то подозрительные типы. Чтобы его не застigli врасплох, Сережа еще в электричке перекладывал парфорс в глубокий карман длинного зимнего пальто и поудобнее наматывал цепь на правую руку.

Опасения были не напрасны. В одну из поездок, когда на холодной темной остановке он оказался абсолютно один, к нему подошли трое.

— Эй, парень, огоньку не найдется? — классическая фраза на секунду даже показалась смешной, но смеяться не хотелось.

— Не курю, — рука уже была готова хлестнуть цепью с ошейником наотмашь.

— Парни, стоп. Не трогай его. Мы вместе в Питере махались, — темные тени отступили и растаяли за автобусной остановкой, так и не дав Сергею разглядеть лицо своего неожиданного адвоката.

Золотые пляжи Дагестана

Весной 80-го родители решили, что сыну пора вкусить свободы. Немножко. Отец к тому времени уже ушел на пенсию и работал в отделе снабжения ленинградской обувной фабрики «Скороход». Так что турпутевка на одного человека, с многообещающим названием «Золотые пляжи Дагестана», досталась ему от профсоюза неожиданно легко.

Сергей даже не знал, как к этому отнестись. Хотелось, конечно, попробовать пробраться в Москву, хоть глазком посмотреть на Олимпиаду. Но все говорили, что без московской прописки там абсолютно нечего делать: ничего, кроме КПЗ, не увидишь. И он махнул рукой, согласился на «золотые пляжи» и в день открытия Олимпиады был в Махачкале.

В их группе было около двадцати человек — самых разных профессий, разного возраста, в основном женщины. Пятеро молодых людей быстро выделились в отдельную компанию.

Старшим оказался Валера — парень из Тольятти, после армии решивший съездить на отдых вместе с сестрой, которая, в свою очередь,

пригласила подругу-однокурсницу. Вся тройка училась в ВАЗовском техникуме, а Валера потом собирался еще и в институт.

Он очень ответственно относился к опекаемым девушкам и на правах старшего брата постоянно следил за тем, чтобы они никуда не отлучались и нигде не задерживались. За малейшее нарушение он немедленно начинал их «прорабатывать», рассказывая бесконечные страшные истории про изнасилования, убийства и про то, что с кавказскими парнями надо держать ухо востро.

Программа турпоездки была расписана чуть ли не по минутам. Вот набережная имени Сулеймана Стальского, отца Расула Гамзатова... А вот и сам живой классик советской поэзии, разгуливающий вдоль моря в окружении толпы дагестанских пионеров...

Море в Махачкале показалось Сергею каким-то ненастоящим: мутное, белесое и слишком теплое, словно самогон в бутылки у дяди Жоры. Сначала еще была надежда, что завтра все изменится и он увидит прекрасное синее море. Но с седым Каспием никаких перемен не случилось ни на второй, ни на третий, ни на четвертый день отдыха.

В Махачкале, плывясь под лучами солнца на развалинах какой-то старинной крепости, туристы изучили все прелести разрушенной турецкой бани хамам и перебрались в Музей истории и культуры Дагестана. В музее Сергей долго стоял перед стендами, посвященными покорению Кавказа русскими войсками, вспоминал стихи Лермонтова и проникался симпатией к горным повстанцам под предводительством Шамиля.

«Ох уж этот царизм, никому не давали жить по-человечески», — думал он. Шамиль представлялся юноше эдаким благородным разбойником — как Дато Туташхия из популярного советского сериала.

На следующий день, карабкаясь по отвесным скалам Гуниба, Сергей уже воображал себя солдатом Ермолова, штурмующим эту твердыню под свист пуль кавказских повстанцев. Маршрут на турбазу «Орлиное гнездо», расположенную в родовом селе Шамиля Гунибе, специально был проложен так, чтобы туристы не только смогли представить исторические события столетней давности, но и прочувствовать их собственной кожей, цепляясь уставшими пальцами за острые каменные выступы последней стометровки скального штурма.

В Гунибе на базе «Орлиное гнездо» друзей ждал костер, шашлык, доброжелательные дагестанские инструктора, сплошь и рядом представлявшиеся Магомедями, и местное крепленое вино, которое Сергей тоже попробовал впервые.

Он не смог отказать горцу в черной бурке, заявившему, что юноша, поднявшийся в Гуниб горной тропой русского солдата, просто обязан выпить за славную историю Кавказа и российской армии.

Такого огромного и близкого неба с рассеянными по нему мириадами звезд он не видел еще никогда. В одном из горных приютов, гуляя после

вечернего костра со своей новой знакомой Леной, он вдруг уловил запах ее волос и почувствовал в девушке что-то совсем не детское, зовущее и управляющее его волей помимо разума.

Экскурсия заканчивалась в Дербенте. Погода испортилась, небо заволкло серыми тучами, с моря подул ветер. Но купаться никто и не собирался. Все усилия были сосредоточены на подготовке к прощальному пикнику. Инструктора оживились, с обеда в автобус были загружены большие пластиковые канистры с крепленным вином местного винзавода. Все Магомеды в один голос клялись, что это редчайший сорт «Черного доктора» и что такое вино могут пить только члены Политбюро.

Фирменным блюдом прощального ужина стала каспийская осетрина. Разглядывая четыре ведра рыбы, в трех из которых помещалось по одному огромному куску неведомой рыбыны, а в четвертое влезла только голова, Сергей пытался понять истинные размеры этого исполина.

Вечером, когда стемнело, груженный вином и провиантом, «пазик» отправился в дорогу. Доехав почти до моря, машина с туристами остановилась среди камышей возле большого костра, разведенного между двумя толстыми бревнами. Ветер не прекратился, но был настолько теплым, что все разделись до купальных костюмов.

Свежую осетрину Сергей не ел никогда. Когда ему передали горячий, пахнущий дымом, сочный кусок осетровой мякоти, он долго не мог поверить, что такой вкус вообще может быть. В греческих мифах он что-то читал про пищу богов — амброзию. Похоже, теперь он знал, какой у нее вкус.

— Не расслабляйся, — тревожным шепотом произнес бдительный Валерка. — Сейчас все напьются, и тут такое начнется... Я беру своих девчонок, а ты смотри за Ленкой. Не оставляй ее одну, а то наш самый старший Магомед на нее пялится. Усек?

— Усек, — буркнул в ответ Сергей, решивший после Гуниба вообще не пригублять обещанное «цековское» вино.

Лена была в ударе, но явно не рассчитала дозы крепленого напитка. В свете костра под звуки магнитолы, настроенной на музыкальную волну, она выделяла такие горячие движения бедрами, что Сергей почувствовал: пьянеет без вина.

В какой-то момент девушке стало плохо. Видимо, количество «Черного доктора» превысило все медицинские нормы. Шатаясь, Лена пошла к ближайшим тростниковым зарослям. Заметив это, приподнялся и старший Магомед. Сергей привстал вместе с ним и тихо произнес: «Эта девушка пришла с нами». К счастью, на помощь уже спешил Валерка.

Досада и негодование на секунду мелькнули в глазах дагестанца, но, понимая, что на этой вечеринке он чуть ли не главное должностное лицо, он взял себя в руки:

— Да ладно, пацаны. Кому нужна ваша Ленка? Вон смотри, тут за каждым кустом меня ждут самые красивые женщины Советского Союза.

В сказанном Магомедом была своя доля истины. Отдыхающие по парам разбрелись по камышовым зарослям.

Лену рвало. Сергей отвел ее на берег и помог окунуться в ночное море. Девушке заметно полегчало.

— Надо поспать, но сначала переодеться. Проводишь меня до автобуса?

— Провожу.

Пыльный ЛАЗовский автобус вез Сергея из Дербента в Махачкалу. Случайные попутчики весело орали совсем не радостную песню Вахтанга Кикабидзе «Полчаса до рейса». На обратную дорогу в Питер у Сергея оставалось ровно 12 копеек.

Рядом ехал целый цыганский табор. Какой-то бородатый авторитет, обращаясь к образу неведомого «бабая», наставлял пятилетнего сына, что людям надо помогать, и тогда они обязательно помогут тебе в ответ.

Весь этот пестрый советский интернационал несколько не мешал Сергею. И даже когда цыгане из соседнего плацкартного отсека, забыв про встречный ветер, залили окно его купе пряным рассолом из-под селедки, он несколько не пожалел о своем первом в жизни самостоятельном путешествии.

Дурдом

На первой приписной комиссии в военкомате неожиданно всплыла запись мичуринского врача десятилетней давности о постановке упавшего с качелей мальчика на учет к невропатологу. Врачи из военкомата, узнав, что Сергей собирается поступать в военное училище, посоветовали официально снять нехорошую запись: психов и ушибленных головой в пограничники не берут. Военно-дипломатическая миссия оказалась под угрозой.

Отец ринулся за консультациями в военкомат, и там согласились ничего не указывать в медицинских документах, если психдиспансер по месту жительства выдаст справку об окончательном снятии всех давних подозрений насчет повреждения головы Сергея.

Вернувшись после разговора с главврачом, отец начал издадека:

— Сереж, а может, ну его это училище? Вот Галина Семеновна говорит, что у тебя такой прогресс с английским, что она гарантирует твое поступление в университет на любую филологическую специальность.

— Пап, я не филологом хочу быть, а офицером. Со знанием иностранных языков. Говори прямо, что случилось?

— В общем, так. Диагноз они могут снять только после полноценного обследования, которое надо проходить в стационаре.

— Ну так в чем же дело? Давай пройдем! Я же здоров.

— Понимаешь, это так называется: стационар. А на самом деле — обычная психушка. И лечь туда надо дней на десять.

Сергей остолбенел:

— В дурдом, что ли?

Отец хмыкнул:

— Вот я и говорю, может, все-таки на филфак?

Но Сергей не собирался останавливаться ни перед каким препятствием:

— Нам эту запись убирать надо? Надо! Значит, придется потерпеть.

И Туевы отправились устраивать сына на обследование.

В дурдоме Сергея определили в общую палату на восемь человек. Была ранняя весна, на улице стояли морозы, но в помещении больницы было комфортно и жарко натоплено. В общем, все выглядело, как в обычной, весьма добротной и чистой больнице, если не обращать внимания на глухие железные двери со стальными замками, дежурных санитаров с рожами настоящих мордоворотов и железные решетки на окнах.

Самыми разумными соседями по палате у Сергея оказались симпатичный худощавый парень с сезонным обострением шизофрении и веселый толстенький балагур лет тридцати пяти по кличке Пятачок. Пятачок был то ли мошенником, то ли преступником, то ли просто хулиганом, во всяком случае на обследование в психушку его направили из милиции.

Молодой сосед был очень приятным и обходительным в общении. В другой обстановке Сергей ни за что бы не подумал, что он «псих». Ему даже было интересно общаться с этим бодрым, рассудительным и собранным парнем. Тот рассказывал про завод, где работал мастером, про службу в армии, про мужской коллектив, которым гордился, про то, как важно дружить и чувствовать в сложный момент локоть товарища.

Но визиты жены напрочь выбивали молодого заводчанина из колеи. После каждого такого посещения он уходил в себя, а потом часами жаловался Сергею, какие коварные бывают женщины и как его обманула будущая жена, подгадав первую интимную связь с ним во время месячных.

Не понимая, что такое «месячные», Сергей долго не мог ухватить логическую связь между календарем, невестой и коварством, но Пятачок, похахатывая, все объяснил популярно.

У самого Пятачка был редкий дар хозяина стола. Забирая у заводчанина очередную женину передачу, он обстоятельно распределял продуктовый набор на несколько дней и исправно каждый вечер выкладывал на стол, точнее — на прикроватную тумбочку, вверенные ему продуктовые запасы, неизменно заваривая душистый индийский чай со слониками.

Можно сказать, что эти чайные посиделки не дали Сергею погибнуть с голоду. Дело в том, что есть в одной столовой с психически нездоровыми людьми он так и не смог. Смешанное чувство жалости и брезгливости всегда одерживало победу над человеколюбием и зверским чувством голода.

Несколько раз его приглашали к врачам, где предлагали разного рода примитивные тесты. Через неделю, на три дня раньше обещанного

срока, его выписали, выдав долгожданную справку о том, что подозрения «айболита» из Мичуринска оказались абсолютно беспочвенными.

История с психушкой имела забавное продолжение. В обязанности Сергея как замкомсорга школы входила доставка кандидатов на прием в комсомол в Гатчинский райком. Там их вызывали на специальную комиссию, задавали вопросы по уставу, истории комсомола, текущей политической ситуации, потом объявляли о принятии «в ряды» и отправляли фотографироваться на комсомольский билет в ближайшее фотоателье.

В один из таких приездов, когда будущие комсомольцы уже весело прихорашивались перед зеркалом маленькой фотомастерской, на пороге появился милицейский конвой, сопровождавший невысокого, толстенького, до боли знакомого Сергею заключенного в черной арестантской робе.

«Пятачок!» — с ужасом пронеслось в голове у видного комсомольского деятеля школы № 43.

— Серега! — в диком восторге заревел бывший сосед по психушке и даже попробовал раскинуть руки в широком дружеском объятии, на секунду забыв про сковавшие кисти наручники. — А меня вот признали вменяемым. Три года дали! Та-ган-ка-а-а, я твой бессменный арестант... погибли юность и талант!

На улице притихшая молодежь робко поинтересовалась: «Сереж, а это твой знакомый? Ты откуда его знаешь?»

— Да так, было дело, — многозначительно ответил комсомольский вожак.

А что? Надо было рассказать про дурдом?

Литейный, 4

В выпускном классе Сергей без конца собирал разные документы и проходил всяческие собеседования. Ведь погранвойска относились к системе КГБ, а это не шутки. Оформлением занимались кадровики с Литейного, 4 — управления КГБ СССР по Ленинграду и Ленобласти.

Суровое серое здание с тяжелыми дверями и постовыми — прапорщиками в васильковых погонах — внушало почтение. Казалось, что именно за этими дверями и живут те самые таинственные «некто», о которых часто приходилось слышать: «им там виднее», «там лучше знают».

Кадровик, который занимался делом Сергея, был невысокого роста, худощавый, неброско одетый мужчина средних лет. Серый пиджак, темно-серые брюки, тщательно начищенные ботиночки, доброжелательный и исключительно вежливый голос — вот, пожалуй, и все, что запомнилось после первого собеседования на Литейном. Запусти такого в толпу на Невском — и не отличишь от потока людей.

На втором собеседовании Сергей Леонидович, так звали кадровика, предложил поговорить еще с одним человеком. Коллега Сергея Леонидовича

оказался весельчаком и балагуром, но слегка переборщил, пытаясь расположить к себе Сергея. Тот интуитивно напрягся и, как говорили у них во дворе, «включил дурку».

— Ты подумай, Серега, — «Весельчак У», как окрестил его про себя юноша, размышлял вслух о перспективах пограничной карьеры. — Зачем тебе эти заставы, эти дозоры, тревожные группы? Не надоело мотаться по гарнизонам с родителями? Тут в Питере такая жизнь! Культурная столица, общение с интересными людьми, иностранцы, заграничные командировки в будущем... Сдался тебе этот «военный переводчик», мы тебя таким переводчиком определим — мама не горюй!

«Провоцирует, зараза, — пронеслось в голове у Сергея, — на вшивость проверяет. Не дожدهшься».

— Да вы что? Простите, не знаю, как по имени-отчеству, но я только о границе и мечтаю. Отдаленный гарнизон — это настоящая романтика, тяжелая мужская работа по защите рубежей нашей великой Родины! Если не такие, как я, комсомольцы, то кто будет выполнять эту нелегкую работу? А я уже для границы собаку воспитал. Знаете, как у Карацупы. У нее такое верхнее чутье, что ни один нарушитель не уйдет!

Веселый дяденька в сером костюме слегка оторопел:

— Ну, раз такие дела... Ты вроде не потомственный пограничник, чтобы так на границу рваться.

— Зато я из потомственной офицерской семьи. Отец в авиации служил, а я хочу стать пограничником. Заложу новую династию. Пограничники всегда первыми в атаку поднимаются, — тут Сергей даже осекся: как бы не перегнуть с лозунгами.

— Ладно, я скажу, а ты подумай: мы хотели помочь тебе поступить в Ленинградский университет на филологический факультет, поддержали бы тебя там, помогли бы с зарубежными стажировками. Парень ты патриотичный, нам такие нужны.

Сергей слегка оторопел. Не нравился ему этот разговор:

— Знаете, гражданская жизнь вообще не для меня! Я от своей мечты не откажусь. Хочу быть офицером границы. И сделаю все, чтобы мечта сбылась.

Он рассказал эту историю отцу, и тот заметно расстроился.

— Ты считаешь, надо было соглашаться? — тревожно спросил Сергей отца, переживая, вдруг он допустил какую-то ошибку.

Отец улыбнулся:

— Не в этом дело... А соглашаться, ты прав, было нельзя. Ты ведь действительно сам выбрал пограничное училище. Я только заметку тебе принес. Ну а если что, то в ЛГУ ты и сам поступишь: вон Галина Семеновна звонила, спрашивала, когда ты будешь подавать документы на филфак. Она до сих пор уверена, что ты будешь у нее одним из лучших студентов.

Вызов в Московское погранучилище «абитуриенту Туеву С.А.» пришел неожиданно рано. У Сергея защекотало в носу и засосало под ложечкой. На следующий день ему и еще двенадцати парням, отобраннным кадрами с Литейного, предстояло отправиться в Москву и попытать счастья на вступительных экзаменах. Сережа старался не думать о конкурсе. Средний балл его аттестата был ровно 4,5, а проходной на факультет иностранного языка в училище в прошлом году был 24,5 при пяти экзаменах. Так что права на ошибку у Сергея не было — единственная четверка перекрнула бы все его двухгодичные усилия.

На поезд Сергея провожал отец. Приехали рано, с запасом. Коротая время, отец и сын отправились погулять по Невскому. Небо в этот день было низкое, тревожное, с разорванными темно-синими кляксами туч и пробивавшимися через них багряными солнечными лучами.

У Дворца пионеров имени Жданова сын и отец на какое-то время оставались на Аничковом мосту. Темная вода Фонтанки переливалась всполохами багрового заката. Отец явно хотел что-то сказать сыну, но, похоже, не знал, как лучше это сформулировать. Наконец, он произнес:

— Знаешь, в войсках есть такие «особые отделы». Ну, в общем, если тебя туда пригласят, ты веди себя так же, как на Литейном, дуриком. Скажи, мол, если увидишь чего неправильное, не по-советски, то обо всем прямо и открыто скажешь на комсомольском собрании. Уяснил? Или расшифровать?

— Да, понял, понял. Не переживай, стукачом быть не собираюсь, а за совет спасибо. Только я им, похоже, уже воспользовался.

«ОТЛИЧНИК ПОГРАНВОЙСК»

Абитура

В Московском пограничном училище питерских абитуриентов разместили в спортзале, но уже после обеда на военных грузовиках «ГАЗ-66», или по-другому — «шишигах», перебросили в Лукино, подмосковный поселок на Щелковском шоссе, рядом с которым была учебная погранзаства.

Это была копия типовой пограничной заставы. Казарма, ружпарк, столовая, учебный класс, совмещенный с ленинской комнатой, служебные помещения и хоздвор. Сразу за территорией заставы начиналась имитация главных пограничных сооружений — контрольно-следовая полоса, проволоочный забор, оборудованный датчиками сигнализации. Невдалеке друг от друга — «на удалении зрительной связи» — стояли пограничные столбы СССР и «Финляндии». Несколько гектаров земли, отведенной под учебный полигон, превращали зеленое подмосковное местечко в реальный макет местности со всеми атрибутами пограничной службы. Наблюдательные вышки, скрытые гнезда для телефонных трубок старших нарядов, места размещения секретов и маршруты движения пограничных дозоров — все это почти как настоящее.

Учебная застава не могла вместить всех абитуриентов, так что их палаточный лагерь был разбит неподалеку от ее корпусов на опушке зеленой березовой рощи. Всех разделили по взводному принципу, закрепив за каждым временным коллективом сержантов — замкомвзводов и командиров отделений. Командирами назначали военнотружущих-срочников, которые уже имели опыт пограничной службы и приехали поступать в училище прямо из войск.

Уже во время подготовки и сдачи экзаменов Сергей почувствовал, что реальная курсантская жизнь может сильно отличаться от воображаемой. Первый наряд на кухню сильно перевернул его представления о труде и работоспособности человека.

Когда он и еще двое абитуриентов увидели перед собой полную ванну подгнившего прошлогоднего картофеля и до них дошло, что это и есть их задача на предстоящую ночь, они подумали, что это шутка. Сергей, никогда не чистивший больше трех картофелин зараз, не верил, что задача выполнима в принципе.

К утру, закончив орудовать тупым ножом, с окровавленной мозолью на указательном пальце правой руки и слипающимися от бессонной ночи глазами, он побрел в палатку отсыпаться.

— Куда? — оторопел дежуривший во взводной палатке сержант. — Бегом завтракать и на самоподготовку, кто тебе сказал, что в армии после наряда кто-то отсыпается?

Самоподготовка после бессонной ночи пошла насмарку. Сознание свертывалось в трубочку при попытке прочитать первую же строку учебника по литературе. Даже несмотря на то, что это было уникальное учебное пособие, изданное очень маленьким тиражом в ЛГУ для поступающих на филфак. Не тупая шпаргалка, а умный запоминающийся сборник, посвященный произведениям из школьной программы, с интересными комментариями.

Никаких сил учиться у Сергея не было, и он впал в беспробудный сон, уткнувшись головой в исчирикannую каракулями, изрезанную ножами и исписанную неприличными словами курсантскую парту. Проснувшись, он увидел, что сосед по парте листает университетское пособие.

— Классная вещь, — заметил спортивного вида парень, вроде бы туляк.

— Бери, это лучшее, что можно использовать при подготовке к сочинению. Мне учительница подарила — профессор. Она толк в этом знает, — Сергей протянул соседу ценное пособие.

— Спасибо, не стоит. Тебе ведь тоже готовиться надо, — благородно отказался от помощи тульский атлет.

Сергей очень завидовал таким спортивным ребятам. Ведь никто из них не боялся контрольного километрового кросса. А бег никогда не был его коньком. Готовясь к поступлению, он кое-как натренировался на три километра. Это тоже было непросто, но норматив ГТО на твердую четверку он выполнял стабильно.

Пробежать километр в зачетное время Сергею не удалось. То ли бессонная ночь, то ли погода слишком жаркая, то ли прав был старшина Рябонь, с утра до вечера объяснявший вчерашним школьникам, что вечно мешает плохому танцору.

Уже через первые двести метров рванувший за лидерами, он сбил дыхание. В боку закололо, рот пересох, ватные ноги превратились в свинцовые. Он не уложился даже на тройку. Пора было собираться домой.

Но на вечерней проверке его почему-то не назвали среди отчисленных по результатам дня, и, окрыленный, он бросился готовиться к завтрашнему сочинению. Перетряхнув сумку с вещами, он с ужасом обнаружил, что

университетское пособие по литературе исчезло. Единственное, что осталось в арсенале, — совет отца не паниковать, ничего не учить в ночь перед экзаменами и как следует отдохнуть.

Еще в Сиверском Сергей выработал метод борьбы с экзаменационным мандражом. Во-первых, он всегда старался, чтобы не осталось ни одного вопроса, на который он не мог ответить вообще ничего. Во-вторых, всегда писал шпаргалки, брал их с собой на экзамены, но никогда не пользовался ими. В-третьих, никогда ничего не зубрил и не вспоминал из пройденных тем, а на экзаменах всегда конструировал ответ из понятых когда-то смыслов. И наконец, он верил, что, и не зная правил и конкретного материала, можно найти свой способ решения даже очень трудной задачи. В этом его убедила районная олимпиада по математике.

Когда лучший математик (и химик, и физик) сиверской школы № 43 Володя Цыбульский заболел ангиной, Туева отправили на замену признанного гения, чтобы школе не поставили неуд за неучастие. На шесть заданий отводилось шесть астрономических часов.

Просмотрев листы с заданиями, он понял, что его школьные пятерки здесь явно не годятся. Все задачи были на стыке математики, геометрии, физики или химии. Тогда Сережа решил самостоятельно найти требуемые закономерности, опираясь исключительно на любопытство, азарт и логику.

Когда конкуренты через пару часов начали сдавать свои работы, он с искренним восхищением смотрел на них, вспоминая слова матери: «Есть такие умные ребята — не чета тебе!» Через шесть часов в классе оставался только он один.

Недели через две на школьной линейке директор подводил итоги участия старших классов в районных олимпиадах. И вдруг, к своему изумлению, Сергей услышал, что он получает грамоту за 1-е место в Гатчинском районе! Его даже наградили особым призом — за оригинальное решение.

Сергей сел за сочинение и постарался сосредоточиться. Где-то через полтора часа он услышал какой-то шум. Оказалось, туляка-атлета застучали на «шпорах». «Жалко. Хороший парень. Теперь выгонят», — подумал Сергей. В это время экзаменаторы извлекли из-за пазухи хорошего парня разорванное по частям университетское пособие для поступающих на филфак.

«Да он вор! — пронеслась в голове пронзительная мысль. — Как же можно быть вором и стремиться стать офицером?» Сергей был ошеломлен.

Русский и литература были сданы без проблем, и только на английском он немного поволновался. Преподаватель кафедры английского языка долго прислушивалась к его речи и, наконец, сказала:

— Никак не могу понять, по какой системе вас учили: грамматику в тех пределах, что нам нужно, вы знаете, говорите с выраженным американским произношением, а вот слова употребляете очень часто устаревшие,

характерные для аристократического английского языка конца девятнадцатого века.

Сергей улыбнулся. Ему было все понятно: грамматика была заслугой его репетитора Галины Семеновны. Архаичный вокабуляр, который начинающий «филолог» не мог отфильтровать от общепринятого, появился благодаря Хаггарду с его романом «Копи царя Соломона», а вот произношение было самой большой тайной будущего кагэбэшника: он выработал его сам, ловя на хрипящем радиоприемнике ВЭФ «Голос Америки». Впрочем, об опыте радиоперехвата вражьих голосов абитуриент благоразумно умолчал.

В итоге он удержался в стремительно убывающем строю вплоть до мандатной комиссии. Когда его вместе с другими ребятами, набравшими самое большое количество баллов, снова привезли в училище, он еще не представлял, что это будет «так навсегда». Войдя в зал заседаний, он четко отрапортовал о прибытии и стал ждать вынесения вердикта.

Его будущий комбат, полковник Выюшичев, скептически произнес:

— Ну, пробежали вы, товарищ абитуриент, из рук вон плохо.

— Я потренируюсь. Дайте мне возможность пробежать еще раз.

Сидевший рядом с Выюшичевым дородный мордастый старлей, хохол Присяжнюк, хмуро и как-то без сочувствия пробурчал:

— Потренируешься еще... только уже в сапогах.

Из тринадцати питерских в училище был зачислен только Сергей. Связь с внешним миром оборвалась. Впервые ему стал понятен смысл часто повторяемой отцом фразы: «Мечтай осторожнее — сбудется!»

Винтик

Выйдя на улицу, Сергей не ощущал ни восторга, ни облегчения. Мечта сбылась, но ничего, кроме тревоги и усталости, на душе не осталось.

Всех прошедших комиссию вернули в Лукино. Там их побрили наголо и переодели в старое армейское х/б. Выданная форма была хоть и ношенная, но чисто отстиранная и подобранная по размеру. Когда Сережа попытался выяснить, почему форма не новая, абитуриент из числа срочников объяснил новобранцу простую истину:

— Не дрейфь, Серега! На присягу выдадут все с нуля, а пока нас ждет курс молодого бойца, после которого треть попавших сюда по недоразумению маменькиных сынков отчислят на фиг. Так что, на них новую форму расходовать?

Объяснение показалось логичным, и Туев сразу заволновался: не попадет ли сам в разряд маменькиных сынков?

Курс молодого бойца прошел в полевом учебном центре недалеко от Ярославля под девизом «Поможем науке!» С разрешения командования училища с новоиспеченными курсантами работали ученые психологи и физиологи

из Городка космонавтов. После каждого кросса, учебных стрельб, палаток со слезоточивым газом, лазания под днищем движущегося танка и тушения друг на друге липкого, как кисель, напалма курсанты заполняли какие-то дурацкие тесты на память, внимательность и быстроту реакции.

В одном из таких тестов надо было запомнить десятизначное число. Но запоминать число группами цифр по инструкции было нельзя. Правильно — каждую цифру по отдельности. Из всех сил стараясь помочь советской науке, Сергей именно так и поступал. Результаты свидетельствовали, что он полный debil. Он посетовал на неудачу азербайджанцу Арзу Ахундову, принятому в училище по республиканской, или как ее еще называли — национальной — квоте.

— Ты что, правда по одной цифре запоминаешь? — искренне изумился Арзу. — Никто же не проверит, как ты это делаешь! Что они к тебе в мозг залезут?

Последовав дружескому совету, Сергей быстро реабилитировался в глазах контролировавших сдачу тестов офицеров.

Самым сложным на КМБ были итоговые учения. По просьбе военных психологов курсантам не давали спать двое суток. В итоговую ночь после изматывающих марш-бросков с полной выкладкой, когда вчерашние мальчишки лежали в отрытых для обороны от условного противника окопах, им поручили вести дневники сигналов, раздававшихся со стороны готового к наступлению «противника».

Сознание Сергея, который все детство жил по режиму и укладывался в постель сразу после программы «Время», чуть не лопнуло от этой новой «вводной». Но чувство ответственности взяло верх. И под утро, когда в сторону курсантских окопов вылетели три хилые сигнальные ракеты разных цветов, а над «вражеской» опушкой повисла на парашюте осветительная мина, его блокнот был почти весь исписан. Где, что и в какое время скрипнуло, пискнуло или заблестело в свете луны. Он даже поминутно зафиксировал все сигареты, выкуренные офицерами батальона, что привело в полный восторг комбата и огорчило младший комсостав. В итоге весь этот информационный шум оказался никому не нужен, а подавляющее большинство его менее ответственных однокашников просто подрыхли у себя в окопчиках до рассвета, беззаботно наплевав и на ракеты, и на сигнальную мину.

Перед присягой всех новобранцев действительно переодели в новую повседневную форму, выдали «парадку» и сфотографировали для личных дел. Именно в этот момент Сергея вызвали на КПП и сказали, что у него есть тридцать минут на встречу с родителями. На него, уже подзабывшего о всех прелестях домашнего уюта, вдруг нахлынула такая тоска и жалость к себе, что он чуть не разревелся. После встречи шел в казарму с тяжелым сердцем, понимая, что навсегда оставляет за спиной родительскую заботу и мальчишескую вольницу.

Время между окончанием КМБ и началом учебы показалось ему бесконечным: ежедневная муштра на плацу, уборка территории, изнурительные зарядки с марш-бросками и изучение уставов.

В языковой роте Сергея определили в 33-ю группу. Труднее всего было привыкать к взводным офицерам, которые почему-то чаще всего менялись именно в его взводе. Даже не привыкать, а каждый раз выстраивать новые отношения с теми, кому на правах казенного «тягла» ты теперь принадлежишь.

Но самое острое чувство тоски Сергей испытал в первом настоящем наряде по кухне. Ему досталась «нижняя мойка» — так курсанты называли наряд по залу для выпускного курса и иностранных слушателей училища.

В обязанности дежурного курсанта входила влажная уборка огромного зала, в котором одновременно обедали, завтракали и ужинали более трехсот человек. Мыть зал приходилось три раза в сутки. Кроме того, надо было столько же раз расставить, а потом убрать со столов посуду, перемыть ее на огромной посудомоечной машине, не забыть про пол и котлы варочного цеха, а глубокой ночью, когда даже Золушке в сказке полагается спать, вычерпать в специальные железные баки все оставшиеся от училища помои. Это — пир для свиней, которых откармливали на учебной заставе в Лукине, и в четыре часа утра за отходами приходила специальная машина.

Все это надо было делать в одиночку, и счет шел буквально на минуты. За неприбранный зал и непомытую вовремя посуду можно было запросто попасть сюда же на внеплановую «тренировку». Понимая это, немного медлительный в жизни, Сергей носился как угорелый.

Часа в три ночи, убедившись, что укладывается в график, он на минуту остановился и осмотрелся. Он стоял в самом центре огромной бетонной чаши, заполненной закисающими на глазах помоями. Мерзкая, вонючая жижа доходила до щиколоток, по углам чаши пищали жирные крысы. «Четыре года впереди, четыре года!» — подумал с ужасом Сережка.

В распахнутую дверь смотрела ночная Москва. Уютно светились редкие окна новостроек, над ними в сине-черном небе поблескивали редкие звезды. Это был совсем другой мир, но вдруг Сергей с необыкновенной ясностью понял, что этот мир — есть. И тут же осознал, что отчасти перестал быть личностью, и теперь его будут оценивать, поощрять или наказывать исключительно как функцию.

«Что за глупый скворец»

Уже в середине осени Сергей заметил, что училище постепенно стало загромождать собой весь остальной мир, а преподаватели становились легендами, анекдотами и ужасами этого нового мира.

Кафедрой иностранных языков руководил полковник Овсянников. Казалось, что этому пожилому, немного грузному, чем-то напоминающему

Черчилля, мужчине было сильно за пятьдесят, но точный его возраст никто не знал.

Олег Ефимович был аристократ и интеллектуал — основательный, импозантный, сурово-доброжелательный к курсантам. Биография полковника была тайной, хотя прекрасное американское произношение и отточенные манеры подсказывали Сергею, что этот человек прожил жизнь в той профессии, о которой он мечтал. На первой лекции по военному переводу полковник обратился к курсантам с речью, далекой от тонкостей английской грамматики:

— Джентльмены, пока ваши погоны чисты, как утренняя роса, вы должны понять, что со временем на них вырастут две лейтенантские звездочки и вам будет дано уникальное право именем государства распоряжаться жизнью и судьбой своих подчиненных. Возможно, вы будете поднимать их в бой. Возможно, вам придется их наказывать. Возможно, посылать на смерть. Прошу об одном: у каждого человека есть чувство собственного достоинства — никогда не опускайтесь до того, чтобы пренебречь им в себе и в других. Помните, унижая солдата, вы, прежде всего, унижаете себя и роняете свою офицерскую честь.

После военного перевода была лекция по «Истории КПСС». Читал ее пожилой полковник — Понтитак. Это прозвище полковник, можно сказать, придумал себе сам: через каждые пять секунд он скороговоркой повторял «понимаете ли так», «понимат литак»... «понтитак», «понтитак», «понтитак... Слушать такую лекцию было настоящей пыткой.

Самой экстравагантной «звездой» училища был капитан Барбин. Сначала он командовал учебным взводом, а позже, окончив с золотой медалью Академию им. Фрунзе, перешел на кафедру тактики, где преподавал «Защиту от оружия массового поражения» — ЗОМП.

Еще будучи взводным, Барбин вводил курсантов в транс абсолютно не свойственными для остальных офицеров выходками. Выйдя перед строем, он мог обратиться к подчиненным с вопросом:

— Кто вы такие, товарищи курсанты?

Курсанты, любя и зная своего причудливого командира, не моргнув глазом начинали изображать недоумение:

— Как кто? Курсанты, товарищ капитан!

— Ответ неверный! — Барбин подбегал к кому-нибудь и, хватая за металлическую пуговицу шинели, начинал орать высоким фальцетом: — Ты гиббон! И ты гиббон! И ты гиббон! И все мы тут гиббоны! А это, — тут Барбин делал широкий жест рукой, указывая на училищные корпуса, — это все — гиббонарий!

Немудрено, что, когда Барбин появлялся на плацу или в «чепке», как назывался местный буфет, его всегда окружали толпы курсантов. Всем хотелось услышать громкий голос правды про родное училище.

При всей чудаковатости Барбин был очень компетентным преподавателем и ответственным педагогом. Его подразделения всегда занимали самые

высокие места в соцсоревновании, а мастер-классы по ЗОМПу больше походили на яркие эстрадные шоу. Материал, изложенный Барбиным, забыть было невозможно.

Стремительно входя в учебный класс, Барбин сразу переходил к делу:

— Советский офицер должен быть политически грамотным и следить за событиями, происходящими на международной арене! Особенно бдительно надо следить за тем, как ведет себя наш главный противник. Гурнов! — капитан ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию.

— Я! — курсант с еле сдерживаемым восторгом подскочил с места.

— С каким последним требованием в области разоружений выступил блок НАТО?

— С требованием, чтобы СССР прекратил размещение у своих западных границ ракет средней дальности РСД-10 «Пионер», товарищ капитан!

— Правильно, Гурнов! А мы?

— А мы — против, товарищ капитан!

— Не то слово, Гурнов! Мы не просто против, мы... — тут Барбин вскакивает, подбегает к доске и рисует по всей ее длине четырехметровый фаллос, — болт им по всей морде!

Вдруг в сознании Барбина что-то щелкает:

— Внимание! Я — ядерный взрыв. Комментируйте, что показываю! В нашем глубоком тылу появляется вражеский бомбардировщик В-52 и сбрасывает атомную бомбу!

С этими словами капитан мчится в дальний угол класса, изображая из себя самолет противника и летящую со свистом бомбу.

— Что мы наблюдаем в момент, когда эта херня е...нет?

Барбин приседает и как профессиональный мим взмывает вверх в виде живописного ядерного гриба.

— Мы наблюдаем ядерное облако! — в полном восторге ревет взвод.

«Облако», замерев на долю секунды, лезет в карман за специально припасенным конфетти и, рассыпая его направо и налево, начинает зловеще метаться по классу.

— Что сейчас происходит и какую команду должен немедленно подать наблюдатель? — звериным голосом орет «облако ядерных осадков».

— Радиоактивное облако движется в нашем направлении!

— Ваши действия? — продолжает орать «облако».

— Вспышка с тыла, газы! — слаженным хором орут в ответ курсанты.

— А х...ли вы ждете? Команду кто выполнять будет?!

Все хватаются за сумки с противогазами и натягивают на головы серые резиновые маски.

«Облако» вновь превращается в капитана Барбина:

— Не надо думать, товарищи курсанты, что, увидев ядерное облако, вы после этого увидите свою любимую девушку! А даже если и увидите, то интереса для нее представлять уже не будете. Единственное, что вас может уберечь

от этой участи, — умение пользоваться общевоинсковым защитным костюмом. Чем мы с вами сейчас и займемся.

Веселая игра «повтори за Барбиным» превращала в активное развлечение самое нудное из всех военных занятий — тренировку по надеванию ОЗК — общевоинского защитного костюма. Пока курсанты других преподавателей со скучающим видом многократно надевали, снимали и вновь укладывали защитные костюмы, «птены гнезда Барбина» резвились с десятикратным ускорением, показывая в итоге феноменальную скорость при сдаче зачетов.

Одним из преподавателей, которых безоговорочно уважали все курсанты училища, был начальник кафедры огневой подготовки полковник Шепель. На каждом своем занятии он неустанно повторял:

— А ну-ка, хлопчики, заправились и привели себя в порядок. Несмотря ни на какие обстоятельства жизни, курсант должен быть тонкий, звонкий и прозрачный!

Высокий, под два метра, худощавый полковник не только требовал соблюдения уставных правил, но и сам являлся образцом: был всегда застегнут на все пуговицы, никогда не ослаблял портупеи, сапоги его всегда блестели, как две черные лаковые шкатулки, но самое главное — он всегда отдавал честь приветствующим его курсантам.

«Тонкий, звонкий и прозрачный» не просто кивал или небрежно дотрагивался до козырька фуражки, имитируя отдавание чести, а, упреждая курсанта, строго по уставу за три метра переходил на строевой шаг, вытягивался в струнку и даже задира, как на параде, одно ухо выше другого. Не сделать в ответ то же самое курсант просто не мог.

При всем уважении к Шепелю огневая подготовка давалась Сергею нелегко. После рассказов о том, сколько денег Родина потратила на оборонную промышленность в целом и на выпуск одного патрона в частности, Туева накрывала жаркая волна тревоги и неуверенности: сумеет ли он правильно распорядиться этими драгоценными средствами? Рука от перенапряжения подрагивала, пуля, как следствие, летела мимо цели.

От комплекса неполноценности Сергея спас капитан Борзиков — сильно пьющий и исключительно меткий офицер, служивший раньше в охране посольства СССР в Аргентине и переведенный в училище дослуживать до пенсии. На службе он никогда не пил, но доза, принятая с вечера, замаскированная обильными опрыскиваниями одеколоном «Шипр», порой мешала капитану внятно излагать свои мысли.

Впрочем, меньше ста очков из ста возможных по «корове», как офицеры называли грудную мишень, он никогда не выбивал. Видя, что Сергей сильно переживает неудачи в стрельбе, он остался с ним в тире и, даже не научив, а просто успокоив своей невозмутимостью, добился от него уверенного выполнения армейского зачета.

Вскоре курсантам 33-й группы в очередной раз представили нового взводного. Им оказался молодой старлей Вячеслав Гончаков, прибывший

в училище с советско-китайской границы. Первое, что сделал новый ком-взвода, — стало показательное отдраивание полов в классе самоподготовки. Вооружившись тапком, шваброй и половой тряпкой, старлей на глазах у изумленного взвода три часа скреб с мылом пол, стены и парты класса.

Когда все было закончено, уставший и довольный собой Гончаков объявил:

— Я это сделал первый и последний раз сам, чтобы вы меня никогда не переспрашивали, как надо убирать помещения во вверенном мне подразделении.

Разгоряченный старлей гордо стоял в центре отдраенного класса, в расстегнутой офицерской рубашке с закатанными по локоть рукавами. Остатки мыльной пены медленно таяли на его руках и носках начищенных до блеска сапог. Сергей заметил, что нос у худощавого взводного был слишком крупный, а голос высокий, взрывной и пронзительный, словно у неожиданной потревоженной птицы.

— Этот Скворец нас еще достанет! — тихо буркнул стоящий в задних рядах Олег Гурнов. Взвод заржал, как стадо коней, и кличка приклеилась к взводному навсегда.

Олег Гурнов учился ни шатко ни валко, его вполне устраивал баланс между тройками и четверками, что никак не вписывалось в планы взводного вывести 33-ю группу в победители соцсоревнования. Очень скоро между старлеем и курсантом возникло крепкое взаимное чувство «любви» и непонимания.

Досталось от этой «любви» и Сергею. Когда его избрали комсоргом взвода, Гончаков распространил на него принцип коллективно-комсомольской ответственности. Если Гурнов получал тройку, то на все крыло казармы, которое занимала седьмая языковая рота, раздавался высокий пронзительный вопль: «Тув! Хер тебе, а не увольнение! Будешь сидеть, пока Гурнов свой трояк по истории не исправит!»

Гурнов в долгу не оставался. Накануне 23 февраля, когда курсанты и офицеры седьмой роты собрались в одном из ротных кубриков на праздничный просмотр воскресной программы «Утренняя почта», любимый ведущий страны Юрий Николаев с особой душевной теплотой в голосе объявил:

— Накануне замечательного праздника защитника Отечества по просьбе курсантов пограничного училища мы хотим сделать музыкальный подарок старшему лейтенанту Гончакову. В исполнении легендарной «Машины времени» прозвучит его любимая песня «Что за глупый скворец!»

«Голубая кровь»

Что такое первый день первого курсантского отпуска, может понять только переживший это событие человек. Казалось, только что ты показывал старшине, какого цвета у тебя носки и хорошо ли выбрит затылок, а вот с замиранием сердца протягиваешь палец в курсантской вязаной

перчатке, чтобы позвонить в родную квартиру. Сердце замирает от нахлынувшего волнения, и хочется продлить это предвкушение счастья.

— Сереженька, — мама словно мурлычет, приобнимая сына за плечи, стараясь не задеть его испачканными фаршем руками, — Сереженька приехал.

Из кухни появляется отец, в штанах-трико и припудренной мукой рваной майке.

— Так, мать, Сережку в ванную, а ты ставь кастрюлю на газ — будем запускать первую партию пельменей!

Боже мой, тут ничего не поменялось! Колочая щетина отца царапает холодную от мороза щеку Сергея. Нарочито сдержанная мама в уютном знакомом со школы халате, побужавшая с приходом сына менять домашний халат на менее удобный, но более нарядный и яркий, с немыслимыми разноцветными огурцами. Ледяная бутылка водки из холодильника, предназначенная для отца и гостей, которых обязательно пригласят на чай, домашние пироги и шахматы, чтобы было с кем разделить счастье и гордость за приехавшего на побывку сына.

Погружаясь в горячую ванную, Сергей испытал абсолютное блаженство — первая ванна за полгода!

Едва он выключил воду и стал вытираться, дверь чуть приоткрылась, и мамина рука протянула махровый халат, майку и еще горячие от утюга трусы. Как же можно было прожить целых полгода без этих милых и привычных мелочей маминой заботы!

Югославский стол в гостиной уже раздвинут и накрыт самой красивой домашней скатертью. Посередине стола — шампанское и отборные фрукты. Немецкие разноцветные фужеры и полная чаша хрустальной конфетницы переливаются в ярком свете купленной в Германии люстры. Сервиз «с мадоннами», который когда-то Сергей караулил на пересадочных станциях Берлин — Москва — Мичуринск, словно рапортовал: «Товарищ баловень вверенной мне квартиры! Семья и весь хозяйский скарб в честь вашего прибытия построены и находятся в вашем полном распоряжении».

— Вольно! — скомандовал Сергей немецкому сервизу и с удовольствием откинулся на валики своей еще детской софы.

Мама, успевшая уже и переодеться, и накраситься, выносила и расставляла на столе разносолы: запеченную в духовке курицу, фаршированные яйца, нарезки из мяса и рыбы... Сергей знал, что все это напрасно: есть все будут только пельмени, макая их по-уральски в разведенный на бульоне уксус с молотым черным перцем, но объяснить это маме не мог даже отец.

За столом родители никак не могли наговориться с сыном. Вечер пролетел как одно мгновение. Когда родители улеглись в своей спальне, Сергей, который снова почувствовал себя маленьким Сережкой, остался один в комнате с вещами своего уходящего все дальше и дальше детства.

Несмотря на потушенный свет, в комнате было достаточно светло от уличного освещения. Рядом с постелью блестела «дождиком» нарядная елочка. Сергей плюхнулся в мамины перины, уткнулся в пуховую подушку и накрылся еще одной, самой легкой периной из маминого сундука.

В комнате стало тихо-тихо, в батареях изредка чуть слышно булькала вода, пуховые перины согревали тело. Сергей на мгновение вспомнил гул казармы, крики старшины и ощутил настоящее, детское счастье.

После отпуска возвращение в казарму показалось... отвратительным. Размякшая на свободе душа обязана была вновь втиснуться в жесткие рамки режима, уставов и занятий. Вдобавок все офицеры батальона словно с цепи сорвались: с утра до вечера заставляли малыми саперными лопатками копать до асфальта никому не мешавший январский лед. Постепенно курсанты догадались, что борьба со льдом даже во время утренних зарядок была необходима: а как иначе выбить из них гражданскую дурь и напомнить, что они принадлежат душой и телом гигантской военной машине.

Во втором семестре начался предмет «Психологическая война и спецпропаганда». Вел курс молодой подполковник — крупный, жизнерадостный и многословный мужчина. Главная его задача, кажется, состояла в том, чтобы убедить будущих лейтенантов в возможности построения социализма в феодальном Афганистане. Без лишних заморочек на капиталистическую стадию развития.

Однажды на занятиях подполковника разговор зашел о том, как тонко и искусно западные спецслужбы работают с подсознанием советских граждан:

— Вот, например, вчера вам показывали фильм «Мерседес уходит от погони». Никто из вас даже не задумался над тем, почему он так называется. А все просто: раз «мерседес» уходит от погони, значит, это лучшая в мире машина. А кто производит «мерседесы»? Капиталистическая Германия. И того не подозревая, вы начинаете признавать превосходство буржуазного образа жизни.

— Товарищ подполковник, — как всегда, не утерпел Гурнов, — а вы сами-то фильм смотрели? Он про наших войсковых разведчиков и сняли его на советской киностудии!

Самой большой отдушиной для курсантов языкового факультета была кафедра иностранных языков. Два, четыре, а иногда и шесть часов в день Туев и его друзья проводили среди гражданских людей, общались с умными и интеллигентными женщинами.

Учебной группе Сергея особенно повезло: с ними занималась Марина Андриасовна — исключительно элегантная, независимая, красивая женщина лет двадцати пяти. Она всегда тщательно готовилась к занятиям, припасая для курсантов шикарные альбомы из европейских художественных музеев, вырезки из американских и английских газет, настоящую англоязычную литературу. На ее уроках курсанты часто спорили и обсуждали

последние романы из журнала «Иностранная литература», пожалуй, единственного в те годы издания, в котором публиковались популярные зарубежные авторы.

А какие в их учебной группе были клубные вечера! Гитара, варенье, пироги... «Страноведение» в исполнении Марины было не сухой теорией, а самым настоящим погружением в быт английской семьи.

Иногда она говорила необычные вещи: о праве личности не подчиняться большинству, о том, что человек имеет право на то, чтобы его оставили в покое, смеялась над практикой политотделов копаться в постелях собственных офицеров по сигналам отдельных «доброжелателей». Один раз она «превысила» рамки дозволенного, рассуждая о том, чем советская демократия отличается от западной:

— Демократию в рамках закона, — хмыкнула она, — вряд ли можно назвать демократией в ее классическом понимании.

Марину сдал кто-то из группы. Один из тех, кто ел ее пироги, читал ее книги, пел вместе под «битлов» и группу «Стикс». Сдал особому отделу. Тихо, без объяснений Марину уволили. На одного свободного человека в окружении Сергея стало меньше.

Иногда его охватывала депрессия. Он отказывался понимать, зачем надо драить автомат так, чтобы на белоснежном платке, втиснутом старшиной в спусковой механизм, не должно было остаться ни одного грязного пятнышка. Зачем часами долбить малыми саперными лопатками лед на плацу, если все равно полностью очистить асфальт от ледяной корки не удавалось ни одному батальону.

Но больше всего он не понимал, почему время его самоподготовки планировали сержанты, а не он сам. Даже выучив заданную тему, нельзя было покинуть учебный класс и пойти, например, в лингафонный кабинет или в библиотеку, а вечером после отбоя почитать любимую книгу. Каждая минута жизни курсанта Туева была расписана кем угодно, только не им самим.

И тогда он начинал думать, что хоть военная служба и непохожа на тюрьму, но все равно, любое лишение свободы на год или два оказывается очень жестоким испытанием для человеческой психики.

Чтобы не подвести своих любимых преподавателей с кафедры иностранных языков, Сергей особенно тщательно готовился к каждому занятию. Английский, как когда-то в Сиверском, продолжал оставаться для него путеводной нитью Ариадны, вселявшей надежду, что все не зря, что когда-нибудь закончится его добровольное заточение, ему присвоят звание лейтенанта и начнется настоящая романтика военной службы.

Шлифуя произношение, осваивая грамматику и расширяя словарный запас, он был готов учиться днями и ночами. Но поскольку драгоценное время самоподготовки было ограничено, он изобретал свои собственные «тренажеры» и способы изучения иностранного языка в мало приспособленных для этого условиях строевого командного училища.

Очень скоро он понял, что скрытые резервы времени, необходимые для качественного изучения английского языка, легче найти не на самоподготовке под недреманным оком замкомвзвода, а на общих лекциях. Вместо конспектирования бреда вроде того, что нес Понтитак, Сергей принялся читать Ирвина Шоу или просто запоминать новый вокабуляр. Даже наряд по такой нелюбимой им «нижней мойке» он смог приспособить под свои личные учебные планы. Прикрепив к посудомоечной машине тексты с новыми «топиками», можно было учить их ничуть не хуже, чем в лингафонном кабинете: поставил тарелку на ленту конвейера — произнес слово или фразу. Помыл за сутки несколько тысяч тарелок — «топик» так и отлетает от зубов!

Среди курсантов его курса существовала негласная конкуренция между традиционными «командниками» и «языками» — курсантами спецфакультета. Масла в огонь постоянно подливали преподаватели сугубо военных дисциплин:

— Ну что, «голубая кровь» — «белая кость»? Думаете после выпуска на чистенькую работенку попасть? Иностранцы, КПП, охрана посольств, столичные аэропорты?. Военные переводчики — мать вашу так! Все на заставы поедете!

Особенно сильно курсантов языкового факультета не любил начальник курсантской столовой капитан Куценко. Его неприязнь к будущим военным переводчикам проявлялась в какой-то остервенелой требовательности во время приема от курсантов порученных им работ. Казалось, он получал особое удовольствие, заставляя их делать какую-нибудь тупую и абсолютно ненужную работу, отрывая час, а то и два из положенных по уставу четырех часов курсантского сна в суточном наряде.

Однажды, уже в самом конце первого курса, Сергей снова работал на «нижней мойке». В этот день в училище проходил выпуск молодых офицеров, и хлопот по наведению порядка у него сильно прибавилось. Закончив с мытьем полов, Туев позволил себе помечтать о том, как через три года он также войдет в этот зал совсем в другом статусе. Присев на стул, он расслабился под лучами теплого июльского солнца и не заметил, как задремал.

Проснулся он от падения на пол, после того как злобный капитан выбил из-под него стул. Сладкая мечта испарилась, а вместо утреннего июльского солнца над лежащим на кафельном полу Сергеем склонилась красная жирная рожа брызгающего слюной и орущего матом Куценко.

Гонки на лафетах

Каждый курсант Московского пограничного училища был обречен стать отличным строевиком. Вместе с началом нового учебного года для курсантов со второго по четвертый курс начиналась строевая подготовка — училище готовилось к параду на Красной площади.

С этого момента все делились на две недовольные жизнью группы: те, кто в течение двух месяцев должен был по четыре часа в день проводить на плацу, и те, кто за них должен был ходить в наряды. Главным критерием отбора в ту или иную группу был рост: ребята от 180 сантиметров и выше записывались в парадные шеренги, остальные чуть ли не через день сменяли друг друга в нарядах и караулах.

Независимо от курса и количества пройденных парадов все участники парадного расчета начинали подготовку практически с нуля: пару недель занимала одиночная строевая подготовка, затем — подготовка шеренг, потом «слаживание» парадных «коробок», и наконец, дело доходило до прохождения в составе всего парадного расчета. Но единственная альтернатива — через день ходить в караул и наряды по кухне — привлекала Сергея еще меньше.

К моменту завершения парадной подготовки каждый курсант начинал цениться на вес золота. По училищу издавался приказ, запрещающий любые спортивные игры, старшие курсы переставали отпускать в увольнение — младшие в увольнение не пускали и так. Больше всего командование боялось нелепых и несвоевременных травм.

Для поднятия морального духа парадного расчета в последние недели перед торжественным прохождением по Красной площади командование части начинало разыгрывать призовые сладости. В каждой парадной коробке при зачетном прохождении определялась лучшая шеренга, и ее направляющий получал из рук начальника строевой части шоколадные вафельные торты. Но главным стимулом попасть на парад было железное правило — после прохождения по Красной площади весь расчет отпускали на сутки в увольнение. Двадцать четыре часа гарантированной свободы можно было заслужить сотнями изнуряющих тренировок. Как справедливо отметил однокашник Сергея Генка Кудинов, «надо сначала отобрать у человека все, после чего отдавать положенное по крупичкам в качестве огромного одолжения».

Торжественных прохождений по Красной площади на голову Сергея и его однокашников выпало больше, чем ожидалось. Один за другим из жизни начали уходить генсеки и члены Политбюро. 10 ноября 1982 года умер Брежнев. За ним Андропов, но труднее всего пришлось курсантам, когда хоронили министра обороны СССР маршала Устинова.

Мороз стоял за 35 градусов, дул сильный, пронизывающий до костей ветер. Офицеры раздобыли где-то несколько банок барсучьего жира и бегали между шеренгами, натирая им лица обмороженных курсантов. В конце концов, комбат принял единственно верное решение, и весь парадный расчет на время ожидания лафета с гробом маршала был перемещен в ГУМ.

После похорон Устинова Сергей заболел — отравился. Отделаться училищной санчастью не удалось, и его перевели в больницу на Соколиной горе. В палате лежали шесть человек. Все разговоры крутились вокруг смерти Брежнева и начатой им «гонки на лафетах». Обитатели палаты

разделились на сторонников и критиков политики Леонида Ильича. Все отметили, что во время похорон могильщики словно специально уронили гроб с телом генсека. Грохот от упавшего в последний момент гроба был слышен даже по телевизору. Сергею было не по себе. Все это как-то попахивало антисоветчиной. А как вести себя с одним из соседей по палате — сорокалетним чернявым евреем, преподавателем права, который ехидно высмеивал горячих поклонников брежневской эпохи, — он совершенно не понимал.

Правовед был очень симпатичен своей манерой вести полемику: он внимательно выслушивал собеседника, а потом разбивал его доводы одним четким аргументом, ссылкой на конкретный документ или историческую справку. Было видно, что он гораздо образованнее и начитаннее всех обитателей больничной палаты. Сергея очень огорчало, что этот умный, симпатичный еврей был очевидным врагом советской власти.

Вернувшись из больницы в училище, Сергей в ущерб любимому английскому принялся штудировать первоисточники по марксизму-ленинизму. Мотив — быть готовым к идеологической борьбе с такими умными и образованными врагами, как бывший сосед по больничной койке. На зачет по диалектическому материализму Сергей гордо принес подробно расписанный конспект статьи Ленина «Критика эмпириокритицизма».

— Вы что, товарищ курсант, — не понял Сергея преподаватель философии, — издеваетесь? Всего лишь одну работу из двадцати законспектировали? Если через неделю не будет остальных конспектов, я буду вынужден поставить вам неуд!

Вся следующая неделя у Сергея ушла на тупое переписывание чужих конспектов по философии. В итоге на кафедре марксизма-ленинизма все остались довольны, и он получил свою заслуженную пятерку.

После эпопеи с конспектами его вызвал Скворец:

— Туев, что это ты в диамат ударился? Не заболел часом?

— Нет, хотел разобраться в преимуществах социалистического строя.

— Разобрался? — казалось, Скворец чем-то встревожен.

— Нет. Времени не хватило. Пришлось принять на веру.

— Молодец. Так дальше и поступай, — с облегчением вздохнул взводный, — а то у меня в роте, когда я еще в училище учился, такой же как ты умник был: обложится Карлом Марксом, томами Ленина и строчит свои конспекты. Однажды в библиотеке его увидел начальник кафедры марксизма-ленинизма. А тот карандашом, размашисто так, как чирканет по Ленину и бурчит себе под нос: «А вот тут, товарищ Ленин, я с вами не согласен!»

— Ну?

— Ну-ну! Потом кукарекать стал по часам.

— Как это?

— Как-как! В прямом смысле кукарекать — как петух! В семь утра и в семь вечера. Представляешь? Так нормальный человек, а два раза в день кукарекает, как кретин! Отправили его на медкомиссию и комиссовали.

— Бедолага!

— Да уж, бедолага! Везет его взводный домой к родителям. Взяли билеты. В купе с ними соседи — мужик и баба. Время к семи приближается. Взводный ему и говорит: слышь, пойдем покурим в тамбур. А он ему — не хочу, не курю. Тогда взводный ему на ухо шепчет и на часы показывает: давай выйдем, а то тебе кукарекать пора — люди рядом, неудобно получится. А он как заржет, гнида: я свое уже откукарекал, товарищ лейтенант, теперь твоя очередь!

Ожившая грация

Впервые в увольнение Сергей отправился только в конце второго курса. Культom училища была строжайшая дисциплина, поддерживаемая офицерами вплоть до вручения курсантам лейтенантских погон.

Лучшим отдыхом в училище считался воскресный кросс, самоподготовка и просмотр советских кинофильмов по субботам и воскресеньям.

По выходным курсантам можно было встречаться на КПП с друзьями и близкими, но поскольку в Москве у Сергея никого не было, этот вид досуга был для него недоступен. Лишь однажды дневальный обескуражил его сообщением о том, что на КПП его ждет друг.

Оказалось, что это был Володя Цыбульский, тот самый способный математик и гордость школы № 43, которого Сергей успешно подменил на районной математической олимпиаде в Гатчине.

Володя поступил в МВТУ имени Баумана и, досрочно сдав очередную сессию, решил навестить пропавшего из поля зрения школьного друга. Со стороны Володя производил впечатление нескладного долговязого «ботаника», но Сергей хорошо помнил, что за этой долговязостью стояла могучая жилистая порода, и при желании Володя мог бы без труда стать профессиональным спортсменом.

За два года в училище Сергей заматерел, и встреча с человеком, навевающим воспоминания о гражданке, больше не создавала для него стрессовой ситуации. Однокашники уже успели вдоволь наговориться, как в скверик для встреч стремительно влетел Скворец:

— Туев, срочно собирайся. Поведешь взвод на дискотеку к девчонкам!

Сергей округлил глаза. Он уже и думать забыл, что это такое. Тем более идея дискотеки как-то плохо вписывалась в распорядок дня, к которому он успел привыкнуть за двадцать месяцев заточения в казарме. Видя замешательство секретаря комсомольской организации, Скворец объяснил все по порядку:

— Девушки из Техникума государственного делопроизводства обратились с просьбой к командованию батальона помочь им в организации

культурного досуга и направить на творческий вечер группу курсантов. Ротный решил, что поедет наш взвод. Ты — старший за проведение мероприятия. Увольнительные уже выписаны. Вопросы?

Сергей даже не нашелся, что ответить. Вот так сидишь за забором без малого два года — и вдруг «ты старший», и надо сломя голову лететь куда-то на ВДНХ на встречу с незнакомыми девчонками. Впрочем, возражать он не собирался.

Здание техникума больше напоминало добротную советскую школу сталинского типа: пять этажей, высоченные потолки, просторные классные комнаты. В одной из таких комнат девушки организовали что-то вроде школьного «Голубого огонька». Сдвинутые попарно парты превратились в импровизированные столы, накрытые всякого рода вкусностями, которые девчонки обычно готовят на занятиях по домоводству.

Глядя на такое обилие вкусной еды, Сергей отметил, что жизнь в казарме кардинально меняет вкусы человека: то, что вчера казалось простой и привычной пищей, в училище вдруг превращалось в настоящий деликатес.

Есть в курсантской столовой с аппетитом было практически невозможно. Главным источником калорий могло стать разве что «мясо белого медведя» — так курсанты называли огромные куски жира, щедро добавляемые поварами капитана Куценко в каши и супы собственного приготовления. Пустые и безвкусные первые блюда Сергей ел только благодаря наказу матери, считавшей, что отсутствие горячего супа — самый прямой путь к язве желудка. Банка сгущенки или варенья, переданные родителями кому-либо из соседей по столу, могли вызвать эйфорию и предвкушение счастья на целый рабочий день. Надо ли говорить, что девичья стряпня выглядела в глазах приехавших на вечер курсантов, словно ужин в царских палатах.

Однако и при таком раскладе внимание Сергея приковала не сладкая выпечка, а необыкновенно красивая девушка, отличавшаяся от подружек тем, что в ее глазах не читалось ни малейшего желания тратить этот теплый апрельский вечер на одинаковых, словно «из ларца», курсантов.

Замеченная Сергеем девушка выглядела таинственной иностранкой: тонкий греческий нос, грациозная шея и идеальная фигура делали ее живым воплощением одной из трех граций, возбуждавших воображение Сергея в Государственном Эрмитаже. Увидев, что ожившая грация куда-то засобиралась, Сергей окончательно забыл про пироги и решительно бросился к взволновавшей его девушке.

Грацию звали Марина.

— Ну куда же вы, девушка? Вечер еще не начался, а вы уходите.

Марина улыбнулась:

— Да я здесь сегодня по долгу службы. Комсомольское поручение как старосте группы — устроить личную жизнь девчонок путем организации культурного досуга с курсантами пограничного училища.

— Тогда вы просто обязаны проконтролировать, что у вас получилось. Нельзя же пускать такое важное дело на самотек. Что, кстати, у вас в программе культурного досуга?

— А разве для этого нужна программа? Вон девочки пироги напекли, чай заварили, варенье поставили.

— А как же без программы? Что у нас, пьянка какая? Сами же говорите — культурный досуг.

Сергей вышел в центр классной комнаты и, взяв на себя роль конференсье, объявил:

— Друзья, объявляется запись на творческие номера культурной программы нашего вечера. Подаю пример: стихи Лонгфелло, «Сумерки», читает Сергей Туев, кому посвящается — пока секрет, язык декламирования — английский.

Поэзия Лонгфелло окончательно покорила Сергея, после того как полковник Овсянников принес ему книгу «Песнь о Гайавате». «Здесь особый ритм речи и очень красивый английский», — посоветовал юноше начальник кафедры иностранных языков. Это оказалось сущей правдой — поймать ритм стихотворной строчки не просто даже на родном языке. Былинный распев Лонгфелло словно сам заставлял читать строчку верно.

Когда Сергей закончил, все дружно зааплодировали, а он поспешил к Марине.

— Хорошая самопрезентация, — улыбнулась его «грация».

— Заметили? Извините, времени мало. За два года нас впервые отпустили в увольнение, и когда будет следующий раз для привлечения вашего внимания, одному Богу известно.

— Два года? Шутите!

— Нисколько. Но сегодня я пойду на должностное преступление и отправлю ребят в училище без надзора старшего группы, то есть без себя. Я ведь у вас тоже по служебной необходимости — как секретарь комсомольской организации. Был. А теперь у меня личные обстоятельства, и я бы с удовольствием проводил вас до дома. Годится?

— Годится, — рассмеялась в ответ Марина, — только сначала до остановки.

Посадив Марину на троллейбус возле станции метро «Площадь Ноги-на», Сергей удивился той легкости, с какой он разговаривал с незнакомой девушкой. Обычно замкнутый и молчаливый в присутствии противоположного пола, он словно с цепи сорвался: ему хотелось постоянно трещать, делать Марине комплименты, показывать себя с самой положительной стороны.

«Как это она сказала — самопрезентация? — подумал Сергей. — Молодец, умная девушка. Хочу, чтобы она стала моей женой». От этой мысли ему даже не стало страшно. Наоборот, чем дольше он думал о ней, тем больше она ему нравилась.

Подошедшие переводные экзамены, весенний выезд в полевой учебный центр и многочисленные курсантские хлопоты вытеснили из сознания Сергея воспоминания о том апрельском вечере. Лишь иногда он поглядывал на аккуратно спрятанную под обложку военного билета записку с номером телефона красивой девушки. Сережа несколько раз попытался позвонить Марине домой, но каждый раз думал, что ухаживать за такой красавицей при такой периодичности выхода в Москву не имеет никакого смысла.

Нежданно-негаданно Сергея как активного комсомольского лидера привлекли к переписи жильцов многоэтажек избирательного участка, закрепленного за политотделом училища. Получив возможность пусть ненадолго, но регулярно выходить за ворота училища, Сергей с замиранием сердца набрал номер Марины. На этот раз он был сильно смущен, косноязычен и не знал о чем говорить. Марина, словно почувствовав замешательство Сергея, сама разрядила обстановку:

— Погода шепчет. Можно и погулять по такому случаю.

Чтобы выкроить время для встреч с Мариной, Сергей в один день начал делать две нормы по переписи населения, а на следующий день сломя голову летел на Беговую, где Марина жила с сестрой и мамой в уютной комнате в коммунальной квартире рядом с Московским ипподромом.

Гуляя по зеленым московским улочкам, они никак не могли наговориться. Оказалось, что родственники Марины приехали в Москву с Орловщины, завербовавшись на послевоенные московские стройки. Работящие, прагматичные и доброжелательные, они сделали неплохую для сельчан карьеру и к появлению Марины на свет уже обзавелись московскими квартирами в домах, которые сами и построили.

У Марины тоже оказались казацкие корни. Предки Азаровых были из «новосильских казаков-однодворцев», переселенных в стародавние времена в Орловскую губернию то ли с Дона, то ли из Запорожья. В 1644 году царь Михаил Федорович выдал новосильским служилым людям — стрельцам, пушкарям и казакам грамоты на владение землей в «диком поле», а в 1765 году новосильские казаки были исключены из управления воевод и получили статус «собственного особого управления». Церковно-приходские книги относили к казачьим восемь сел и приходов Новосильского уезда, в том числе Верхнюю Пшевь и деревню Верховье, откуда была родом вся Маринина родня. По местному преданию, жители Вышней Пшевы были потомками запорожцев времен Алексея Михайловича.

Листая дома у Марины дореволюционный фолиант профессора Зеленского с пугающим названием «Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненебных согласных» издания 1913 года, Сергей с удовольствием вникал в историю небольшой этнографической группы, представительницу которой он уже точно наметил себе в жены. В дореволюционной книге с ссылками на профессора Будде говорилось,

что земли на Орловщине новосильские казаки получили за «стояние на Азове» и верную Черкесскую службу.

— Марин, у меня на тебя большие планы, но я что-то не разберусь с твоими родовыми достоинствами и недостатками, — неосторожно пошутил Сергей. — Слушай, что пишет про новосильских этнограф Глаголев: главным образом в характере их — это ленность и бесхозяйственность, отсутствие промыслов и зимних работ, строгое соблюдение церковных постановлений и глубокое уважение духовенства.

Получив увесистый, но пока еще дружественный подзатыльник, Сергей продолжил:

— Во-во, а еще они грубоватые и недоверчивые.

Ему вдруг нестерпимо захотелось сграбастать эту юную казачку в охапку, расцеловать с головы до ног, но именно в этот момент в дверь позвонили, и вошла Маринина мама.

Ветер Афгана

Незадолго до конца третьего курса всех курсантов батальона Сергея собрали в конференц-зале. Это была закрытая встреча с одним из выпускников училища, которого Сергей хорошо помнил еще курсантом.

Высокий, черный от южного загара, с пепельными волосами парень был одет в темный гражданский костюм и белоснежную сорочку без галстука. На лацкане костюма блестел новенький орден Красной Звезды — самая распространенная и уважаемая боевая награда среди солдат и офицеров еще со времен Великой Отечественной. Лейтенанта представили разведчиком Группы «А», и, услышав это легендарное название, Сергей просто онемел от почтения.

Суровый лейтенант был скуп на слова, что-то говорил про боевые операции, про необходимость как можно лучше заниматься спортом, тактикой и огневой подготовкой. Как замороженный, Сергей смотрел на своего вчерашнего товарища по парадному расчету, так быстро превратившегося в настоящего боевого офицера. «Какой я дурак, что поступил на иностранный факультет! — пронеслось в голове Сергея. — Теперь меня ни за что не отправят в Афган, и придется всю жизнь торчать в каком-нибудь Пулково или Шереметьево-2». Новая мечта засияла на его небосклоне, но она, кажется, была совершенно недостижима.

Скворец, который оказался очень приличным командиром и добрым старшим товарищем, уже успел объяснить Сергею главный принцип кадрового отбора в КГБ: в Комитет нельзя проситься, Комитет сам выбирает будущие кадры.

Месяцев через пять, уже почти забывая про встречу с лейтенантом «ашником», после очередной вечерней поверки Сергей отправился спать в кубрик своего взвода. Он уже разделся, аккуратно сложил форму

на табуретку, но тут в кубрик влетел взволнованный Скворец и, прошептав в темноте: «Тувев на выход!», вышел в общий коридор, чтобы дождаться своего подопечного. Когда Сергей вышел, Гончаков начал заговорщицки шептать ему на ухо: «Карпухин приехал, хочет с тобой поговорить. Пойдешь?»

Если бы среди ясного неба грянул гром и Сергея ударила молния, он бы остоленел меньше, чем от слов своего взводного: сам Карпухин, отец-основатель Группы «А», хочет с ним поговорить! Да как Гончаков может спрашивать, пойдет ли он на встречу с этим легендарным человеком?

Карпухин ждал Сергея в штабе. В училище уже был проведен отбой, и все корпуса, включая штабной, были погружены в темноту. В коридорах штабах горело только дежурное освещение, и эта таинственная темнота с гулкими шагами взволнованного и немного ревнующего к Сергею Скворца делали предвкушение от будущей встречи еще слаще и тревожнее.

Карпухин, грузный отекший мужчина с огромными кулаками в форме полковника ВДВ, сидел в кабинете начальника отдела кадров. Сергей знал, что «ашники» в качестве прикрытия избрали форму десантных войск. На столе перед двумя полковниками стояли два стакана крепкого чая в латунных витиеватых подстаканниках, но в воздухе определенно пахло не чаем, а выдержанным армянским коньяком.

— Пойдешь ко мне служить? — без обиняков, не ответив на уставное приветствие курсанта, спросил у Сергея Карпухин.

— Пойду! — выпалил в ответ Сергей, не колебавшись и доли секунды.

— А у меня убить могут. Пули свистят. Война каждый день, — захмелевший Карпухин продемонстрировал, как пули свистят над его ушами. — Пойдешь?

— Так точно. Пойду! — еще более четко повторил почему-то успокоившийся Сергей.

— Вот и хорошо, — произнес явно довольный реакцией Сергея Карпухин. — Можешь идти готовиться.

Когда он вышел и пересказал этот короткий, как автоматная очередь, диалог Скворцу, тот уважительно присвистнул и переспросил:

— А что, действительно не боишься?

Разве мог он представить, что сейчас творилось в голове у Сергея! Он отчетливо понимал, что только что принял самое ответственное решение в своей жизни. Голова кружилась от нахлынувшего прилива крови, в ушах стучало, состояние было такое, словно он сейчас уже должен был броситься под пули, которые так живописно показал над своими ушами Карпухин.

Кроме Сергея Карпухин отобрал еще двух курсантов. Это были Скиф — Андрей Скифанюк из разведгруппы факультета иностранных языков, и его тезка Андрей Рудаков по прозвищу Слон с командного факультета. Со Слоном вот уже несколько недель Сергей сидел за одним столом

в курсантской столовой и не переставал поражаться этому удивительному человеку.

Во-первых, Слон был огромных размеров. Он был не просто высокий — более двух метров ростом, но еще и ширококостный с огромной мышечной массой, равномерно распределенной по всему его богатырскому телу. Андрей на всех парадах был направляющим первой шеренги батальонной коробки и самым заметным парнем 3-го батальона.

Он обладал огромной физической силой. Один раз Сергей был свидетелем, как он, поспорив, взвалил на загривок бетонную армейскую урну, весом килограммов двадцать, и пробежал с ней три километра на оценку «отлично» по нормативу общевойскового военно-спортивного комплекса.

Кроме того, Слон увлекался философией и после школы даже собирался поступать на философский факультет МГУ. На третьем курсе вместе с Сергеем он все-таки принял участие во всероссийском конкурсе студенческих работ по философии и уже в первом туре стал его победителем.

Со Слоном Сергеем было по-настоящему интересно. Андрей рассуждал абсолютно нестандартно, поднимая за ужином темы бесконечности Вселенной, относительности времени, временности человеческого бытия и необязательной материальности окружающего мира. Философский идеализм ему прощали, похоже, по благу: отец его был известный в КГБ генерал и руководил хозяйственным управлением всего Комитета.

Скиф производил на Сергея впечатление смелого, разухабистого шаляпою. Но учился легко, занимался рукопашным боем, отменно стрелял. В общем, по сравнению с двумя этими кандидатами в группу «А» Сергей чувствовал себя законченным «ботаником».

Стипендиат ЦК ВЛКСМ

В конце третьего курса неожиданно для себя Сергей стал стипендиатом ЦК ВЛКСМ. В политотделе ему вручили знак «Отличник погранвойск» первой степени, увольнение на трое суток и адрес гостиницы «Орленок», где должны были собраться лучшие комсомольцы-пограничники со всего Советского Союза. В программу входила серия мероприятий, первым в череде стояли торжественный прием в ЦК ВЛКСМ и вручение почетных грамот.

Грамоту ЦК Сергею вручал самый известный пограничник Советского Союза — полковник Карацупа. Сергей внимательно всматривался в глубокого старика, с большим трудом сумевшего простоять на ногах двадцать минут на церемонии вручения почетных грамот. Трудно было представить, что когда-то в одиночку вместе со своим знаменитым псом Ингусом, чье чучело Сергей уже видел в Музее пограничных войск, он задержал более четырехсот нарушителей государственной границы.

Ему стало жаль старика Карацупу. Он подумал, что это неправильно так жестоко эксплуатировать старость героев: вряд ли сам Карацупа в здравом

уме и молодом возрасте захотел бы, чтобы его кто-то пожалел, да и Сергей не рад был видеть своего кумира в таком разваливающемся виде.

Прописавшись в гостинице, Сергей договорился с напарником по номеру, что в обмен на полное распоряжение его кроватью и талонами на питание, тот будет тщательно скрывать его отсутствие и запоминать все детали предстоящей программы. Отсутствие на торжествах, устроенных в честь лучших молодых пограничников, не означало, что Сергей не должен был знать об их содержании к моменту своего возвращения в училище.

Улизнув из «Орленка», новоиспеченный стипендиат полетел к Марине. На этот раз Марина ждала его в большой трехкомнатной квартире отца и бабушки на Бауманской, где у нее была своя маленькая комната.

В доме вкусно пахло домашней выпечкой, а сама девушка заканчивала мыть полы. На столе стояли запеченные под сметаной карпы, холодец, соленые огурчики, запотевший графинчик с ледяной водочкой, черный хлеб и настоящее деревенское сало. Нагнувшись над дымящейся, только что откинутой из кастрюли картошкой, Сергей вдохнул ее аромат и с блаженством подумал: «Как дома!»

В этот момент в комнату вошла успевшая переодеться Марина. На ней была легкая белая блуза и подчеркивающая идеальную фигуру юбка цветов французского флага.

Так основательно его не принимала ни одна девушка. Шампанское, канапе на шпажках, кофе и конфеты — все это было в его жизни, но вот так, сразу главным артиллерийским калибром с запеченными под сметаной карпами, домашними пирожками, грибочками и ледяной водочкой — никогда!

Сергей очень ценил отношения, которые за год знакомства сложились у него с Мариной. Впрочем, назвать годом это можно было с большой натяжкой. В общей сложности минуты их мимолетных встреч складывались в несколько полных часов, зато каждую такую минуту Сергей помнил месяцами.

Им двоим было интересно друг с другом. Он чувствовал, что Марина уважала его стремление стать настоящим офицером и служить стране на самых сложных и опасных участках. Они были очень молоды, но странным образом не по годам зрелые по своим жизненным намерениям, целям и пониманию окружающего мира. Сергею даже в голову не приходило, что с Мариной можно «покрутить роман» — эту девушку он рассматривал только как жену, свой будущий офицерский тыл и мать его детей. Ему иногда казалось, что их платонические отношения слишком затянулись, но переступить дружескую грань не осмеливался — боялся реакции Марины. Черт возьми! В течение этого года они стали близкими друзьями, но ни разу не целовались!

Вскоре в квартире появились Маринины бабушка и отец. Познакомившись и поговорив с родственниками, молодые люди пошли в комнату

девушки. Комната была маленькой и узкой, как келья. На стенах — бордовые в огурцах обои, у окна — небольшой стол, гитара, узенькая одноместная тахта.

— Располагайся, отдыхай, а я пока помою посуду. Только отвернись — мне надо надеть халат.

Сергей отвернулся и почувствовал, что стал таким же багровым, как обои, в которые он уткнулся носом:

— Уже можно?

— Можно, я только застегнусь.

Сергей развернулся, неловко прижал к себе столь желанную девушку и, понимая — сейчас или никогда, — поцеловал ее в губы.

Марина осторожно погладила его по голове:

— Ну надо же, решился.

Окрыленный собственной отвагой, Сергей выпалил:

— Давай завтра подадим заявление в ЗАГС. Четвертый курс на носу, женатым курсантам свободный выход обещают.

Переночевав у старого школьного товарища еще по Вернойхену, Сергей вернулся за Мариной. Вместе они шагали в Дворец бракосочетаний «Аист» на Ленинградском проспекте, и на душе у них было легко и весело. Во дворце оказалось, что с момента подачи заявления им надо подождать еще три месяца. «Что за бюрократия!» — ворчал для порядка Сережа, хотя на самом деле ему было все равно: в душе он считал, что, сказав друг другу самое главное, они и так породнились гораздо надежнее, чем на бумаге с гербовой печатью.

Подав заявления, они решили поделиться своими планами с родителями. Купив пачку зефира в шоколаде, Сергей и Марина отправились на Беговую к Мариной маме. Удивившись такому раннему визиту, Лидия поставила чайник и достала из-под дивана банку земляничного варенья. Сергей долго не решался начать разговор, тщательно подбирал нужные слова и прокручивал в голове построение правильных в этом случае фраз. Увлечшись, он не заметил, как один съел всю подарочную упаковку зефира. Оставив без сладкого удивленно смотрящую на него Марину и ничего не понимающую Лидию, Сергей, наконец, собрался духом и произнес:

— Лидия Иосифовна, мы с Мариной подали заявление на регистрацию брака. В общем, я люблю вашу дочь и хочу, чтобы она стала моей женой.

Лидия укоризненно посмотрела на дочь, глаза ее стали влажными от слез:

— Могла хотя бы намекнуть. Еще та партизанка! — несколько секунд Лидия не могла взять себя в руки. — Главное, чтобы это у вас серьезно было.

Стараясь скрыть нахлынувшие чувства, Лидия вышла из комнаты. Марина, расстроенная волнением матери, с шутливым упреком спросила Сергея: «Ты зачем весь зефир съел? Чем мы теперь твое сватовство обмыкать будем?»

Лидия вернулась в комнату. Спокойная и улыбчивая, как ни в чем не бывало, она обратилась к Марине и Сергею:

— Я забыла, на самом деле полтора года назад меня Марина предупреждала.

На этот раз лица вытянулись уже у молодых людей. Лидия улыбнулась и продолжила:

— Помнишь, Мариша, тот вечер, когда вы приглашали к себе в техникум курсантов-пограничников? Ты тогда еще сказала, что встретила такого хорошего мальчика, что если он сделает тебе предложение, то выйдешь за него замуж.

Все дружно рассмеялись.

Увлечшись решением личных вопросов, Сергей чуть не забыл про ЦК ВЛКСМ и подготовленную для него ответственную программу. Внимательно выслушав своего напарника по гостиничному номеру в «Орленке» про праздничный концерт в Кремлевском дворце съездов, встречи с ветеранами и посещение московских театров, он с чистой совестью вернулся в училище.

Замполит для встречи с Сергеем уже собрал в конференц-зале весь третий курс.

— Ты бы еще позже вернулся, — ворчал он на ухо счастливому Сергею, — смотрю, понравилось тебе в ЦК ВЛКСМ, светишься, как начищенный самовар. Надо обо всем товарищам рассказать.

Понимая, что отступить некуда, Сергей вышел к трибуне и добрый час рассказывал однокашникам про то, как своим вниманием его удостоил сам Карацупа, про горячие комсомольские дискуссии в гостинице «Орленок», про Большой театр и про то, «как советские космические корабли бороздят просторы космического пространства». Когда под громкие аплодисменты товарищей он сходил с трибуны, замполит растроганно вздохнул:

— Ну и память у тебя, Туев, — позавидовать можно!

Последний аккорд

Кем для курсантов языковой роты был капитан Ветров, трудно поддается описанию. «Царь, бог и воинский начальник» — пожалуй, одно из самых затасканных и потому бледных определений этого феномена.

Два метра ростом, широкоплечий жилистый силач с побитым оспой лицом, никогда не знавшим улыбки, — такой образ являл своим подчиненным командир седьмой роты, подавляя, дисциплинируя и одновременно вселяя благоговейный трепет.

Все время, которое Сергей провел в училище, Ветров был главным знаменосцем училища на всех парадах. Казалось, это не человек, а машина для образцового переноса Красного знамени. Когда Ветров нес знамя

части, его длинные ноги как натянутые струны взлетали почти параллельно земле, от удара по брусчатке звенела и подрагивала мостовая. Знамя при этом жило своей собственной жизнью — легко и плавно, словно в замедленном кино, проплывая мимо Мавзолея.

Как-то во время самоподготовки Ветров нагрянул в группу Сергея для проверки наведенного курсантами порядка. Замкомвзвода проорал «Смирно!» и доложил капитану, чем занимается группа. Ветров с видом глубоко разочарованного жизнью человека неторопливо обвел взглядом учебный класс и мрачно произнес:

— Почему в классе бардак?

Замкомвзвода сержант Еремин от удивления застыл. Зная о возможном приходе Ветрова, он лично залез в каждую щель, чтобы убедиться, что даже там все отдраено с мылом.

— Разрешите получить замечания, товарищ капитан. Правда, не понимаю за что — я лично проверял готовность аудитории к вашему приходу!

— А здесь? — Ветров положил свою широкую ладонь на огромный доверху набитый книгами шкаф, сдвинуть который могли только двое очень сильных курсантов, и почти без усилий, словно обычную дверь, развернул его на 90 градусов от стены. За шкафом открылась узкая полоска пыли с парой кургузых доисторических фантиков.

Еремину оставалось только развести руками.

Дело потихоньку шло к свадьбе, и в какой-то момент Марина и Сергей сели за составление списка гостей. Предполагалось, что их будет не более тридцати, большинство из них — друзья молодоженов. Вспоминая своих знакомых, Марина произнесла:

— И еще надо не забыть пригласить мою подругу Тоню с Сашей Ветровым. Это ее муж, он где-то у вас в училище работает. Ты его случайно не знаешь?

Сергей чуть не выронил ручку. Если бы Марина сказала про Тоню с «Юрой Андроповым», он и то прореагировал бы спокойнее. Самыми несочетаемыми в мире понятиями в его сознании были слова «Саша Ветров и его невеста Марина». То, что у капитана Ветрова было имя, Сергей догадывался, но что кто-то на земле мог обратиться к этому строевому зверюге просто «Саша», тем более его любимая девушка, в голове не укладывалось.

— Да, да, да, — как ни в чем не бывало продолжала Марина, — это даже символично. Помнишь наше первое знакомство? Меня тогда Тоня выручила — я понятия не имела, откуда взять курсантов на вечер. Я ее как староста иногда прикрывала — не отмечала прогулы, отпускала пораньше. Она постарше всех нас, замужем, с детьми. Вот Саша и помог.

— Саша, говоришь? Может, еще Шурик, скажешь? — приходя в себя, буркнул Сергей.

— «Шурик» тоже годится — он всегда такой доброжелательный, веселый, душа, а не человек!

— А Тоня в курсе, что мы встречаемся? Пожениться решили?

— Нет. Зачем это кому-то знать раньше времени. Вот определимся точно, тогда и скажу.

— Ладно. Тогда я вашего «Шурика» сам приглашу. Пусть будет сюрприз.

Свадьбу сыграли осенью, в начале четвертого курса в ресторане «Печора» на Новом Арбате. Общий бюджет торжества составил двести рублей, с четырьмя сменами блюд, спиртным и свадебным кортежем. Деньги собирали вскладчину. Марина откладывала со своих первых зарплат: по распределению после техникума она попала на работу в Госплан. Сергей на организацию свадьбы отдавал свою лауреатскую стипендию. Организацию всего взяли на себя друзья Сергея по училищу — Коля Якушев, Андрей Федоренко и Игорь Строганов. Из училища на свадьбе были взводный Гончаков с женой и Ветров со своей Тоней.

Когда после свадьбы курсанты и командиры крепко навеселе возвращались домой, Тоня обнаружила, что обронила где-то золотую цепочку. Как всегда невозмутимый, Ветров прокомментировал:

— Не переживай. Вернусь домой, дам бутылки и куплю тебе новую.

Гончаков перед расставанием обратился к друзьям:

— Ночь на опохмел и завтра как штык быть к вечерней поверке. Молодожену — сутки. Если вопросов нет — вольно, разойтись!

— Веселый у тебя командир, — попрощавшись с гостями, заметила Марина.

— Скворец и есть Скворец! Что с него возьмешь? — Сергею не понравился командирский тон Гончакова — в этот день можно было обойтись и без «военной косточки».

Слухи о свободном выходе для четвертого курса подтвердились. Одной из последних инициатив Андропова на посту председателя КГБ стал приказ, по которому все курсанты высших учебных заведений Комитета государственной безопасности получали право свободно покидать территорию своей воинской части после окончания учебных занятий.

Правда, командование училища и курса Сергея истолковали «свободный выход» по-своему: холостым курсантом разрешалось выходить за ворота училища после ужина и до отбоя. Ужин при этом заканчивался в 21.00, а отбой проводился в 22.30. Плюс время на переодевание в «парадку», проверку внешнего вида, выписывание увольнительных удостоверений. В итоге времени оставалось ровно столько, чтобы выйти за ворота КПП и пять минут покурить на свободе. И еще: «свободный выход» разрешался в понедельник одной роте, во вторник — другой, в среду — третьей. К счастью, на «женатиков» это не распространялось.

Женатые курсанты уходили к семьям также после ужина, а утром в семь уже должны были стоять с голым торсом на зарядке вместе со всем батальоном. Для Сергея, снимавшего с Мариной квартиру в Бирюлеве, это означало ежедневную вечернюю гонку из Медведкова в Бирюлево — дома

у молодой жены он появлялся в двенадцатом часу. Потом была бессонная ночь, ранний подъем в пять часов утра и утренняя гонка из Бирюлева в училище. «Бодрящее» участие в ротной зарядке с ее традиционными кроссами и силовыми упражнениями на спортивном городке становились явным излишеством в его утреннем моционе.

Откровенно говоря, на четвертом курсе Сергей уже толком не учился. Да и как можно учиться, если по ночам ты не спишь с молодой женой, на лекциях предпринимаешь невероятные усилия, чтобы тебя не свалил под парту здоровый, честно заслуженный сон, а после обеда, до очередного выхода в увольнение, ищешь потайные места в каптерке или читальном зале библиотеки, чтобы подремать хотя бы тридцать минут. В итоге он сам был вынужден перейти на режим «сутки через сутки»: один день на встрече с Маришкой, один — на «отсыпной».

Неожиданно для выпускников за пару месяцев до экзаменов командование роты принялось закручивать гайки. Как известно каждому, кто носил военную форму, все групповые передвижения в части осуществляются строем. По уставу — либо бегом, либо строевым шагом. Но если первогодки лупят по асфальту строевым с утра до вечера, то курса с третьего офицеры начинают давать курсантам поблажку и на четвертом курсе достаточно просто идти в ногу, не разговаривая.

Вот и в этот раз рота капитана Ветрова без особого строевого «напряга» возвращалась из учебного корпуса в казарму. На середине пути, на обочине дороги, как обычно, появился Ветров.

— Р-р-рота! — как положено подал команду старшина курса Ваня Доминевский. Курсанты символически приподняли ногу и чуть громче шлепнули сапогами по асфальту. Ветров остался явно недоволен.

— Доминевский, остановите роту и верните ее в исходное положение, — мрачно, как всегда без тени эмоций, приказал Ветров.

Вернувшись на исходную, рота прошла мимо своего командира еще раз, но полноценного строевого шага, которым она безукоризненно овладела за четыре года парадной подготовки, Ветров так и не услышал.

— Ладно, — тихо, сквозь зубы произнес ротный, и по спинам уже почти лейтенантов поползли неприятные мурашки.

В три часа утра в помещение роты прибыли все курсовые офицеры, одетые в полевую форму.

— Рота, подъем! Тревога! В полном боевом снаряжении строиться на плацу! — это означало, что через пять минут на плацу должны быть не только вооруженные до зубов курсанты, но и все групповое снаряжение, положенное роте для самостоятельного выполнения возможных боевых задач: цинки с боеприпасами, ящики с приборами ночного видения, тяжелые пулеметы, продукты питания и прочий тревожный скраб.

На все у роты ушло пять с половиной минут.

— Результат неудовлетворительный, — констатировал Ветров, — отбой!

Курсанты поволокли имущество обратно на пятый этаж казармы. Как только все имущество было возвращено в ружпарк и каптерку, а успокоившиеся были курсанты легли в свои кровати, Ветров снова подал сигнал тревоги. На этот раз рота уложилась за четыре минуты.

— Уже лучше, — констатировал Ветров и отдал новую команду: — В десяти километрах от расположения нашего «погранотряда» вооруженная группа противника вторглась на советскую территорию. Нам поставлена задача: выдвинуться на условный рубеж, блокировать противника и не допустить его дальнейшего продвижения на территорию советского государства. Роте приказано действовать в пешем порядке, совершить марш-бросок с полной боевой выкладкой, занять указанный рубеж и удерживать его до подхода основных сил.

Курсовые офицеры разошлись по своим учебным взводам и, скомандовав: «За мной бегом марш!», вывели роту на училищный стадион. К подъему уставшая и мокрая от пота рота снова затаскивала свое имущество на пятый этаж. Взводный скалозуб Гена Кудинов пошутил: «Знаете, где в сказке про Буратино говорится про советскую армию?» И как всегда мрачно процитировал: «Наступила полночь. В Стране дураков закипела работа».

В обед Ветров снова ждал роту на прежнем месте. «Р-р-рота!» — снова прокричал Ванька Доминевский. На этот раз курсанты даже не сымитировали строевой шаг. Всем было понятно, за что они всю ночь бегали вокруг училища, и сдаваться Ветрову за пару месяцев до выпуска так просто никто не собирался.

— Не поняли! — даже как-то обрадованно сказал Ветров.

На следующую ночь снова были тревога и марш-бросок с полной выкладкой. В обед рота снова проигнорировала Ветрова.

— Нет, поняли, но не хотят! — снова обрадовался Ветров.

Все увольнения для курсантов отменились, курсовые офицеры были переведены на усиленный круглосуточный режим службы. Каждый из них теперь дежурил на занятиях и самоподготовке, оставаясь на ночь в казарме. В роте был вывешен специальный план повышения боеготовности. О подготовке к госэкзаменам и сдаче текущих экзаменов за четвертый курс можно было забыть.

Курсанты, почти с уже прорезавшимися на погонах звездочками, от бессонницы и еженощных нагрузок ходили как тени. Примерно через неделю, когда Ветров снова встал на пути роты, кто-то из строя в отчаянии крикнул: «Да ну его на х..., мужики! Он же от своего не отступит. Давай пройдем один раз как надо!»

В ответ рота ударила по асфальту как положено. Довольный Ветров молча развернулся и ушел. Больше ночных тревог и попыток заставить выпускную роту пройти строевым шагом не повторялось. Ротный до конца остался хозяином положения.

Это событие Сергей с друзьями до хрипоты обсуждали со Скворцом. К концу училища грань, разделявшая курсантов с завтрашними молодыми офицерами, почти стерлась.

— Ну, ведь можно было поговорить с нами по-хорошему, — больше всех кипятился Николай Якушев, бывший свидетелем на свадьбе у Сергея и Марины и принявший от Сергея пост секретаря комсомольской организации взвода.

— Нельзя в войсках рассчитывать на хорошие отношения, — отвечал Скворец. — Вас же, дураков, учат, как себя вести с солдатским коллективом. Заметь — без нарушения устава.

— Не по-комсомольски все это, — не останавливался Якушев.

— Вот вернешься с границы через год, мы с тобой поговорим, — яростно спорил Скворец. — Куда солдата не целуй, у него везде жопа!

— Начальник кафедры иностранных языков по-другому считает, человеческое достоинство должно быть на первом месте, — поддержал Николай Сергей, уже успевший вступить в ряды КПСС.

— Начальник кафедры ваш — кадровый разведчик. В войсках он ни дня не служил, и отношения там другие. Я же скажу вам так: лучше иметь под своим началом семь совершенно секретных сейфов, чем одного «отличника боевой и политической подготовки».

К концу учебы Сергей с любопытством наблюдал за разницей в жизни курсантов-«командников» и будущих военных переводчиков. Ребята с командного факультета значительно больше времени тратили на «качалку» и занятия культуризмом. Когда на четвертом курсе стало не обязательно немедленно ложиться спать после отбоя, многие курсанты тратили дополнительные временные резервы на гири, штангу и рукопашный бой.

«Языки», с завистью смотря на своих красующихся бицепсами товарищей, с охалкой словарей под мышками отправлялись в ленинскую комнату. Программа подготовки при этом была составлена таким образом, что курсанты языкового факультета должны были усвоить тот же объем военных дисциплин, что и «командники», только за гораздо меньшее время. При этом надо было получить полноценный диплом военного переводчика.

Когда же начались государственные экзамены, в училище был зафиксирован удивительный феномен: языковая рота сдала все военные и специальные дисциплины значительно лучше, чем курсанты командного факультета. Сергею это понравилось: не зря он провел в добровольном заочении четыре года. Ему хотелось думать, что за это время он сумел получить целых два полноценных образования: и военное, и гражданское.

Неожиданным ударом для Сергея за три недели до выпуска стало известие, что его не берут в Группу «А».

— Понимаешь, Серега, — словно оправдывался капитан Ветров, — мы знали, что один из вас троих запасной, но кто конкретно, решили сами

«ашники». Можешь выбирать любой округ, куда поедешь служить. Ты стипендиат — у тебя есть право выбора.

Оглушенный этим известием, Сергей долго не переживал: он высоко оценивал то, чего добился за последние четыре года, с ним была его любимая жена, а Родине виднее, где понадобятся его талант и усердие. «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют», — так Сергей прокомментировал Марине их новые перспективы.

— Мне предлагают округ по выбору, — засунув в телефонный аппарат вместо монеты пружину от фуражки, советовался с женой Сережа, — для меня лучше всего два варианта: Дальний Восток — там труднее всего, и можно быстро многому научиться, и Прибалтика — там меня точно распределят на КПП и будет реальная возможность работать с иностранным языком. Что думаешь?

— Решай сам, — Марина выдержала дипломатическую паузу, — но Прибалтика звучит как-то менее пугающе.

Сергей и представить себе не мог, что проходил одно из самых сложных проверочных заданий группы отбора в Первое главное управление Комитета государственной безопасности — внешнюю разведку. Кадровики зорко следили, как поведет себя завтрашний лейтенант в ситуации, когда у него отбирают такую желанную и уже обещанную мечту.

Когда начались госэкзамены, Сергея снова вызвали в кадры.

— Сергей Александрович, — уже совсем как с офицером заговорил с ним главный кадровик училища, — Комитет государственной безопасности готов сделать вам еще одно предложение. Для дальнейшего прохождения службы мы планируем направить вас в совершенно секретное подразделение специального назначения. Служить будете в Управлении «С» — это нелегальная разведка. Характер работы примерно тот же, что и у «Альфы», только за пределами страны. Согласны?

Лейтенант государственной безопасности

Кадровые «козни» никак не повлияли на подготовку Сергея к выпускным экзаменам. Все самые сложные были позади, и на них Сергей получил уже привычные для себя пятерки. Оставался только один, профильный для Сергея экзамен — «Служба контрольно-пропускных пунктов в местах пропуска через государственную границу».

Этот предмет стипендиат ЦК ВЛКСМ Сергей Туев знал лучше всего. Самой сложной частью экзамена была теория: надо было знать огромное количество нормативных документов, специфику выдачи и защиты паспортов иностранных государств, систему охраны государственной границы в аэропортах, морских портах, железнодорожных и автомобильных

пунктах пересечения границы. По этой части Сергей также получил «отлично». Оставалась какая-то мелочь — решить вводную задачу, вытянув еще один экзаменационный билет с практическим заданием.

Сергею попалась вводная, которую он хорошо знал: надо было произвести простые расчеты и «прикрыть» условно пришвартованное у причала югославское судно. Сергей знал, как это делается даже не в теории: проходя стажировку на морском КПП «Ильичевск», что под Одессой, он неоднократно участвовал в подобной процедуре. Специфика охраны морских судов заключалась в их государственной принадлежности. Суда из капиталистических стран советские пограничники прикрывали самым надежным способом, выставляя как минимум трех часовых — у трапа, кормы и носа.

В случае необходимости и наличия оперативных сигналов отдельный пост мог быть оборудован и с моря, с помощью патрулирующего акваторию пограничного катера. В случае с Югославией работало «правило исключения» — все корабли этой страны приравнялись к капиталистическим.

Когда Сергей начал свой доклад, в экзаменационный зал вошел председатель государственной комиссии — генерал Насиров. С выраженным кавказским акцентом, очень похожим на тот, каким в советском кино дублируют Сталина, генерал задал Сергею несколько уточняющих вопросов. Он уверенно доложил свои версии ответов. Насиров с удовлетворением покачал головой.

В целом выпускной батальон показывал невысокие результаты. По училищу ползли слухи, что у госкомиссии была задача «валить» выпускников в связи с тем, что на границе с Турцией ушел на сопредельную территорию молодой лейтенант, годом раньше окончивший Голицынское пограничное училище с красным дипломом. Убегая к Марине, Сергей думал, что эти страхи его не касались — «госы» были уже позади.

На следующий день, вернувшись из увольнения, Сергей слушал доклад начальника кафедры КПП о результатах сданного экзамена. Когда дошла очередь до Сергея, полковник произнес: «Туев — оценка «хорошо». Сергей даже не придал этому значения:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться! Вы, наверное, ошиблись — у меня должна быть пятерка.

Расстроенный отметкой Туева, начальник кафедры подтвердил свои слова и разрешил обратиться к председателю комиссии по своему предмету, назначенному из Московского аппарата погранвойск. Председатель комиссии по «Службе КПП» встретил Сергея сначала приветливо:

— Да, да, я хорошо помню ваш ответ: уверенно, грамотно, не стусеивались, даже когда вошел Насиров. Очень хорошая, крепкая, заслуженная четверка!

— Товарищ полковник, а почему не пятерка? Я прошу прощения, но это был последний «гос» и моя первая четверка на экзамене за четыре

года обучения, — попытался объяснить полковнику свой вопрос оставшийся без красного диплома без пяти минут лейтенант.

— Как вы смеете требовать от комиссии более высокую оценку?! — сразу перешел на крик раздосадованный полковник.

— Я не требую, товарищ полковник, я хочу знать, где был неправ и в чем допустил ошибку. Если вы мне это не объясните, я буду писать рапорт о необъективно выставленной мне оценке, — внутренне собравшись, вежливо и сухо ответил Сергей.

— Нахал! Выйдите вон! — продолжал орать на него полковник.

Выйдя из учебной аудитории, Сергей подал по команде рапорт о передаче экзамена по службе КПП по причине необъективно выставленной ему оценки.

Скворец с восхищением покачал головой: «Ну ты даешь! В училище за полвека такое первый раз!» Ветров, подписывая рапорт, тоже поддержал Сергея: «Ну, теперь у тебя только один выход — идти до конца. Сегодня пятница, завтра экзамены в тридцать второй группе. Думаю, в понедельник тебе назначат пересдачу».

Просидев еще два дня за инструкциями в секретной библиотеке, Сергей выучил наизусть все, что касалось морских пунктов пропуска через государственную границу. В понедельник он и вправду был приглашен на пересдачу. На этот раз в составе комиссии сидели генерал Насиров, начальник училища генерал Толкунов и начальник политотдела генерал Черечукин.

Председатель комиссии по предмету КПП уже не чувствовал себя так вольготно:

— Товарищ курсант, ваша ошибка в том, что вы невнимательно прочитали задание, из которого следует, что для того, чтобы реализовать ваш замысел в штате КПП, недостаточно личного состава.

— Разрешите отвечать, товарищ генерал? — напрямую к Насирову обратился Сергей.

— Отвечайте, — с любопытством разрешил генерал.

Сергей подошел к доске, провел оценку сил и средств, имевшихся по условиям вводной на КПП, после чего, проделав работу начальника КПП, доказал, что требуемые для прикрытия югославского судна люди у него были.

— Подождите за дверью, — попросил генерал.

В коридоре за Сергея «болели» все курсовые офицеры батальона:

— Ну что, держишься? — с нескрываемым интересом облепили его ротные и взводные 3-го батальона.

Не успел Сергей ответить, как его снова пригласили на комиссию, где ему был задан еще один вопрос, потом еще один и еще. Вооружившись указкой, словно шпагой, он бегал у доски и доказывал несостоятельность новых и новых обвинений своего оппонента. Для принятия решения его снова попросили подождать за дверью.

Когда Сергей зашел в комнату экзаменационной комиссии последний раз, расстроенный вконец полковник, стараясь не смотреть курсанту в глаза, сформулировал свою итоговую претензию, суть которой состояла в том, что Сергей слишком хорошо прикрыл судно дружественной нам страны и допустил политическую ошибку, провоцируя друзей из соцлагеря на недовольство. Сергей понимал, что это заведомая ложь и сопротивление бесполезно.

— Товарищ генерал, — снова обратился он к Насирову, — я снимаю свою претензию. Разрешите идти?

— Идите.

Когда Сергей уже открывал дверь, генерал встал и, подойдя к курсанту, по-сталински нараспев произнес:

— Ви, мнэ нравитесь. Ви умеете постоять за свою точку зрения. Но я не могу исправить вам оценку.

Курсанты уже убежали по своим делам, но у дверей в этот момент оказался заместитель начальника училища по строевой части. Узнав, что оценку Сергею оставили прежней, он спросил, куда тот направлен по распределению.

— В КГБ, — ответил Сергей, стараясь не сказать ничего лишнего.

— Так чего же ты тогда переживаешь? Кому там нужны твои пятерки? — успокоил полковник выпускника.

Выйдя из штаба, Сергей отправился к портным, чтобы забрать свою лейтенантскую парадную форму. Цех по пошиву военной одежды располагался в училище на первом этаже здания, в котором находились казармы батальонов. В «чепке» пожилая и худая, как борзая собака, буфетчица, не стесняясь в выражениях, отчитывала огрызнувшегося на нее курсанта-первокурсника.

«О, боже, — промелькнуло в голове у Сергея. — Как все знакомо! Неужели все это уже позади?»

Переодевшись в парадный мундир, Сергей долго смотрел на свои погоны с золотым шитьем, офицерскую фуражку и наглаженные утюгом и парафином парадные сапоги. Завтра он наденет всю эту красоту, чтобы получить долгожданный диплом, раз и навсегда снимет военную форму и никогда уже не будет пограничником.

«ЗА КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД БЕЛЫМ ДОМОМ»

Тихая дача

Выйдя на остановке ДорНИИ из битком набитого пригородного автобуса, Сергей направился к неприметной проходной на самой окраине подмосковной Балашихи. Странного вида вахтер, то ли узбек, то ли туркмен, в дорогом спортивном костюме и накинутом сверху армейском бушлате долго рассматривал его новенькое офицерское удостоверение и предписание явиться в в/ч 35690 для дальнейшего прохождения службы.

— А вы уверены, что вам сюда? — как-то по-восточному робко, словно стесняясь, спросил охранник.

«Е-мое! Что же я мог напутать? — жарким вихрем пронеслось в голове Сергея. — Разведчик! Нелегал! Шут гороховый!»

— Да не дрейфь, лейтенант! Чужие здесь не ходят. В штаб тебе, вон туда. Видишь трехэтажное здание? — указал рукой переменившийся в манерах «узбек».

Жар от головы отошел, но руки у Сергея зачесались от большого желания треснуть по лбу этому нерусскому пересмешнику.

— Да не злись ты, — дружелюбно рассмеялся вахтер. — И запомни: чувство вины — самая сильная эмоция, которая разрушает волю и заставляет человека терять над собой контроль. Вон видишь, как ты покраснел, а я-то только и спросил, не ошибся ли ты адресом.

— А у вас тут все вахтеры психологи? — невольно слетело у Сергея с языка.

— Все. Особенно я, — ехидно хмыкнул «узбек» и, повесив на спинку стула ватный армейский бушлат, крикнул: — Степаныч! Я тут, пока ты картошку сливал, агента американских спецслужб в штаб отправил.

Из смежной комнатенки с открытой алюминиевой кастрюлей в руках торопливо вышел пожилой прапорщик с эмблемами войск связи

на черных петлицах кителя. Из открытой кастрюли шел густой пар и аромат густо пересыпанной укропом вареной картошки.

— Бек, зараза! Ничего тебе доверить нельзя! Я тебя как друга просил тридцать секунд посидеть, пока я воду солью, а ты тут своевольничаешь!

— За тридцать секунд, старина, вся охрана Тадж-Бека успела попасть на аудиенцию к Аллаху, — «узбек» сел на поперечный шпагат, прыжком встал в исходное положение и, не попрощавшись, убежал за территорию части, напевая себе под нос только ему известную восточную мелодию.

— Так мне идти? — переспросил Сергей дежурного по КПП.

— Извините, товарищ лейтенант, я сейчас доложу, и за вами придут.

— А что это за узбек такой колоритный?

— Это не узбек. Бек — киргиз. Вы о нем еще узнаете.

Из штаба за Сергеем вышел крепкого вида коренастый мужчина в сером костюме.

— Полковник Макухин Александр Михайлович, заместитель начальника штаба по боевой подготовке, — представился встречающий Сергея офицер. — Привыкайте к гражданской манере общения. Не вытягивайтесь по команде «смирно» и не чеканьте доклад, как вас учили в пограничном училище. Если вы не возражаете, я буду обращаться к вам по имени.

— Никак нет, не возражаю, — начал отвечать по уставу, но сразу осекся Сергей. — Нет, Александр Михайлович, не возражаю.

Идя вместе с Макухиным в штаб, Сергей отметил, что на их пути не было никакой военной атрибутики: ни стендов с описанием приемов строевой подготовки, ни военно-патриотических лозунгов, ни даже традиционных военных плакатов, с профилями пехотинца, матроса и летчика, символизирующих единство родов Вооруженных сил СССР. Скорее, это было похоже на закрытый от любопытных глаз дом отдыха: бревенчатые домики в густом сосновом бору, ароматный запах хвои, неторопливые люди в гражданской одежде, явно не спешащие ни по каким важным делам.

— У нас сейчас «мертвый сезон», — словно читая его мысли, произнес Макухин. — Все отделы в учебной командировке. Ваш возвращается через неделю. Впрочем, начальник отдела и небольшая группа офицеров на месте. Они введут вас в курс дела. А вот на ловца и зверь бежит! Прошу любить и жаловать, ваш начальник отдела.

Макухин подвел Сергея к худенькому, хрупкому корейцу в элегантном черном костюме:

— Привет, Вить! Вот веду тебе пополнение. У тебя есть еще час, чтобы отказаться. Потом весь спрос не с него, а с тебя.

Сергей вспомнил, что именно этот подтянутый кореец, сидел в составе государственной комиссии на его экзамене по военному переводу и даже задавал дополнительные вопросы, хотя как член комиссии представлен курсантам не был.

— Здравствуйте, Сергей Александрович! Узнали? Давайте знакомиться еще раз. Я полковник Ким. Но как вам уже, должно быть, объяснили, обращайтесь ко мне без звания — Виктор Николаевич.

Ким был первым из увиденных на объекте людей, чей вид в представлении Сергея должен был олицетворять образ профессионального разведчика: умный, вежливый, осторожный, словно подбирающий под собеседника каждое нужное слово. Правда, это был скорее образ шпиона из фильма «ЧП», где главного героя — захваченного чанкайшистами советского моряка — играл молодой Вячеслав Тихонов, а противостоял ему опытный китайский резидент, маскировавшийся под обычного садовника.

— Вы туризм любите? — оторвал Сергея от мыслей о китайских шпионах вопрос Кима.

— В каком смысле?

— В прямом: походы, дикая природа, костры, романтика...

— Люблю. Правда, опыта у меня большого нет. Всего одна поездка в Дагестан по турпутевке профсоюзов. У нее еще название было такое красивое — «Золотые пляжи Дагестана».

— Ну, «золотые пляжи» я вам не обещаю.

— Да, это только название такое. Там кроме пляжей много чего было: и Гуниб, и Гергебель, и восхождения и переходы по двадцать километров.

— А вот это уже интереснее. Так почему нам рекомендовали именно вас? — Ким резко сменил тему разговора.

— Не знаю, я вообще-то спортсменом никогда не был. И еще, — Сергей подумал, что в самом худшем надо сознаться именно сейчас, — стреляю я плохо. Из автомата еще туда-сюда, а вот из пистолета иногда даже в грудную мишень не попадаю.

— Ничего, Сергей Александрович, — Ким явно не собирался переходить с Сергеем на ты, — через пару дней мы избавим вас от этого комплекса. Ну, вот мы и пришли.

Сергей и Ким стояли перед изрядно подгнившим двухэтажным деревянным корпусом довоенной постройки. Стены и крыша здания были бурозеленого цвета, но скорее не от краски, тоже, по всей видимости, довоенной, а от ровного слоя мха и лишайника, разросшихся по стенам, крыше и оконным рамам этого градостроительного реликта.

С фасада центральную часть здания венчала остроконечная крыша, от центра влево и вправо расходились два симметричных крыла. Центральная часть ветхого корпуса выдавалась вперед, конструктивно образуя что-то вроде открытой веранды. Из дверей здания пахло сыростью, мышинным пометом и приятно тянуло прохладой. Внутри справа, сразу за входными дверями, находилась комната дежурного по отделам и небольшая оружейная комната.

Заметив через стеклянную перегородку Кима и Сергея, навстречу к ним вышел широкоплечий молодой мужчина в защитной афганской форме и, как ни странно, доложил по уставу:

— Товарищ полковник, за время моего дежурства происшествий не случилось. Дежурный по отделам капитан Полишук.

— Принимайте пополнение, Василий Иванович! Сергей Александрович будет служить в вашей группе. На днях из Армении вернется отдел, тогда и представим более официально.

Когда Ким ушел, дежурный по отделам протянул Сергею руку:

— Василий! Добро пожаловать в четвертый отдел! — такого сильного и одновременно бережного рукопожатия Сергей еще не встречал. Казалось, что его ладонь попала в теплые, мозолистые тиски, которые сжались ровно с такой силой, с какой лев в цирке прихватывает пастью голову дрессировщика: нежно, но без иллюзий насчет возможного потенциала. — Вот ключ от кабинета нашей группы, выбирай любой шкаф и размещайся.

Сергей вошел в темную от плотной еловой тени комнату, еще больше, пропахшую сыростью и мышиным пометом. Облезлые шкафы, канцелярские столы, с потрескавшимся от времени лаком, настольные лампы с плохо прикрученными пыльными металлическими плафонами еще больше укрепили Сергея в мысли, что он попал в какой-то бедненький провинциальный пансионат.

Свободный шкаф нашелся не сразу. Так как он оказался самым последним, Сергею пришлось приоткрыть все занятые другими офицерами шкафчики. Содержимое внутренних полок и вешалок не отличалось разнообразием: шинели и кителя, армейские сапоги и ботинки, другой нехитрый военный скарб, выдаваемый каждому офицеру по табелю положенности. Сложенные в шкафах вещи, как показалось Сергею, были скорее атрибутами прежней жизни их хозяев.

Гораздо более «живыми» выглядели спортивные костюмы, кроссовки, туристические рюкзаки и разнообразная походно-полевая утварь: котелки самых разных размеров, примусы и, конечно, мечта любого советского туриста — коврики из пенополиуретана, так называемые кироматы. Такое название у ковриков появилось по аналогии с заводом имени Кирова, где этим редчайшим в СССР теплоизоляционным материалом обшивались кабины самых известных советских тракторов.

При малейшем неловком движении с полок начинали сыпаться шоколад, галеты, банки с мясными и овощными консервами, маленькие металлические баночки с паштетом, сгущенка и бесчисленные пакетики с сухими супами.

На погонах кителей и шинелей можно было найти символику всех родов войск и видов Вооруженных сил СССР: пограничные — зеленые, голубые — десантные, красные — общевойсковые, васильковые — кагэбэшные. От такого разнообразия цвета на петлицах и просветах погон рябило в глазах.

Между тем во всем этом пестром военном бардаке Сергей почувствовал что-то такое, что никак не вписывалось в атмосферу плохо прибранных

мужских шкафчиков и изгрызенных мышами галет. Что-то здесь было не так, что-то было явно нелогичным. Слишком серьезным на фоне этого пира военного разгильдяйства.

Взгляд Сергея еще раз пробежал по очередному кителю и зафиксировал орденские планки. Вот оно: на капитанских и старлеевских кителях были закреплены явно не старлеевского статуса орденские планки. Сергей замер от изумления: орден Ленина, два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали «За боевые заслуги» — в каждом шкафу по паре!

Как тень отца Гамлета, за бардаком в шкафчиках для переодевания появилось что-то настолько сильное, интересное и настоящее, что даже запах мышиного помета приобрел какой-то приятный оттенок дорогого мужского одеколона «Сафари».

— Осваиваешься? — В комнате появился Василий. — Не обращай внимания на бардак: в учебных целях отдел подняли по тревоге и забросили в Кировокан на горную подготовку. А мы только-только с полевого выхода вернулись. Да, чуть не забыл, мне же еще мышей потравить надо. Ночью моего помдежа Костю Седова за палец укусили. Совсем распоясались грызуны!

Возвращение отдела

Целую неделю Сергей наслаждался своей новой жизнью. Полковник Макухин по-дружески предупредил:

— Ты со спортом — без фанатизма. В спецназе не бегают, а ходят. Так что, вполне достаточно быть крепким физкультурником. Но имей в виду — тут гоняют только на учениях. Все люди взрослые, офицеры. Поэтому каждый сам составляет график личных тренировок и боевой самоподготовки. Но свободой выбора не злоупотребляй: не будешь держать себя в форме, «умрешь» на первых же учениях. Там хоть сдохни, но результат дай. Про боевые задачи я вообще не говорю.

Помня об этом, Сергей спланировал лесные пробежки: пять-шесть километров в среднем темпе в спортивной форме и удобных адидасовских кроссовках. После лесной разминки — спортзал: турник, брусья, силовые тренажеры. На заминку — бассейн: полтора километра размеренного плавания брассом.

Курорт! Жизнь по собственному плану с двумя выходными в неделю — разве мог он мечтать о подобном распорядке дня в училище, где увольнение на пару часов надо было ждать месяцами, а два дня за пределами части воспринимались, как полноценный отпуск.

Страхи, связанные с огневой подготовкой, как и обещал Ким, Василий Полищук снял у него за одно занятие. Взяв в ружпарке два пистолета Макарова и цинк патронов, Сергей и его наставник направились

в тир — небольшое подвальное помещение, расположенное прямо под зданием штаба.

— Знаешь, как вермахт готовил своих пулеметчиков? — на ходу инструктировал Сергея Василий. — Отправляли в чистое поле расчет новичков, давали патронов без счета, мишени и вечером принимали зачет. Кто не мог стрелять хотя бы на удовлетворительно, выгоняли на фиг.

— Значит, к вечеру я должен либо научиться, либо на фиг?

— Понятливый. Только тебя сюда не по снайперским качествам отбирали. Шеф считает, что в тебе есть творческий потенциал: художник, философ, аналитик — такие нам нужны гораздо больше, чем снайпера. Снайперов, если понадобится, мы в войсках на раз найдем. В тебе же увидели «комбинатора».

— Кого? — от удивления Сергей даже остановился. — Это я философ и аналитик? Да, я дальше конкурса студенческих рефератов никуда не продвинулся!

— Правильно. Ты во всероссийский полуфинал студенческих работ вместе с Андреем Рудаковым по философии попал? Попал. Не каждый курсант строевого училища способен так качественно проштудировать Платона, чтобы утереть нос гуманитариям из МГУ. Вот тебя дальше и не продвинули. Ты теперь будешь двигаться по нашей линии. А как ты лапшу на уши вешал после возвращения из ЦК ВЛКСМ? Целый час трепался о том, чего не было, и даже сорвал аплодисменты! Артист. Ну а пока у тебя есть год, чтобы пройти курс одиночной подготовки разведчика-диверсанта. А дальше жизнь покажет.

Сергей покраснел — он не ожидал, что его самовольные похождения в училище стали одним из предметов рассмотрения при его приеме в разведку.

Василий, не торопясь, открыл цинк с боеприпасами и снарядил один магазин:

— Ты отсюда стрелять будешь или ближе подойдем?

— А можно? — Сергей был в легком замешательстве от столь глубокой погруженности своего нового командира в его личную жизнь.

— Можно. Я же сказал — этот цинк твой. Стреляй, как хочешь и сколько хочешь, а я буду смотреть и подсказывать. Для начала запомни: промазать из ПМ по грудной армейской мишени практически невозможно. Мажут обычно две категории новичков: это «серуны» и «дергуны». «Серуны» ждут выстрел и не могут сконцентрироваться на плавном спуске. От волнения у них начинается мандраж, рука гуляет, и они палят куда бог пошлет. С «дергунами» чуть проще: они вроде бы все делают правильно, но в последний момент, сами того не замечая, чуть-чуть поддегивают спусковой крючок вправо и вниз.

Через пару часов, оглохший от собственных выстрелов и пропахший пороховой гарью, Сергей вернулся в отдел. Методика «вермахта», одобренная

толковыми советами Василия, сработала наверняка: уже после десятого магазина, почувствовав оружие, Сергей уверенно выбивал двадцать семь-двадцать восемь очков в классическом армейском зачете из трех выстрелов с дистанции двадцати пяти метров. Василий добродушно улыбался:

— Тебе, небось, в училище три патрона в месяц выдавали и говорили, что каждый промах — три рубля убытка советской экономике? Здесь такого не будет. Но боеприпасы разбазаривать все равно не дам.

В первом корпусе, куда Сергей с Василием вернулись из тира, жизнь, наконец, забила ключом. На небольшом разворотном кругу прямо перед входом в старое здание бывшей разведшколы припарковались несколько ЛАЗов с зашторенными окнами. Из них выходили туристического вида люди с рюкзаками, гитарами, закопченными примусами, поварешками и серебристыми палатками «памирками». Рядом с корпусом стоял веселый гвалт и какое-то на первый взгляд броуновское движение. «Прямо Грушинский фестиваль с бардами, гитарами и палатками», — подумал Сергей.

Внутренние помещения корпуса быстро наполнились запахом доброй сотни небритых, невымытых, пропахших лесом и костром мужиков. Каким-то чудесным образом все выгруженное из автобусов туристическое барахло за пару минут «рассосалось» по отдельческим каптеркам. Было видно, что каждый человек из автобусов четко знал свой маневр и закрепленный за ним груз.

— Всем собраться в ленинской комнате! — пронеслось по крылу четвертого отдела, и прибывшие «туристы», оставив рюкзаки в комнатах боевых групп, собрались на общее совещание.

Коллектив офицеров спецназа нелегальной разведки КГБ СССР Сергей представлял себе как угодно, но только не так. Вот в углу коридора в несвежем джинсовом костюме тихо роется в вещах какой-то тощий бомж со сморщенным лицом и гладко выбритым черепом. Какой-то неуклюжий «пупс» с пухлыми оттопыренными губами и пузиком баварского бургера без остановки шпарит пахабные анекдоты, да такие, что вчерашний курсант командного училища краснеет, как девушка.

— И где ты такую гадость выискиваешь, Ломоть?! — обрушился на матерщинника Василий. — Слушать тебя противно!

— Вася! Не делай вид, что ты девственник и не читай мораль товарищу по оружию. Я три недели в снежной пещере просидел. Один, как сын! В горах, на леднике, между прочим! Руки мерзнут, а ты мне свои тупые шифровки шлешь: «Не понял — повтори! Не понял — повтори!»

Тут до Сергея дошло, что Ломоть, более формально — капитан Ломтев, и есть тот самый «позывной Отважный», ради связи с которым они с Василием каждый день выходили в эфир, раскидывая на соснах за корпусом отделов целое антенное поле.

Василий улыбнулся и, наклонясь к Сергею, шепнул: «Ломтя здесь держат за талант обеспечивать связь в любых условиях. Иногда ради дела

приходится тащить этого кабаняку на себе. Сам видишь — в спорте он кусок дерьма. Но уникам! Если Ломоть берет в руки станцию, он бог! И в джунглях, и в горах, и в пустыне, и в тайге — связь будет всегда. А в разведки без связи никак нельзя. Грош цена разведгруппе без связи.

Ломоть в это время исподтишка пнул Василия ниже поясницы.

— Ломоть, опять ты за свое! Ты у меня доиграешься.

— Все, все, Терминатор проклятый, хватит!

Василий поднял связиста за шкурку на полметра от земли. Зависнув в железных Васиных руках, Ломоть беспомощно болтал в воздухе ногами.

— Я просто хотел сказать, что в следующий раз моя очередь держать связь из Центра, а ты едешь в командировку.

— По рукам! — Василий бережно поставил коллегу на пол. — Только имей в виду: следующая командировка будет в Гавану.

— Своло-о-о-чь! — На этот раз Ломоть бросился в фронтальную атаку, пытаясь забодать Васю используя свой маленький рост.

В этот момент, пригнувшись, чтобы не задеть головой дверной косяк, в комнату вошел огромного роста мужчина с пшеничными вьющимися «мелким бесом» волосами и суровым лицом начальника гауптвахты.

— Что братья связисты опять не поделили? — вошедший верзила, как пушинку, подхватил расшалившегося не на шутку «пупса» и оторвал его от улыбающегося Василия. Увидев Сергея, высокий блондин представился:

— Анатолий Канухин! Будем работать вместе?

— Будем, — Сергей улыбнулся и пожал руку доброжелательному великану.

Канухин пригнулся и, чтобы никто не слышал его слов, заговорщицки прошептал Сергею на ухо:

— Добро пожаловать в «корейскую роту»!

Через пять минут все вернувшиеся из командировки офицеры расселись в ленинской комнате. Вошел Ким.

— Товарищи офицеры! — Василий подал команду, и сорок заросших щетиной «туристов» встали со своих мест и замерли по стойке «смирно».

— Прошу садиться. С возвращением, товарищи. Я не буду задерживать вас слишком долго, — начальник отдела подошел к маленькой трибуне. — Командирам групп проверить оружие и сохранность имущества. По готовности доложить. Всем сутки на отдых. Послезавтра садимся за отчеты. И еще одно объявление. — Ким таинственно улыбнулся: — Майор Гришин, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Худощавый, черный от загара «бомж» с выбритым наголо черепом поднялся и необыкновенно легкой походкой подошел к начальнику отдела.

— За победу во всероссийских соревнованиях по марафону мастер спорта международного класса майор Гришин приказом начальника Первого главного управления КГБ СССР награждается грамотой и ценным подарком — именными часами!

Ленинская комната взорвалась аплодисментами.

Вернувшись в кабинет после совещания, группа разведчиков принялась распаковывать рюкзаки. Из каких-то потайных местечек появились укороченные автоматы Калашникова, пистолеты ПМ, боевые патроны, масленки, ветошь, а каждый рабочий стол превратился на время в портативную оружейную мастерскую. В воздухе запахло техническим маслом, офицеры быстро, за считанные минуты протерли и подготовили оружие к сдаче в ружпарк.

Первый наставник Сергея, капитан Василий Полищук, оказался по должности заместителем командира группы по боевой работе. Будучи по первому образованию офицером связи, он исполнял эти обязанности в порядке подмены отсутствующих товарищей, но персонально уже не отвечал за это направление.

По словам Василия, полный штат ГСН — Группы специального назначения — предполагал наличие десяти должностей: командир группы, два заместителя командира группы (один по оперативной работе и один по боевой) и семь штатных разведчиков.

Заму по оперативной подготовке в этой схеме подчинялись старший оперуполномоченный и два опера, заму по боевой — один старший разведчик и два разведчика. В обязательном порядке в состав каждой группы входил связист. При необходимости такая группа могла быть разбита на две полноценные оперативно-боевые группы, укомплектованные как оперативниками, так и боевиками.

В зависимости от задачи опера могли действовать самостоятельно, чаще в отрыве от основной группы с городских позиций. Боевики чаще «работали» с позиций «лесного базирования».

Управление группы, состоящее из командира, двух замов и связиста, превращалось при таком раскладе в глубоко законспирированный штаб, местом базирования которого могли быть как конспиративная квартира, так и лесной схрон. В отделе таких групп было четыре. Всего в части было три оперативно-боевых отдела и штаб.

В реальности группа, куда был назначен лейтенант Туев, была меньше, чем это полагалось по штату. Командиром группы был долговязый жилистый майор по фамилии Воронков. Михаил Воронков был сослан в новое подразделение Сергея на перевоспитание из «большой разведки». Востоковед по образованию, Михаил имел неосторожность опрометчиво влюбиться, развестись с женой и создать новую семью. Такое партком ПГУ не мог оставить без внимания, и вместо ближневосточной резидентуры разведчику пришлось вживаться в непривычную для него роль офицера спецназа.

Впрочем, богатый оперативный опыт, упорство, здоровье и огромное желание добиться профессиональной реабилитации очень скоро позволили Михаилу занять должность командира группы специального назначения и претендовать на возвращение в Первый главк. Первое, что Воронков достал

из своего походного рюкзака, была книга Ирвина Шоу «Вечер в Византии» на английском языке.

Покусанный мышами Костя Седов, капитан инженерных войск и старший разведчик группы Сергея, был направлен в нелегальную разведку из Забайкальского военного округа — ЗабВО. Как шутливо называют этот округ в войсках — «Забудь вернуться обратно». Капитан Седов был опытный таежный охотник, умел читать следы животных, интуитивно ориентироваться на любой местности, подражать голосам птиц и курить самые настоящие сигарки из давно забытого самосада, который сам, похоже, и выращивал.

Ефремов Костя, майор и старший оперуполномоченный группы, по первой профессии был журналистом. Много лет жил и работал в Тбилиси. Как показало Сергею, он и сам стал похож на грузина: такой же горячий, резкий, очень щепетильный в вопросах чести и межличностных отношений. Будучи значительно старше остальных членов группы, Константин часто выступал третейским судьей в нечистых, но случавшихся между офицерами конфликтах.

Саша Рыжков — капитан, как и Василий Полищук, выпускник Киевского училища связи. Был штатным связистом группы. С юности увлекался туризмом, от чего был сухим, поджарым, идеально сложенным мачо с тонкими чертами лицами и очаровательной, специально приберегаемой для женщин улыбкой.

Несмотря на поблажки, которые допускало руководство по отношению к связистам, Саша принципиально не отставал от других разведчиков ни в спорте, ни в огневой подготовке, ни в таких специальных видах учебной деятельности, как минно-взрывное дело, подводное плавание, иностранный язык, прыжки с парашютом и альпинизм.

Еще одним старшим опером группы в звании майора был Мурман Тодуа — высокий благородный мегрел, пришедший на оперативную работу в КГБ из комсомола. В комсомоле Мурман «дослужился» до уровня второго секретаря ЦК ЛКСМ Грузии и часто смеялся над тем, как ему влили строгий выговор за то, что Леонида Ильича Брежнева на республиканском съезде он представил «всего лишь» как Генерального секретаря ЦК КПСС, упустив титул Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Сергей обратил внимание, что средний возраст офицеров отдела составлял около тридцати лет. Молодых офицеров в возрасте чуть за двадцать, как он сам, было еще двое: в Сергее Климове и Юре Боголюбове он без труда узнал выпускников своего же училища, окончивших его на год раньше.

«Подвиг» разведчика

К своему первому полевому выходу Сергей готовился особенно тщательно. Новый песочного цвета «спецназ» — так в отделе называли форму, разработанную специально для разведывательных групп, действовавших в Афганистане, — не шел ни в какое сравнение с обычным

курсантским х/б. Невесомый, с многочисленными карманами и специальной сеточкой подмышками и в паху — этот комплект был любимой формой одежды всех офицеров новой команды Сергея.

Сама команда в официальных документах КГБ называлась Отдельным учебным центром КГБ СССР, чаще — просто ОУЦ. За этим официальным названием скрывалось другое, закрытое для разглашения за пределами части: Группа специального назначения Управления нелегальной разведки Первого главного управления КГБ СССР «Вымпел».

Появилась группа в августе 1981 года, когда руководство КГБ осознало, что для проведения специальных мероприятий за рубежом необходимо иметь не только офицеров специального резерва, выпускаемых на специальных курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС), но и постоянно действующую «золотую обойму» разведчиков специального назначения, способных без дополнительной подготовки успешно действовать в любых регионах мира и любых климатических условиях.

Когда Сергей прибыл для прохождения службы в «Вымпел», это было молодое, ищущее себя и свой стиль подразделение, с личным составом, состоящим только из офицеров. Большинство из них так или иначе были задействованы в спецоперациях по обеспечению ввода советских войск в Афганистан.

Старшие офицеры, занимавшие должности начальников отделений и выше, по сути — командиры ГСН (групп специального назначения), принимали участие в штурме дворца Амина — Тадж-Бека (операция «Гром») — и физическом уничтожении лидера Республики Афганистан Амина. В 1985 году «Вымпел» мог поставить под ружье не более десяти групп специального назначения. Общая численность сотрудников оперативно-боевых отделов не превышала ста человек. Боевая летопись «Вымпела» еще только начиналась.

Получив на складе десантный паек, Сергей удивился, что многие офицеры группы сразу отправили его в свои и без того набитые продуктами личные шкафчики.

— А вы, что, не возьмете их с собой? — поинтересовался Сергей у Мурмана.

— Нэт, этот сосисочный фарш у меня поперек горла стоит. Я лучше паке-тики с молочным супом куплю, — ответил, упаковывая свой рюкзак, долговязый, равномерно покрытый тонким покровом мягкой вьющейся шерсти Мурман. — Ми пайки берем только тогда, когда уходим надолго и надо брать продукты длительного хранения.

Сергей для пробы открыл одну баночку фарша и пожевал кусочек розовой, аппетитно пахнущей массы:

— Разве это несъедобно? — вспомнив «мясо белого медведя», с удивлением обратился он к другим членам группы

— Съедобно, но только при первой дегустации, — отреагировал на вопрос Сергея радист Саша Рыжков. — Завтра сам все поймешь, позавтракав,

пообедав и поужинав только этой бурдой. Я полагаю, эти гады из продовольственной службы туда специально что-то подсыпают, чтобы аппетита не было. Этой параше можно съесть ровно столько, сколько тебе положено для возмещения утраченных калорий. Хотя есть и любители. Зудов, например. Серега у нас всеядный холостяк, и мы регулярно сгружаем ему все лишние пайки.

Дверь отворилась, и в комнату вошел легкий на помине Зудов. Буквально на днях ему присвоили звание майора госбезопасности. Сергей пришел в органы после гражданского университета и был увлеченным каратистом-самородком.

— Как вам мужики? Мне кажется чего-то тут не то! — Сергей не поленился извлечь из гардероба пять лет ненадеванный военный китель и пришил к нему новые погоны с майорской звездочкой посередине.

Офицеры грохнули со смеху.

— Серега, ты хоть парень и боевой, — покатывался со смеху Рыжков, — но как был «пиджаком», так им и остался!

— Нет, если ты собираешься пойти служить в монгольскую контрразведку, то можешь оставить все как есть! — заливаясь смехом, поддержал связиста подрывник Костя Седов. — Там ты точно сойдешь за своего!

— Хватит ржать, пока в бубен не получили! — не на шутку обиделся Зудов. — Объясните толком, что не так, а то я сам чувствую, но никак не въеду!

На помощь Зудову пришел Василий Полищук:

— Видишь ли, товарищ майор, в советских вооруженных силах старшим офицерам положены погоны с двумя просветами, а не с одним, как у тебя. А в монгольской армии, в чем абсолютно прав старший разведчик капитан Седов, все звездочки, и большие, и маленькие, нашиваются на погон с одной полосочкой.

— Зудов, ты долго таким лохом по территории части ходил? Тебя бойцы из подразделений обеспечения не видели, надеюсь? — с издевательской заботой поинтересовался Рыжков.

— Да что там бойцы! — окончательно расстроился Зудов. — Я тут контр-адмиралу на глаза попался, так он долго смеялся, а потом спросил, давно ли я читал уставы Вооруженных сил.

— И все?

— И все. А что, может быть хуже?

— Командир «Вымпела» контр-адмирал Хмелёв мог бы и на гауптвахту посадить за такое неуважение к воинским традициям, — никак не мог успокоиться Саша Рыжков. — А ты уставы на самом деле давно в руках держал?

— Да не читал я твои уставы никогда в жизни! На фига мне они сдались? И гауптвахты у нас в горотделе отродясь не было. «Сапог» тоже мне нашелся!

Глубокой ночью «Газ-66» с закрытым тентом въехал на территорию полевого учебного центра «Вымпела» под Павловом-Посадам. «Первый пошел!» — скомандовал назначенный старшим за выезд Василий Полищук.

Из других отделений Четвертого отдела группе под командованием Полищука придали старшего лейтенанта из «наружки» Анатолия Канухина и коллегу связиста — капитана Василия Ухватава. За ночь группе предстояло сделать бросок на двадцать пять километров, «забазироваться» на дневку и глубокой ночью провести визуальную разведку железнодорожной станции.

Такие короткие выезды проводились чуть ли не еженедельно и представляли собой рутинные тренировки, направленные на поддержание боевой формы офицеров «Вымпела» в таких вопросах, как ориентирование, передвижение ночью, проведение визуальной разведки.

Более длительные и сложные по задачам выходы назывались СКЗ — специальные комплексные занятия, на которых разведчикам кроме сугубо технических задач приходилось изобретать различные способы обыгрывания вероятного противника, разрабатывать и осуществлять учебные операции.

На краткосрочных выходах одним из зачетных показателей группы считалась абсолютная скрытность. В густонаселенном Подмоскowie соблюсти это требование было не так просто. Особенно если принять во внимание, что по линии районных отделов КГБ местные опера нацеливали свою агентуру, доверенных лиц и милицию на выявление вооруженных людей в защитной форме с оружием.

Василий решил применить классический боевой порядок группы: два человека — разведдозор, два человека прикрывают группу с тыла. Остальные цепочкой идут в ядре вместе с командиром и связистом. Традиционно для первого отделения в разведдозор был назначен опытный таежник Костя Седов, которому на обучение передали начинающего свой лесной путь лейтенанта Туева.

Работая с Костей, Сергей понял, что разведчик разведдозора по километражу проходит в два-три раза больше, чем остальная группа. Прокладывая путь, Костя, как молчаливый лис, то нырял в густые лесные заросли, то абсолютно бесшумно появлялся из них с уже разведанным курсом движения. Одного такого «нырка» хватало на сто-двести метров движения всей группы, после чего «ядро» замирало, а передовые разведчики снова начинали шарить по местности, прощупывая ее на очередные несколько сотен метров.

Разговаривать на маршруте было строго запрещено, связь осуществлялась с помощью зрительных сигналов или звуков, имитирующих голоса лесных обитателей. Самый простой сигнал, похожий на голос потревоженной птицы, очень быстро освоил и Сергей. Для его подачи достаточно было прижать большой палец к ладони, и приложив руку к губам,

тихонечко чмокнуть ее в ложбинку между большим и указательным пальцами.

Через пять часов движения Сергей почувствовал, что полностью обессилен. «В спецназе не бегают, а ходят, — вспомнил он напутствие Макухина. — Ясный пень, ходят: попробуй побегать часами напролет с рюкзаком весом тридцать килограммов!»

Почувствовав, что больше не в силах скрывать свою слабость, он обратился к своему напарнику:

— Костя, я что-то скис: ноги отказывают, слабость и очень хочется есть.

— Это тебя с непривычки глюкодинамияхватила. Чай, не часто по двадцать километров за раз с таким рюкзачком бегать случалось. На вот поешь, лучше, чем белый хлеб со сладким чаем, этот недуг ничто не лечит, — капитан Седов протянул Сергею кусок мягкой белой булки и флягу со сладким черным чаем. — Ты соревнования по теннису когда-нибудь видел?

— Видел вскользь. А что?

— Следующий раз обрати внимание, что на перерывах кроме воды перехватывают спортсмены. Обычно это французский батон. И едят они его по той же причине, что и ты, — от обессиливания.

— А шоколад?

— Шоколад тоже можно, но это уже последний резерв ставки. Его обычно надолго не хватает.

— В смысле не хватает?

— Объясню, когда ты снова с копыт свалишься, лады?

Несмотря на то что Сергею очень не хотелось снова «валиться с копыт», километров через пять у него снова отключились от слабости ноги. Он даже сел, облокотившись на подпиривший спину рюкзак.

— Скопытился? Ну, давай, суй в рот шоколадку и пошли. Только одну.

Сергей проглотил сладкую коричневую плитку и почувствовал, что снова может идти. Пройдя метров пятьсот, он снова обессилел.

— Ну что? Закончился «бензин» — шоколад больше не работает? — улыбнулся Костя. — Не переживай, на первых выходах это с каждым случается. Привыкнешь.

Видя, что Сергей на пределе, Костя остановился и попросил командира подменить их в разведдозоре. Под утро, отмахав около тридцати километров, Василий объявил дневку. Расставив по кругу часовых, группа расположилась на отдых.

Поспав под куском полиэтилена пару часов, Сергей поднялся для подмены бдевших в это время дозорных. Точнее, попытался подняться — на свои горевшие огнем подошвы он почему-то не мог наступать. Быстро разувшись, он стал проверять, не натер ли он, как последний салага, мозоли. Нет, кожа была гладкой, ровной, без пузырьков и ссадин. Почувствовав себя обузой, он снова обратился к Косте. Очнувшись ото сна, капитан скомандовал:

— Обувьними!

— Да, я проверял — нет у меня мозолей.

— Сними обувь, говорю! — зло повторил недоспавший положенный сон Константин. — Я так и знал: ты, брат, не мозоли набил, а пятки намял. На будущее урок будет: при больших нагрузках одних хлопчатобумажных носков в походе мало. Тем более в жестких, не разношенных как следует берцах. Надо было поверх тонких носков надевать шерстяные. Для мягкости. Жди — завтра пройдет. Скажи спасибо, что у нас дневка длительная.

Отлежавшись на базе с намятыми накануне ночью пятками, Сергей почувствовал, что снова может продолжать движение. Впрочем, другого выхода у него не было. Группа собиралась покидать дневку и выдвигалась к месту проведения визуальной разведки.

Погода наладилась. Перед самым закатом из-за туч ненадолго выглянуло солнце, и недолгая летняя ночь накрыла землю. Воспользовавшись наступившей темнотой, группа вышла на проселочную дорогу и, вместо того чтобы, как днем, продираться через кусты и лесные чащи, быстро двинулась к новой цели своего маршрута по ночной проселочной дороге.

Неожиданно из-за поворота дороги, скрытого от глаз опушкой леса, появился луч света и затарахтел мотоцикл. Разведчики врассыпную бросились в неглубокие заросшие травой кюветы, расположенные по обе стороны от грунтовой дороги, и попытались замаскироваться, чем бог послал.

Толе Канухину, двухметровому верзиле, служившему когда-то в группе захвата наружного наблюдения Седьмого управления КГБ «бог послал» хилый кустик боярышника и густые заросли крапивы, плюхнувшись в которые, он долго шипел и матерился. Как назло, мотоцикл с подвыпившим парнем и веселой белокурой девушкой остановился прямо напротив разведчика. С веселым криком «я щас» девушка побежала прямо к Анатолию и, пристроившись над головой у разведчика, справляла малую нужду.

Сергей чувствовал, как побледнел от ужаса. Костя Седов, еле сдерживаясь от смеха, беззвучно захрюкал в кулак. Ветки на его масккостюме предательски заколыхались в безветренной жаркой ночи.

Когда мотоцикл уехал, двухметровый гигант поднялся из своего «убежища», стряхивая с капюшона масккостюма брызги известного всем происхождения.

— Какого парня обоссали, — язвительно хихикнул Костя.

— Девичья моча, что божья роса, — невозмутимо ответил непробиваемый подколками друзей Канухин. — Завидуешь, что ли?

Присев на край овражка и закулив в нарушение всех правил разведывода сигарету, Анатолий мечтательно прокомментировал только что произошедшее с ним событие:

— Представляешь, я лежу, а она садится. Попа белая, талия, как у гитары, трусов нет. Руки к ягодицам так и потянулись. Потом думаю: стоп! Она ж помрет, если я ее за жопу возьму. Вот так и стерпел из человеколюбия!

Когда до узловой станции, выбранной посредником для визуальной разведки, оставалось не более километра, капитан Полищук остановил группу. Вдоль железнодорожных путей били мощные лучи прожекторов, установленных на станции.

— Небось, посредники расстарались. Нас ждут. Какой дурак в этой глухомани будет зря электричество жечь, — недовольно пробурчал Седов.

Недовольство разведчика было вполне объяснимо: чтобы проникнуть на станцию и начать минирование вагонов, группе предстояло пересечь ярко освещаемое железнодорожное полотно.

На открытых участках, когда не попасть в зону возможной видимости противника практически невозможно, группа должна находиться на открытой местности не дольше одного мгновения. Для этого все разведчики подбираются как можно ближе к открытому участку и по команде командира или дозорного одновременно одним броском перепрыгивают опасный рубеж.

Для обследования местности с той стороны насыпи были отправлены двое дозорных во главе со связистом Василием Ухватовым. Ухватов очень хотел побыть в роли передового разведчика и, передав рацию Толе Канухину, в учебных целях напросился в дозор. Через несколько секунд, после того как дозорные скрылись в темноте, с их стороны два раза моргнул свет зеленого фонаря. Это означало «Путь свободен, можно действовать».

— Что-то быстро они управились, — снова недовольно проворчал Костя. — Небось, не прошарили там ничего, лентяи!

Командир вытянул всю группу в линию, и по его команде все оставшиеся на этой стороне железной дороги разведчики взлетели в воздух. Беда заключалась в том, что с той стороны насыпи был вырыт глубокий ров, заваленный старыми, торчащими в разные стороны шпалами и строительным мусором. Восемь человек, одновременно зависших в воздухе, с матюками и приглушенными стонами одновременно посыпались в спрятанную от их зрения западню.

— Убью падлу! — шипел, дуя на разбитое в кровь колено, Костя Седов.

— Толя, отдай этим козлам радиостанцию, и чтоб в разведдозоре я связистов больше не видел, — вторил ему захромавший на обе ноги Василий.

К счастью, никто из разведчиков в этом слепом прыжке сильно не пострадал. Больше всего досталось герою дня — двухметровому Толе Канухину, лететь которому в ров пришлось вместе с тяжелой да еще чужой радиостанцией.

Выходя на очередной сеанс, он постоянно бубнил Ухватову: «Ну, ладно мы. Так можно было и станцию разбить! А она, между прочим, миллионы рублей стоит. С ее помощью можно из любой точки мира работать!»

— Тебе повезло, — сказал Сергею Костя Седов после возвращения на базу. — На первом же учебном выходе этот раздолбай преподал тебе самый главный урок спецназа: один за ВСЕХ — всех за одного!

Главная рация отдела

Когда начался октябрь и небо затянуло свинцовыми тучами, Четвертый отдел начал собираться на учения в Усть-Каменогорск.

— Учения в отличие от СКЗ не контролируются посредниками, — объяснял молодому разведчику командир группы Михаил Воронков. — В ходе СКЗ мы обязаны информировать посредников о каждом своем шаге: где живем, с кем встречаемся, какие шаги планируем предпринять. На учениях разведчик действует «в свободном полете» и встречается с посредниками только в случае задержания условным противником.

Михаил, как один из самых подготовленных специалистов отдела, выезжал в Усть-Каменогорск для подготовки «условий по связи». В его задачи входило вооружить других разведчиков такими важными инструментами нелегальной работы, как места встреч командиров групп, проверочные маршруты, конспиративные квартиры, точки визуальных встреч, места тайников и моментальных передач.

Все эти загадочные слова звучали для Сергея в новинку и походили на фразы из шпионского кино. Как человека неопытного его назначили сопровождающим «главной рации отдела». В роли самой «рации» оказался уже знакомый ему капитан Ухватов.

— Серега, не переживай. Наше дело самое простое — зашхериться поглубже и давать связь по расписанию. Ты будешь бегать за шифровками, а я стеречь радиостанцию и выходить на связь. Считаю, что в отпуск съездим — у меня под Усть-Каменогорском родня по линии жены брата живет. В деревне Беловка. Банька, займка собственная... Короче, тебе повезло.

Сергей не был посвящен в план действий всего отдела, но знал, что боевые группы получили задачи на подготовку к условному уничтожению промышленных объектов на территории Северного Казахстана и должны были самостоятельно выдвинуться в этот регион, поселиться в городе, организовать что-то вроде подполья, провести разведку и заложить муляжи взрывных устройств на особо охраняемых объектах.

«Противник», в свою очередь, был проинформирован о планах диверсантов и должен был силами местных КГБ, МВД и воинских подразделений выявить и «уничтожить» боевые группы «Вымпела».

— Это будет шапито, «цирк уехал, а клоуны остались!» — злился на рабочих совещаниях группы майор Ефремов. Сорок человек на территории одного маленького зачуханного Усть-Каменогорска! Да нас там будет больше, чем местных жителей. Будем ходить по городу и думать: ну надо же, кругом свои люди!

— Не кипятись, Костя, — охлаждал старшего оперуполномоченного Михаил Воронков, — на то и учения. В миллионном городе легче затеряться, но учиться можно и в менее комфортных условиях.

— Да они там в штабе договорились сдать нас всех с потрохами. Вспомни Армению. Место сбора — Выставка достижений народного хозяйства в Ереване! Много там людей по павильонам гуляло? Только наш отдел! Зато в полном составе. Да еще почти все с русскими рожами. Съезд нацменьшинств, блин!

Костя Ефремов был прав. Это понимал даже неопытный Сергей. Но задачи руководителя учений не обсуждались: отдел должен был учесть все очевидные и не очень проблемы и атаковать город силами отряда из сорока человек.

Для выполнения этой задачи были сформированы четыре полностью автономные боевые группы. Каждой группе был обозначен перечень объектов для атаки. В случае захвата или условного уничтожения одной или нескольких групп оставшиеся подразделения отдела должны были отработать «за себя и за того парня». В этой схеме Василий Ухватов и приданный ему младший разведчик Туев должны были работать в контакте с группой управления, то есть поддерживать связь только с начальником отдела Виктором Кимом, также находящимся на нелегальном положении.

Сергей понимал, что Ухватов сильно упрощал стоящие перед ними задачи. На самом деле разведчикам предстояло проделать полный комплекс оперативных мероприятий, начиная от разработки личных легенд и легенд пребывания в Усть-Каменогорске, изготовить документы оперативного прикрытия, придумать маршрут и способ выдвижения в деревню Беловка, понимая, что на всех вокзалах и в аэропортах их уже будут искать специально мобилизованные люди.

После этапа базирования Сергеем предстояло выйти на связь с начальником отдела, подав условный сигнал в месте, указанном Михаилом Воронковым. Для обеспечения встреч с Кимом также требовалось разработать проверочный маршрут для выявления возможного наружного наблюдения. Делать это предстояло как до контакта, так и после проведения личных встреч.

Полным провалом в работе Сергея считался арест радиста, особенно если Сергей сам привел бы к нему наружное наблюдение. На отпуск это точно не было похоже.

— Вася, а какая у тебя будет легенда, — начал пытаться он «главную рацию отдела».

— По легенде, я буду военпредом с оборонного завода из Москвы, — довольный своей придумкой сообщил Сергеем Василий.

— А что ты делаешь в Усть-Каменогорске?

— Невесту искать приехал, — не моргнув глазом придумал на ходу Ухватов.

— А в Москве невест мало? — не успокаивался Сергей.

— Ты че пристал? — начал сердиться Вася.

— Это не я, это тобой местная контрразведка интересуется, — подначивал Сергей своего временного начальника.

— А для разборок с местной контрразведкой ты и поступаешь в мое распоряжение, — нашелся что ответить Василий.

В итоге Сергей договорился с Василием, что они познакомились в поезде, что Сергей едет в Северный Казахстан за свежим золотым корнем — радиолой розовой, — который очень нужен его заболевшей матери, а отзывчивый попутчик из Москвы Вася предложил ему свою помощь с жильем у своих родственников. Поскольку никому, кроме родственников Василия из Беловки, эту легенду доводить не предполагалось, друзья решили поставить точку на своей незатейливой оперативной подготовке.

Накануне выезда к Сергею подошел Ломтев:

— Волнуешься? Первое задание?

— Есть немного, — Сергей был тронут вниманием Ломтя.

— Запиши телефончики: если будет трудно, тебе помогут, — еще больше расположил к себе Сергея Ломоть.

— Погоди, сейчас! — Сергей сбегал в свою комнату за ручкой и блокнотом. — Диктуй, я готов.

— Ну, раз готов, пиши: 01, 02, 03! — довольный получившимся розыгрышем, рассмеялся Ломтев.

В вагоне-ресторане поезда Москва — Усть-Каменогорск Сергей познакомился с молодой семьей из Лениногорска. Супругов звали Елена и Александр. Они возвращались из Москвы после медицинского обследования Елены. Рассказ о больной матери произвел на них сильное впечатление.

— У нас в Лениногорске этого корня хоть пруд пруди. Я сам лесничий. Накопаю хоть рюкзак, хоть самосвал, — горячо начал приглашать к себе в гости Саша. Лена одобрительно кивала головой.

У Сергея даже ком к горлу подступил: так естественно было для этих людей пустить в дом и помочь абсолютно незнакомому человеку.

«Да, с душевной легендой у нас из народа веревки вить можно», — с горечью и приглушенным чувством вины подумал Сергей. Ночью под стук колес он долго размышлял, подлость ли с его стороны вот так врать и манипулировать хорошими людьми. Решив, что он это делает не для себя, а в интересах безопасности Советского государства, начинающий разведчик успокоился и уснул.

Не доезжая до Усть-Каменогорска километров двадцать, в четыре часа утра друзья вышли из вагона с двумя тяжелыми чемоданами. В них лежала совсекретная радиостанция глубинной разведки, антенное оборудование и запасные аккумуляторы. На маленькой захолустной станции, где, кроме сонного милиционера и Васи с Сергеем, никого не было, Туев почувствовал себя немного неуютно: то ли его беспокоил фальшивый паспорт, то ли натер ребра висевший в подмышечной кобуре пистолет, то ли виной тому были сомнения, поверит ли в их легенду постовой милиционер, который уже присматривался к их странной парочке. Дождавшись рассвета, друзья с трудом поймали попутку до нужной им деревни.

В Беловке Василий и Сергей не сразу нашли дом дальних родственников Ухватава. «Незаметно» поболтавшись с чемоданами по деревенским улочкам,

разведчики, наконец, нашли нужную им хату. Открывать дверь вышел хозяин дома — здоровенный дед с широкой окладистой, как у старовера, бородой. В руках у деда была двустволка. Подробно выпросив у Василия сведения о жене брата и проверив документы у Сергея, дед, наконец, разрешил им войти.

— У нас тут зоны. Беглых много, — словно оправдываясь за повышенную бдительность и прихваченную с собой двустволку, извинился хозяин. — А ты, стало быть, отдохнуть у нас решил, в отпуск че ли?

— Да, дядь Вань, вот решил подальше от столичной суеты рыбку половить, в баньке попариться, здоровье поправить, — весело и неубедительно начал рассказывать Василий. Сергей сразу понял, что для родственников он легенду еще не придумал.

— Так откель у нас рыбка? — изумился дядя Ваня. — У нас речки-то отродясь не было. Нашел тоже где здоровье поправлять. За здоровьем, паря, в Лениногорск ехать надо. Здесь к пяти годам у младенцев зубы уже все гнилые. А старики через одного — все раковые ходят. Вишь, комбинат как дымит. За двадцать верст видать.

Дед указал на серо-желтую дымку, висевшую над горизонтом со стороны города.

Понимая, что пора вмешаться, пока Вася не соврал что-нибудь совсем неправдоподобное, Сергей достал из сумки заранее припасенную поллитровку. Дядя Ваня сразу повеселел и пошел из избы во двор истопить баню гостям. Сергей увязался за стариком.

Прихваченный первым осенним заморозком огород, деревянный туалет на улице, банька в сарае с печкой, переделанной из обыкновенной буржуйки, напомнили ему дядю Жору и деревню его матери Анны.

К завтраку Сергей и Вася уже попарились. На столе в избе их ждала открытая поллитровка, соленые, прямо из дубовой бочки, грузди и жбанчик с горячими пельменями.

Поев, Вася сомлел и после бессонной ночи пошел отдыхать. В это время к дому подъехал на «Ниве» сын дяди Вани Андрей. Опрокинув вместе с Сергеем еще по чарочке водки и доверчиво выслушав легенду о том, как Сергей познакомился с Василием в поезде, сын старика пригласил гостя погулять. На улице Андрей доверительно предупредил Сергея:

— Ты ему не верь. Никакой он не военпред и на военном заводе не работает. Кагэбэшник он, зуб даю, а сюда приехал, чтобы заводы наши проверять. Мне сестра все рассказала. А за корнем золотым ты на рынок сходи. Там его бабки продают. Правда, насколько он свежий, я не знаю.

Отдохнувший и повеселевший после сна, Вася заговорщицки подмигнул Сергею:

— Ну, что я тебе говорил? Курорт!

— Курорт не курорт, только мне только что рассказали, что никакой ты не военпред, а кагэбэшник. И что сюда приехал не в отпуск, а заводы

тайно проверять. Представляешь, сколько человек об этом в Беловке знает, если даже меня, совсем чужого им человека, в твои секретные задания посвятили?

Вася сразу посерел и засуетился:

— Надо срочно уезжать. Собирай вещи, едем!

— Куда едем? С чемоданами ходить по Усть-Каменогорску и просить сдать нам угол? Или, может, в гостиницу поедем? Нас там точно ждут не дождутся. В засаде. К тому же у тебя сегодня первый сеанс. Предлагаю такое решение: раз нас до сих пор не взяли, значит, противник о нас ничего еще не знает. Сегодня суббота. Вряд ли опера успеют в выходные опросить частный сектор. Им это сподручнее делать по месту работы. Я еду в город. Мне нужно полтора дня, чтобы найти конспиративную квартиру.

Сергей уже знал, что ему делать. Он ехал в Лениногорск к своим новым знакомым — Елене и Александру. В поезде они говорили, что у них в Усть-Каменогорске живет тетка, кажется, тетя Валя. У нее отдельная двухкомнатная квартира в центре города, и она ищет приличного постояльца. Поездка в Лениногорск займет у него сутки, зато у них будет гарантированно «чистая» квартира с рекомендациями в самом центре Усть-Каменогорска. Об этом можно было только мечтать.

В Лениногорске Сергея встретили как родного. Лена и Саша жили на самой окраине города, где городской парк постепенно переходил в настоящую тайгу.

Новые друзья Сергея только что построили себе кирпичный дом. С белой завистью Сергей ходил по просторному пятикомнатному жилищу и мечтал, что когда-нибудь у него будет такой же большой, светлый и просторный дом с видом на тайгу и горные хребты Северного Казахстана.

Он очень жалел, что познакомился с этой парой «в оперативной обстановке», краснел, когда давал заведомо несуществующие адреса в Москве, и опять стыдился своего собственного вранья. Вечером после бани и душистого чая с горными травами и таежным медом он был счастлив от того, что такие замечательные советские люди, как Лена и Саша, живут на этом свете, и гордился тем, что если что, он первым встанет на их защиту.

Утром с полным рюкзаком золотого корня, тремя литрами таежного меда и точным адресом бабы Вали Сергей ждал обратного автобуса в Усть-Каменогорск. После звонка Лены баба Валя была в курсе насчет приезда Сергея с Василием и готовила для них одну комнату. По своей инициативе, зная подозрительный характер своей пожилой тетки, Лена представила Сергея как старинного друга их с Сашей семьи.

Сердце Сергея ликовало. Ночью на стоящий у подножия гор городской квартал выпал первый снег. К утру пригрело солнце и растопило выпавшие за ночь неглубокие сугробы. словно весной по городским улочкам текли ручьи, над головой синело безоблачное небо. Неожиданно Сергея

охватило чувство какого-то безумного счастья и очищения. «Шамбала, — улыбнулся он про себя. — Говорят, где-то здесь, на Алтае, находится вход в Шамбалу».

В Беловке Сергей забрал Василия от родственников. Удивленный столь скорым отъездом московского гостя, дядя Ваня даже обиделся.

Оказалось, что Вася так и не смог выйти на связь в основное время, и надо было срочно проводить сеанс по запасному варианту. Сергей знал, что в далекой Балашихе добросовестный капитан Полищук уже раскинул за первым корпусом свои антенные поля и терпеливо ждет, когда они выйдут в эфир. Раскинув антенну в ближайшем пролеске, Василий отбил в центр радиограмму: «В район выполнения задачи прибыл. Вынужден поменять основное место базирования. Подробности в следующем сеансе. Конец связи».

На квартире у бабы Вали все было замечательно, если не считать, что комната, которую она выделила своим новым жильцам, была проходная и, направляясь к себе в спальню, она постоянно шаркала мимо Сергея и Василия с их совершенно секретным оборудованием. Благодаря ответственным пионерам из соседней школы она практически не ходила в магазин и все время сидела дома.

Пару раз Сергей и Вася тайком выносили из дома радиостанцию и давали связь с чердаков соседних домов. Это было очень неудобно. Один раз их чуть не задержала милиция: разбуженные жильцы верхних этажей, услышав подозрительный скрип у себя над головой, вызвали наряд.

Кроме того, выходить два раза в день с огромными чемоданами из квартиры бдительной бабы Вали тоже было своего рода искусством. Пока Сергей каким-то очередным образом отвлекал старушку на кухне, Вася незаметно выставлял на лестничную клетку чемоданы с секретной аппаратурой и возвращался обратно в квартиру, тихонько притворяя за собой дверь. Цель этого трюка состояла в том, чтобы баба Валя думала, что друзья уходят налегке и, естественно, без своих тяжелых чемоданов.

Когда носиться с чемоданами по чердакам и паркам разведчикам надоело, Сергей решил испытать новый прием: он выманил бабу Валю, лет двадцать не отходившую от своего подъезда, в кино. Вася в появившееся окно должен был связаться с Центром и передать очередную шифровку от Кима.

На экране шел фильм «Бармен из «Золотого якоря» Под впечатлением шпионской истории баба Валя растревожилась не на шутку:

— Сереж, а ты дружка своего Ваську давно знаешь?

— Давно, а что?

— Не нравится он мне, все врет что-то невпопад, крутится как уж. Не шпион ли он какой?

Сергея начал разбирать хохот и появилась тревога, что баба Валя прямо сейчас побежит назад к себе в квартиру.

— Ну какой он шпион?! Я его давно знаю. Он военпред на заводе, женится хочет, невесту ищет.

— Да кто ж за него пойдет! Голова сальная, небритый, все время ходит в каком-то дешевом свитере. Нет, милоч, пойдем. Не могу я здесь сидеть, пока он там один в моей квартире хозяйничает!

По вечерним улицам Усть-Каменогорска баба Валя летела так, что Сергей за ней еле поспевал. Стремительно взлетев на свой этаж, старушка ловко провернула ключ в замочной скважине и, влетев в квартиру, сразу успокоилось.

Как ни в чем не бывало, Вася смотрел телевизор, сидя на диване. Присмотревшись к товарищу более внимательно, Сергей заметил, что лоб его покрывала испарина, взгляд устремлен в одну точку, а из-под дивана торчат кольца проводов от наспех смотанной антенны.

Ночью, лежа в своей постели, Вася попытался расшифровать телеграмму, переданную для Кима из Центра. Из-под одеяла раздавались булькающие «межгалактические» звуки.

— Что это вы там делаете? — вновь забеспокоилась из соседней комнаты бдительная старушка.

Вася еще глубже залез под одеяло, но через секунду высунул голову наружу и попросил Сергея:

— Ты, когда я запись снимаю, кашляй погромче, может, это ее отвлечет. Бабушка русской контрразведки, блин!

Читинская гонка

Зимой все боевые отделы были отправлены в Тульскую дивизию ВДВ для совершения тренировочных прыжков с парашютом. Офицеров разместили в солдатских казармах, срочно переделанных в офицерские общежития. Суть переделки заключалась в том, что у двухъярусных кроватей сняли вторые «этажи», чтобы офицеры могли спать, видя перед собой потолок, а не провисший зад боевого товарища. В отличие от курсанта офицер мог сидеть или даже лежать на своей кровати в любое время суток. Когда не было прыжков и укладок, отдел в основном резался в преферанс, кто-то читал.

Несколько упертых чудаков типа Сергея и его командира Михаила Воронкова готовились к сдаче экзамена по английскому. В КГБ за знание иностранных языков хорошо платили: за владение одним языком в объеме восьми семестров — десять процентов к окладу, за два европейских языка — двадцать процентов. За сочетание какого-нибудь суахили или иного экзотического наречия с европейским языком можно было получить до тридцати процентов прибавки к жалованью.

В боевые отделы на оперативные должности офицеров без свободного владения хотя бы одним иностранным языком старались не брать.

Исключение составляли специалисты с уникальными умениями. Но и тех заставляли учить язык, для чего в «Вымпеле» была собственная кафедра иностранных языков.

Неожиданно в казарме появился Бек — тот самый киргиз, который так ловко развел Сергея в день его прибытия на КПП в «Вымпел». Сергей знал, что Бек должен был находиться в Афгане с каким-то особым поручением командования. Предваряя возможные вопросы, связанные с его возвращением, Бек встал на табурет и торжественно произнес:

— Братья! Зная, что многие из вас в этот ответственный для Родины момент назло мировому империализму готовы совершить свой первый в жизни прыжок с парашютом, я не смог не поддержать вас в эту трудную минуту и вернулся в Союз.

Василий Полищук, чья кровать стояла рядом с Сергеем, прокомментировал:

— Молодец Бек, держится. Из Афгана его поперли, так как на него устроили охоту сразу три банды моджахедов. Вот отсидится полгода и назад — снова головы бандитам откручивать.

— Мне рассказывали, он знаменитая личность, — закинул удочку Сергей.

— Куда уж! Бек вот уже несколько лет гоняется за Ахмад Шах Масудом. Есть такой легендарный «Паншерский Лев» в Афгане. Кстати, действительно шах — один из представителей древнейшей афганской династии. Окончил Гарвард и Военную академию в США. Благодаря его талантам мы несем в Паншере огромные потери.

— А что Бек?

— Бек организовал на него уже четыре покушения, перебил всех его замов, но Паншерского льва так пока и не достал. Зато на него самого началась ответная охота. Так что общайся и учись: Бек фанат нашего дела, с ящиком гранат и подносом стаканов может в одиночку уничтожить целый караван.

— Как это?

— В прямом смысле: узнает через свою агентуру маршрут каравана, навязет узлами детонирующий шнур с шагом через десять метров каждый узел, вкопает шнур в песок вдоль караванной тропы, а над узлами установит стаканы с гранатами внутри. Потом все прикопает и замаскирует как следует. Зачем стаканы? А затем: как только стенки стакана прижмут в распоре предохранительный рычаг, Бек вынет из гранат кольца — и минное поле готово. Когда на нужном участке дороги появляется караван, он подрывает детонирующий шнур, узлы при этом взрываются как самостоятельные толкательные заряды и выбрасывают гранаты из разбившихся стаканов прямо на тропу. Каравана нет.

— Ловко. А что он еще умеет?

— Этого Бек и сам не знает. Его стиль — импровизация. В мирной жизни за это судят и с работы выгоняют.

— Почему судят?

— Потому, что все, что делает Бек, в корне противоречит всем инструкциям о безопасности. Он даже капсулы-детонаторы на ДШ из принципа зубами зажимает.

— А как надо?

— А надо плоскогубцами, вытянув руки и отвернув лицо в противоположную от детонатора сторону.

На следующий день, когда Сергей укладывал для своего первого прыжка парашютный купол, Бек сам подошел к молодому разведчику и, словно боясь его огорчить, начал пристально осматривать уже почти уложенный парашют:

— Сергей, посмотри сюда, что-то мне не нравится, как ты законтровывал вот эту камеру, может не раскрыться.

С ужасом Сергей бросился проверять только что освоенную им контровку.

— Или вроде ничего, — словно про себя продолжал Бек, — может, и срывает. У тебя ведь все равно запаска будет.

Поняв, что Бек издевается, Сергей насупился и продолжил укладывать парашют.

После благополучного приземления в отделе царил веселый сует. Ранее прыгавшие офицеры «посвящали» в десантники тех, кто совершил свой первый в жизни прыжок: по заду новичка шлепали парашютной сумкой с только что собранным после приземления куполом. В казарме после этого наливали сто грамм «антистресса».

Ломать, также как и Сергей, прыгнувший с парашютом первый раз, брызгая слюной, самозабвенно рассказывал:

— Выпускающий дверь открыл и командует: «Пошел!» Я туда, пытаюсь выпрыгнуть в люк. А меня оттуда воздушный поток раз и заталкивает обратно. Я снова туда, а поток меня опять обратно. Я туда, а меня — обратно. Еле выпрыгнул!

Надрывая от хохота живот, Василий Полищук объяснил товарищу, произошедший с ним феномен:

— Вова, надо было лучше слушать выпускающего. Он тебе не «пошел» сказал, а «подожди» Мы тебя всем бортом держать пытались, но ты, молодец, все равно у нас вырвался!

Находясь в Тульской дивизии, офицерам волей-неволей приходилось соблюдать заведенные там традиции и порядки. Вставать приходилось также рано, как солдатам, в шесть. После подъема все бежали на зарядку, которую по очереди проводили либо Зудов, либо Сергей.

В качестве «общественной нагрузки» Сергея назначили внештатным инструктором по специальной физической подготовке, для чего незадолго до прыжков на целый месяц откомандировали на Петровку, 26. Там у Тадеуша Касьянова он прошел интенсивный курс рукопашного

боя, после чего вернулся в ОУЦ с корочкой инструктора по рукопашному бою.

Главное на зарядке было вовремя вернуться в казарму, чтобы не пропустить ежедневную десятиминутную программу по аэробике. Запылавшиеся с мороза, офицеры окружали установленный в казарме цветной телевизор и весело комментировали эротичные движения юных гимнасток.

Если прыжки из-за погоды затягивались дольше, чем на неделю, холостяки отправлялись знакомиться с официантками из офицерской столовой и очень часто появлялись в казарме только под утро.

Женатым оставалось любоваться женскими прелестями только по телевизору. Тестостерон кипел, компенсировать его влияние не могли ни серьезные физические нагрузки, ни связанный с прыжками стресс.

Два раза пройдя интенсивную прыжковую подготовку в зимних и летних условиях, группа Сергея начала интенсивно готовиться к очередным серьезным учениям. На этот раз действовать предстояло в забайкальской тайге недалеко от Читы.

Отрабатывая приземления на лес, офицеры прыгали днем и ночью, с оружием и грузовыми контейнерами. После выполнения прыжков повышенной сложности для разведчиков специально смоделировали трассу в ярославских болотах. Для контроля за подготовкой группы из штабного отдела к ним был прикомандирован специальный посредник, имевший право не только контролировать действия разведчиков, но и усложнять для них некоторые задания.

Одним из таких нелюбимых «дополнительных упражнений» была переноска «единого неделимого груза». Обычно это был опечатанный посредником ящик из-под боеприпасов, набитый песком или камнями, общим весом около сорока килограммов. Мало того что это немалый вес, так посредник мог приказать оторвать у ящика ручки и дальше «хоть тушкой, хоть чучелком», но перенести эту игрушку километров на тридцать.

Во главе читинской группы на этот раз поставили только что вернувшегося из Афганистана подполковника Олесюка. Эммануил Николаевич был родом с Западной Украины и постоянно повторял: «А ну-ка поднажали, хлопчики! Тяжело в учении — в бою легче не будет!»

Спецификой ярославского перехода стали ежедневные многочасовые переходы со специально утяжеленными рюкзаками. Казалось, умирал даже посредник — мастер спорта по военному многоборью, шедший в составе группы с относительно легким рюкзаком.

На улице стояла тридцатиградусная жара, тела разведчиков заливал пот, на пот роями набрасывались комары и слепни. Репеллента, вязкой маслянистой жидкости, щедро выданного на складе в «Вымпеле», хватало минут на десять движения. Несмотря на то что в обычной обстановке его приходилось долго отмывать с мылом — таким клейким и приставучим

был специально разработанный для военных состав, — баню из горячего пота он долго не выдерживал.

— Коля, на хера ты нам уготовил такие испытания? — допытывался у посредника Олесюк. — Мы же помрем еще до учений. Не будь садистом. Нервовен час, мы тебя здесь в болотах и прикопаем!

— Еще спасибо скажете в Чите. Там с вами посредника не будет. Зато по следам группы пустят лучших лагерных волкодавов с овчарками. По вам будут все конвойные войска Забайкалья работать.

Подполковник Олесюк, набравший на советнической работе лишние килограммы, с трудом выдерживал ритм, заданный спортсменом-посредником и более молодыми, чем он сам, разведчиками группы. К тому же он был зол на своих замов — Василия Полищука и Владимира Гриднева, напомнимших ему про шутейные вымпеловские традиции.

Когда к концу первого дня пути умирающий от усталости и жажды, облепленный облаком болотной мошки, командир полез в свой рюкзак, чтобы сделать глоток воды и немного подкрепиться, то с удивлением обнаружил в нем две дорожные китайские ракетки, шарик и сетку для пинг-понга, привезенные им из Афгана.

— Ты что, командир, еще и в теннис с нами играть будешь? — с деланным уважением, еле сдерживая смех, спросил Костя Седов. — А стол почему не взял?

— Суки! — зашвыривая далеко в болото купленные за чеки драгоценные ракетки, не на шутку обидевшись, закричал Николаич.

Довольные розыгрышем разведчики начали готовить ужин. Они знали, что командир долго кипятиться не будет — ему из уважения к «старости» подложили символический вес, хотя могли подкинуть и пару гантелей.

За два дня до десантирования в Забайкалье вместо положенной тренировки офицеры решили устроить маленький пикник. Захватив из дома вареную картошку, вяленую воблу, зелень, колбасу по два двадцать и водку с пивом, разведчики отправились на Бабошкино озеро.

«Бабошка» находилась в полукилометре от их объекта. Обычно они прибегали сюда во время тренировок и очень часто заканчивали занятия тем, что долго плавали в коричневой, словно настоящей на коре дуба торфяной воде.

На этот раз они осваивали менее привычную для себя роль гражданских отдыхающих. Расположившись в хвойной тени на предусмотрительно захваченном из отдела туристическом коврике, офицеры вспоминали тренировочный выезд в ярославские болота и долго хохотали над тем, какое было лицо у их командира, когда он достал из рюкзака свои любимые теннисные ракетки.

Сам Николаич хохотал больше всех:

— Нет, вы, паразиты, даже не понимаете, какое изумление, а потом бешенство я испытал в тот момент. До меня ведь с усталости не сразу дошло,

что вы меня разыгрываете. Первое, что подумал, — какого хера я взял с собой теннисные ракетки!

Потом был традиционный «третий тост»: офицеры налили по полной, молча кивнули и до конца опрокинули рюмки. Сергей уже знал, что за женщин третью рюмку здесь не поднимают. Третий тост — «за тех, кого с нами нет». Выпив по двести грамм на брата, командир решил подвести черту:

— Ладно, мужики. Послезавтра ярославские болота нам покажутся раем. Боевую задачу мы еще не знаем, но судя по тому, что нас особо готовили к этим учениям, придется попотеть.

— На посошок предлагается нашу — зенитно-каскадовскую, — подсказал командиру Василий.

Николаич улыбнулся:

— Ну, за Красный флаг над Белым домом!

— Ура! Ура! Ура! — шепотом прокричали офицеры.

Бухнувшись с неба в заросли можжевельника и оглядевшись вокруг, Сергей отказывался верить, что каких-то восемь часов назад они пили крепкий кофе в кабинете у командира «Вымпела» контр-адмирала Хмелёва и получали учебно-боевую задачу. Кругом, на сколько хватало глаз, простирались поросшие соснами каменистые сопки. В месте десантирования было около шести часов вечера. Солнце уже хорошо клонилось к закату, и в его косых оранжевых лучах желтые стволы сосен с подтаявшей за день смолой выглядели словно медовые соты. «Красота-то какая», — пронеслось в голове у Сергея, после чего он начал спешно собирать свой парашют.

На отрыв у группы Олесюка было три часа. Ровно через это время посредники были обязаны назвать местным контрразведчикам точное место десантирования их маленького отряда. Вскрыв конверт, переданный адмиралом Хмелёвым, группа узнала, что им назначены для уничтожения три объекта: железнодорожное полотно в районе изгиба реки Ингода неподалеку от станции Песчанка, Читинская ТЭЦ и разведшкола в глухой тайге в ста километрах от района десантирования. Командир принял решение в течение трех минут:

— Группа Гриднева в количестве трех человек уходит в свободное плавание с задачей разведки и уничтожения Читинской ТЭЦ. Оставшиеся разведчики под моим руководством поэтапно выполняют другие две задачи: минирование железной дороги и уничтожение разведшколы условного противника. Напоминаю, что для местных коллег-контрразведчиков наш прилет — самая главная московская проверка. Не исключаю, что, еще до того как посредники вскроют конверты с нашими координатами, они начнут действовать по результатам собственного контроля за воздушным пространством. Так что обещанных трех часов форы у нас может и не быть. Короче, разбежались!

Через пятнадцать минут движения основная группа, в составе которой оказался Сергей, наткнулась на небольшую полноводную речушку, шустро несущую свою ледяную от подтаявшей вечной мерзлоты воду среди острых скальных берегов.

— Это нам сейчас очень кстати, — Олесюк нагнулся и, зачерпнув ладонью студеную воду, сделал осторожный глоток. — Собьем дорожку у собак. Если у них не будет псов с верхним чутьем, считайте, нам повезло.

Члены группы с удивлением увидели, что Костя Седов, самый опытный из них таежник, снял десантные ботинки, повесил их связанными у себя на груди и босиком полез в холодный горный ручей. Уже через долю секунды, наступив на острый подводный камень, он остушился и с головой ушел под воду.

— Костя, ты чего? — в недоумении спросил у бывалого наставника Сергей. — А как же твои слова о том, что босиком переправляться через ручьи и горные реки категорически запрещено?

— Да вот хотел тебе наглядный урок преподнести, так сказать, личным примером показать, — начал оправдываться расстроенный Седов. — Даже не знаю, что на меня нашло. Тепло, сухо, красотища кругом. Так не хотелось по доброй воле еще и обувь мочить!

Дав Косте минуту, чтобы надеть ботинки, группа цепочкой вошла в речку по грудь и около километра шла по ледяной, недавно бывшей льдом воде.

Как ни странно, идти по тайге и сопкам было намного комфортнее, чем по ярославским лесам и болотам. Самое главное, здесь абсолютно не было комаров. Да и сухой хвойный воздух, вливаясь в работающие, как мехи, молодые легкие, обладал свойствами какого-то волшебного эликсира.

Главную проблему для разведчиков представляли сопки — поросшие лесом огромные каменные холмы, — пересекать которые из-за незнания местных тропинок приходилось по азимуту. Понимая, что такие подъемы-спуски с рюкзаками весом более двадцати пяти килограммов они долго не выдержат, командир принял решение сбросить все продукты питания в наскоро оборудованный тайник.

Оставив в рюкзаках только по одному суточному пайку, разведчики пошли заметно быстрее. Несмотря на горную местность, группе удавалось держать крейсерскую скорость — не менее семи километров в час. Более медленное восхождение разведчики компенсировали тем, что на спусках ускорялись до гладкого бега.

«Не зря мы столько времени работали на укрепление голеностопа, — подумал Сергей, — здесь без дополнительной подготовки обычный спортсмен давно порвал бы все сухожилия».

К утру следующего дня обессиленная группа по команде командира рухнула на землю. Позади остались тридцать пять километров сложно-пересеченной местности.

«Зря мы остановились, — промелькнула в уже мутнеющем от жары и нагрузок сознании Сергея, — можем и не встать». Но вставать, как выяснилось, никто и не собирался. Выставив дозорных, группа забазировалась на дневку. Многих рвало. Быстро наступившая жара не давала спать даже в тени. «Ночью вроде бы заморозки были», — успел подумать Сергей и провалился в сон.

Переждав наступление темноты, разведчики отправились искать указанный им изгиб железной дороги. Каково же было их удивление, когда, пройдя километра полтора, они наткнулись на не отмеченную на карте деревушку. Еще издали их облаяли собаки. Далеко обходя деревенские огни по большой дуге, разведчики вышли к месту минирования.

Для более удобного разгребания крепко слежавшегося гравия железнодорожного полотна еще в «Вымпеле» Костя сварил газовым аппаратом удобные металлические трезубцы:

— Лопатки там не помогут, — прокомментировал он свое рационализаторское предложение, и как выяснилось, оказался абсолютно прав.

Словно три большие молчаливые собаки, Костя, Мурман и Вася Полищук разгребали будто бы припаянные друг к другу крупные куски железнодорожного гравия. Спешка была вполне объяснима: такое удобное место для подрыва товарняка мог легко просчитать и их «противник». Отколов трезубцами верхние слои покрытия, срывая ногти, разведчики начали делать выемки под имитаторы взрывчатки и устанавливать взрывные устройства.

Сергей, лежащий в дозоре метров в пятистах от своей группы, услышал тихие голоса и движущуюся в направлении его товарищей группу вооруженных людей. Юркнув в чащу, он опрометью, но бесшумно ринулся к своей группе.

Чувство удивительной легкости Сергей почувствовал уже к концу вторых суток пребывания в тайге. Тело молодого разведчика, подготовленное в Ярославле к таким непосильным для обычного человека нагрузкам, словно слилось с окружающей природой, казалось, он чувствовал ее дыхание и дышал вместе с ней.

— Уходим, — выслушав доклад Сергея, подал команду Василий.

— Нет, у нас есть еще около минуты, — возразил старшему группы военный инженер Седов. — Надо обязательно замаскировать следы и вернуть верхние слои гравия на место. Они не должны обнаружить наши закладки — иначе на хера мы столько горбатились?

Когда контуры «противника» стали видны на фоне ночного неба, Костя дал команду покинуть насыпь:

— Вот теперь уходим. Пусть они заложенные мины охраняют!

Уже налегке, оставив тяжелые имитаторы взрывных устройств под шпалами, группа возвращалась к месту своего базирования. К удивлению разведчиков, на базе их никто не встретил. При этом на обязательной перед возвращением в лагерь «петле безопасности» не были выставлены предусмотренные на случай ЧП сигналы опасности.

Судя по тому, что на лежаках были оставлены часть снаряжения и даже ручной генератор к совершенно секретной радиостанции, база была покинута в спешном порядке.

Здраво рассудив, что погром на базе не связан с условным противником — иначе их уже повязали бы в засаде, — разведчики собрали наиболее ценные вещи и отправились к запасному месту сбора.

После минирования и возвращения на разоренную кем-то базу нервы у всех были на пределе. Костя Седов, зная, что здесь часто бывают побег из зон, да и местное население в основном состоит из бывших эзков и отпущенных на свободу поселенцев, посоветовал быть готовым ко всему и первым дослал патрон в патронник.

После трех часов движения, бесшумно продвигаясь по дремучей таежной чаще, они были остановлены страшным, ни на что не похожим окликом:

— Ку-ку! — дикий пьяный крик в пятнадцати шагах от группы заставил всех разведчиков упасть в сырой от закатной росы мох.

— Это не кукушка, — прошептал еще не пришедший в себя командир.

— Ку-ку! — еще громче проорал таинственный лесной «леший», и Сергей заметил, что за густым можжевельным кустом спрятана небольшая палатка с парочкой «диких» туристов.

Набухавшись, как говорится, по-черному, разоравшийся на всю тайгу бородач только что оторвался от своей молодой спутницы и от разрывавшего его восторга, глядя на усыпанное звездами таежное небо, еще раз проорал:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Сэйчас у мэня эта кукушка кукарэкать будэт, — приходя в себя от онемения, прошептал Мурман. Разглядев получше девушку в бинокль, горячий мегрел сменил гнев на милость:

— Вообще парня можно понять — такая барышня. Без трусов. Посередине тайги. И никаких комаров! Вах!

Когда группа отошла от парочки метров на семьсот, Василий остановился и словно про себя сказал: «Я не могу оставить их просто так». Разведчики напряглись, посчитав, что от стресса и переутомления их командир решил устроить в тайге самосуд.

— Да вы че, дураки! О чем подумали? Я про их продукты говорю — нам еще дней десять по тайге воындаться, а с них не убудет. До Песчанки здесь километров пятнадцать, не больше. Будем считать компенсацией причиненного нам морального ущерба.

— Командыр, ты про какой ущерб говоришь? — разрядил обстановку Мурман. — Видым, но нэ можем?

Для участия в санкционированном грабеже поднялся целый лес рук. Все хотели вернуться назад к палатке.

— Я вам, б...дь, дам, вуайеристы недобитые! Туев, иди за продуктами. Ты еще не такой испорченный, как эти.

Сергей знал, что строгость Василия была напускная. В душе этот мужественный силач был добряк. Но горе тому, кто злоупотреблял его долготерпением.

Однажды на автобусной остановке в Балашихе Василий попал в неприятную для любого «вымпеловца» ситуацию: обнаглевший подвыпивший верзила, начав с грубых, сальных фраз, стал откровенно приставать к ждавшим транспорт женщинам. «Неприятность» заключалась в том, что «вымпелам» категорически запрещалось вступать в бытовые конфликты и хоть как-то светить свою профессиональную подготовку.

Забившись в дальний угол металлического навеса, Вася с трудом делал вид равнодушного мещанина, живущего по принципу «моя хата с краю». Возмущенные хамством верзилы и бездействием молодого здорового мужика, женщины коллективно «напали» на Васю:

— Как вам не стыдно! А еще мужчина называется! Сделайте же что-нибудь!

Сидеть в засаде больше не представлялось возможным. Вася встал между буяном и женщинами. Как «доцент» из известной комедии, он попытался поговорить с буяном на человеческом языке:

— Ну, ты это... старик, веди себя поприличнее.

Закуривший верзила заржал, сделал глубокую затяжку и вдруг неожиданно для всех затушил сигарету о новую, только что купленную в «Берёзке» болоньевую куртку Василия.

Нижний апперкот раздробил челюсть «шутника» прямо на глазах обомлевшего народа. Бугай грузно осел, изо рта на грудь хлынули потоки крови.

— Убийца! Душегуб! — с откровенной ненавистью теперь уже на Василия набросились стоявшие на остановке тетки.

На запасном пункте сбора разведчики нашли встревоженных Олесюка и радиста Амосова:

— Как это вас не застучали? — развел руками удивленный командир. — Как только вы ушли, за деревьями с вашей стороны собаки залаяли и фонарики, фонарики, фонарики со всех сторон! Ну конвойный батальон в полном составе!

— Ага, и мертвые с косами стоят, — сдохмил в ответ Костя Седов. — Это деревня огни зажгла, а собаки нас обрехали. Карты надо поновее на такие учения брать, командир!

Через два дня, совершив многокилометровый переход по тайге, группа подполковника Олесюка вышла к своему главному объекту — разведшколе условного противника. За прошедшее время погода резко поменялась: пошли холодные августовские дожди, на почве в распадах, где обычно пряталась группа, начались длительные ночные заморозки.

Оставшись без теплых вещей — вместе с продуктами разведчики скинули в схрон и свои спальные мешки, — люди практически перестали спать

по ночам. Чтобы не околеть от постоянного холода, все круглосуточно делали согревающие физические упражнения.

Когда визуальная разведка было закончена, офицеры попытались поспать хотя бы три-четыре часа перед решающим выходом на минирование казарм «противника». Чтобы хоть чуть-чуть согреться, разведчики достали свои полиэтиленовые трубы — такой товар для теплиц можно было купить на любом рынке для садоводов любителей — и, набив их мхом, постарались отдохнуть в своих мокрых, плохо проветриваемых берлогах.

Сергею досталось дежурить последний час перед подъемом. К моменту начала его смены в тайге уже рассвело. Натягивая мокрый от дождя маскировочный костюм, он растерял последние запасы тепла, которые с таким трудом надышал под полиэтиленом.

Спящие офицеры на расстоянии двадцати пяти метров друг от друга беззащитно валялись разбросанными по земле телами в мокрых полиэтиленовых «презервативах». Поджав колени к подбородку и положив под голову разгрузки с магазинами, все приняли положение человеческих эмбрионов.

«Никогда разведчики не должны спать скученно, как туристы, — грустно вспомнил Сергей еще одно наставление полковника Макухина. — Чтобы одна брошенная граната не могла убить более чем одного члена группы за один бросок».

После подъема и небольшого перекуса из конфискованных у «кукушки» продуктовых запасов Костя достал НЗ, доверенный ему командиром:

— Николаич, если не сейчас, то когда? — прямо намекнул он Олесюку на конфискованный в тайге спирт.

— Разливай! — отчаянно махнул рукой командир.

Расставлять мины на территории разведшколы поручили Косте и его воспитаннику Сергею. Ближе к середине дня, переползая от клумбы к клумбе, буквально под ногами у регулярно сдергиваемых по ложным тревогам солдат, разведчики заминировали все основные здания взрывозажигательными зарядами.

Расчет был на то, чтобы ночью условно привести в действие все это минно-взрывное богатство и доложить о завершении операции посредникам. К несчастью минеров, уже на обратном пути в лес их обнаружил спавший в секрете солдат. Все, может быть, пошло бы иначе, если бы Костя не решил снять еще одну «вражескую» растяжку, которая, как оказалось, была прикреплена не к сигнальной мине, а к пальцу бойца, придумавшего свой способ контроля за приближением проверяющих.

Увидев уставившиеся на него глушители разведчиков, солдат испугался и долго не мог произнести ни одного слова.

— Не дрейфь, разгильдяй, — успокоил его Костя, — тебе за твой «бдительный подвиг» еще и отпуск дадут.

Увидев, что лесные пришельцы вполне себе дружелюбны, боец бодро вскочил и с криком «Стой! Сдавайся!» начал палить холостыми патронами в воздух.

— Нет, ты посмотри, какая догадливая зараза! — в один прыжок Константин приблизился к бойцу и опять уложил его «спать» одним нажатием на сонную артерию.

Холостой выстрел часового поднял по тревоге весь личный состав условной разведшколы. Прикрывая товарищей, Мурман, Вася и даже радист Саша открыли шквальный холостой огонь по бегущему караулу «противника». Внезапно по караулу кто-то ударил еще и с тыла.

— У нас вроде и людей здесь больше нет! — удивленно присвистнул Костя. — Ого, может, они еще в какие учения играют?

По казармам, выпрыгивая на ходу из «Камазов», открыли огонь подоспевшие непонятно кому на помощь десантники. Только очереди их очень походили на настоящие.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы холостые боеприпасы, откалывали от бревен щепки? — прокричал на ходу Костя. — Надо предупредить нашу группу прикрития, пока их на фиг боевыми не перестреляли.

Вернувшись на базу, разведчики узнали, что пришла шифровка срочно прекратить учения. Обозначив свои координаты и дождавшись прибытия вертолета, разведчики начали спрашивать посредника, что это значит.

— Это значит, что вы проиграли и группа не выполнила поставленных перед ней задач. Подгруппу Гриднева взяли во время прочесывания территории вокруг периметра ТЭЦ. Первым попался майор Зудов. Правда, контрразведчики сначала приняли его за бомжа и даже не хотели тормозить. Однако, заметив что «бомж» спит на куче мусора под куском полиэтилена в обнимку с автоматом, поместили его соком от течки суки, и ночью собаки вывели группу захвата прямо на лесную базу.

— Чего же он спал прямо у объекта? — удивился переживавший за товарищей Костя.

— ТЭЦ стоит на открытой местности, и выдвижение туда днем практически невозможно. Выйдя к объекту в темное время суток, майор Зудов увлекся разведкой и проморгал рассвет. Тем более что он уже почти выполнил задачу — все места закладок были выявлены им правильно. Еще бы чуть-чуть — и благодарность председателя КГБ была бы ему обеспечена.

— А с нами что? — проворчал обидевшийся на посредников Мурман. — Нас-то за что с учений сняли?

— С вами вообще ничего не понятно: сначала «противник» доложил, что ГСН обнаружила себя, и выдвинул за вами караул и поисковые группы. Но потом началась полная фигня: нагрянула десантура и начала гасить направо и налево боевыми патронами. Хорошо хоть никого не зацепило.

После выяснения всех обстоятельств учений посредники все-таки признали, что группа Олесюка на этих учениях хоть и с «потерями», но победила:

Во-первых, «противник» не знал, что задержал разведчиков не в момент проникновения на объект, а уже на отходе — после установки готовых к подрыву зарядов. Во-вторых, «противник» почти неделю охранял заминированную разведчиками железную дорогу. И наконец, «противник» окончательно перестал спорить с «вымпелами», когда увидел на сводной карте учений, что во время гонки за группой Олесюка их хваленые поисковики, переловившие десятки беглых эзков, в бессилии остановились на привал всего в полутора километрах от блевавших в то время от переутомления разведчиков.

— Во как, — не удержался от комментариев Костя Седов, — получается, что они не дошли до своей чистой победы всего полтора километра.

— И именно эти полтора километра отделяют офицера спецназа от обычного добросовестного офицера, — подмигнул Сергею Василий Полищук.

Что касается внезапной помощи со стороны никем неожиданных десантников, то ларчик открывался просто: служба радиоперехвата военной разведки запеленговала рядом со своим секретным объектом, который как раз и выступал в качестве «разведшколы противника», неизвестную радиостанцию, регулярно работающую в режиме быстрогодействия. На разборе выяснилось, что и здесь прокола «вымпелов» не было — связист группы в это время в эфир не выходил. Просто в связи с повышением бдительности местная служба РКР (радиоконтрразведка), наконец, засекла на таежном объекте давно работавший там радиопередающий центр, обслуживающий китайское направление ГРУ.

Откровения Бека

После возвращения из Читы у Сергея впервые появилась надежда, что он станет хорошим офицером спецназа. В поезде метро он смотрел на вечно спешащих куда-то москвичей и светился от счастья и гордости за то, что не подвел своих товарищей, что в этой трудной, пусть пока учебной победе «Вымпела» был и его непосредственный вклад. В этот момент он чувствовал какую-то особую связь с окружающими его людьми, даже не подозревающими, что вот этот чернявый, поджарый, неброско одетый парень посвятил себя служению им — таким нужным и дорогим его сердцу согражданам.

Счастье Сергея было классическим: утром он радовался, что бежит на такую важную для страны и любимую им работу, вечером он летел домой, сгорая от нетерпения снова увидеть свою жену.

Полной неожиданностью для Сергея и Марины стало выделение им квартиры в подмосковной Балашихе. Несмотря на особые условия службы, многие офицеры «Вымпела» достаточно долго не были обеспечены собственным жильем. Бывало и так, что, вернувшись из опасной командировки, офицеры находили свои семьи выставленными из съемных квартир

на улицу. Чтобы решить эту проблему разом, на коллегии КГБ было решено очередной дом-свечку в микрорайоне Южный отдать «Вымпелу». Квартир оказалось с избытком и для тех, кто давно стоял в очереди, и для тех, кто, как Сергей, только начинал свой путь спецназовца.

— Сергей Александрович, — пригласил к себе в кабинет молодого лейтенанта Ким. — У командования части сложилось впечатление, что вы у нас всерьез и надолго. Одним словом, принято решение предложить вам однокомнатную квартиру.

Сергей и Марина, узнав эту новость, долго не могли прийти в себя от восторга. Еще вчера Сергей поглядывал на освещенные окна московских квартир, и каждое из них казалось ему совершенно особым домашним миром, о котором они с Мариной могли только мечтать.

— Правда, тебе придется выписаться из московской квартиры, — предупредил он Марину и пошутил: — Обещаю через десять лет вернуть тебе столичную прописку.

На следующий день дело с квартирой приняло еще более сказочный оборот. Сергея снова вызвали к начальству:

— Сергей Александрович, мы вот тут с замполитом посоветовались: человек вы молодой, женатый, скоро обзаведетесь детьми. Может быть, мы вам сразу двухкомнатную квартиру предложим?

В отделе между тем все текло своим чередом: одни учения сменялись другими. Более старшие и опытные офицеры постоянно уезжали, кто в длительные, кто в краткосрочные командировки. Уже не учебные. География применения офицеров «Вымпела» была самой разнообразной: Афганистан, Ангола, Мозамбик, Латинская Америка, США, Европа. Больше всего Сергей рвался в Афганистан. Ему казалось, что, не послужив в Афгане, он так и останется каким-то «недоофицером». Офицеры постарше, особенно уже прошедшие через Афганистан, не разделяли его страсти по этой далекой стране. Из общения с Беком и Василием Полищуком Сергей догадывался, что там, у советских войск, не все так гладко.

Бек, все еще отстраненный от командировок в Афганистан, всю свою энергию и талант рационализатора направил на конструирование принципиально нового типа индивидуальной защиты спецназовца — разгрузочного бронежилета. Обложившись выкройками и притащив откуда-то старинную швейную машинку, Бек, Василий Иванович и инструктор по альпинизму Святослав Омулев превратили комнату группы в швейный цех по производству экспериментальных изделий.

Бронежилет друзей выдался на славу: высокие кевларовые стойки прикрывали шею от осколков и пулевых пуль, бронированные пластины на корпусе, заказанные в специальном секретном НИИ, держали автоматный патрон 5,45 даже с пятидесяти метров. Но самое главное — созданный друзьями бронежилет имел бесконечное множество функциональных карманов и карманчиков. Карманы эти равномерно распределяли

на теле бойца: индивидуальный боекомплект, в специальной заспинной скатке индивидуальная палатка и маленький, размером с два кулака, пуховый спальный мешок, на груди — откидываемый планшет с прозрачным пластиковым окном для карты.

На стоянке жилет превращался в миниатюрную походную постель, схватив которую по тревоге, можно быть уверенным, что ничего нужного для ведения боя ты не оставил.

Когда опытный образец был готов, Бек долго чесал затылок и, наконец, произнес:

— Изделие готово, но изделий без названия не бывает. Надо дать нашему жилету имя!

Василий и Святослав одобрительно закивали головами.

— Раз возражений нет, предлагаю назвать этот непревзойденный шедевр именами его создателей: Жилет Омужева, Полищука, Абдуллаева, сокращенно — «Изделие ЖОПА». Голосовать будем?

Шутка Бека всем понравилась, но сам он был непривычно грустным и даже немного подавленным. По словам Бека, ему в голову лезли мысли о том, что Советский Союз не только не удержит Афганистан, но очень скоро потеряет все советские национальные республики, примыкающие к этому региону. Вопрос утраты в ближайшее десятилетие Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Казахстана и его родной Киргизии был для него практически решенным.

— А потом загорится Кавказ, — словно Нострадамус, вещал Бек.

Ошалевший от такого откровения, Василий не сразу нашелся, что сказать в ответ. Шутливо потрогав лоб Бека, Вася попытался перевести разговор в шутку:

— Да, Бек, доконала тебя наша ЖОПА. Надо сделать паузу в работе. Посуди сам — на дворе 1986 год. Да, в Афгане не мед, но большинство провинций мы уверенно контролируем. Какая муха тебя укусила?

— Чую, Вася, чую. А мое чутье надежнее Института востоковедения.

Сергей недолго думал о предсказаниях Бека. Все знали его эксцентричность и чудаковатость. Иногда Бек казался Сергею блаженным. Эркебек Абдуллаев был беком по происхождению. В отделе поговаривали, что книга «Учитель» была написана Чингизом Айтматовым с образа его деда — одного из самых образованных в начале XX века людей в Киргизии.

Сам Бек окончил экономический факультет Аграрного университета, поработал экономистом в крупном колхозе, после чего его пригласили на службу в территориальные органы КГБ. Узнав, что в ПГУ готовят диверсантов, Бек напорился на курсы офицеров спецрезерва КУОС, а чуть позже перевелся в «Вымпел».

Курсы КУОС, которые располагались на том же объекте, что и подразделение Сергея, пользовались авторитетом у самих «вымпелов». Офицер

«Вымпела» прошедший подготовку на КУОСе, получал особую «репутационную пробу».

Большой популярностью у всех выпускников пользовался преподаватель специальной физической подготовки КУОСа Александр Иванович Долматов. Шутили, что жены выпускников были ему особенно благодарны: за полгода обучения он превращал их начинавших заплывать кабинетным жирком мужей в поджарых, вечно голодных, бурлящих тестостероном самцов.

Другим легендарным специалистом КУОСа был Семен Семеныч Лешаков. Скромный и неприметный в толпе, он учил разведчиков, как можно быстро с помощью подручных средств изменить свою внешность. Кроме того, он преподавал такую дисциплину, как «визуальная разведка».

Рассказывали, что в течение пятнадцати лет он работал нелегалом в Западной Германии. Один раз ему поручили определить, что производит один из закрытых военных заводов, расположенный недалеко от Западного Берлина. По цвету дыма, выходящего из заводской трубы и маркировке контейнеров, доставляемых на площадку завода по специальной железнодорожной ветке, Семен предположил, что на «гражданской» пиротехнической фабрике могут быть расположены цеха по снаряжению новых натовских боеприпасов повышенной мощности.

Чтобы быть окончательно уверенным в сделанных выводах, Семену не хватало только одного – увидеть внутреннюю упаковку груза, доставляемого на завод в железных контейнерах. Но для этого надо было заглянуть за ворота базы. Хотя бы одним глазом и не очень далеко: ящики из контейнеров разгружали совсем недалеко от проходной у входа железнодорожной ветки на территорию завода.

Для выполнения этой задачи Семен специально купил дорогую миниатюрную таксу и натренировал ее убежать от себя по команде «Куда ты, мой мальчик?» Прогуливаясь во время очередной разгрузки контейнеров мимо открытой для пропуска груза проходной, он запустил собачку на территорию разгрузки и долго гонялся за ней с щемящими воплями расстроенного собачника. В конце концов, охранники сами поймали его «непослушного» пса и выдворили вместе с Семеном с режимной территории.

К моменту прихода Сергея в «Вымпел» офицеров боевых отделов перестали отправлять учиться на знаменитые курсы, по сути, дублировавшие их ежедневную подготовку. Вместе с тем, пользуясь территориальной близостью легендарных наставников, Сергей часто приглашал многих из них для проведения занятий с офицерами своего отдела.

После назначения внештатным инструктором по специальной физической подготовке он первым делом договорился с Александром Долматовым. Поводом для приглашения легендарного рукопашника стало прибытие в отдел новой партии молодых офицеров из Рязанского училища ВДВ и его родного пограничного училища.

Построив молодых офицеров в шеренгу, Долматов напугал их угрозой, что не допустит к занятиям по рукопашному бою человека, не получившего минимальный уровень психологической подготовки:

— Поскольку я обещал вашему инструктору ускоренный курс рукопашного боя, то и курс по психологии боевого выживания постараюсь также ужать до минимума. Первое и главное в психологии человека — это то, что он хочет жить. Второе — выжив, человек должен поесть. Выжив и поев, человек хочет размножаться. Для службы в спецназе вполне достаточно.

Уникальность курса Долматова заключалась в том, что он никогда не выходил за пределы наставления КГБ по физической подготовке и рукопашному бою. Каждый его слушатель за несколько месяцев осваивал не более пятнадцати самых главных бросков, ударов и комбинированных приемов. Это могло бы сойти за ознакомительный курс, вроде того, что Сергей прошел на Петровке, 26, если бы после закрепления простейших движений в ход не шла знаменитая «долматовская вертушка».

Суть «вертушки» заключалась в том, что, стоя в кругу пяти-шести «противников», офицер должен был отражать их неожиданные атаки по самым разным траекториям: удар ножом сверху, снизу, тычок ножом в грудь, удар ногой в пах, боковой удар ногой и т.п. Обучаемые со временем натаскивались на автоматические реакции на самые главные атакующие траектории. Общее количество приемов при этом так и оставалось неизменным.

Все занятия Долматова проводились только на улице. Никаких матов и защит, типа специальных накладок, Долматов не признавал. Уже через месяц все схватки проходили в бронежилетах. Бросать штатное оружие офицерам было запрещено. Темп тренировок и скорость нанесения ударов при этом постоянно увеличивались. Единственной поблажкой отстающим была возможность тренироваться на «замедленных» скоростях.

— На середнячка вам этого хватит, — неизменно повторял Александр Иванович. — Ну а в схватке с профессионалом в бою победит не самый техничный, а самый отчаянный. Тот, кто готов порвать противника, не должен думать о его подготовке.

Главным по рукопашному бою в самом «Вымпеле» был майор Арбенин. Один из первых в СССР обладателей черного пояса, он постоянно требовал от офицеров отделов ловкости, мгновенной реакции и четких фиксированных ударов по расставленным по всему спортзалу макиварам. Труднее всего в четвертом отделе техника карате давалась Вячеславу Бездомникову — сорокалетнему майору из личной охраны членов Политбюро, в молодости — чемпиону Европы по боксу среди тяжелей.

Грузный Слава, кувыркнувшись через голову четыре раза, неловко встал и невпопад пнул ногой висевшую перед ним боксерскую грушу.

— Бездомников! Тройка! — Арбенин вынес свой безжалостный вердикт и начал что-то записывать в своем блокноте.

Слава покраснел, как рак, встал в боксерскую стойку и, не говоря ни слова, принялся наносить мощные удары по огромной, в рост человека, тяжелой груше. Крюк, на котором та была подвешена, зашатался, с потолка посыпались куски штукатурки и цемента. Казалось, еще секунда — и старое здание разведшколы обрушится под ударами бывшего чемпиона.

— Слава! Я пошутил! — испугался не на шутку Арбенин. — Пятерка тебе, пятерка! На занятия по карате ты лично можешь не ходить!

Видя вокруг себя столько сильных, профессиональных, преданных своей работе и патриотичных людей, Сергей вспомнил про пророчества чудака Бека и улыбнулся.

Узункол

В мае 1987 года в четвертом отделе была сформирована команда офицеров для прохождения углубленной подготовки по альпинизму. В нее вошли офицеры Полищук, Омудев, Гришин, Ухватов, Ломтев, Амосов и Туев. Задача — получить навыки профессиональной работы в горах на уровне не ниже второго спортивного разряда.

Все офицеры, кроме Сергея, уже имели специальную альпинистскую подготовку. У Полищука и Омудева были серьезные спортивные разряды, а Слава Омудев прошел серьезную подготовку в качестве горного спасателя и был сертифицирован по международным стандартам.

— Сергей, если хочешь поехать вместе с нами, тебе придется сказать в альплагере, что ты тоже прошел начальную подготовку в горном учебном центре на Арагаце, — предупредил Туева Василий Иванович. — Но будет очень трудно. Горы Кабардино-Балкарии — это не читинские сопки.

От такой «вводной» Сергей только раззадорился. Чтобы объяснить обычным альпинистам особый статус группы Полищука, была разработана легенда, что их небольшой коллектив представляет общество «Динамо» и что после отработки своей программы они будут направлены в штурмовые части ВДВ для внедрения программ подготовки горных стрелков. Чуть больше остальных об истинном положении дел знал только начальник альплagerя — легендарный в альпинистских кругах Пал Палыч Захаров.

Когда с рюкзаками, кошками и ледорубами «динамовцы» вышли в Нальчике, на Сергея повеяло его школьной юностью. Сразу вспомнились притягательные, но какие-то чужие горные аулы, «Золотые пляжи Дагестана» и девушка Лена, оберегаемая им от подвыпивших дагестанских инструкторов.

В альплaгерь «Узункол» разведчики добирались на автобусах и попутках. Последние пятнадцать километров до базы пришлось идти пешком. В одном месте дорога шла по туннелю, прорубленному в «языке» недавно сошедшей горной лавины. Это был даже не туннель, а искусственное

ущелье глубиной около двадцати метров и длиной до полукилометра. Вглядываясь в торчащие из ледяных стен огромные валуны и искромсанные в хлам вековые сосны, Сергей только теперь осознал, что такое лавина. Возможность быть закатанным в такой вот «снежок» его явно не прельщала. А тут еще Василий подлил масла в огонь:

— Обратите внимание на эту снежную массу. Наши сборы проходят в самое лавиноопасное время, и даже простые маршруты после таяния снегов могут оказаться абсолютно непригодными для восхождения. Мы, можно сказать, распечатываем базу в этом году. На все восхождения будем идти первыми.

Начальника альплагеря на базе не было. Обещали, что он вернется утром. Чтобы не сильно выделяться среди прочего населения лагеря, им как новичкам пришлось идти в наряд по кухне. Задача начистить два со-рокалитровых бака картошки и вынести помои даже рассмешила Сергея. Зато совсем не понравилась майору Гришину:

— Вечно ты, Вася, со своей конспирацией, — начал он упрекать старшего группы. — Ну кому бы стало хуже, пошли ты этого завхоза куда подальше! Ты же не хочешь сказать, что мы обязаны чистить эту парашу каждый день для всего лагеря? Видела бы меня жена: майор разведки роется в картофельных очистках и отвечает за вынос помоев после студенток-первокурсниц.

Сергей усмехнулся: сразу видно, что Гришин был «пиджаком» и профессионального взгляда на проблему помоев не имел.

— Саша, если тебе в лом, можешь пойти отдохнуть, мы с ребятами за тебя помои вынесем, — неожиданно резко пристыдил и сразу поставил на место Гришина по обыкновению добродушный Василий Иванович. — Как бегать марафоны, я тебя учить не собираюсь, но тут горы, и все будут выполнять то, что я скажу.

Утром, съев причитавшуюся им туристическую пайку, разведчики направились к начальнику альплагеря. Познакомившись с разведчиками, Захаров представил им персонального тренера группы — молодого, но уже очень опытного альпиниста с квалификацией мирового уровня. Парень был из Питера, по образованию врач. Отличительная черта — спокойствие и исключительно правильная речь питерского интеллигента в пятом поколении.

Первые занятия не только не испугали, но даже рассмешили Сергея. Оборудовав на высоте пяти-семи метров страховочные пункты, они начали кто повторять, а кто отрабатывать способы работы с жумарами и полиспасом. Висеть на высоте второго этажа не показалось Сергею особенно страшным.

— Ну, десантники, кто со мной наверх делать страховочную базу сложнее? — бодро призвал разведчиков закрепленный за ними молодой инструктор.

— Я готов! — тут же откликнулся жадный до учебы Сергей, еще не понимая, что делать страховочную базу надо будет на карнизе на высоте сто метров над землей.

— Слава, подстрахуй его, — шепнул Вася Святославу Омuleву.

Когда тройка в составе инструктора, Святослава и Сергея обходным путем добралась до нужного карниза, Сергей испытал такой страх высоты, что не смог даже приблизиться к обрыву.

— Посиди, пообвыкни немного, — прошептал Святослав и принялся вместе с инструктором оборудовать страховочный пункт.

«Зачем это мы приперлись на такую высоту, — с ужасом думал Сергей. — Для оборудования страховки тут полно полочек и пониже». Когда по спущенным вниз веревкам свободным лазанием с верхней страховкой пошел Василий Иванович, Сергею казалось, что он умрет от страха. Пересилив себя, он все-таки подполз к краю карниза и заглянул вниз в открывшуюся перед ним стометровую пропасть.

Вася был уже почти на полпути к карнизу. «Это что, мне тоже сюда залезать придется?» — шоком ударила догадка Сергея.

— Ну, давай, Серег, спускайся вниз. Мы тебя с Васей примем, — подтвердил его опасения Святослав.

Обреченно Сергей надел обвязку и начал свой первый в жизни вертикальный подъем. «Главное — это не смотреть вниз, — успокаивал он себя, — стена вся в трещинах, зацепиться есть за что. Если не смотреть вниз и не думать про высоту, то можно и долезть».

Уже на самом верху, сантиметров за сорок до обреза карниза, с которого его страховали Василий и Святослав, Сергей не нашел ни одной трещины или выступа, которые могли бы ему помочь преодолеть последние полметра отвеса. Единственным вариантом было немного подпрыгнуть и уцепиться за край карниза руками. Но одно дело, когда ты подпрыгиваешь на земле, и совсем другое дело — на высоте ста метров.

Вася пристально и спокойно смотрел на своего воспитанника, готовый в случае срыва немедленно подтянуть страховочную веревку. Этот взгляд успокоил Сергея, и он все-таки сделал такой страшный и такой простой для него прыжок.

Возвращаясь в лагерь, он думал о «курсе психологии» Долматова и о том, как легко можно стать счастливым: иногда достаточно просто чувствовать себя живым.

В горах Кавказа «вымпела» продолжали экспериментировать. Слава Омuleв, один из соавторов изделия ЖОПА, испытывал на себе различные приемы выживания в дикой природе. На этот раз он сконструировал походный гамак и, вместо того чтобы спать в натопленном альпинистском приюте, уходил в далекую буковую рощу, где пытался коротать ночь, руководствуясь инструкциями по выживанию в джунглях.

Из чувства солидарности с товарищем Сергей и Василий Полищук брали свои туристические коврики, спальные мешки и присутствовали при проведении этого «уникального» эксперимента. Сергей, кроме всего прочего, переводил Омuleву инструкцию американского спецназа по выживанию.

На этот раз Слава запал на прием использования теплых камней для обогрева тела разведчика во время сна. Всю ночь Василий с Сергеем по очереди поддерживали огонь в костре, на котором Слава время от времени разогревал горный валун размером с две трехлитровые банки. Камень весом добрые пятнадцать килограммов разведчики притащили из горной реки. Наблюдая за экспериментатором, Сергей и Вася с трудом сдерживали смех.

Минут тридцать у Омuleва уходило на то, чтобы как следует прогреть камень в костре. После, обжигаясь и матерясь, он тащил его к себе в гамак и еще долго вскрикивал от боли, пытаясь прижаться к булыжнику на безопасном расстоянии.

В холодную горную ночь камень быстро остывал. Очень скоро у себя в гамаке Слава начинал возиться не только от неудобства — булыжник в тесной висячей постели не лучшее средство для глубокого сна, — но и от холода, которым быстро остывавший камень начинал пропитывать его тело. Продрогнув до костей, Слава снова тащился с камнем к костру, снова матерился, обжигаясь о раскаленный гранит, и снова замерзал, ерзая вокруг мгновенно остывавшего камня.

Под утро упрямый Омuleв признался уставшим от хохота друзьям, что ночь в джунглях и ночь в горах на Кавказе — это, должно быть, большая разница. Метод «зеленых беретов» был признан неэффективным для действий в Кабардино-Балкарии.

Первым восхождением из семи запланированных на месяц вершин была Татарка, точнее — Пик имени 40-летия Татарской ССР. По сложности это была «единичка Б» — вершина относительно простой категории сложности, проще которой считается только «единичка А». Захаров, также как и Василий Полищук, просил не обольщаться мнимой простотой маршрута:

— В июле или августе по сухим скалам на Татарку можно забежать разве что не бегом. Но вы пойдете по снежному покрову, и от его глубины будет зависеть успех всего восхождения. Ваша задача — в течение первого дня подняться на горное плато, расположенное в пяти километрах от перевала, обустроить лагерь, адаптироваться к высоте и провести занятия на леднике. Переночевав, рано утром можете начинать восхождение. Сначала выходите на перевал и оттуда по гребню восходите на вершину. Особое внимание на спуске — в прошлом году, закрывая сезон, там разбились четыре мастера спорта из сборной Союза. Понадеявшись на профессионализм, они не стали оборудовать страховочный пункт, один из них сорвался с полки на отвесной скале, и вся связка ушла за ним в пропасть.

В целом группа была готова к восхождению. Исключение составлял разве что радист Вася Ухватов. Дня за два до выхода он решил подремать под лучами пробивающегося из-за туч майского горного солнца и не заметил, как уснул на тридцать минут. На его беду небо над ним все время было ясным.

На Васю было страшно смотреть — огромные желтые пузыри гнойного ожога к вечеру покрыли всю его спину. Несмотря на дикую боль, Вася отказался остаться в лагере и, обмотавшись бинтами и марлевыми повязками, повесил рюкзак на грудь и пошел вместе с группой на восхождение.

Первые три часа движения напоминали туристическую прогулку по живописным местам с красивым горным ландшафтом. Разведчики шли по ущелью вдоль горной реки Узункол, давшей название и ущелью, и альплагерю, и всей этой местности. Постепенно группа начала набирать высоту и к обеду вышла на горное плато, где надо было оборудовать палаточный лагерь.

Захаров был прав: даже на этой высоте лежал снег, и после небольшого перекуса группе не понадобилось долго искать ледниковые расщелины для отработки передвижения с помощью кошек и другого ледового снаряжения. Изрядно намокнув и излазив с десятков ледяных трещин, разведчики вернулись к своим палаткам.

Ночью в горах ударил мороз, и к моменту утреннего подъема Сергей вдруг вспомнил, что забыл промокшие брезентовые перчатки на улице, закрепив их на растяжках палатки. Вместо того чтобы хоть немного просохнуть у него в спальнике, перчатки превратились в две брезентовые сосульки.

К перевалу группа поднялась по груди в снегу.

— Ни хрена себе — побегали по сухим камням! — прокомментировал самую легкую часть предполагаемого пути Витя Амосов, еще один связист четвертого отдела. Небольшого роста, он был ниже глубины снежного покрова и вынужденно замыкал цепочку разведчиков по проделанному ими снежному тоннелю.

Представив, что Амосов не видит вокруг себя ничего, кроме протоптанного ими коридора, Сергей улыбнулся и на минуту перестал ругать себя за забывчивость. Замерзшие накануне вечером перчатки пришлось сушить прямо на руках, и кожа на его разгоряченных кистях, как говорила мать Анна, постоянно «сходилась с паром» от прикосновения к ней заледеневшей брезентовой ткани. На перевале перчатки были уже сухие.

На гребне Сергей снова не на шутку испугался. На такой высоте он стоял впервые в жизни. От животного страха в горле встал рвотный ком и не на шутку закружилась голова. Все, что внизу на скалодроме делалось часами и с тщательной проверкой инструктора, здесь надо было делать быстро и самостоятельно. Уже не думая. Особенно этому содействовал поднявшийся шквальный ветер и не спадавший двадцатиградусный мороз.

— Мы тут все замерзнем на хер, если ты будешь делать все, как по инструкции, — кричал ему в ухо Святослав Омудев, с трудом вытаскивая за Сергеем вбитые страховочные крюки. — На гребне в такую погоду есть только одна страховка — «комсомольская». Это если я, идя в связке, срываюсь вправо от гребня, то ты должен прыгнуть в противоположную сторону. Иначе обоим каюк.

Сергей понял, что единственный путь к спасению от обморожения и позора, это вновь забыть про высоту и начать скакать за инструкторами по торчащим из-под снега остроугольным каменным глыбам, как если бы они были просто на земле, а не на двухкилометровой высоте. «Лучше сто раз прыгнуть с парашютом, чем один раз подняться на эту долбанную вершину, — промелькнула в голове разведчика упадническая мысль. — Там сжал зубы и прыгнул. А здесь сжал... и еще часов пять надо корячиться над пропастью».

На последней стометровке перед вершиной инструкторам все-таки пришлось оборудовать полноценный страховочный пункт. Пошли на это потому, что Вася Ухватов, потеряв ориентацию в пространстве, вылез на нависающий над пропастью снежный козырек и полз по нему, не подозревая, что под ним уже нет ничего, кроме двух метров утрамбованного ветром снега и двух километров пустоты.

Увидев Васю, ползущего от спасительной скалы все ближе и ближе к снежному обрыву, интеллигентный питерский инструктор обнаружил способность орать галимым матом:

— Десантник гребаный! Назад давай! К скале прижмись, пока в пропасть не улетел!

Услышав сквозь завывание снежного бурана привычный для военного уха язык, Вася среагировал и остановился. Как только инструктор замолчал, Вася снова полез по смертельному снежному козырьку к обрыву в пропасть. Попад под поток мата, но уже с нескольких направлений, Вася, наконец, понял, что от него хотят, и вернулся на безопасный скальный участок.

Заложив в ржавую консервную банку записку о том, что вершина «распечатана», группа приступила к спуску. Оценив настойчивость военных альпинистов, погода сменила гнев на милость: ветер утих, из-за туч снова показалось солнце, снега на маршруте спуска разведчиков больше не было. Расслабившись, группа подошла к опасному участку, о котором говорил Захаров. Вася Полищук позвал от каждой связки старших:

— Вот это место, где погибли опытные спортсмены. Смотрите: на отвесной скале есть две длинные скальные полочки шириной пять сантиметров. Их словно специально придумали для альпинистов — по нижней можно идти на кончиках ботинок. За верхнюю, еще более узкую полочку, — придерживаться пальцами рук. Идти строго по одному. Сначала

второй номер связки выпускает со страховочного пункта первый номер, после чего первый оборудует страховку с той стороны отвеса и также принимает второго. Связка чемпионов решила этим пренебречь и закончила свой путь вон там, — Вася указал вниз на облака, закрывавшие многокилометровую пропасть.

Объяснив все своему напарнику по связке, Сергей спросил, кто пойдет первым. Виктор Амосов равнодушно махнул рукой:

— Иди ты, я подстрахую.

Ходить с Виктором в связке было легко. В горах он обладал какой-то безбашенной смелостью, быстро схватывал самые сложные альпинистские приемы и абсолютно не боялся высоты. Убедившись, что Виктор обмотал страховочную веревку вокруг прочного куска скалы и приготовился его выпускать, Сергей медленно начал движение по двум параллельным полочкам. Привыкнув, что его надежно страхуют опытные товарищи, он позволил себе рассуждать о том, что жизнь его держится всего лишь на пальцах рук и ног.

В момент, когда из тридцати метров смертельно опасного участка он преодолел две трети, сзади раздался веселый крик Амосова: «Серег, а вот и я!» В нарушение всех правил безопасности и только что полученной инструкции Виктор снял страховку и, не дожидаясь команды Сергея, тоже вышел на полку. Какое-то время оба разведчика одновременно висели над бездной на кончиках своих пальцев без всякой страховки. Случайный срыв одного неминуемо погубил бы и напарника.

Закончив преодоление опасного участка, разведчики встретились.

— Ну что, Серег, очко жим-жим? — кривляясь, поинтересовался Амосов.

— Витя, ты урод, — ответил «бесстрашному» майору покрасневший от нахлынувшей злобы лейтенант. — И в морду я тебе не дам только потому, что мы в разных весовых категориях.

— Что случилось, мужики? — подошел к наскочившим друг на друга разведчикам Василий.

— Ничего серьезного, — Сергей отстегнул свой карабин от конца веревки, связывающей его с напарником, — только с этим идиотом прошу меня вместе не ставить. Никогда.

Вечером, уже вернувшись в основной лагерь, Сергей никак не мог успокоиться. Безответственность Амосова разрушила его иллюзии о непогрешимости офицеров «Вымпела». Он думал о своей матери и Марине, которая уже носила под сердцем его будущего ребенка. Его бесила и буквально разрывала от гнева мысль, как можно позволить так глупо рисковать своей жизнью и жизнью другого человека только ради тщеславного желания продемонстрировать свою лихость! Сергей понял, что имеет право и всегда будет давить своей волей таких разгильдяев. В нем начал просыпаться командир.

Боевые пловцы

В «Вымпеле», закончив рутинные дела, связанные с докладом и сдачей горного имущества, Сергей столкнулся с офицером боевой подготовки штаба Володей Шустовым. Володя увлекался подводным плаванием и одно время даже пробил для «вымпелов» абонемент в московский бассейн «Чайка», где регулярно в клубе аквалангистов тренировался сам.

— Мы завтра в Очаков уезжаем, — ошарашил он Сергея неожиданным известием. — Наконец-то удалось пробить у командования двухмесячную командировку на базу ГРУ, где они учат своих боевых пловцов. От «Вымпела» назначены две сводные боевые группы — двадцать человек. Я буду старшим.

— А я? — невольно вырвалось у Сергея. — Почему мне ничего не сказали!

— Да ты еще кошки отвязать от ботинок не успел, — отшутился Володя. — А что, если я с Кимом поговорю, ты серьезно поедешь? Только вылетаем уже завтра.

Сергей вспомнил про беременную Марину, но ни секунды не колебался:

— Конечно, поеду! Пошли к Киму прямо сейчас.

Марина была в шоке. Отводя глаза, Сергей сослался на решение начальства и важность для его профессиональной подготовки навыков боевого пловца. Вторая часть в его утверждении была правдой.

В Очакове отряд «вымпелов» сразу переправили на остров Майский — морскую крепость, где в казематах перед казнью держали лейтенанта Шмидта. Крепость была очень маленькой — не более пятисот метров в длину и двухсот метров в ширину. Обводная дорожка, ведущая вдоль периметра этого старинного морского форта, насчитывала чуть больше километра. Желание бегать по ней на зарядку у разведчиков быстро пропало: в жаркую погоду с крыш казематов на дорожку регулярно шлепались клубки гревшихся на солнце жирных гадюк. До берега от Майского было шесть километров.

Под новую специфику подготовки офицерам «Вымпела» придумали и новую легенду. На этот раз они были «партизанами» — бывшими солдатами и сержантами ВДВ, временно призванными для получения новой воинской специальности с гражданки.

Опасаясь дурного влияния «гражданки» в образцовой части морской пехоты, которая на самом деле была секретным отрядом морского спецназа Главного разведывательного управления Генерального штаба, командир части полковник Поздняков решил устроить прибывшим «курсантам» что-то вроде курса молодого бойца с многочасовой строевой подготовкой, изучением уставов и жесткой уставной дисциплиной.

Легенда легендой, но уже к исходу второго дня офицеры предъявили Шустову ультиматум: или он идет к особисту и с его помощью утихомиривает Позднякова, или они поднимут такой мятеж на Майском, о котором лейтенант Шмидт и не мечтал.

Володе ничего не оставалось, как подчиниться требованию этого спонтанно возникшего офицерского собрания. На следующий день муштру и уставы для «партизан» отменили.

Первый месяц учебные занятия по водолазной подготовке проводились только на острове. Увольнений в город не было вообще. С утра до вечера разведчики «Вымпела» изучали тонкости подводного диверсионного искусства: как пользоваться подводными аппаратами изоляционного типа ИДА-79, как управлять подводными движителями «Протон», «Протей» и «Сирена», как стрелять из подводных пистолетов и автоматов, как минировать вражеские суда с помощью различных прилипающих мин и самодельных накладных зарядов. Отдельным блоком шла специфическая парашютная подготовка.

Оказалось, что морские диверсаны прыгают с парашютом на море в полном водолазном снаряжении, уже «включившись» в дыхательный аппарат. Более того, водолаз прыгает вместе с тяжелым грузовым контейнером, где кроме всего прочего хранится индивидуальный подводный движитель, очень смахивающий на тот, которым пользовался Лёлик в исполнении Анатолия Папанова в фильме «Бриллиантовая рука». Правда, движитель боевых пловцов был все-таки на электрической тяге. В итоге общий вес боевого пловца в момент покидания им самолета составлял более 360 килограммов. И выталкивали это «чудище» на специальной тележке с колесиками, так как сам боец передвигаться с таким грузом, естественно, не мог.

В воздухе морской диверсант должен был отстыковать от себя контейнер с грузом, отпустив его вниз на специальном длинном тросе, и в момент касания ластами воды отстегнуть специальные пряжки, соединяющие его с куполом парашюта. Уйдя при приводнении под воду, боевой пловец больше не показывался на поверхности, а парашют водолаза, сделанный из специальной гигроскопичной ткани, тонул в течение нескольких минут. Сергей ликовал: ну, разве не стоило ради всего этого без отдыха броситься из одной специальной командировки в другую!

Дней через десять молодым здоровым мужикам стало сильно не хватать женщин. Местные офицеры рассказывали, что самые отчаянные матросы из их разведгрупп (в ГРУ в отличие от «Вымпела», кроме командира ГСН, все остальные разведчики — матросы-срочники) по ночам плавают «на материк» к своим девушкам. Шесть километров туда, шесть обратно, пара часов на романтические отношения.

— И что вы делаете с самовольщиками?

— Как что? Назначаем сержантами и ставим на самые ответственные должности. Такие кадры нам во как нужны, — без всяких шуток рассказывали командиры боевых пловцов.

Когда жара стала неимоверной, главным раздражителем «вымпелов» стала молодая дородная буфетчица из местного военторга. Мало того что под ее укороченным белым халатиком не было никакой другой одежды,

так она еще так расстегивала верхнюю пуговку, что ее красивая белая грудь словно рвалась из одежды к ним в руки.

Зато в очередь за сигаретами к ней всегда толпился народ. Многие офицеры, и далеко не только прикомандированные разведчики «Вымпела», приходили просто посмотреть на лихую девицу, так легко и бесцеремонно возбуждавшую закрытый на острове служилый народ.

— Пачку сигарет, пожалуйста, — протянул девушке горсть мелочи Костя Седов.

Не говоря ни слова, девушка нагнулась за прилавком, разрез халата провис еще больше, и два «горячих молочных поросенка» заскакали и затрепетали на глазах изумленной очереди.

— Обалдеть, — дрогнувшим голосом произнес Константин, — еще одну пачку!

Девушка как ни в чем не бывало снова повторила трюк с «поросятами».

— Ну, тогда еще одну, — произнес абсолютно подавленный Костя.

Вечером в бурьяне за казематами узкий круг офицеров отмечал Костин день рождения. Константин достал бутылочку «Зубровки» и разлил теплую огненную жидкость по металлическим рюмкам-наперсткам из охотничьего набора.

— Да, хорошо, что Мурмана нет. Он бы эту пытку не выдержал, — вспоминая буфетчицу, задумчиво произнес наставник Сергея.

Для совершения прыжков с парашютом разведчиков вывозили «на материк». Там они осваивали новые для них купола ПВ-3 — парашют водолаза третьей модели. Данные парашюты были уникальны тем, что обеспечивали выброску десанта морских пловцов с пятидесяти метров, то есть практически с бреющего полета самолета, когда его почти невозможно засечь радарам противника.

Аналогичные парашюты были только у американских «морских котиков» — легендарного спецподразделения SEAL. Высота их применения составляла семьдесят пять метров. Советские конструкторы и испытатели по сугубо политическим соображениям шли на значительное превышение этого мирового рекорда десантирования на воду.

Первым, кто совершил прыжок с новым водолазным парашютом, был командир части полковник Поздняков. Указом правительства за этот опасный для жизни эксперимент он был награжден орденом Красной Звезды.

Прибывшим из Балашихи разведчикам прыгать с пятидесяти метров не разрешили. Им определили потолок двести метров. Готовились к прыжкам на воду постепенно: сначала прыгали, как на обычных войсковых парашютах, и привыкали к управлению куполом с помощью специальных строп. Потом прыгали с оружием, контейнером и, наконец, наступил момент первого облегченного прыжка на воду. Облегченность прыжка заключалась в том, что прыгали разведчики в водолазных

костюмах, но без дыхательных аппаратов. Главная задача — научиться правильно и вовремя отцепляться от куполов в момент приводнения.

Накануне прыжков на воду Костя Седов ходил темнее тучи. Когда Сергей и поинтересовался, чем он так озабочен, Костя нехотя поделился своей печалью:

- Завтра здесь у нас тринадцатый прыжок.
- Подумаешь, на каждом сборе бывает свой тринадцатый прыжок, — улыбнулся Сергей.
- Завтра 13-е.
- Да и фиг с ним. Ты, что, веришь в эти предрассудки?
- Обычно не верю. Но сегодня мне достался купол под номером тринадцать.

Это уже и вправду смахивало на мистику. Чтобы поддержать друга, Сергей предложил:

- Ну, перенести прыжки я не смогу, тринадцатый номер отменить — тоже, а вот купол твой забрать — с удовольствием.

Увидев, какое облегчение появилось в глазах товарища, Сергей протянул ему свою только что уложенную парашютную сумку.

На следующий день разведчиков доставили на аэродром к шести часам утра. Было решено прыгать до наступления жары. Натянув на себя зеленые резиновые комбинезоны водолазных костюмов, разведчики отдыхали в жидкой тени молодой яблоньки.

- Представляешь, какими идиотами мы сейчас выглядим для человека, не знающего, зачем мы сюда приехали? Жара, степь — и десять козлов в лапах и водолазном снаряжении загорают.

— Здесь к этому уже привыкли, — хохотнул сопровождавший разведчиков морской пехотинец. — В прошлом году Поздняков снимал секретный фильм о новых способах десантирования и, чтобы было больше времени на съемку, сбрасывал бойцов с большой высоты. Так вот, метеослужба ошиблась с расчетами верхних воздушных потоков, и всю десантную группу в полном подводном снаряжении, с тяжелыми контейнерами и всеми вооружениями снесло на местные виноградники. Представляешь, что местные тетki подумали: летят такие зеленые зомби с ящиками. В скафандрах, с лапами и автоматами для подводного боя. Только нам не до шуток было — там же кругом колья! Слава богу, обошлось.

Костя посмотрел на часы и обратился к Шустову:

- Слышь, командир! Мы тут уже три часа в этих зеленых гондонах сидим, а борта еще нет!

— Я справлялся, сказали, что они уже на подлете, — умоляющим взглядом посмотрел на Костю Володя.

- Да, кто в армии служил, тот в цирк не ходит! — философски заметил читинский таежник.

Вскоре действительно появился старенький Ан-2. Из кабины вышел летчик, и от него повеяло таким перегаром, что Сергей сразу понял причину задержки борта.

— Ну, что мужики, полетели? — сиплым пропитым голосом поинтересовался сизоносый командир экипажа.

— Ну, раз вы сюда сумели долететь в таком состоянии, дай бог, и море найдете, — съехидничал Константин.

Через несколько минут на открытом армейском «уазике» примчался Поздняков.

— Все мужики, летим! Выпускающим у вас сегодня буду я. Сегодня ветер двенадцать метров в секунду. Почти на грани фола. Другим не доверю. А на фига вы запаски с собой взяли? На такой высоте они вам уже не помогут.

Без запасного парашюта Сергей чувствовал себя непривычно. Отсутствие увесистой сумки на животе создавало впечатление, что ты вообще без парашюта. Привычного кольца под рукой также не было: ПВ-3 раскрылся принудительно специальным тросиком, остающимся в самолете вместе с чехлом от парашютного купола.

Сергей прыгал замыкающим. Поздняков выпускал разведчиков строго по одному. После каждого выброса самолет заходил на новый круг. Делалось это для того, чтобы не уходить далеко от десантного корабля, который подстраховывал приводнявшихся парашютистов. Сергей хорошо видел, как буквально через несколько секунд после раскрытия куполов десантники свечками входили в воду.

— Глазомеру не доверяй, глазом воду не лови, — давал последние наставления полковник. — Вода расстояние скрадывает — можешь отцепиться метрах в пятнадцати от воды. У нас так боец погиб. Он в аппарате был, и от удара о воду воздух из дыхательного мешка разорвал ему легкие.

«Еще один воодушевитель, блин!» — подумал Сергей и по хлопку Позднякова выпрыгнул из самолета навстречу синему с белыми барашками морю.

Купол раскрылся почти мгновенно, привычно хлопнув вверху над ушами. Посмотрев себе под ласты, он с ужасом увидел не воду, а антенное поле десантного корабля. «Ни хрена себе приводнился!» — мелькнула в голове тревожная мысль.

Что бы хоть как-то изменить траекторию приземления, а до корабля оставалось не более семидесяти метров, Сергей использовал прием, усвоенный им еще в Туле. Чтобы изменить направление движения купола, нужно загнуть его кромку со стороны, противоположной препятствию, для чего необходимо подтянуть к себе пучок строк с требуемой стороны. Падая на десантный корабль, Сергей не просто подтянул к себе стропы, а кошкой взлетел по ним почти до самой кромки парашютной ткани. Маневр удался — разведчик упал в воду в полутора метрах от борта корабля.

Однако приключения на этом не закончились: борясь за управление куполом, Сергей не успел подготовиться к приводнению и упал в воду даже не лапами вниз, а боком, выбив при этом суставную сумку правого плеча. От удара и боли он не смог вовремя отстегнуть купол со стороны правой лямки, и парашют, надувшись на сильном ветру, потащил его как под парусом на регате. Проблема была только в том, что сам Сергей вместе с головой находился в подводном положении.

Это был момент, когда сознание человека может мобилизоваться или отказать напрочь. Сергей мобилизовался. «Так, правая рука отключена, — холодно фиксировал состояние дел сражающийся за жизнь рассудок. — Левую руку ни правую пряжку ставь! Скобу вниз!» Купол в последний раз надулся и безжизненно упал в воду, лишившись точки опоры в виде подбитого тела Сергея. Боевой пловец всплыл на поверхность.

С подоспевшего десантного корабля, стоя на откинутой аппарели, матросы протягивали ему длинные шесты. Вставив плечо назад в суставную сумку, Сергей с трудом вылез из воды.

Вечером Костя, намекая на купол № 13, с виноватым видом налил ему стакан коньяка.

— Костя, да если бы твой купол был несчастлив, разве бы я выплыл? — рассмеялся в ответ Сергей, но почему-то даже после принятой дозы спиртного долго ворочался и не мог заснуть.

После окончания прыжков группу офицеров «Вымпела» перебросили на корабле в район Тендровской косы. Это было совсем далеко от цивилизации, и путь на сторожевике от острова Майский занял около четырех часов. Определить, что ты находишься на косе, было практически невозможно. В нескольких местах коса была перемыта морем, и складывалось впечатление, что ты находишься на длинном и достаточно широком, до полутора километров, острове.

На Тендре у морпехов был морской полигон. В его акваторию для отработки выходов боевых пловцов через торпедные аппараты вошла дизельная подводная лодка. К месту полевого лагеря организаторы учебы завезли разного рода подводные движители. Если на Майском, за исключением прыжков, офицеры изучали теорию и материальную часть, то на Тендре упор был сделан на практические подводные спуски, управление легкими подводными аппаратами, огневую подготовку и минно-взрывное дело.

На полигоне, прикрепленные к «партизанам» офицеры морской пехоты на первых же стрельбах разобрались, с кем имели дело. Бравый старлей в черном берете до занудности четко инструктировал «вымпелов», как им попасть из трех выделенных патронов хотя бы два раза по ростовой зеленой «корове». После команды «Огонь!» все стоявшие на огневом рубеже стрелки, игнорируя ценные указания старлея, встали в привычные огневые стойки и менее чем за секунду выпустили выделенный им

боекомплект. Ошалев от случившегося, но еще не поняв, что происходит, старлей подошел к обучаемым и важно произнес:

— Если хоть одна пуля, ковбои, попала в мишень, то вам ничего не будет.

Подойдя для осмотра мишеней, он сначала не поверил своим глазам: во всех десяти мишенях не было ни одной пули, вышедшей из круга 8, 9, 10 — после чего развернулся, сорвал с головы свой берет и, швырнув его о землю, с раздражением пробурчал: «Нашли, б...дь, мальчика! Еще издеваться будут, что они «партизаны»!

Перед тем как допустить новичков на подлодку, всех офицеров «Вымпела» пропустили через специальный тренажер — торпедный аппарат, установленный на суше между двумя резиновыми ваннами.

Перед тем как налить воду, всем пришлось пройти через более серьезный тест: по-сухому, в полном водолазном снаряжении надо было проползти через трубу торпедного аппарата, включившись при этом в закрепленный на спине аппарат дыхания ИДА-79.

У одного из офицеров, Михаила Жукова, в этот момент в аппарате отказал клапан вдоха. Чтобы понять, насколько это опасно, надо знать, что в «сухих» водолазных костюмах маска — герметично встроенная часть всего костюма, и так просто снять ее с головы пловца практически невозможно. Почувствовав, что задыхается, Миша начал барабанить железным кольцом по трубе, но вытащить его наружу быстро ни у кого не получилось — начинающий водолаз застрял в самом узком месте торпедного аппарата.

К счастью, он догадался расстегнуть на голове фиксирующий замок и буквально разодрал шлем водолаза на две части.

К дальнейшим занятиям Михаила не допустили военные психологи.

— Кто хоть однажды испытал тревогу в трубе торпедного аппарата, к данным видам работ больше не допускается, — ссылаясь на внутренние инструкции, объяснили командиру группы местные инструктора. — В море и у толстокожих иногда отказывает сердце. Особенно при застревании в самом узком месте направляющей трубы, где расположен поперечный стыковочный шов, — именно там, где застрял ваш офицер.

После этого случая Сергей понял, насколько хрупкой и опасной в случае поломки является аппаратура для подводного плавания. Отказ любой малосенькой детали означал верную смерть водолаза.

Самой неприятной аварией считалось попадание воды в один из баллонов, обеспечивающих дыхание разведчика под водой. Аппараты ИДА-79, которые стояли на вооружении боевых пловцов, были закрытого типа. Это значит, что работали они по замкнутому циклу, производя кислород и поглощая углекислый газ внутри собственных систем. Благодаря такой конструкции никаких демаскирующих пузырьков и булек, характерных для аквалангистов, у диверсантов не выделяется.

Сергей любил наблюдать, как их опытные инструктора с подводными автоматами наизготовку, абсолютно без звука выезжали на своих «протехах»

на прибрежный песок прямо у его ног. Обнаружить их можно было только тогда, когда за метр до берега над зеркалом воды появлялся направленный на тебя ствол.

Начинающие боевые пловцы работали только в парах: когда один из парников уходил под воду, другой держал его с берега за прикрепленную к поясу веревку. Сергей встал в пару со старшим группы Володей Шустовым. Первый раз включившись в аппарат и погрузившись под воду, он вдруг почувствовал, что в легкие к нему начал поступать чуть более теплый, чем обычно, воздух. Прекратив погружение, Сергей вышел на берег.

— Володя, воздух какой-то теплый идет. Похоже на попадание воды в один из баков дыхательной системы.

Если Сергей был прав, то спуски надо было немедленно прекращать: в благоприятном случае, если вода попадает в бачок с поглотителем углекислого газа, из дыхательных шлангов начинает поступать щелочь. При попадании воды в бачок с гранулами, выделяющими кислород, — серная кислота. Экстренные действия в обоих случаях одинаковые — заткнуть нагубник языком и срочно всплывать. Во втором случае язык больше не понадобится.

— Вечно ты на воду дуешь, Туев. Дай сюда! — отобрал Шустов аппарат у Сергея.

Включившись в аппарат, Володя вытянулся стрелой и, резко работая ластами, начал удаляться от берега. Отплыв метров на двадцать, он также резко развернулся и поплыл обратно с утроенной скоростью. На мелководье он вскочил и сорвал с головы маску. Из нагубника, как из огнетушителя, хлестала щелочь.

Дня три Шустов шепелявил обожженным щелочью языком и говорил, что, если Туев что сказал, то его надо слушать обязательно. При этом Володя со вздохом добавлял: «Хоросо хоть не серной кислоты нахлебался!»

На далеком острове разведчикам делать было абсолютно нечего. Взводная палатка, дизель-генератор и цветной телевизор «Горизонт» — все, чем они располагали для своего культурного досуга. Спуски под воду по инструкции разрешались не дольше, чем на один час в сутки. Часа полтора уходило на ежедневные заплывы в ластах с трубками. Делалось это обычно перед обедом. Плавали разведчики между морскими буями-вехами, установленными по углам равностороннего треугольника. Длина одной стороны треугольника составляла одну морскую милю. На круг получалось проплывать около пяти километров в день. Иногда «вымпела» ходили стрелять или взрывать выданные им мины и взрывные заряды. Заняв себя максимум до обеда, разведчики начинали слоняться по «пляжу».

С обеда до позднего вечера расположение «вымпелов» больше походило на пляж нудистов. Одирав от такого количества свободного времени, мужики купались, загорали и качались при помощи привезенных с Майского штанг, гирь и гантелей.

В виду полного отсутствия женщин, дикой жары и палящего солнца очень скоро все начали загорать нагишом. Через пару дней все время, кроме занятий, приема пищи и нахождения в палатке-общежитии, черные от загара мужики ходили голыми. Больше всего переживал по этому поводу закреплённый за сборами местный замполит.

— Да поймите вы, товарищи офицеры, к нам сюда в любой момент могут нагрянуть с внезапной проверкой. Проверяющие жен с собой взять могут, любовниц. А тут не воинское подразделение, а племя папуасов в чем мать родила по берегу болтается! — отчитывал одетый по летней форме полковник праздно шатающихся вокруг него голых мужиков.

— А что, у них любовницы мужиков без трусов не видели? — отшучивались в ответ разомлевшие на солнце разведчики.

На Тендре кроме палаточного лагеря разведчиков и их инструкторов находился известный в этой части Черного моря Тендровский маяк. Обслуживали его команда матросов и один мичман. Маяку принадлежал небольшой коровий «табун», в котором коровы были похожи на диких поджарых жеребцов, галопом носившихся из одной части острова в другую.

Однажды «вымпела» купили на маяке молоко, но оно мало чем отличалось по жирности от обычной воды и коммерческого обмена между маяком и базой разведчиков в итоге не получилось. В этом не было никакого подвоха со стороны матросов маяка: просто есть коровам на острове, представлявшем собой песчаную пустыню, кое-где поросшую диким камышом, было абсолютно нечего.

Еды не хватало и самим разведчикам. Слизывая с тарелки ложку сгущенного молока и получая у шеф-повара пару сушеных черносливин, Сережа невольно сравнивал этот «глубоководный паек» с их оставленными в Балашихе спецназовскими пайками.

Чтобы хоть как-то компенсировать голод, офицеры подъели все съедобные ракушки на своем побережье на протяжении нескольких километров.

Когда все молюски были истреблены, народ начал уговаривать подрыльника Костю Седова «размотать свою саперную удочку». Тот сначала сопротивлялся, аргументируя, что никогда не станет браконьером, но возразить насчет того, что все равно все свои морские мины он должен взорвать именно в этой части моря — на то здесь и полигон, — не сумел.

Поддавшись уговорам оголодавших товарищей, Костя вышел в море на яле с небольшой группой помощников. Слепив вместе две большие прилипающие мины, он установил небольшое замедление на взрывателе и опустил «удочку» на десятиметровую глубину с помощью буя и капроновой веревки.

Искусство подрыва заключалось в том, чтобы замедление и мощность взрыва позволили ялу быстро отойти на безопасное расстояние, но после

взрыва быстро вернуться к его эпицентру за сбором рыбы. Иначе часть рыбы, например, не имеющие пузырей черноморские катраны, всплыв на пару минут, опускались на дно.

Участвуя в подобных гонках на ялах, Сергей представлял Костю капитаном-китобойцем, гоняющимся за своим Моби-Диком.

Больше всего из добытых Костей деликатесов Сергею нравилась огромная черноморская камбала и жареная с луком акулья печень. Сами катраны были слишком жесткими и безвкусными, чтобы при наличии иного улова употребить их в пищу.

Для продуктового обслуживания сборов «партизан» в штабе флота выделили троих никому не нужных разгильдяев — наглых и упрямых, чудом избежавших штрафбата без пяти минут дембелей. Командовать матросами с криминальными наклонностями назначили рыжего безвольного тюфяка лейтенанта с белесыми бегающими глазками и постоянно невинным выражением лица.

В одно из воскресений тендровской робинзонады небо заволочло тучами и начал накрапывать дождь. Завтрак разведчикам выдали сухим пайком. На вопрос рыжему интенданту, что произошло с горячей пищей, тот кивнул на своих бойцов и пробормотал, что из-за дождя они не смогли приготовить ничего поесть.

Первым взорвался Костя Седов:

— Что ты, б...дь, сказал?! Что из-за этого дождика твои бойцы не смогли на походной армейской кухне кашу рисовую сварить?!

Друзья, зная, как Костя разводит костер и готовит полный обед из четырех блюд в проливной ливень, ждали, что будет дальше.

Рыжий лейтенант не на шутку испугался, но своих бойцов он, похоже, боялся еще больше.

— Не слушаются? — пришел на помощь юному интенданту Миша Жуков, больше года отслуживший в Кабуле помощником коменданта военного гарнизона. — Я тебе сейчас помогу. Построй свой личный состав, я с ним воспитательную беседу проводить буду.

С ремнями «на яйцах», расхристанные и наглые, матросы нехотя построились в одну шеренгу. Всегда улыбчивый и доброжелательный Миша отвел их метров на сорок от навеса, где у офицеров была столовая, и начал что-то рассказывать.

— Бить будет? — тревожно поинтересовался у Шустова Сергей. — Не положено это.

— Чего это вдруг не положено? — удивился Володя. — Мы, по легенде, такие же, как они, раздолбаи, временно призванные на военные сборы. Очень даже положено!

В этот момент три дембеля сняли с себя ремни, утянули их по размеру своих голов, надели ремни обратно и встали перед Мишей по стойке «смирно». Жуков при этом не тронул никого и пальцем. Рыжий лейтенант

округлил глаза, когда его хулиганы по команде согнули руки в локтях и, подбежав к нему, доложили о своей готовности в любое время выполнять любую порученную им работу. Когда Миша вернулся, лейтенант смотрел на него, как на бога.

— Что вы им сказали?

— Секрет, военная тайна. Пока мы здесь, они будут ходить строевым шагом, бегать на зарядку и не ослаблять затянутые ремни. Можешь даже не контролировать. А в обед они приготовят для нас свои самые любимые горячие блюда. Кстати, лейтенант, если не перестанешь воровать, я и тебя вместе с ними в один строй поставлю.

Когда напуганный словами Миши лейтенант отошел в сторону, все набросились на Жукова с тем же вопросом.

— Да нет тут никакого секрета. Я до Афгана конвойной ротой в штрафбате командовал. Вот и объяснил малость пацанам, какое счастье для них быть вместе с нами и помогать в нелегком труде повышения боеготовности Советских Вооруженных сил. Только немного другими словами.

С этого случая пайка на «партизанских» сборах удвоилась, на столах в изобилии появилась сгущенка, шоколад, конфеты и сухофрукты. Перед началом каждого приема пищи рыжий интендант строил своих матросов и лично докладывал Мише о готовности столовой к приему офицерского состава.

Финалом пребывания «вымпелов» на Тендровской косе стали учения с десантированием диверсионных групп через торпедный аппарат подводной лодки. Очутившись внутри подлодки, Сергей душевно посочувствовал ее экипажу. Консервная банка и есть консервная банка. Маленькие клетушки-отсеки, тотальная теснота, бледная вся в прыщах и фурункулах кожа личного состава. И это на Черном море!

Пока лодка была в надводном положении и разведчики ждали начало инструктажа на верхней палубе, Костя Седов неосторожно закурил. Немедленно из трюма вынырнул кто-то из мичманов и умоляюще запричитал:

— Мужики, не курите. У нас запах от одной спички месяцами выветривается.

Уважительный к чужим бедам, Костя немедленно затушил бычок, и разведчики спустились в торпедный отсек. Там каждый, уже в снаряжении, по очереди залезал в пристегнутую к аппарату резиновую ванну типа той, что они уже использовали на берегу. Уйдя под воду, разведчики вытягивались в струнку руками вперед в ожидании, когда их осторожно, за пяточки протолкнут в узкую трубу «на выход» за борт.

— А почему забортная вода через открытый торпедный аппарат не попадает к нам в отсек? — спросил Сергей.

— Потому что мы предварительно выравнивали давление, подав сюда больше воздуха, — улыбнулся старпом, контролировавший подводное десантирование группы.

Вскоре дошла очередь и до Сергея. Дождавшись, когда его толкнут за пятки, он по инерции от полученного толчка доплыл до середины трубы и только тогда увидел впереди себя что-то отдаленно напоминающее свет. Цепляясь резиновыми перчатками за направляющую планку, он помог себе доплыть до выхода в открытое море, где его уже страховал дежуривший на выходе торпедного аппарата водолаз-трехболтовщик. Показав водолазу ОК, Сергей поплыл догонять свою группу.

Ожидания «вымпелов» покинуть остров сразу после окончания учений не оправдались. Поднявшийся шторм отложил их возвращение на Майский сначала на два дня, потом еще на день, а море между тем и не собиралось успокаиваться.

Наконец, у разведчиков появилась надежда, что возвращавшийся с учений караван морских судов с морпехами на борту может забрать их на Большую землю. В последний момент с десантных кораблей сообщили, что волна слишком высокая и с наветренной части острова, где стоял их лагерь, десантные корабли подойти не смогут.

— А с подветренной сможете? — проорал по радиации Шустов.

— С подветренной сможем, но как вы эвакуируете туда весь лагерь с имуществом, особенно тяжелые весельные ялы?

Ялы всегда были яблоком раздора между стажерами из «Вымпела» и их наставниками с острова Майский. Тяжелые и громоздкие ялы лежали на берегу прямо напротив офицерской палатки — их всегда было лень затащить на берег слишком далеко. После долгих пререканий с местными офицерами, сославшись на их неподъемность, ялы вытаскивали из воды лишь наполовину.

— Командир! Пусть идут на ту сторону, мы сейчас туда все перетащим, — сгрудившиеся вокруг радиации, офицеры наперебой стали советовать Шустову.

Надо было видеть лица офицеров морской пехоты, учивших московских диверсантов подводным спуском, когда, дружно взвалив тяжелые ялы себе на плечи, команда «партизан», про которых они уже все поняли, бегом перетащила лодки на противоположную часть острова, преодолев без малого два километра.

Но и с этой стороны волна была уже слишком высокой. Тогда на этих же ялах «вымпела» организовали эвакуацию всего имущества сборов и работавших с ними офицеров.

Ветер между тем усиливался, над морем и островом повисла тяжелая штормовая ночь. Мощная волна била по бортам ялов, скрипевших под напором стихии. Прикомандированный замполит, сидя на корме, обнимал руками цветной телевизор «Горизонт» и при каждом взлете лодки на гребень очередной волны истошно орал: «Мальчики, главное телевизор не утопите — я за него материально ответственный!»

Холод и зной Афгана

В начале января Марина родила сына. По этому поводу вся группа Сергея, который к тому времени был уже старшим лейтенантом, собралась у него на квартире. По-походному быстро накрыли стол. Пока Сергей бегал в магазин за водкой, Костя Седов сварганил макароны по-флотски и поджарил десантный сосисочный фарш, густо залив скворчащую сковороду яйцами.

Вася Полищук, который получил четырехкомнатную квартиру этажом ниже, принес из дома салат, который ему быстро нарубила жена, и офицерское пиршество было готово. К ночи челночным путем в квартире Сергея побывали почти все офицерские семьи, жившие по соседству с Туевыми. Сергей только и успевал, что бегал за водкой, а Костя жарил и жарил очередные порции сосисочного фарша для новых и новых гостей.

Сына называли Алексеем. Когда ему исполнилось три месяца, сбылась еще одна заветная мечта Сергея — четвертый отдел в полном составе отправили в Афганистан. Военно-транспортный самолет перевез отряд разведчиков в Туркмению — сначала в Керки, потом в Чарджоу.

Расположившись на территории пограничного отряда, «вымпела» готовились к заброске на сопредельную территорию. Сергея охватило волнение вперемешку с восторгом, страхом, сомнением и надеждой, что он сумеет показать себя настоящим офицером. Глядя на звездное небо Туркмении, он думал, суждено ли ему будет вернуться назад?

Первым из однокашников Сергея по пограничному училищу погиб лейтенант по фамилии Подвиг. Его убили в Афгане в первом же бою, который он вел в составе мотоманевренной группы, в расположение одной из которых завтра убывали Сергей и его друзья.

Постоянно действовали в Афганистане и два Андрея — Скиф и Слон, с которыми он проходил отбор в группу «А» и куда его якобы не взяли.

Свою первую Красную Звезду Скиф получил в первый же день выхода на службу после окончания училища. В этот день его сразу поставили в дежурный боевой расчет «Альфы», а вечером он уже штурмовал самолет, захваченный вооруженными угонщиками в Уфе. Андрей вторым номером ворвался в салон самолета через технический люк и в упор расстрелял двух вооруженных автоматами террористов.

Из Чарджоу на территорию Афганистана разведчиков доставляли на вертолетах «крокодил» — красивых и хищных боевых машинах, хорошо зарекомендовавших себя в боевых действиях против душманских банд. Как только вертолеты пересекли государственную границу, они буквально прижались к барханам пустыни и стремительно понеслись над ними на высоте менее десяти метров, в точности огибая рельеф, над которым летели.

Сидя на месте пулеметчика у открытого люка, Сергей восхищался напором и скоростью боевых машин, пока его окончательно не укачало на этих воздушных горках. Резкая смена климата, бессонная ночь и тяжелая экипировка все-таки дали о себе знать. В конце полета, уже у самого Шибергана, так назывался город в северной провинции Афганистана, куда группа держала свой путь, он был готов и сам выпрыгнуть из открытого люка, только бы поскорее оказаться на устойчивой почве.

Перед самой посадкой вертолеты пограничников начали интенсивно маневрировать: пока один из них шел на посадку, два других нарезали круги, прикрывая товарища от возможной атаки с земли. Посадив друга, два борта построились в боевой порядок и ушли в сторону пустыни продолжать развоз боевых групп «Вымпела» по назначенным точкам.

Мотоманевренная группа погранцов, расположенная в Шибергане, оборудовала для себя настоящую крепость. Это был саманный укреп-прайон, расположенный прямо в пустыне, на окраине города. Пустынное расположение доставляло пограничникам проблемы, связанные с доставкой воды, солнцем и жарой, зато предоставляло им самое главное преимущество: все подходы к укреппрайону были видны, как на ладони, и отлично простреливались из крепости.

Впрочем, в начале марта окружающий ММГ ландшафт мало напоминал знойную пустыню. Скорее это было безграничное море грязи — тяжелой и прилипающей к спецназовским ботинкам неподъемными гирями.

Чтобы хоть как-то передвигаться в этом грязевом болоте, пограничники устроили что-то наподобие тротуаров, сделанных из гофрированного металла с равномерно пробитыми в нем круглыми дырками. Для разведчиков «Вымпела» выделили отдельную землянку и представили офицерскому составу группы. Среди офицеров-пограничников Сергей узнал своего однокашника по училищу с командного факультета Олега Закирова.

— Предупреди своих, чтобы первую неделю они ничего не планировали — все равно дристать будете.

— Что значит «дристать»? — не сразу понял Сергей.

— Понос у вас будет в течение недели! — объяснил Олег более популярно. — Вода здесь такая, что нашим желудкам нужно время на адаптацию. А потом ничего, проходит.

Афганская эпопея, породившая в свое время создание «Вымпела», близилась к завершению. Части 40-й армии постепенно покидали места своей постоянной дислокации и возвращались в Союз. На пути их движения надо было создавать условия хотя бы минимальной безопасности. Вместе с пограничниками боевые группы «Вымпела» патрулировали пустыню, досматривали караваны и договаривались с командирами душманских банд, чтобы они не трогали наши колонны.

Патрулирование караванных путей очень скоро стало для «вымпелов» рутинной работой. В очередной раз Сергей убедился, что война — это не

столько разовое мужество ожесточенной атаки, сколько кропотливый ежедневный труд в таких размерах, которых человек, живущий на гражданке, не может даже представить.

Если мотоманевренная группа в течение суток меняла место своей дислокации, а происходило это обычно раза три-четыре, то все участники рейда столько же раз закапывали в песок пустыни всю боевую технику. Свободных рук для этого в каждом бронетранспортере было две-три пары. Водители в расчет не брались — водитель на войне на вес золота: от его бдительности и реакции зависит жизнь всего экипажа, кочующего вместе с ним под одной броней. На привале максимум что поручали водителю — это приготовление обеда. Остальные в это время — неважно, солдат ты или офицер, — брали в руки лопаты и начинали зарывать в песок свои боевые машины — «коробочки», как их с любовью называли бойцы-пограничники. Закапывать на глубину, чтобы из отрытого котлована выглядывала только башня с установленным в ней крупнокалиберным пулеметом КПВТ. Вот так два, в лучшем случае три человека три-четыре раза в день должны были закапывать свои бронетранспортеры.

Впрочем, никого из пограничников такие объемы работы не смущали. Солдаты как могли скрашивали трудности и лишения своей воинской жизни. Водители, волею судьбы превратившиеся в походных поваров, соревновались друг с другом в приготовлении кулинарных шедевров. Подняв бронированные люки своих ветровых окон, они промывали их водой, посыпали мукой и начинали раскатывать на них коржи для будущих тортов. Если у кого-то во время рейда случался день рождения, то дело могло дойти и до пельменей из тушенки. Приготовленные коржи жарились в масле в пустых цинках от боеприпасов, после чего пропитывались сгущенным молоком и подавались к столу.

Одной из операций, к которым регулярно привлекали и погранцов, и разведчиков «Вымпела», были так называемые «раздачи гуманитарной помощи».

Загрузив колонну продуктами и полезным в крестьянском хозяйстве скарбом — лопатами, одеялами, вилами, граблями, мотыгами и т.п., — колонна начинала объезжать аулы, расположенные в зоне оперативной ответственности ММГ. В ночь перед посещением той или иной деревни офицеры разведотдела при поддержке бойцов «Вымпела» встречались с бандитами, контролировавшими ту или иную деревню, объясняли цель своего визита и договаривались, чтобы душманы их не атаковали. Утром колонна приходила на центральную площадь деревни, и солдаты начинали раздавать привезенное с собой имущество.

Невооруженным взглядом было заметно, что женщины и мальчишки тащили все полученные ценности не по домам, а по торговым лавкам — дуканам, которые контролировали те самые душманы, с которыми разведчики встречались накануне ночью.

К военному доктору сразу выстраивалась длинная очередь. В основном из мужчин. Раздавая аспирин и анальгетики, доктор принимал крестьян до позднего вечера.

— Вот его, Серега, душманы никогда не убьют, а нам с тобой кишки выпустят при первой возможности, — учил одноклассника товарищ по училищу. — Страна дикая, феодальная, врачи у них на вес золота.

Смотря на изнуренных голодом и работой афганских крестьян, готовых часами кланчить лишнюю таблетку аспирина, а вечером стрелять тебе же в спину из-за дувала, Сергей думал, какого черта они приперлись в эту страну, и вспоминал довольного собой краснощекого офицера спецпропаганды, убеждавшего курсантов, что главная миссия СССР в Афганистане — это помощь дружественному афганскому народу в ускоренном построении социализма, минуя капиталистический этап развития.

Пограничная «бурбухайка» с «матюгальником» — автомобиль фронтовой агитации с рупором на крыше — капитально застряла в грязи возле самого высокого дувала на окраине села. С неба лил проливной дождь, низкие серые тучи ползли над морем грязи, которое вот-вот должно было превратиться в знойную пустыню. Сергей, отправленный на бронетранспортере разобраться в чем дело, сидел на броне, недоверчиво косился на вражеский дувал и ежился от затекавших за шиворот капель дождя. По матюгальнику играла группа «Секрет».

«Привет! А я сегодня не по погоде одет», — страдал голос исполнителя. «Привет! — грустно подумал Сергей о Марине. — А мы не виделись с тобою сто лет!» В этот момент он осознал себя таким бессмысленным и инородным куском унылого афганского пейзажа, что ему отчаянно захотелось вернуться к себе на Родину.

И вот море грязи превратилось, наконец, в обещанную пустыню. Правда, сначала оно превратилось в буйный зеленый ковер из степных трав, весь усеянный миллионами алых маков.

Наступил апрель, в землянке за стенами саманной крепости спецназовцы праздновали день рождения Сергея. Были приглашены и отдыхавшие от службы офицеры ММГ.

На столе дымилась консервированная картошка — специальный военный полуфабрикат из трехлитровых металлических банок, который не обязательно было варить в крутом кипятке (что в высокогорье, где вода кипит при температуре ниже 100°, просто невозможно). Банку стоило лишь разогреть на любом открытом огне.

Рядом с картошкой на столе стояла открытая кабачковая икра, любимое с детства лакомство Сергея, на которое уже после первого месяца в Афгане он не мог смотреть без отвращения: икру в вагончике офицерской столовой подавали к столу три раза в день, а других закусок на базе просто не было. В честь праздника стол украшали самые главные деликатесы — селедка и настоящие черные сухари!

Вернувшиеся из советского представительства, замполит отдела полковник Ревский и начальник отдела полковник Ким принесли на праздничный стол две бутылки «кишмишовки» — афганского самогона, противно пахнущего сивушными маслами и подгнившим виноградом. Выпив по сто грамм, офицеры разговорились.

— Виктор Николаевич, — обратился к Киму Сергей, — у вас нет такого ощущения, что тогда, в 79-м, во время операции «Гром» вы зря все это затеяли?

Под столом разведчиков вдруг что-то тихо захрюкало и зашевелилось. Один из лейтенантов бросился под стол и со смехом вытащил живого среднеазиатского ежика. Ежик как ежик, только с огромными ушами-локаторами.

— Ого! А что это у него с ушами? — отвлекаясь от им же заданного вопроса, спросил Сергей.

— А это ежик из Особого отдела, — мрачно пошутил Костя Седов, — чтобы лучше слышать, о чем офицерский состав разговоры разговаривает.

Улыбнувшись эзоповскому замечанию Кости, Ким все же ответил на вопрос своего офицера:

— У нас такая работа, Сережа, — впервые за два с половиной года Ким обратился к Сергею без отчества, — выигрывать войны, которые ведет наше правительство. Задумываться — это не наша с тобой компетенция.

— Извините, ребята, мне пора, — поднялся из-за стола док — капитан медицинской службы, прикомандированный к мотоманевренной группе. — Сегодня борт должен мне сменщика привезти из Союза.

У дока были свои отношения с воздушными перевозками. В прошлом отпуске, когда он летел из Шиббергана в Чарджоу, их вертолет подбили «Стингером», когда тот уже влетел в советское воздушное пространство и начал набирать высоту над своей территорией. Все пассажиры и члены экипажа, кроме военврача из мотоманевренной группы, погибли.

Вместо отпуска док долго лечился. Возвращаясь в пограничный отряд, он купил билет на самолет до Красноводска, который потерпел катастрофу, после того как пилот дал порулить своему маленькому сыну. Тогда тоже было много жертв, но сам док отделался только испугом.

Услышав, что док, окутанный такой мистической славой, должен вот-вот покинуть их навсегда, офицеры гурьбой ринулись провожать военврача к вертолетной площадке. Два «крокодила» уже сажали Ми-8, барражируя над прилегающими к укрепрайону окрестностями.

Когда Ми-8 снизился до высоты пятнадцать метров и приблизился к забору посадочной площадки, он неожиданно потерял высоту и рухнул на глазах у встречающих его солдат и офицеров. Все бросились к разбившейся машине, которая, к счастью, не загорелась от удара о землю. Вокруг борта бегала и плакала на своем коровьем языке тощая грязная корова — оторвавшаяся лопасть вертолета срезала ей один рог.

Вытащив летчиков, у которых оказались легкие травмы позвоночника, разведчики обнаружили в пассажирском отсеке живого и невредимого молодого капитана медицинской службы — сменщика дока. У того была нервная истерика, он без удержу хохотал и рассказывал одну и ту же историю:

— Верите? Я как сел на борт, так сразу подумал, что еб...ся! А если еб...ся, то меня ящиками с патронами насмерть придавит. Всю дорогу боялся. А как при заходе на посадку пересел подальше, так сразу и еб...ись!

После эвакуации раненых все обратили внимание на дока, молчаливо стоявшего на вертолетной площадке с чемоданом в руках. Начальник ММГ, здоровый накачанный хохол, приобнял маленького щуплого доктора и по-отечески успокоил:

— Да брось, док! Не судьба. Вот отправим «спецназеров» в Союз, и выйдешь из Афгана вместе с нами. В колонне. Я тебе по такому случаю на последние чеки боевого ишака куплю.

Когда тюльпаны увяли и пустыня, наконец, стала такой, какой Сергей представлял ее по учебникам географии, его вместе с Василием Полищуком сняли с патрулирования караванных путей.

— Наши афганские товарищи обратились с просьбой оказать методическую и практическую помощь в подготовке местных кадров, — разъяснил друзьям причину снятия полковник Ревский. — Сергей, вам поручается отработать с «подсоветными» минимальный курс занятий по рукопашному бою, а за вами, Василий Иванович, — курс специальной тактической подготовки. Ну и как обычно — огневая! Каждое утро на территорию ММГ за вами будет приходить машина.

Вернувшись в пустую землянку, Сергей поинтересовался у Василия, что это значит.

— Будем помогать команде Бека делать недоделанную им работу, — объяснил Сергею старший наставник. — Наши «подсоветные» — перевербованные душманы, которых надо подготовить для засылки в банды. Потом они должны будут вернуться к своим и уничтожить банды изнутри. Вопросы еще есть?

— Есть. А они точно перевербованные? Нас им уничтожить не захочется? — хмуро пошутил Сергей.

На следующее утро, надев легкие маскировочные костюмы и захватив автоматы с комплектом боеприпасов, друзья отправились на свою новую работу. Договорились разбить «подсоветных» на две подгруппы, одна до обеда занимается у Сергея, а вторая у Василия. После обеда группы менялись местами.

Занятия проводились в бывшем губернаторском саду Шибегана — самом настоящем оазисе из сказки про Синдбада-морехода. В отличие от пустыни здесь был какой-то тропический дендрарий: везде колосилась сочная зеленая трава, с деревьев спадали лианы, в лесных чащах орали диковинные, неведомые Сергею птицы.

Все было бы хорошо, если бы не его аллергия. Как только открытый «УАЗ» въехал в эти райские кущи, из глаз Сергея полились слезы, горло запершило, и начался удушающий кашель. После второй таблетки супрастина приступ удалось снять, получив взамен полную «нирвану» — сонливость и тотальную разбитость во всем теле. Высадив Сергея в тени тропических деревьев вместе с одним афганцем-переводчиком, «УАЗ» уехал.

Через пару минут к ним подошла группа местных мужчин в традиционных афганских платях, чалмах, с автоматами АК-47 за плечами. Руководил отрядом из тридцати человек маленький жилистый пуштун, назвавший себя Маслаки. Переводчик объяснил, что Маслаки — капитан ХАДа, десантник и даже три месяца учился в Рязанском училище ВДВ.

— Ну, что тут разговоры разговаривать? — обратился к не понимающему его афганцам Сергей. — Все просто, как в детском саду: все смотрят на меня и повторяют мои движения!

Убедившись, что переводчик объяснил «его душманам», что он имеет в виду, Сергей начал традиционную разминку рукопашника. Очень скоро выяснилось, что за исключением пары человек все остальные афганцы двигались так, словно это их напичкали антигистаминами. Когда Сергей попросил переводчика объяснить, в чем дело, тот, разведя руками, прокомментировал: «Ураза! Аллах в пост не разрешает есть — вот они и ослабли».

Смирившись с таким стечением обстоятельств, Сергей дотянул до обещанного перерыва с минимальной нагрузкой для обучаемых. Какого же было его удивление, когда вялые, ослабленные постом подопечные накиннулись на казан с привезенным пловом, далеко не растительного происхождения.

— Так, бандиты! — забыв, что переводчик может перевести его слова дословно, обратился он к афганцам. — А как же Ураза?

— Мы аскеры. Солдатам Аллах разрешает, — снова развели руками афганцы.

Поняв, что так просто с его первым «личным составом» у него дела не пойдут, Сергей добрался до тени, где его окончательно сморил антигистаминный препарат.

В полудреме через отекавшие щели приоткрытых глаз Сергей увидел приближающуюся к нему делегацию, возглавляемую афганским переводчиком. Внутренне собравшись, он предложил незванным гостям сесть вокруг него полукругом.

— Мои товарищи спрашивают, ты аскер или командор? — перевел первый вопрос помогавший Сергею афганец.

— Командор, — ответил насторожившийся разведчик.

— Командор, они говорят, что Наим хочет с тобой бороться, — снова перевел афганец, указывая пальцем на здорового амбала, возглавлявшего приведенную им делегацию. — У нас есть национальная борьба гураж, и Наим среди нас самый сильный!

Почувствовав, как холодные мурашки побежали по его распаренной от горячего пота спине, Сергей попытался выкрутиться:

— Ты ему объясни, что нас не учат драться по правилам. У нас ведь как: если не убил, то покалечил! По-другому я бороться не умею.

Афганцы посоветовались и что-то снова сказали переводчику. Не моргнув глазом тот перевел:

— Командор! Наим говорит, что он все равно согласен.

Когда стало ясно, что это вопрос не техники боя, а лидерства в группе, Сергей прополоскал из фляги пересохший от жары и супрастина рот и поднялся на ноги.

— Ну, где тут у вас бойцовский ринг, гладиаторы свободного Афгана? Я вас предупредил.

Сергей отчетливо сознавал, что это проверка на вшивость. Или он сейчас, отдубасив этого амбала, подомнет эту группу под себя, или завтра ему можно не приезжать в губернаторский сад.

Все тридцать человек уже стояли широким кругом, огораживая своими поджарыми телами пространство для схватки. Наим, опустил руки вниз, нагнулся и медленно, по-борцовски пошел на Сергея. «Ну, Александр Иванович, не подкачай!» — почему-то не к себе, а к Долматову мысленно обратился Сергей.

Жесткий удар спецназовским ботинком под сердце — раз! Удар правым локтем в горло — два! Передняя подножка с жестким добиванием — три! Наим рухнул без сознания на землю, и тогда, не обращая внимания на поверженного конкурента, Сергей жестко скомандовал: «Равняйся, смирно! Продолжаем занятия. Вы только что видели, как можно применить в бою прием «передняя подножка». С этой темы продолжим наши плановые занятия».

Три человека оттащили Наима в тень. Подоспевшие медики констатировали два сломанных ребра и сотрясение мозга. «Ну, надо же, получилось!» — удивился про себя Сергей, впервые в жизни так жестко работавший против человека.

На следующий день Маслаки ходил хмурый, как туча. Сергей даже подумал, что тот обиделся на него за покалеченного накануне Наима. Оказалось, что сломанные ребра бойца не имели к печали командира диверсантов ХАДА никакого отношения. Вызванный для объяснений переводчик рассказал, что ночью у заместителя Маслаки душманы забрали в банду младшего брата.

— Ничего, я знаю, кто это сделал, и уже посадил в яму всех его родственников, — мстительно прищурился, обрисовал сложившуюся ситуацию «хадовец».

— Что делать планируешь? — обратился к своему «подсоветному» Василий.

— Как что? Если вечером парня не отдадут, там в яме всех и расстреляю, — объяснил свой план Маслаки.

— Так они тогда парня никогда не вернут! — в ужасе возразил Василий.
— Зато другие побоятся так себя вести! — объяснил свою логику командир афганских диверсантов.

Вечером в укрепрайоне на окраине Шибегана была баня. По наблюдениям Сергея, бани у погранцов были везде. Казалось, их строят даже до того, как в укрепрайонах возводятся стены, рассчитываются сектора обстрела и оборудуются минные поля. «Вымпела» также были большими поклонниками банного дела. Впрочем, баня для них была не роскошью, а необходимостью. По пятницам все отделы парились в приказном порядке. Отпроситься со службы на пару часов пораньше в счет бани было практически невозможно. Начальник первого отдела штаба полковник Василенко лично контролировал присутствие офицеров в парилке:

— Баня — это ваше здоровье. А здоровье ваше, товарищи офицеры, принадлежит не вам, а нашему советскому государству!

Случались с «Вымпелом» и свои банные курьезы. Так, еще в первом «Каскаде», том самом «Каскаде», офицеры которого штурмовали дворец Амина, военные генералы, не разобравшись, кто оккупировал гарнизонную парилку, решили выгнать крепко выпивших после очередной операции спецназовцев. Закончилось все тем, что Гриша-Светофор, командир одной из боевых групп, прозванный так за характерный цвет лица, со станковым пулеметом в руках и в наряде в чем мать родила долго гнал струхнувших военачальников к их генеральской вилле.

На следующий день, разбираться с «много позволяющими себе «вымпелами» прилетел старший советник провинции по линии КГБ.

— Стыдно, Григорий Константинович! — советник в присутствии изгнанных из бани генералов принялся песочить не успевшего протрезветь майора перед строем старших офицеров. — Еще один подобный проступок, и я буду ходатайствовать о вашей досрочной отправке в Союз!

Всегда красное лицо Гриши-Светофора стало багровым от гнева.

— Ты меня Родиной не пугай! — командир спецназа зло посмотрел в глаза своему непосредственному начальнику, развернулся и, давая понять, что разговор окончен, вернулся в строй своих товарищей.

Выпустив своих первых учеников, Василий и Сергей были приняты генералом Дустумом — Героем Республики Афганистан и главным опорным лидером СССР в северных провинциях Афганистана. На ужин с генералом были приглашены и руководители отдела — Ким и Ревский.

Переводчик, закрепленный за Сергеем и Василием, оказался родным братом Дустума, в связи с чем афганский генерал знал все, что и как делали с его диверсантами разведчики из «Вымпела».

— Командор, брат просит твоих полковников оставить тебя в Шибегане. Говорит, в трудные времена ему такие «мушаверы*» нужны, — по секрету рассказал младший брат Дустума о беседе родственника с командирами Сергея.

- А они? — сердце у Сергея ушло в самые пятки.
- Говорят, у московского начальства на тебя другие планы, командор.
- Ну и слава богу! — невольно вырвалось у Сергея.

КИ

С тех пор как Сергей посмотрел фильм «Зорро» в гарнизонном доме офицеров в Вернойхене, он влюбился в испанский язык и весь испаноязычный мир. К сожалению, в училище этот язык не изучали, и мечту об изучении испанского пришлось на время отложить. Другое дело в «Вымпеле»: с той самой минуты, как Сергей услышал о кафедре иностранных языков, которая была в распоряжении офицеров оперативно-боевых отделов, он немедленно записался на курсы.

Имея опыт изучения одного иностранного языка, Сергей составил индивидуальную программу обучения и через полтора, максимум два года планировал сдать экзамены сразу за восемь семестров, что приравнивалось к полноценному диплому переводчика.

Его личная тактика интенсивного овладения испанским языком заключалась в изучении типовых разговорных клише по главным бытовым темам, составлении на их базе сводных текстов и заучивании этих текстов наизусть. Учитывая, что звуки в испанском несильно отличаются от русских, процесс пошел с чемпионской скоростью.

Уже на втором занятии офицеры, занимавшиеся испанским не первый год, широко открыли глаза, слушая, как их новый товарищ, еще вчера не знавший ни одного слова по-испански, шпарит наизусть страничный текст. На самом деле этот фокус был совсем не сложным: главное заключалось в том, чтобы понять структуру текста — где здесь глаголы, а где существительные — и «включить» пару часов зубрежки. Сам Сергей по опыту изучения английского точно знал: когда таких заученных текстов будет не меньше сотни, он начнет понимать и говорить по-испански.

За полгода до сдачи экзамена Сергей пошел на курсы в Высшую школу КГБ на Белорусской, где на кафедре испанского языка регулярно проводились квалификационные экзамены. Преподавателям понравился старательный, способный парень из Балашихи, выполнявший все их домашние задания, даже тогда, когда на неделю-две, а иногда и на пару месяцев выпадал из учебного процесса.

Успешно написав перевод, Сергей отправился на устный экзамен. Не владея в должной мере грамматикой, а значит, не умея управлять языком, он не чувствовал себя готовым к успешной сдаче испанского. В то же время он отлично знал «устные топики» — те самые заученные тексты и рассчитывал, что при хорошем стечении обстоятельств шансы у него будут высокие.

Такой шанс действительно появился и предоставил его Сергею только что родившийся сын. Подготовив устный рассказ, Сергей поднял руку и спросил, можно ли ему ответить первым, так как ему надо забирать жену из роддома. Очарованные этой новостью, преподавательницы, задав Сергею пару формальных вопросов, отпустили его восвояси.

Получение свидетельства о владении двумя иностранными языками сэкономило Сергею целый год жизни. У командования «Вымпела» действительно были на него планы после возвращения из Афганистана. Планы эти состояли в том, чтобы отправить Туева на учебу в Краснознаменный институт КГБ имени Андропова — главную кузницу кадров с высшим чекистским образованием для советской разведки. Сокращенно говоря — КИ. Выпускников гражданских вузов туда брали на три года, действующих сотрудников КГБ без языка — на два, сотрудников с опытом работы и знанием иностранных языков — на год.

При поступлении в КИ возникла непредвиденная проблема с Центральной военно-врачебной комиссией — у Сергея некстати сработал синдром «белого халата». Результаты ЭКГ на фоне заметного волнения Сергея, слишком сильно хотевшего поступить в КИ, были хуже, чем требовалось для положительного заключения. Чем чаще пересдавал Сергей ЭКГ, тем больше волновался и тем хуже были его кардиограммы. Когда его уже хотели отвести от поступления в КИ по медицинским показателям, Сергей не выдержал:

— Прыгать с парашютом мне можно, допуск к водолажным работам на пятьдесят метров я получил, на восхождения спортивной категории сложности хожу, в Афгане мне тоже не противопоказано воевать, а вот год за партией посидеть вы меня не допускаете.

Председатель почесал затылок карандашом и решил вопрос в пользу настойчивого старлея.

В КИ Сергей впервые почувствовал, как на самом деле надо получать высшее образование: ни тебе нарядов, ни старшин и сержантов, планирующих твое учебное время, ни строевой подготовки. Вместо этого — в твоём расположении замечательная библиотека, лингафонные кабинеты, великолепные преподаватели, многие из них составляли цвет российской научной школы и обладали уникальным оперативным опытом.

И даже спортивные сооружения были у слушателей под рукой: бассейн, тренажерные залы, залы бокса, борьбы и т.п. Тут же под боком — удобное офицерское общежитие, где в любой день можно было остаться переночевать. Сергей понял, как много он недополучил, выбрав военный вуз для своего первого профессионального образования. При этом Сергей хорошо понимал, что училище дало ему не менее важную школу — школу преодоления себя и огромного жизненного упорства.

При зачислении в КИ Сергей узнал, что испанский язык в институте ему будет преподавать сам «Александр Иванович» — автор лучших университетских учебников страны по испанскому языку, написанных им

в соавторстве с Еленой Гонсалес — внучкой знаменитого российского писателя Данилевского, чья дочь еще при царском режиме вышла замуж за испанского военного атташе Гонсалеса.

В испанской группе вместе с Сергеем оказалось всего три человека. Все они имели в своем багаже по восемь семестров. Когда прозвенел звонок на урок, в аудиторию стремительно вошел невысокий старикашка и энергично начал задавать оробевшим от его напора офицерам самые разные вопросы.

— *Quien fuma, señores?* (Кто курит господа?)

— *No fumamos.* (Никто)

— *Muy bien — trabajamos sin reparos!* (Отлично! Тогда работаем без перекуров!)

В этом заявлении не было ни капли шутки. Быстро оценив уровень реальной подготовки своих слушателей, Александр Иванович, дал им оценку:

— Господа, вы говорите по-испански, как негры-грузчики в портах Венесуэлы, мы же будем ставить вам *Castellano puro* (классический испанский).

С этого дня вся жизнь в КИ для этой тройки «счастливиц» превратилась в сплошной ад. Александр Иванович, который только что написал очередной учебник для совершенствующихся в испанском языке, решил в полном объеме пропустить его через вверенную ему российской разведкой «фокусную группу». Это означало, что офицеры должны были сделать из этого учебника все устные и письменные упражнения. А поскольку уровень «негров-грузчиков», по его мнению, был недостоин нового учебника, слушателям пришлось сделать также все упражнения из его старого учебника для «обычных» лингвистических университетов.

В преподавательских кругах у старика была кличка *Don Subjuntivo* — Дон Сослагательное Наклонение. Эта форма глагола в испанском языке является особенно трудной, и как оказалось, «настоящий испанский», то есть тот самый *Castellano puro*, только из нее и состоит. Количество письменных и устных упражнений, которые Александр Иванович задавал своим ученикам, превышало все разумные пределы. С тех пор как у Сергея начался испанский, он не ложился спать раньше двух часов ночи и по этой причине вообще перестал ездить домой в Балашиху, переселившись вплоть до выпуска в офицерское общежитие.

Более того, когда во время учебы в КИ пришло время подтверждать английский, Сергей попробовал претендовать на часть времени Александра Ивановича. Старик взял небольшой тайм-аут, после чего объявил Сергею:

— Я разговаривал с вашими преподавателями с кафедры английского языка. Они говорят, что у вас сильный английский. Чего не скажешь про ваш испанский. Свое учебное время я вам не отдам — будете заниматься у меня.

За весь год старый Дон, которому было семьдесят шесть лет, не пропустил ни одного занятия или факультатива, спланировав их так, что испанский язык у тройки «везунчиков» был каждый день.

Лишь однажды, 23 февраля, по случаю торжественного собрания офицеров, на котором Сергею должны были вручить медаль по результатам работы в Афганистане, начальник факультета своим решением отменил вторую пару испанского языка.

Когда Александр Иванович узнал, что начальник факультета покусился на его факультатив, он был взбешен, посерел, как туча, и отправился за объяснениями. Через полчаса он вернулся. По-прежнему злой и недовольный, профессор объявил:

— На этот раз вы свободны. Начальник факультета дал мне слово офицера, что он делает это первый и последний раз!

Надо ли говорить, что старик пользовался непререкаемым авторитетом не только потому, что уже много лет учил всех самых результативных разведчиков СССР, работавших в странах Латинской Америки, но и потому, что сам был выдающимся нелегалом.

Лишь однажды, на День внешней разведки, друзья сумели «задвинуть» урок испанского, разговорив ветерана на воспоминания о «делах минувших». Сначала Александр Иванович убеждал своих учеников, что всю войну прослужил в кавалерии, но потом грустно вздохнул:

— Да, мало нас осталось. С Рамоном уже водочки не выпьешь. А бывало сядем, вспомним. Мы ведь с доньей Еленой еще до начала войны по первому Красному Знамени получили.

— Это тот Рамон, что Троцкого альпенштоком? — на всякий случай уточнили друзья.

— Много будете знать, скоро состаритесь. Открыли лучше домашние задания!

Единственное, что на первых порах не удавалось Сергею, так это выстроить нормальные отношения со своим новым офицерским коллективом. Чувствовалось, что многие относились к нему с какой-то опаской и непониманием. Молодой парень — и уже с оперативным опытом. Диверсант, имеющий правительственные награды за Афган, парашютист, подводник, альпинист — и матерного слова из него клещами не вытянешь. А главное — с утра до вечера учится и зубрит свой испанский!

В одну из суббот Марина дождалась Сергея из института чуть ли не с ультиматумом:

— Сегодня ночью я должна выспаться! К Лешке будешь вставать ты.

Сергей утвердительно кивнул головой — он действительно злоупотреблял своим положением добросовестного школяра и почти не помогал Марине растить сына. В этот момент в дверь позвонили, и вошел Василий Полищук.

— Ребята, пошли к нам, мне такое сало родственники привезли из Донецка! А Ващенко самогон первач обещал подогнать.

Саша Ващенко служил во втором боевом отделе и тоже был родом с Украины. Ясно было, что раз зовут вымпеловские хохлы, то только салом и рюмкой самогона дело не ограничится.

— Смотри, ты мне обещал! — напомнила мужу Марина про дежурство у кровати сына.

— Да не буду я пить! Мне же завтра в институт возвращаться — наше учебное отделение дежурит по факультету!

Сергей действительно не хотел ничего плохого, но хохлы есть хохлы, а первач есть первач: уже после полуночи, еле держась на ногах, он с трудом добрался до постели.

— Ты же обещал! — не поверила своим глазам Марина.

Пьяным и от того еще более влюбленным взглядом он смотрел на свою возмущенную жену:

— Вот такой я тебя еще больше люблю! — пролепетал мертвецки пьяный Туев и тут же без чувств упал на хрупкую Марину.

Утром чувство воинского долга подсказало Сергею, что пора выдвигаться в КИ. У него было ощущение, что он совсем не спал и всю ночь продолжал пить самогон, так ему было нехорошо. Добравшись до платформы Курино, Туев понял, что он действительно «попал» со вчерашней выпивкой: он долго не мог войти в пустую воскресную электричку из-за того, что вход в нее сильно раздваивался. «Хорошо хоть не ослеп», подбадривал он себя, настраиваясь на оптимистический лад.

В КИ Сергей поздоровался с однокашниками и отправился на доклад к своему руководителю учебного отделения — РЮО. Стараясь не подходить слишком близко, он доложил, что прибыл «без происшествий». РЮО, опытный интеллигентный полковник, работавший долгое время под крышей журналиста-международника в Лиме, сочувственно вздохнул:

— Сергей Александрович, я вижу, вы плохо себя чувствуете. Отдохните в общежитии, а потом присоединитесь к нашим общим делам.

С трудом добравшись до своей койки, Сергей снова провалился в бессознательное состояние и проспал до позднего вечера.

Проснулся он от того, что вокруг него сгрудилась целая группа однокашников и, как когда-то мама из ложечки, только уже из рюмочки подсовывали ему коньяк и кусочек лимона, присыпанный сахаром.

— Серега, да ты, оказывается, свой в доску! А как маскировался — настоящий разведчик!

Главной оперативной дисциплиной в КИ была «Вербовочная работа». Отрабатывалась она только на практике и только индивидуально. На разных этапах учебной вербовочной разработки в роли иностранных носителей секретной информации выступали вышедшие на пенсию разведчики. Слушатели тщательно изучали легенды-биографии своих объектов для вербовки и затем вступали с ними в контакт, расширяя его по мере возможности до финальной вербовочной беседы.

Сергею попался очень пожилой, очень заслуженный — он когда-то предотвратил проамериканский военный переворот в одной из африканских стран — и очень привередливый «приват». Так на сленге слушатели

называли своих личных преподавателей. РУО даже предупредил Сергея, чтобы тот не расстраивался в случае плохой оценки:

— За двадцать лет работы в КИ он не поставил ни одной оценки «хорошо». Так что, если получите тройку, мы вам зачем ее как отлично.

От таких слов Сергея разобрал азарт. В поисках «ключика» к своему будущему учебному агенту он пошел в секретную часть за легендой биографии этого загадочного человека. Список интересов «привата», перечисленный в установочных данных его клиента, впечатлял разнообразием: древнегреческая мифология, история ближневосточного конфликта, исламский суфизм и политическая пропаганда — самые простые из экспертных областей, которые запомнились Сергею после первого прочтения объективки.

Решив не сдаваться, Сергей выписал требуемые ему области знаний и, отправившись в библиотеку, попросил консультанта подобрать ему по этим темам по одной научно-популярной книге. В целом подготовка к первой встрече заняла около трех недель.

Местом встречи с «приватом» Сергей выбрал уютный кооперативный ресторан на Речном вокзале. Получив десять рублей на оперативные расходы, Туев позвонил «кандидату на вербовку» и договорился о встрече. Возле ресторана его ждал пожилой иностранец в кремовом плаще, берете и черных очках. Сергей окликнул его, иностранец чопорно обернулся и на великолепном английском спросил, не тот ли он советский дипломат, с которым он разговаривал по телефону вчера вечером. Сергею ничего не оставалось делать, как тоже перейти на английский и подтвердить, что «тот».

Под четыре смены блюд и бутылочку красного вина «приват» гонял Сергея как сидорову козу, предлагая то одну, то другую тему для разговора. В конце трехчасовой беседы Туев понял, что старик доволен. Когда официант принес счет, оказалось, что они проели бюджет «девятой статьи» на три встречи вперед, но и этого не хватило — общая сумма составила десять рублей сорок копеек. Сказав «привату», который к тому моменту уже вышел из «оперативной обстановки», что оставил деньги в пальто в гардеробе, Сергей вылетел из зала и, поймав метрдотеля, взмолился:

— Уважаемый, выручи! Привел в кабак своего старого учителя из ин-яза и не хватает сорока копеек. Так неудобно!

Сжалившись, метрдотель протянул Сергею горсть мелочи.

Через неделю в учебном отделении РУО зачитывал отзывы, написанные на слушателей по итогам их первого контакта с «приватами». Когда очередь дошла до Сергея, он наклонил голову и, посмотрев на затаившего дыхание старлея, медленно произнес:

— Сегодня на нашем факультете произошло что-то невероятное: преподаватель, два десятилетия «валивший» всех слушателей КИ без разбору, поставил нашему товарищу оценку «отлично с минусом». Обратите

внимание, что он написал в графе «недостатки и замечания». За такие замечания, Туев, я бы вас уже сегодня выпустил с красным дипломом. Вы только послушайте: «Имеются пробелы в знаниях крито-микенской культуры!»

На занятиях по выявлению наружного наблюдения у Сергея все было хорошо с самого начала: во-первых, у него уже был опыт работы во время учений как «наружкой», так и «против наружки», во-вторых, у него уже имелись свои проверочные маршруты по Москве.

Легко выявляя за собой слежку, Сергей инструктировал своих товарищей по группе: «Никогда не злите сотрудников наружного наблюдения. Так же, как нас дрючат за неувиденных «топтунов», так же и в «семерке» нагибают тех, кто попал под ваше описание в отчете о прохождении проверочного маршрута. Выявили гарантированного одного-двух человек, и хватит: прекратите проверяться — не гоняйте бригады до последнего пота. Им еще по боевым объектам работать».

Такие увещевания действовали не для всех. Заигрываясь в шпионов, некоторые слушатели сознательно устраивали провокации против коллег-«противников» из Седьмого управления КГБ. Так во время операции по «моментальной передаче» контейнера с информацией для «агента» один из однокашников Сергея по КИ решил направить «наружку» на негодный объект.

Выбрав на остановке старичка, смахивающего на «привата», он незаметно засунул ему в карман фантик от конфеты. Решив, что они зафиксировали передачу материала с поличным, «наружка», которая к тому же в это дежурство оказалась из «Группы А», быстро скрутила дедушку и доставила в «свое» отделение милиции вместе со слушателем.

Старичок оказался из активных диссидентов. Во время задержания он покусал сотрудников «Альфы» и орал на всю Москву про «сталинских палачей» и 37-й год.

В отделении, усомнившись, а «тот ли это старичок», бригадир вытащил из обезьянника слушателя и по-хорошему попросил сказать им правду — «приват» это или нет.

— Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, и вообще на все ваши вопросы я буду отвечать только в присутствии советского консула! — как партизан в гестапо, держался заигравшийся слушатель.

Этого «ашники» провокатору не простили. На очередных занятиях эта же бригада специально попросила отдать им «их клиента» и так жестко взяла его на тайниковой операции, что тот был вынужден обратиться в медчасть со сломанным носом и сильно отбитыми почками.

На разборе преподаватели не только не стали жаловаться на произвол «наружки», но даже попросили объявить всем разведчикам благодарность за наглядный урок. В жизни бывает намного хуже, объяснили преподаватели слушателям: в Африке одного такого «лихого разведчика»

местные спецслужбы отследили на пляже, связали, и пять негров с утра до вечера при нем насиловали его молодую жену.

Год в КИ пролетел незаметно. Сергея заметили из «большой разведки». Считая вопрос решенным, его даже несколько раз отправляли на стажировку в «лес» поработать на своем будущем рабочем месте в Латиноамериканском отделе.

Когда о планах Управления «С» стало известно контр-адмиралу Хмелёву — бывшему резиденту КГБ в Японии и одному из самых опытных руководителей нелегальной разведки, — он лично приехал к начальнику факультета и долго выговаривал: «У вас таких талантливых — все университеты страны. А у меня таких молодых и обученных, как Туев, раздва и обчелся. На черта мы его так интенсивно готовили все эти годы? Чтобы он на дипломатических приемах вес набирал? Этого парня я вам не отдам».

Спорить с Хмелёвым никто не стал. «Черный адмирал», как его за спиной называли в ПГУ, был к тому же секретарем парткома Первого главка.

Когда на мандатной комиссии начальник управления кадров ПГУ спросил Сергея, как он относится к тому, чем занимается его подразделение «Вымпел», он, не задумываясь, ответил: «Делает полезную и нужную для своей страны работу». То, что он возвращается к себе в часть, он уже не сомневался. Да и не расстраивался. Ну, если только чуть-чуть.

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

«Змей Горыныч»

Большой радости по поводу распределения из КИ обратно в «Вымпел» у Сергея не было. Казалось, словно второй разходишь в ту же самую воду и начинаешь терять набранный в жизни наступательный темп.

Слегка утешили «вымпеловские» кадровики: после института Туева сразу назначили сначала старшим опером, а потом и заместителем командира группы — в двадцать семь лет это была большая удача, обычно на такие должности офицеры попадали уже крепко за тридцать. Кроме того, Сергея поставили в резерв на краткосрочные зарубежные командировки, связанные с контролем за разоружением в Западной Европе. Это была своеобразная компенсация за «красный свет» в оперативные подразделения ПГУ и одновременно огромный карьерный скачок.

Вспомнив пограничную присказку «меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют», Сергей приступил к новым-старым служебным обязанностям.

По мере приобретения «Вымпелом» опыта его офицеров стали привлекать для проверки ядерных объектов страны — хорошо ли они защищены от диверсий и террористических атак. «Террористами» на таких учениях выступали профессиональные диверсанты — разведчики «Вымпела».

В конце октября 1989 года в штаб вызвали семерых самых успешных оперативников четвертого отдела, включая Сергея. Начальник штаба довел до офицеров условия предстоящих СКЗ — специальных комплексных занятий:

— Задача, которую мы сейчас до вас доведем, нерешаема в принципе. Все сведения об объекте вашего оперативного поиска засекречены под грифом «Особой важности». Это значит, что секретоносители ходят под расстрельной статьей, а сам объект является самым важным объектом оперативного обслуживания территориальных органов КГБ. Называется он БЖРК — Боевой железнодорожный ракетный комплекс.

Относится к ведению Ракетных войск стратегического назначения. Это, как вы уже могли догадаться, железнодорожный состав, замаскированный под обычный поезд. Несет межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися боеголовками. Состав постоянно перемещается по стране, и его очень трудно отследить противнику из космоса. Для справки: если такой «поезд» произведет боевой пуск и все ракеты, преодолев систему ПРО противника, поразят назначенные цели, США больше не смогут продолжать военные действия против СССР. Других сведений об объекте и уж тем более фотографий у нас нет.

— Раз задача нерешаема в принципе, зачем ее перед нами ставят? — съязвил Бек, также вошедший в число семи приглашенных офицеров.

Начальник штаба, словно не замечая язвительности Бека, ответил серьезно:

— Заказчики СКЗ просят нас организовать оперативное проникновение на объекты, обслуживающей БЖРК инфраструктуры. Их интерес — проверка бдительности агентурной сети на предмет интереса к охраняемому объекту. Вы сами решаете, куда вам идти и о чем спрашивать. Задача контрразведки фиксировать поступающие на вас сигналы, если они будут, и реагировать на них.

— Почему СКЗ? — снова не унимался Бек. — Это самая неудобная для нас форма работы. По сути, каждый день мы должны быть под колпаком у Мюллера!

— Согласен. Специальные комплексные занятия для вас менее удобны, чем учения. Ежедневно вы будете докладывать своим кураторам каждый свой шаг, а утром выходить на «точку опознания», где вас, возможно, будут брать на контроль бригады наружного наблюдения. Еще раз обращаю ваше внимание: по результату мы вас оценивать не будем. Ваша оценка будет зависеть от того, насколько качественно вы будете стремиться к этому результату: как будете базироваться в городе, какие подготовите условия по связи, какие объекты выберете для проникновения, с какими людьми вступите в контакт, насколько успешно будете выявлять наружное наблюдение и преодолевать создаваемые посредниками и противником «вводные обстоятельства».

— Условия связи? — смирился с уже принятым решением Бек.

— Через резидента. Место личной встречи — чайхана «Хош Гылдыныз» возле центрального рынка Ярославля. В роли резидента будет выступать Курбан — он только что вернулся в Союз из длительной командировки.

Сергей вспомнил, что «Хош Гылдыныз» по-туркменски означает «Добро пожаловать!» Такие надписи он видел повсеместно до и после Афгана в Чарджоу и Керки — транзитных городах, через которые осуществлялась их заброска в северные провинции Афганистана.

Когда разведчики вернулись к себе в отдел, Бек организовал мозговой штурм.

— Сначала надо понять, как эта хрень может выглядеть и какие у нее должны быть демаскирующие признаки.

Через пару часов разведчики из ничего нарисовали образ объекта, который им предстояло найти. Получалось, что искать надо состав с вагонами-рефрижераторами, главным отличительным признаком которого будут дополнительные колесные тележки, компенсирующие огромное давление сверхтяжелых ракет на железнодорожное полотно.

— Пассажирский вариант БЖРК тоже имеет право на существование, — подытожил Бек, — но упор при поиске надо все-таки делать на рефрижераторы.

Действовать разведчики договорились поодиночке. На связь выходить в самом крайнем случае. Для передачи информации использовать только безличные формы связи: тайники и условные сигналы. Все сходились в одном: надо найти этот неуловимый БЖРК, а не просто подыграть местным контрразведчикам в качестве «мальчиков для битья».

Ко времени выезда в район проведения СКЗ у Сергея началась острая гнойная ангина. Марина долго уговаривала мужа остаться дома, но он упрямо собирался на вокзал. Ехать было недалеко — до Рыбинска и далее на электричке до Ярославля. Напившись аспирина и непрерывно жуя стрептоцид, Сергей занял место в купе. В жарко натопленном вагоне, лежа на верхней полке, он постоянно стирал с себя полотенцем крупные капли пота и ждал, когда утихнет озноб. Когда в пять утра поезд прибыл в Рыбинск, температура спала и даже саднящая боль в горле немного поутихла.

Пробираясь на учениях в любой крупный город, Сергей давно выработал тактику использования электричек: на них местная агентура обычно не ждала разведчиков из Москвы. Растворясь в многочисленном потоке пригородных пассажиров, он добирался до привокзальной площади и, не задавая никому вопросов, как местный житель, который здесь знает все и вся, усаживался в любой автобус с самым длинным маршрутом движения. По ходу движения автобуса Сергей начинал изучать город, а доехав до конечной остановки, обычно это был уже частный сектор, начинал искать жилье для базирования.

Вот и на этот раз, обессиленный от острой болезни, он выгрузился из автобуса на далекой окраине Ярославля и принялся обходить улочку за улочкой с просьбой сдать ему какой-нибудь угол. Легенду для поиска БЖРК Сергей выбрал нетривиальную: на этот раз он был учителем начальной военной подготовки из хорошо знакомой ему Сиверской железнодорожной школы № 43, где занимался созданием в школе музея боевой славы, посвященного героям железнодорожникам. По легенде, те, кого он «искал», окончили школу накануне Великой Отечественной войны, были направлены работать по железнодорожному профилю и погибли где-то на ярославской железной дороге.

В легенде было сложно объяснить, как молодого учителя могли отпустить из школы в самом начале учебного года. Однако из личного опыта Сергей знал наверняка: осенью вместо учебы школьников гоняли на уборку турнепса — есть такая разновидность кормовой свеклы. Так что выбить командировку для сбора материалов о пропавших без вести выпускниках школы было более чем реально.

Снять квартиру в частном секторе для Сергея никогда не составляло большой проблемы. На деревенских улочках люди обычно хорошо знали друг друга и с удовольствием подсказывали интеллигентному молодому учителю, кто из соседей не прочь заработать лишнюю копейку. Самое ценное в таком жилье было то, что хозяева никогда не регистрировали постояльцев и тщательно скрывали их от участковых, часто выдавая за дальнюю родню. Вот и на этот раз, несмотря на ранний час, Сергею быстро указали на один из домов.

Хозяйкой дома оказалась бомжеватого вида молодая женщина. Внешний вид молодухи выдавал в ней сильно и давно пьющую даму. Увидев в руках Сергея батон копченой колбасы, она сразу распахнула дверь. Войдя в дом, Сергей застал внутри такую запущенность, что решил остаться здесь разве что на сутки, чтобы переждать самый острый период все еще колотившей его ангины.

— Как тебя зовут благодетель? — пряча привезенную Сергеем колбасу и сгущенку, поинтересовалась хозяйка.

— Сергей, — автоматически ответил Туев, с трудом соображавший из-за высокой температуры. Это был прокол: в кармане его пиджака лежал паспорт на имя Егорова Николая.

Это имя он выбрал неслучайно: Коля Егоров был его реальным «двойником» из поселка Сиверский, учился с ним в одной школе и никуда из поселка не уезжал. В случае неглубокой проверки по учетам Центрального адресного бюро там всегда подтвердили бы, что Николай Егоров — реально существующий человек. Испортив случайной обмолвкой легенду, Сергей решил оставить вещи у хозяйки и продолжить поиски квартиры уже в другой части городского пригорода.

В заводском районе Сергей обнаружил идеальный для конспиративной квартиры вариант. Найдя по рекомендациям с улицы местного домовладельца дядю Мишу, он договорился с ним на аренду целого дома — небольшой избы с отдельной кухней, залом и маленькой спальней. Вместе с женой — ухоженной добродушной бабушкой в серой шали и стеганом бушлате — дядя Миша приходил к постояльцу один раз в сутки, топил печь, ждал, пока жена наведет порядок, и уходил вместе с ней до следующего дня. Обрадовавшись, Сергей расплатился со стариками сразу за три недели вперед.

Наводя у соседей справки о семье, у которой поселился, Сергей с удивлением узнал, что тощий, жилистый старик, старательно топивший

для него дом по утрам, был в прошлом вором в законе, два раза ходил под расстрельной статьей и оба раза на фронте «искупал вину кровью» в штрафбатах. Обычно у дяди Миши квартировали жены осужденных, переведенных из колоний на машиностроительный завод — на «химию», как тогда было принято называть вредные работы. Жены, а иногда и целые семьи с детьми регулярно приезжали к «химикам» на свидания, так что сдавать дом временным постояльцам было очень выгодно.

— Ты, Колян, как я посмотрю, жилец справный — платишь вперед, аккуратный, девок не водишь. Можешь жить, сколь тебе надо, и подселять я к тебе никого не буду, — ударили по рукам старый уголовник и молодой оперуполномоченный. «Неплохо получается, — подумал Сергей. — Искать разведчика «Вымпела» у вора в законе контрразведка едва ли будет. Главное — не попасться на глаза местному участковому».

Заплатив дяде Мише, Сергей вернулся за вещами на свою «спаленную» базу. С удивлением он увидел вместо захламленной квартиры тщательно убранный, отдраенный дом. Молодая хозяйка в коротком домашнем халатике с мытой головой заканчивала отдраивать с мылом кухню. Со спины это была вполне симпатичная женщина с длинными красивыми ногами и тонкой талией. Повернувшись на приход Сергея, хозяйка счастливо улыбнулась щербатым ртом и поставила на стол «Рябиновую настойку». Догадываясь о подоплеке такого женского подвига, Сергей тихо взял в сенях свою сумку, оставил деньги за сутки вперед и, забыв про колбасу и сгущенку, бежал от явно положившей на него глаз хозяйки.

Тря дня, по условиям СКЗ, у Сергея ушло на подбор проверочных маршрутов. На четвертый день и все последующие дни работы в Ярославле он был обязан выходить на «точку опознания» в центре города с условным сигналом в руках. По традиции это была сложенная в трубочку газета. Потоптавшись пять минут на одном месте, Сергей «отправлялся на работу».

Каждый новый день он не знал, брала его под наблюдение бригада «наружки» или нет. Поэтому приходилось тратить по три часа на проверочный маршрут. Разведчик не имел право возвращаться на личную конспиративную квартиру, встречаться с другими разведчиками, а также со своими наиболее ценными связями с «наружкой» на плечах. Чтобы уйти от наблюдения и не допустить провала своей миссии, каждый разведчик предусматривал на своих маршрутах специальные «места отрыва» от выявленной слежки.

Реально работать над поставленной задачей Сергей начинал после обеда. Перекусив в дешевой столовой, после прохождения утомительного маршрута, он начинал обход намеченных для разведки объектов. Интересовали его, прежде всего, вокзалы, конторские помещения Ярославской железной дороги, а главное — люди, которые могли хоть что-то знать или слышать про нужный ему поезд.

Задавать вопросы про БЖРК напрямую было равносильно самоубийству. Понимая это, Сергей тщательно работал со своей основной легендой — о школьном музее и экспозиции о погибших железнодорожниках. Лишь установив нормальный эмоциональный контакт с собеседником, он мог позволить себе «прокинуть» пару косвенных вопросов, тестирующих человека на предмет его осведомленности о секретном поезде.

Легенда второго уровня, объясняющая интерес Сергея к секретному объекту, была нарочито бытовой и слезливо трогательной. Согласно ей, друг «Николая Егорова» по Афгану разыскивал обидчика своей младшей сестры — молодого лейтенанта, окончившего под Питером ракетное училище и сбежавшего от девушки, как только та забеременела. Про лейтенанта было известно, что распределили его в Ярославль. Но распределили странно — в железнодорожные войска.

«При чем тут ракеты и железнодорожные войска?» — недоумевал Сергей, осторожно доводя вторую часть своей легенды до собеседника.

Две недели поиска ничего не дали. Казалось, Сергей посетил все железнодорожные объекты города, выпил литры водки со множеством собеседников, но ни о чем, хоть отдаленно напоминавшем БЖРК, так и не услышал. Зацепок не было.

Пройдя в пятнадцатый раз по проверочному маршруту и в пятнадцатый раз не обнаружив слежки, Сергей начал беспокоиться, что потерял связь не только с товарищами по «Вымпелу», но и с окружающей его реальностью. Ноги гудели от накрученных по Ярославлю километров, в душе поселилось чувство апатии.

Из списка намеченных для выведывания втемную объектов оставался только профком управления железной дороги. Сидя в скверике на набережной Волги, в паре сотен метров от главного здания Ярославской дороги, Сергей никак не мог заставить себя подняться с лавочки. В городе после затяжных дождей и утренних заморозков установилась настоящая золотая осень. Красно-желтая листва, синее безоблачное небо, мягкое лучистое солнышко...

«Досчитаю до десяти и встаю», — безуспешно в очередной раз уговаривал себя Сергей. Наконец, он собрался и снова заставил себя войти в образ молодого учителя, старательно ищущего материалы о пропавших воинах-железнодорожниках для школьного музея.

В профкоме ему сразу пошли навстречу. Распивая чай в компании трех приятных профсоюзных активисток, Сергей вдруг почувствовал, что уровень возникшего между ними доверия позволяет рассказать заготовленную байку про жизнь, мужской обман, наивных женщин и странный поезд, где служат офицеры-ракетчики.

На какую-то долю секунды одна из собеседниц многозначительно прищурилась, и лицо ее озарилось особым светом человека, допущенного к «сакральному знанию». Сергей был уверен: она не просто слышала, она точно знает, что такое БЖРК.

Всю последующую неделю Сергей посвятил своей новой знакомой Ирине. Из разговора с ней он понял, что она увлечена краеведением и изучением местных храмов. Ира водила по Ярославлю свои авторские экскурсии и была оформлена в местном турбюро в качестве внештатного экскурсовода. Сергей стал ее самым внимательным слушателем. Он тщательно записывал за ней, что означает тот или иной ряд иконостаса, вспоминал известные ему иконы и библейские истории, восхищался красотой Дома-музея Некрасова и постоянно искал повод еще и еще раз замолвить в нужный момент слово о своем друге и обидчике его сестры. К тому же Ира уже не скрывала, что знает про упомянутый Сергеем таинственный поезд.

Один раз, возвращаясь вместе с очередной пригородной экскурсии, Сергей еще раз спросил у Ирины, кто может рассказать ему то, о чем она не хочет с ним говорить. Шумел многолюдный центральный вокзал. То тут, то там маневрировали поезда. В этом грохоте и шуме Лена почти с отчаянием прокричала в ухо своему новому знакомому:

— Да пойми ты, дурень! Это очень опасная тема — тут тебе голову сразу оторвут и даже разбираться никто не станет! У меня муж диспетчер. Он имеет к этому поезду самое прямое отношение и по сто раз в день пугает, чтобы язык за зубами держала!

Проводив Ирину домой, Сергей уже знал, что поставленная перед группой задача была решена. Его мучал другой вопрос: насколько этично делиться информацией, полученной от женщины, не собиравшейся выдавать никакой государственной тайны и попавшей под его «оперативный развод» абсолютно случайно.

Информацию о диспетчере БЖРК Сергей передал посредникам через тайник. В третьем часу ночи в окошко осторожно постучали:

— Колян, это я дядя Миша, — вполголоса, но с надрывом шептал хозяин дома. — Извини, что бужу, но тут мой старый клиент зашел, к нему завтра жена приезжает на один день. Я обещал тебе, что никого подселять не буду, но тут такая ситуация — сам понимаешь. Не погоню же я в такой час друга на улицу.

Войдя в положение дяди Миши и его друга «химика», Сергей открыл дверь и впустил мужчин в дом. Клиентом и «другом» дяди Миши оказался огромный, сухощавый мужчина со сгоревшим вчистую лицом. Вместо лица у ночного гостя был сплошной коллоидный рубец с отверстиями для рта и глаз. На месте носа торчала небольшая косточка, бывшая когда-то его основанием. «Если воскресшие мертвецы где-то и существуют, то выглядят они именно так», — подумалось в том момент Сергею.

Гости пришли не с пустыми руками: на столе появилась водка, отварная картошка, лук и ливерная колбаса, крупно нарубленная дяди Мишиной старухой перед их уходом к молодому постояльцу.

Друг дяди Миши, назвавшийся Константином, разлил водку по стопкам. Сергей посмотрел на висевшие на стене металлические часы-кукушку. Они показывали половину третьего. Самое время для дружеского застолья.

Старый вор, перед тем как выпить водку, поднимал стопку выше головы, чмокал ее в донышко и со словами «как же я люблю тебя, милая» одним глотком опрокидывал ее в беззубый рот. Потом захмелевший «химик» долго рассказывал Сергею, как его, боевого летчика, сбили в Афганистане на вертолете, марку которого он так и не смог вспомнить, как его держали в плену душманы, как он бежал и уже свои посадили в тюрьму.

Дядя Миша, мало искушенный в вертолетах и афганских событиях, похоже, действительно верил байкам своего знакомого и в ответ рассказал свои «фронтовые» истории:

— Мы перед самой войной в Рыбинске кассу решили взять. Трое нас было. Все уже с ходками. Кассу взяли, деньги поделили, а бежать договорились подальше: я поехал в Туркмению, дружок — во Владивосток, а третий, дурак, тут остался! Этого фраера взяли первым, он на нас и указал. Меня в Душанбе прямо под руки взяли. И погулять-то успел только в вагоне-ресторане!

— А потом? — поинтересовался Сергей

— Потом все просто — либо штрафбат, либо стенка. Ну, думаю, стенка от меня никуда не уйдет — надо искупать кровью! В штрафбате мне еще одну вышку за драку с убийством дали, но я и это смысл, уже в Сталинграде, — дядя Миша после второй бутылки сильно обмяк, с трудом ворочал языком и, наконец, ушел к своей бабке, оставив Сергея один на один с нечаянным собутыльником. Утром ни свет ни заря Сергей пулей вылетел из дома.

Считав сигнал «срочно выйти на связь», Сергей наменял двушек и из городского автомата позвонил посреднику.

— Я сейчас подъеду, нас срочно вызывают к руководству, — сообщил Сергею Дед — так с любовью офицеры называли своего штабного куратора полковника Вержбицкого.

Когда Сергей садился в оперативную машину, Дед поморщился и делано замахал руками, словно отгоняя от себя дыхание Сергея:

— Я и понятия не имел, что ты можешь так нажраться!

За Афганистан Дед был награжден несколькими боевыми орденами. С возрастом у него начало прихватывать сердечко, он заметно пополнил, но пропустить лишнюю стопочку в кругу боевых товарищей никогда не отказывался. Многие в «Вымпеле» любили этого полного, добродушного вояку.

— Добавь, что водку я «жрал» на воровской сходке, и с картиной мира в отношении меня у тебя будет полный порядок, — улыбнулся Сергей. — Может, прежде чем к начальству, подождем, когда перегар пройдет?

— Какой перегар! Какой подождем! Если бы ты видел, что стало с лицом генерала, когда я передал ему твое сообщение про диспетчера БЖРК! Ты же нашел их главного секретоносителя, располагающего всей полнотой информации о прохождении нашего поезда. Все остальное ведь — «дело техники»: вкатили психотропы, и парень расскажет что угодно! Ну, если бы пришлось по-боевому работать, — оговорился Дед.

В управлении КГБ по Ярославской области оперативному успеху Сергея явно не были рады.

— Откуда вы узнали про диспетчера БЖРК? — не дав Сергею опомниться и даже не поздоровавшись, спросил белый от бешенства генерал-майор.

— От своего оперативного источника, товарищ генерал, — Сергею не понравилось, что ему так резко показывали свое раздражение.

— Хватит мне голову морочить! — генерал явно выходил из себя. — Фамилия, имя, установочные данные вашего источника!

— Всю информацию я могу передавать только своим посредникам, товарищ генерал! Если мое командование найдет возможным, вы узнаете об этом человеке. Но я бы этого не хотел. С источником я работал «втемную», и он понятия не имел, что выдает гостайну. С моей стороны это была профессиональная провокация, и советский гражданин не виноват, что мы с вами на нем «тренировались».

— Не виноват, — получив отпор, вдруг успокоился генерал. — Дело особой важности, и никто, кроме вашего профессионализма, не виноват. Хорошо, что бы вы сделали дальше, получив свою информацию?

— Я бы узнал график прохождения БЖРК через Ярославль и на выезде из города с помощью остальных членов группы, работающих у вас в городе на подпольном положении, организовал подрыв поезда. При необходимости мы могли бы использовать ядерные фугасы тактического звена, но можно обойтись и обычными зарядами повышенной мощности.

Сергею вдруг стало страшно. До него только сейчас дошел ужас генерала, представившего, что поезд с ядерными ракетами, способный уничтожить все крупнейшие города Америки с помощью одного пуска, вдруг взорвался бы на окраине Ярославля.

— Как бы вы нашли поезд на вокзале? Наша станция узловая. Здесь более сорока путей, и по всем организовано движение.

— У меня нет готового ответа. Для начала я провел бы разведку станции в день, когда дежурит выявленный нами секретоноситель.

— Он дежурит завтра в ночь. Если вы сумеете увидеть БЖРК лично, я полностью признаю наше поражение, — приняв решение, генерал окончательно взял себя в руки.

Наутро Сергей считал условный сигнал. Ему было предписано срочно выйти на личную связь с резидентом. Как говорили раньше в НКВД — на явку. Без труда найдя чайхану «Хош Гылдыныз», он заказал плов и стал ждать, когда к нему подойдет незнакомый азиат с известным только ему

паролем и отзывом. Хозяин чайханы, улыбчивый туркмен лет тридцати пяти, услужливо порхал между столиками и старался исполнить любую прихоть своих посетителей. Халат, яркая тюбетейка, семейное обслуживание и уютное домашнее брюшко хозяина, говорившего по-русски с заметным акцентом, создавали неподражаемую атмосферу восточного дастархана.

«И все-таки не зря дали кооператорам развернуться», — мелькнула у Сергея одобрительная мысль.

Неожиданно в чайхану вошел Василий Полищук. В руках у него был громоздкий чемодан, который даже такой силач, как первый командир Сергея, мог переносить лишь короткими перебежками.

Поймав удивленный взгляд Туева, Василий назвал ему пароль, подтверждающий полномочия на контакт, и, услышав отзыв, приступил к делу:

— Вот приставлен к тебе разведчиком-боевиком. Говорят, ты совершил невозможное — нашел нужный нам поезд. В чемодане — фугасы. Завтра, когда ты укажешь мне на БЖРК, я его «уничтожу».

В этот момент официант принес Сергею долгожданный плов.

— А где Курбан? Говорили, что резидентом будет он.

— Курбан и есть резидент, — Василий широко улыбнулся своей, как всегда открытой улыбкой. — Вон видишь, туркмен с пузиком в тюбетейке бежит: это и есть наш новый резидент.

— А почему я раньше его не видел?

— Курбан в Афгане отсидел лет десять. Ему в 79-м даже «вышку» окончить не дали — с третьего курса прямо курсантом отправили в Кабул. Потом, правда, младшего лейтенанта присвоили.

— К чему такая спешка?

— По профессии и основной легенде, Курбан — повар гастрономического класса, может работать в ресторанах для гурманов. Работал у Амина — был его личным поваром. Перед вводом в Афганистан наших войск должен был отравить своего шефа специальным ядом, имитирующим дизентерию.

Сергей поперхнулся — плов «от Курбана» комом встал у него в горле:

— А чего не отравил?

— Почему не отравил? Отравил. По чистой случайности рядом оказались советские врачи из спасательного отряда Гражданской обороны. Они его вытряхнули наизнанку, желудок промыли, капельницу прокололи. А нам пришлось работать по плану «Б» — операция «Гром», мусульманский батальон, штурм дворца Тадж-Бек «каскадерами».

В десять вечера Сергей приехал на центральный вокзал Ярославля, где Ирина рассказала ему про БЖРК и своего мужа. Единственным местом, откуда можно было видеть все железнодорожные пути, был пешеходный мост, расположенный на некотором удалении от вокзала

и предназначавшийся, по всей видимости, не столько для пассажиров, как для местных жителей, живших по разные стороны от многочисленных железнодорожных путей.

На подходе к мосту Сергей проверил, нет ли засады. Не обнаружив ничего подозрительного, занял исходную позицию посередине моста над путями и принялся анализировать многочисленные перемещения железнодорожных составов, без перерыва громыхавших под ним в обоих направлениях. Почему-то он был уверен, что сумеет узнать нужный ему поезд. Чутье подсказывало ему, что при внешней похожести он будет каким-то особенным, не таким, как все остальные составы.

Около часа ночи Сергей услышал звуки, в корне отличавшиеся от обычного железнодорожного грохота, к которому он уже успел привыкнуть. Откуда-то издалека все громче и громче начали раздаваться как будто бы нечеловеческие стоны какого-то исполина. Это действительно полз БЖРК. Вес его был настолько велик, что колеса вагонов не стучали даже на стыках рельсов, намертво впечатывая их в железнодорожную насыпь.

Вместо привычных «тук-тук, тук-тук» состав выдувал тяжелые и протяжные «у-у-у-у, у-у-у-у». Когда этот исполинский «Змей Горыныч» проползал под мостом, на котором стоял Сергей, он почувствовал себя богатырем-букашкой, стоявшим с иголкой у ахиллесовой пяты великана. Чувство личной победы, горечи от этой победы и гордости за страну, сумевшей создать этого ревущего под ним ядерного исполина, смешались в душе молодого разведчика. Поискав в кармане куртки двушку, Сергей добрался до вокзала и позвонил в приемную генерала.

Под утро, часа в четыре, в окно Сергею снова постучали. На этот раз это был участковый милиционер. Вместе с ним на крыльцо поднялись два человека в штатском, предъявивших удостоверения сотрудников уголовного розыска. Сергей понимал, что это было учебное задержание и эти двое были такими же операми убойного отдела, как он — Колей Егоровым. И все равно ему стало страшно, к горлу подкатил ком, он даже не сразу вернул себе нормальный тембр речи.

— Как вам только не стыдно! — распаляя себя, кричал участковый, которому объяснили, что жилец дяди Миши боевой объект КГБ. — Вы молодой учитель, интеллигентный человек, а живете на «малине» у вора в законе! Без регистрации!

Сергей немного пришел в себя и начал отвечать на вопросы оперативных работников. Уже изучив легенду Сергея, они заранее били по ее наиболее уязвимым местам.

— А как же вас, учителя, в середине учебного года в командировку отпустили? — добивался от Сергея тот, что пониже ростом. — У вас, что, занятий в это время нет?

Сергей был готов к этому вопросу и даже хмыкнул от радости. Это уже пошло ему в минус: проверяющие заметили, что он говорит заранее

заученный текст. Выслушав про уборку турнепса, контрразведчики повторили вопрос участкового:

— Так как же вас, преподавателя НВП, занесло на квартиру к вору в законе? — грозно переспросил Сергея коренастый опер.

— А откуда вы знаете, что я преподаватель НВП? — чтобы особо не зазнавались, врезал в ответ Сергей. Коренастый опер понял, что тоже прокололся, обиделся и замолчал. Попытав Сергея для порядка еще минут двадцать, опера отпустили участкового.

Когда участковый ушел, в дом поднялся Дед Вержбицкий.

— Ну, ладно, Серега, не сердчай! Нам тоже надо было выполнять нарисованный сверху план. Зато СКЗ для тебя закончились с отличием: «наружку» ты вскрываешь легко, главную задачу, во что не верил никто, выполнил. За ночной допрос я тебе, несмотря на помарочки, ставлю зачет. Молодец! Не зря мы тебя в КИ учили.

Баку — Нахичевань

Сергей чувствовал, что в национальных республиках СССР творится что-то неладное. Митинг в Тбилиси, разогнанный десантниками саперными лопатами, внезапное исчезновение из отдела Мурмана, регулярные командировки внутри страны разведчиков «Вымпела» с неславянской внешностью — все это подсказывало Сергею, что пророчество Бека начинало сбываться.

В конце января 1990 года все боевые отделы «Вымпела» подняли по тревоге и вывели в военный аэропорт Чкалово. Там уже стояли колонны с офицерами Группы «А», переименованной народными устами в «Альфу», и «Камазы» с ротой спецназа ОМСДОНа под руководством ее создателя капитана Лысюка. Скоро подъехала колонна автобусов с офицерами из Управления КГБ по Москве и Московской области. Когда все были в сборе, всю эту оперативно-боевую солянку численностью более двухсот человек погрузили в Ил-76 и отправили на взлет.

Огромный ангар военно-транспортного грузовика с торчавшими на месте обшивки миллионами скруток из проводов и металлических трубочек, напоминал своеобразный «Ноев ковчег»: дисциплинированные солдаты-срочники из отряда «Витязь», глаз не отводившие от сурового двухметрового Лысюка; молчаливые, держащиеся немного особняком офицеры «Альфы» во главе со своим старшим — майором Сергеем Мирошниченко; галдящие, выдернутые из теплых кабинетов опера и следки из московской управы, вообще не понимающие, что происходит и зачем их сдернули с насиженных мест; рассосавшиеся по всем этим группам «вымпела», пытающиеся по привычке по крупнице снять информацию о пункте назначения перевозящего их Ил-76.

Похоже, что, кроме летчиков и назначенного старшим над разнородной военизированной толпой генерала Широнина, никто ничего не знал. Даже контр-адмирал Хмельёв, в ночную морозную метель прямо на взлетной

полосе представлявший Широнину личный состав, не сказал офицерам, куда в таком спешном порядке должны улететь в ночь почти все офицеры «Вымпела».

Лететь, не зная куда, было частью работы Сергея. В неформальном гимне его части, придуманном еще в 79-м году в Афганистане, не зря были такие слова: «Если где-то гром далекий грянет, в неизвестность улетят они. Пусть им вечным памятником станет проходная возле ДорНИИ».

Было в этой корявой с поэтической точки зрения песне что-то настоящее, от правды жизни, трогающее всех «вымпелов» и малопонятное обычному человеку. Взять хотя бы куплет, в котором к раненному в бою разведчику «Вымпела», где-то на далеком «острове пылающих стран», подходит вражеский наемник: «Подойдет. Увидит. Удивится. Вскинет пистолет, прищурит глаз. Скажет «много ел я бледнолицых — русских буду кушать первый раз!»

Самолет был в воздухе уже более четырех часов. Несколько месяцев назад подобное происходило разве что в связи с событиями в Румынии. Часть также подняли по тревоге и предупредили, что возможна боевая выброска на парашютах прямо на Бухарест. Правда, там все закончилось скорым расстрелом четы Чаушеску, и СССР в эти события вмешиваться не стал. Самолет между тем пошел на посадку.

— Туев, берите свою группу и прикройте высадку, — скомандовал вышедший от летчиков Ким.

Спрыгнув с аппарели, Сергей почувствовал, как в лицо ему ударил теплый сырой воздух. «Неужели, снова Афган?» — промелькнула в голове первая мысль. Наведя бинокль на стоящее вдалеке здание аэропорта, он прочитал «Баку». Слава богу! Работаем у себя в стране.

Впрочем, долго радоваться не пришлось: обстановка, доведенная до командиров групп генералом Широниным и подъехавшими к борту представителями республиканского КГБ, была отчаянной. За исключением ряда особо охраняемых объектов, на которых под прикрытием войск забаррикадировались партийные чиновники, советская власть ничего не контролировала.

Город и республика в целом были охвачены массовым народным восстанием. Миллионы людей вышли на улицы, но что хуже всего — в Баку начался настоящий геноцид армянского населения. Людей вырезали не то что семьями — кварталами! Уходящие из города армянские беженцы в спешном порядке формировали отряды самообороны. Мужчины и подростки объединялись в боевые группы и, в свою очередь, нападали на азербайджанцев. Несмотря на численное меньшинство, на помощь армянам подтянулись опытные диверсионные группы из Нагорного Карабаха. Кругом лилась кровь. В момент проведения совещания пришла оперативная сводка, что на дороге, недалеко от них, расстреляли азербайджанскую свадьбу, с молодыми, родственниками и многочисленными гостями.

Попытка властей поднять резервистов закончилась полным крахом. Наспех мобилизованные в южных районах России, забывшие, что такое дисциплина и военная служба, «партизаны» устроили собственную кровавую бойню, легко поддавшись на организованные в отношении них провокации.

Вместо того чтобы адресно «выщелкивать» снайперов и диверсионные группы, вчерашние работяги, видя, как под огнем снайперов гибнут их вчерашние друзья и собутыльники, открывали шквальный огонь по местному населению, в считанные часы восстановив его против федеральных властей.

С первой попытки колонне москвичей войти в центр города не удалось. Вынужденно захватив здание школы в одном из взбунтовавшихся пригородов Баку, многочисленная боевая группа московских «командированных специалистов» заняла круговую оборону. В актовом зале школы собрались те, кто не был в боевых расчетах или ожидал своей очереди для заступления на боевые посты.

Сознание Сергея не могло уместить происходящие вокруг события: сотни тысяч митингующих бакинцев на улицах города, для которых он и его друзья вдруг разом стали врагами! Разрушенная городская инфраструктура, остановившиеся предприятия, обесточенные городские улицы и жилые дома. Массовые мародерства и непрекращающиеся убийства на межнациональной почве. Откуда взялся весь этот хаос? Кто его враг? Против кого он должен применить боевой потенциал «универсального солдата», которым столь успешно овладел после окончания пограничного училища?

Сергея вдруг охватили сонливость и тупая апатия, которые случаются после похорон очень близкого человека, вслед за тем, как схлынут первые сильные эмоции. Только на этот раз он хоронил свою Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

Утром к осажденной школе пробилась группа из здания бакинского КГБ и передала приказ: сформировать из состава прибывших оперов и «спецназеров» небольшой оперативно-боевой отряд для заброски в Нахичевань — национальный анклав Азербайджанской ССР, зажатый между Ираном и Арменией на юге республики. Там экскаваторами Народный фронт снес пятьдесят километров советско-иранской границы.

Широнин решил лететь в Нахичевань лично и определил, что в состав сводного отряда должны войти четыре человека из группы «А», шесть человек, включая Сергея, из «Вымпела», один взвод «краповых беретов» из ОМ-СДОНа во главе с Лысюком и пять оперов из Московского управления КГБ. Погрузившись в два «камаза» сводная группа двинулась в аэропорт.

В районе одной из пригородных площадей Баку «камазы» со спецназом остановила толпа митингующих. Каким-то невообразимым образом людская река мгновенно обтекла машины с закрытыми, скрывающими

бойцов тентами и принялась раскачивать тяжелую технику, как маленькие игрушечные автомобильчики.

Сергей выглянул в небольшую дырку в брезенте наружу. Повсюду, насколько хватало глаз, были людские головы и поднятые над ними сжатые в кулаки руки. Сергей обернулся и посмотрел на своих товарищей. Одетые в полное боевое снаряжение — бронежилеты, тяжелые немецкие каски фирмы TIG с пуленепробиваемыми забралами, похожие на космонавтов перед высадкой на Луну, — офицеры внешне были спокойны.

В какой-то момент майор Мирошниченко, командовавший бойцами из Группы «А», выглянул из-под тента на улицу и невозмутимым голосом обратился к раскачивающей «камаз» толпе:

— Мужики, у вас старший есть?

Придя в замешательство от такой реакции, толпа оставила машину в покое. Нашелся, как ни странно, и старший.

— Почему колонну не пропускаем, уважаемый? — обратился к «старшему» Мирошниченко.

— Народный фронт распорядился русские войска в город не пропускать! — честно ответил бородатый, растрепанный от раскачивания машины азербайджанец.

— Так мы ж из города уехать хотим! — как ни в чем не бывало, ответил Мирошниченко.

«Старший» задумался и дал команду пропустить машины. Сергей с восторгом посмотрел на майора. Откровенно говоря, он уже приготовился подороже продать свою жизнь, а тут, оказывается, все можно разрешить с помощью вовремя заданного, абсолютно невинного вопроса.

Через час «ашники», «вымпела» и «витязи» уже грузились в вертолеты. На этот раз в отличие от Афгана вертолеты шли на значительной высоте. Небо было чистым, и кругом, от горизонта до горизонта, простирались заснеженные горные хребты. Вспомнился фильм Данелии «Мимино». Грустная советская сказка, которой уже не иметь счастливого конца. Через три с половиной часа группа приземлилась в аэропорту далекого горного анклава.

В Нахичевани сводную группу спецназа разместили в пограничном отряде. По сравнению с Баку здесь было по-настоящему холодно. По ночам морозы доходили до 20 градусов. По поручению Широина Сергей сел за изучение документов Особого отдела. Уже к концу первого дня работы с донесениями было ясно, что снос государственной границы был спровоцирован в первую очередь нерешительностью и беспомощностью московского командования.

Первые доклады о провокациях стали поступать от старших пограннарядов, которых стали оскорблять вдруг сплотившиеся в хулиганские банды местные подростки. Реакция Москвы — ни в коем случае не поддаваться на провокации.

Через неделю оскорбления сменились закидыванием нарядов камнями. Реакция та же — «не поддаваться на провокации». И даже когда сразу несколько нарядов избили, предварительно разоружив, уже взрослые бандиты, Москва не разрешила пограничникам воспользоваться их правом на применение силы. Спустя пару дней по границе пошли бульдозеры.

Через день после прибытия сводной группы в Нахичевань на доклад к Широнину прибыл начальник городского отдела КГБ из Ильичевска — самого удаленного от Нахичевани крупного населенного пункта на границе с Арменией. Видя, как напуган и деморализован приехавший майор, генерал попросил Сергея выехать вместе с ним в Ильичевск и по возвращении доложить обстановку. Для поддержки «московского проверяющего» местное ГАИ выделило автомобиль сопровождения.

На полпути до Ильичевска у машины пробило колесо. Несмотря на наличие запаски, капитан и не подумал доставать домкрат. Остановив первую попавшуюся «Волгу», он бросил пару фраз на своем языке остановившемуся водителю. Тот подобострастно улыбнулся, побежал за своей запаской и начал снимать колесо на машине ГАИ.

— Что это он делает? — с недоумением поинтересовался у гаишника Сергей.

— Человек хороший попался. Очень захотел нам помочь, — не моргнув глазом объяснил свой рэкет гаишник. — Сейчас закончим ремонт и заедем ко мне домой пообедать.

Дом гаишника показался Сергею настоящим дворцом. На столе стояли разные сорта сыров, специально к их приходу был зарезан и зажарен на углях молодой барашек. Пообедав, Сергей и его сопровождающие пошли посмотреть «маленькое» подсобное хозяйство гаишника.

Огромное поле за домом было сплошь застроено теплицами с растущими в них гвоздиками. Рядом с теплицами в аккуратные стога были сложены уже завядшие цветы.

— Ты, дорогой, там, в Москве, объясни, что ничего не делать сейчас нельзя, — занудно, словно оплакивая пропавший урожай гвоздик, говорил гаишник Сергею. — Решите, что армяне виноваты, накажите армян. Решите, что мы виноваты, накажите нас. Но нельзя вам в Москве ничего не делать и просто смотреть, как мы убиваем друг друга.

Сергей с удивлением отметил, что здесь и сейчас на середине трассы Нахичевань — Ильичевск он для людей — единственное олицетворение всемогущей федеральной власти, к которой местные «ходоки» уже потянулись со своими челобитными.

Переночевав в Ильичевске, начальник горотдела предложил Сергею проехать по горным аулам, расположенным на территории его оперативного обслуживания. Высоко в горах, на позиции артиллерийского орудия, применяемого обычно для расстрела горных лавин, майор попросил Сергея пригнуться и не выглядывать так часто из отрытого окопа. «С той

стороны ущелья — армянская территория, нас постоянно обстреливают снайпера. Вчера убили парня из села, который носил сюда еду», — объяснил он Сергею такую повышенную бдительность.

— Кто организует отпор боевикам с вашей стороны? — поинтересовался Сергей.

— Народный фронт Азербайджана, — решил не обманывать Сергея местный кагэбэшник.

— А местная власть что делает? Вы, например, агентства горотдела?

— Мы им помогаем, чем можем. Других лидеров, кроме Народно-го фронта, способных хоть как-то защищать интересы людей, у нас не осталось.

«Интересное дело, — подумал Сергей. — У нас задача выявлять и задерживать лидеров Народного фронта, а тут на них целый горотдел работает». Он все больше убеждался, что Народный фронт — не самая плохая форма самоорганизации населения, способная хоть что-то делать для местных жителей и как минимум принимать решения в экстремальной ситуации, когда власть оказалась скована страхом и безволием.

Самые неприятные испытания для Сергея начальник горотдела приготовил на сельских сходах. Когда в крупном горном селении сотни причитающих женщин в черных одеждах окружили их служебный «уазик», на него снова повеяло словами Бека.

— Сейчас товарищ из Москвы расскажет вам, что сейчас происходит в Баку и с какой целью туда были введены советские войска! — громко представил Сергея местный оперативный начальник.

«Товарищ из Москвы» вылез на капот «уазика» и, понимая, что выхода у него нет, начал экспромтом пламенную речь:

— Товарищи! Я недавно прилетел в вашу республику и хорошо вижу, в какой сложной ситуации вы оказались, — он понимал, что аргументов у него маловато и надо вылезать на харизме. — Именно поэтому я не буду давать никаких оценок. Вместе с вашими товарищами мы только что вернулись с азербайджанских постов, находящихся на границе с Арменией. Я увидел профессиональных солдат, которые в любой момент дадут вооруженный отпор бандам наемников, спровоцировавших события последних дней! Обещаю быть вашими ушами и глазами и доложить в Москве о вашей беде и обо всем, что здесь увидел!

Сергей слез с «уазика», понимая, что нес абсолютно пустые слова, не имевшие ничего общего с проблемами и чаяниями окружавших его людей. «Почему бездействует Москва? Неужели я сейчас и есть тот самый «золотой патрон», который остался в обойме Политбюро для этого отдельно взятого горного аула? Куда испарилась еще вчера казавшаяся вечной и всеильной советская власть? Куда пропала пресловутая партийная номенклатура, так гордившаяся и пыжившаяся от расправившего ее партийного величия?»

У него складывалось впечатление, что какой-то невидимый раствор, сцеплявший до сих пор все кирпичи в могучей конструкции СССР, в один момент превратился в бесполезную труху и обломки империи, в никому не нужный исторический хлам, посыпались прямо на голову ему и его согражданам.

Чувствуя себя героем фильма «Начальник Чукотки», Сергей вместе с начальником Ильичевского горотдела переезжал из одного горного аула в другой, работая «все знающим товарищем из Москвы».

Оценив «подвижничество» Сергея, пожилой майор, прокомментировал сложившуюся в республике обстановку:

— Если Москва промедлит еще чуть-чуть, люди перестанут верить, что ими должны управлять из Кремля. Власть — это не когда тебя назначили. Власть — это когда подчиненные видят в тебе волю, более сильную, чем их собственная, и хотят тебе подчиняться!

Вернувшись в Нахичевань, Сергей обо всем доложил Широину. Генерал лучше других понимал, что Москва все пустила на самотек. Решительные действия некоторых самостоятельных руководителей на какое-то время исправляли ситуацию, но умиравшая на глазах, обезволенная система не поддерживала даже тех, кто еще мог ее спасти.

На какое-то время ситуацию в Нахичевани исправил полковник с обнадеживающей фамилией Жуков. Прибыв на должность Нахичеванского погранотряда, он собрал всех старейшин, всех лидеров Народного фронта, все остатки местного исполнительного аппарата и предупредил, что в пределах пограничного района он будет в полной мере исполнять полномочия советской власти и обеспечивать пограничный режим.

На следующий день на реке Аракс был запланирован многотысячный молебен с участием большого числа иранцев. Получив от иранских пограничных представителей подтверждение, что местная полиция не разрешит своим гражданам входить в воды Аракса со своей стороны, Жуков довел до «революционной общественности» свое решение:

— Крайняя точка совершения молебна — обрез воды. Шаг в воду — нарушение границы и расстрел на месте! — полковник свирепо посмотрел в сторону лидеров митингующих, и все поняли, что этот свое слово сдержит.

Утром с обоих берегов реки на молебен собралось около пяти тысяч человек. За ночь вдоль береговой линии Аракса «Альфа», «Вымпел» и «Витязь» при поддержке пограничников оборудовали небольшой укрепленный сектор огня, перекрывающим обозначенные Жуковым подходы к воде. Напуганные обещанием полковника, верующие и митингующие в воду не вошли.

Лежа за пулеметом, Сергей с трудом представлял, как он сможет открыть огонь по безоружным людям, среди которых было много женщин, детей и стариков. С противоположной стороны митинг-молебен

контролировали два жандарма с длинными, еще дореволюционными ружьями времен царя Гороха. Когда установленное время истекло, вяло подталкивая людей в спину прикладами, жандармы за пять минут расчистили побережье Аракса с иранской стороны. «Офигеть! — подумал Сергей. — Два жандарма и вся элита советского спецназа решают одну и ту же полицейскую задачу».

Еще два месяца «Группа А» и «Вымпел» гонялись за лидерами местного Народного фронта. Миссия эта была абсолютно бессмысленной, так как люди эти ни от кого не прятались, жили бедно и очень часто были единственными кормильцами своих многочисленных семейств.

Во время одного из первых «захватов», думая, что им как минимум окажут вооруженное сопротивление, сводная группа из «Альфы» и «Вымпела» взяла штурмом дом на окраине Нахичевани. Когда рассеялся дым от светозвуковой гранаты, в доме оказалось шесть контуженных детей, один из них орал, сидя на металлическом советском горшке, знакомом Сергею еще с его детсадовских времен, две выжившие из ума старухи и молодая пара подсобных рабочих с местного коньячного завода, пытающаяся хоть как-то прокормить эту прозябающую в нищете ораву. Примерно также выглядели и все остальные «лидеры» Народного фронта Азербайджана, регулярно захватываемые офицерами сводного отряда.

Иногда у Сергея складывалось впечатление, что все их задания «особой важности» специально придумывались даже не для отписки — отписываться было не перед кем, а просто так, чтобы хоть как-то «развлечь» спецназовцев, просиживающих штаны в казарме пограничного отряда. Таким регулярным развлечением, например, стала гонка за неуловимым офицером иранской разведки, якобы создающим при помощи ЦРУ подпольные сети Народного фронта Азербайджана в Нахичевани.

«На работу» офицеры сводной группы ходили в местное министерство КГБ. Заброшенное, безлюдное здание вызывало у Сергея ассоциации с советским кино про войну, показывающее те моменты, когда наши войска из города уже ушли, а немецкие еще не появились.

Телефоны молчали, хотя в некоторых из них иногда раздавалось что-то похожее на слабые гудки. Бросив на стол бронежилеты, спецназовцы пытались подремать перед очередным никому не нужным штурмом. Сергей Климов от нечего делать набирал по умершему телефону свой домашний номер. Через пару часов этого бессмысленного занятия он вдруг так громко заорал в трубку, что все подскочили, как ошпаренные.

— Лера! Лера! Мы здесь в Нахичевани! — Кричал Сергей, не верящий, что слышит голос жены. — У нас все хорошо, все живы!

Узнав, что рядом с мужем находятся еще несколько офицеров с Карбышева, 5, Лера отправила сына, чтобы он обежал их квартиры и позвал жен к телефону. Первой прибежала Марина. Связь была на удивление

отличной. Сергей слушал мягкий, немного взволнованный голос жены и чувствовал себя «отроком во вселенной» из известного космического блокбастера, когда Смоктуновский с помощью портсигара соединил команду советского звездолета с нереально далекой Землей. Связь прервалась также неожиданно, как и появилась. Сидеть за набором еще пару часов больше никто не стал. Чудеса обычно не повторяются.

Снова потекли бесконечные дни в казарме погранотряда. Полдня офицеры занимали себя спортивными тренировками. Благо на территории были и спортивные залы, и даже груши для бокса. Вторая половина дня заполнялась чтением.

Из всех удаленных сел Сергей привозил дешево изданные произведения советских и зарубежных авторов, считавшиеся на Большой земле редчайшим дефицитом. «Мастер и Маргарита», «Дни Турбиных», «Белая гвардия», «Бег» — тогда Сергей открыл для себя именно Булгакова. Как понимал он теперь Лариосика и его друзей — белых офицеров! «Господи! Ничего не меняется», — думал Сергей, чувствуя, что его снова начинает сводить с ума полная бессмысленность того, чем они занимались в маленьком горном анклав.

Единственным воинским подразделением, где все были счастливы и не задумывались о смысле бытия, был взвод ОМСДОНа под командованием первого командира учебной роты специального назначения «Витязя» (УРСН) Сергея Лысюка.

Капитан Лысюк был фанатом своего дела, каких чаще всего гнобили зашоренные замполиты и паркетные карьеристы. В последний раз Лысюку досталось за придуманные им «краповые береты»: даже чуть не исключили из партии «за попытку внедрения в советские вооруженные силы чуждых буржуазных традиций».

Пользуясь статусом учебной роты, Лысюк набирал в свое подразделение только профессиональных спортсменов, в основном боксеров и борцов, от кандидатов в мастера спорта и выше. С теми, кто через неделю тренировок не мог сделать сальто в бронежилете, Лысюк безжалостно расставался. Чтобы получить «краповый берет», боец должен был после долгих тренировок пробежать на отлично пятикилометровую полосу препятствий в полном боевом снаряжении и выдержать тридцатиминутную схватку в рукопашном бою. Каждые пять минут в этом получасовом поединке против обессиленного бойца выступали свеженькие инструктора рукопашного боя. Задача воина была в том, чтобы просто удержаться на ногах. Иногда, сдававшие на «краповый берет» солдаты лицом ничем не отличались от бесформенного куска мяса.

Потерять статус «крапового берета» было проще простого. Так, в Нахичевани уже в третий раз лишился этого почетного звания боец по кличке Челентано — Лысюк застал его на тумбочке дневального, качающего бицепсы десятикилограммовой гантелью. Это было грубейшим нарушением:

максимум, что позволяет дневальному Устав внутренней службы — это ослабить ногу по команде «вольно».

У «Альфы», «Вымпела» и «Витязя» сразу сложилось рабочее взаимопонимание. «Вымпелам», как наиболее опытным боевым ищейкам, доверяли разведку, сбор информации и оценку обстановки в районе предстоящих действий. «Альфа» формировала костяк ударной группы, особенно если где-то требовалась ювелирная силовая работа. Наличие «краповых беретов» Лысюка означало, что нет такой силы, которая прорвет прикрываемые ими тыл, фланги или оцепление атакуемого объекта.

Комнаты офицеров располагались по соседству, и они часто ходили друг к другу в гости. Удивляясь, как быстро прибывшие в учебно-спортивную роту солдаты садились на поперечный шпагат, Сергей спросил забежавшего к ним с мороза Лысюка:

— Сергей Иванович, а это трудно посадить на шпагат новичка?

— Нет, очень даже легко, — без разминки сел на поперечный шпагат одетый в ватный зимний комплект Лысюк, — только о-о-очень больно!

— А сколько часов в день твои бойцы занимаются рукопашкой? — не отступал от капитана Сергей, тоже только что получивший капитанское звание.

— Час утром — раз. Два часа до обеда — два. Два часа после обеда — три. Вечером у солдата должно быть свободное время. Кто идет в зал рукопашного боя — молодец. Для тех, кто не идет — строевая подготовка, — раскрыл секреты профессионального мастерства изобретатель «краповых беретов».

Иногда вместе с местными операми Сергей ездил в аэропорт, чтобы встретить или проводить очередного офицера связи из Баку. Осажденный анклав мог общаться с Большой землей только по воздуху. Каждый гражданский борт, прилетавший в Нахичевань, местные коммерсанты рвали буквально на куски. Заполнение самолета происходило методом штурма: участковый милиционер отодвигал железный заборчик, и, словно бегуны на короткую дистанцию, мужики с коробками цветов бросались к прилетевшей из Баку «ТУшке».

Когда самые удачные «штурмовики» рассаживались внутри салона с убранными для большей вместительности креслами, из командирской кабины с мрачным видом выходил второй пилот и суровым голосом сообщал:

— Перегруз. Решайте сами, кто должен покинуть судно.

После ухода летчика по кругу пускалась шапка. Когда шапка набивалась доверху бумажными купюрами, представитель «салонной общестственности» стучался в кабину к пилотам и договаривался, чтобы «таможня дала добро».

В довершение к увиденному в салоне Сергей стал свидетелем, как можно тормозить уже разгоняющийся для взлета самолет, словно проходящую

мимо попутку. Когда «ТУшка» вышла с рулежки на взлетную полосу, из-за ограждения аэропорта к самолету прорвалась черная «волга». Двигаясь параллельно разгоняющемуся для взлета самолету, из машины высунулся пассажир и принялся размахивать веером из пачек советских червонцев. Самолет прекратил взлет, в салон затолкали содержимое багажника «волги», и только после этого взлет был продолжен.

Менять засидевшуюся в Нахичевани сводную группу спецназа прилетела «Альфа». Среди выходивших из самолета офицеров Сергей увидел богатырскую фигуру Слона.

— Вот и свиделись! — успели обняться офицеры, не общавшиеся друг с другом с момента окончания училища.

Следующий раз Сергей увидел Слона совсем скоро — на похоронах лейтенанта Шацкого, убитого во время штурма Группой «А» Вильнюсского телецентра. На Пехотной улице возле морга военного госпиталя под накрапывающим дождем Сергей ждал, когда начнется церемония прощания. Впервые он видел бойцов «Альфы» такими поникшими и помятыми. Руки Слона были в бинтах, как и многие его товарищи, он прихрамывал.

— Пока пробивались через толпу вокруг телецентра, нас постоянно тыкали ножами и заточками, — Слон объяснил Сергею происхождение многочисленных легких ранений. — Потом вот замыкающего лейтенанта из АКС в спину завалили. Жалко парня. Ты ведь Шацкого помнишь? Он у нас тактику преподавал. Это его сын.

Сергей хорошо помнил полковника Шацкого — высокого широкоплечего полковника с открытым славянским лицом и пшеничными волосами. Шацкий напоминал Сергею актера Александра Михайлова — такой широкий, добрый и абсолютно без двойного дна был этот человек.

На похоронах сына Шацкий не проронил ни одной слезинки. Как внимательный и заботливый администратор, он отдавал распоряжения могильщикам и предоставлял слово желающим произнести речь. После завершения церемонии над еще не засыпанной могилой они обнялись с Карпухиным, с которым были большими друзьями еще с далеких курсантских времен. Два полковника долго стояли молча над свежей могилой, такие же серые, как промокшая от дождя земля.

Сергей знал, что Карпухин, словно чувствуя что-то, не хотел брать сына лучшего друга к себе в группу, но у него не было никаких аргументов отказать высокому, такому же сильному и выносливому, как отец, курсанту-пограничнику. Тем более что тот вырос у него практически на руках.

Уже на следующий день с экранов телевизоров люди, называвшие себя политиками, начали с пеной у рта доказывать, что «Альфа» специально выстрелила в спину собственному офицеру, чтобы повязать всех кровью и подтолкнуть бойцов к кровопролитию. Сергей почувствовал, что в созданном политическом вакууме на государственную арену приходит неведомое ему племя людей абсолютно беспринципных, лживых и жестоких.

Господин инспектор

Не успел Сергей вернуться из Нахичевани и отчитаться за командировку, как его в коридоре штаба перехватил кадровик, курировавший их отдел:

— Ты в курсе, что тебе пора подтверждать оба языка? Завтра последний день принимают письменный по испанскому.

Прибавка двадцати процентов к окладу была в бюджете Туевых далеко не лишней. Утром, схватив под мышку словари и справочники по грамматике, Сергей отправился в Вышку. Письменный текст оказался достаточно сложным, но ни в какое сравнение с теми переводами латиноамериканской периодики, которые каждый день заставлял их делать в КИ легендарный Александр Иванович, он не шел. Выйдя из лектория, Сергей случайно столкнулся с Виноградовой — старшим преподавателем кафедры испанского, так великодушно принявшей у него экзамен в день, когда надо было забирать Марину из роддома.

— А, Сергей! Вы совсем про нас забыли.

— Да нет, я не забыл. Просто последний раз я пересдавал испанский в КИ. Вот и пропустил ваши экзамены.

— Ну тогда, может, сразу и зайдете — что время терять?

Сергей в нерешительности замолчал. Вот так сразу без подготовки идти еще и на устный?

— Ну, не робейте! Я же помню, вы прилично говорили по-испански, — подтолкнула Сергея к принятию решения Виноградова.

Зайдя в аудиторию, куда уже зашли последние экзаменуемые в этот день офицеры, Сергей вытянул билет. «Надо же, — подумал он, — вместо разговорного топики аналитическая статья из El Pais про экономику Мексики».

— Простите, — по-испански обратился к комиссии Сергей, — тут не может быть ошибки? У меня вместо топики статья про Карлоса Салиноса де Гортари. Довольно старая. Ей же лет десять, не меньше. Де Гортари уже два срока побывал президентом, а здесь его «подающим надежды экономистом» называют.

Придя в замешательство от его слов, преподаватели с любопытством посмотрели на приведенного Виноградовой слушателя.

— Простите, Сергей! А кто и где учил вас после нас? — несколько ревниво поинтересовалась старший преподаватель.

— Александр Иванович в КИ.

— Давайте вашу зачетку. Отлично. Можете к нам больше не приходите. После Александра Ивановича мы вам уже не нужны.

В отделе Сергея ждало еще одно известие. Подошла его очередь лететь в Европу в составе инспекционной группы Национального центра по уменьшению ядерной опасности. Это было неплохо — хотя бы с точки

зрения семейного бюджета. Семья Туевых, как когда-то родители Сергея в Вернойхене, держалась в основном на офицерском пайке. Не на десантном со сгущенкой и сосисочным фаршем, а на обычном офицерском пайке, включавшем в себя полный набор продуктов на семью: мясо, рыбу, крупы, макароны и т.п. В магазинах приобрести то же самое можно было только на талоны. Продмаги штурмовали огромные очереди, и молодой женщине с ребенком на руках стоять в них было непросто.

Особую роль в жизни каждой офицерской семьи играли талоны на водку. Строители, электрики, грузчики и прочие полезные специалисты гораздо охотнее брали за свою работу пол-литра, чем ненадежные деньги, которые надо было еще где-то отоварить. Во время длительных командировок мужа Марина стойчески отстаивала очереди за «жидкой валютой» вместе с хорошо подвыпившими мужиками.

Подготовка Сергея к первой заграничной командировке в капстрану проходила на фоне резко обострившейся внутренней обстановки. Расколота непримиримым соперничеством Ельцина и Горбачева, Коммунистическая партия СССР проводила свой XXVIII съезд. Решался вопрос об отмене 6-й статьи Конституции — «О руководящей и направляющей роли партии».

На всякий случай руководство страны перебросило боевые отделы «Вымпела» в арсеналы Кремля. Обедая в кремлевских буфетах, Сергей почувствовал, что здесь коммунизм уже давно наступил. Буквально за копейки здесь можно было заказать блюда из свежайших колхозных продуктов, которые даже в лучшие времена можно было найти только в дорогих московских ресторанах или приготовить самому, побегав с неделю по магазинам.

В Кремле как-то сами собой в голову лезли мысли о роли и месте «Вымпела» в новейшей российской истории и лично его, Сергея Туева, роли в новых исторических обстоятельствах.

Судя по всему, жандармских функций у «Вымпелов» вскоре только прибавится. А Сергей никак не мог разрешить для себя простейшую дилемму: что делать, окажись он вдруг с оружием перед возбужденной толпой пенсioenеров, таких же брошенных правительством и обиженных на все и вся, как его мать и все чаще прикладывавшийся к рюмочке отец.

В те годы, что Сергей учился в пограничном училище, мама, мотавшаяся с отцом по отдаленным гарнизонам Заполярья и оттого не имевшая достаточно-го трудового стажа, решила заработать себе максимальную пенсию. Для этого она устроилась на военный завод и семь лет отработала в цеху по сборке артиллерийских боеприпасов. За вредность она действительно получила максимальную советскую пенсию, которую тут же отменили в новых экономических обстоятельствах, оставив ей минимальную пенсию по возрасту. Что после этого Анна думала про «разваливавших страну» политиков, можно было не гадать.

Отец очень сильно переживал провал Советской армии в Афганистане. Когда Сергей, вернувшись из Афгана, приехал обмывать с родителями свою первую боевую медаль, сын и отец крепко сцепились.

— Надо было доводить дело до конца! — лютовал отец, еще час до этого разговора не имевший понятия о том, что сын уже побывал в этой горячей точке.

— Зачем?! — орал в ответ захмелевший от отцовского «первача» Сергей. — Мы там никому не нужны! Ради чего класть под пулями тысячи наших пацанов? Какие там у нас могут быть «государственные интересы»? Что на нас — фашисты напали?!

— Угмонитесь, петухи, — успокаивала спорщиков растревоженная известием сына и одновременно успокоившаяся Анна. — Хорошо хоть живым вернулся!

С продуктами становилось все хуже и хуже. Особые проблемы доставляло детское питание, на поиски которого очень часто уходило все свободное время Туевых. Большею частью в магазинах стояли старики и старушки пенсионного возраста. Рассматривая легко впадавших в агрессию и истерику пенсионеров, хваливших Ельцина и ругавших КПСС, Сергей не мог не сочувствовать доведенным до отчаяния людям. Но его не покидала грустная мысль: сейчас на их требования власть худо-бедно реагирует, а вот дождись они своего, ельцинского «капитализма», на заборах напишут «частная собственность» и новые полицейские будут без малейшего сочувствия охаживать их старческие спины дубинками за нарушение спокойствия новых хозяев страны.

Василий Полищук, постоянно бурчавший себе под нос про неправильный характер новых задач «Вымпела», вдруг не выдержал и поделился размышлениями с Сергеем:

— Как им только не стыдно сидеть в Кремле! Это вообще полный анахронизм — государственная власть, расположенная на территории действующей крепости! Они там хоть понимают, насколько это символично?

Сергею такая мысль в голову раньше не приходила.

— А что тогда с Кремлем делать?

— Да что угодно! Сделать культурно-историческим центром, понастроить здесь магазины, музеи, выставки, пешеходные променады, открыть концертные площадки! Что обычно делают со средневековыми замками в Европе? Я в Чехии служил — видел, как это здорово!

— А символический смысл? — не унимался Сергей.

— Смысл чего? Того, что они боятся собственного народа и прячутся за стенами Кремля?

Разговор офицеров прервал стремительно ворвавшийся в арсенал Кремля полковник Ревский:

— Туев, давай отойдем, разговор есть!

Уведя Сергея в самый дальний угол спортзала, полковник начал взволнованно шептать:

— Ситуация выходит из-под контроля. Поправка об отмене руководящей роли партии принята большинством голосов. Митингующие ликуют, нельзя исключать, что они прорвутся на Красную площадь.

— А с площади они куда денутся? Не штурмовать же им кремлевскую стену!

— Мавзолей, Туев, Мавзолей! Тебе выпала особая честь — в случае ЧП твоя группа отвечает за эвакуацию тела вождя. Срочно садись думать над планом эвакуации. И никому ни слова!

Когда Ревский убежал, Сергей решил все же посоветоваться с Василием.

— Час от часу не легче! — Расхохотался майор. — Напиши ты ему какую-нибудь хрень для отписки. Он же замполит. Бегает тут и заводит всех, кто ему под руку попадет. А то без нас «девятка» и Кремлевский полк не знают, что делать!

Как только Сергей закончил сочинять тезисы про эвакуацию тела Ленина из «восставшей Москвы», поступила команда «отбой», и отдел вернулся в распоряжение части.

К моменту возвращения Сергея из КИ, «Вымпел» переехал с Горьковского шоссе в другой район Балашихи. Для спецназа отгрохали новый объект с несколькими многоэтажными корпусами, огромными спортивными залами, просторным тиром и несколькими бассейнами. Но самым «вымпелам» после тихой незаметной дачи возле остановки ДорНИИ новый дом не понравился: огромное количество строительных недоделок, постоянно шел какой-то ремонт, но главное — им не нужен был огромный, простаивающий комплекс, с зарытыми здесь миллиардами обесцененных народных рублей.

За пять лет, которые Туев служил в «Вымпеле», численность сотрудников оперативно-боевых отделов увеличилась всего на несколько десятков человек. К исторически сложившимся четырем отделам, одним из которых был штаб, добавили отдел специалистов узкого профиля. В него вошли отделения боевых пловцов, специалистов легкомоторной авиации, обученных летать на дельтапланах, горных стрелков и парашютистов. В отдельное подразделение был выведен и оперативный отдел.

Незначительное увеличение боевого потенциала «Вымпела» повлекло за собой создание огромных дополнительных штатов, связанных с обслуживанием не самих разведчиков, а ненужной в таком количестве инфраструктуры. Очереди в столовой, очереди на складах, очереди на занятия в бассейн постепенно становились нормой. Если раньше все вертелось вокруг боевых отделов, то теперь отделы, реже всех бывающие в части, ходили за всеми с протянутой рукой. Переродившись, система все больше обслуживала себя и все меньше думала о своем предназначении и тех, кто стоял на передней линии огня. На неполную сотню разведчиков специального назначения приходилось около полутора тысяч

человек обслуживающего персонала, очень быстро ставших отождествлять себя с самым главным человеческим ресурсом «Вымпела».

Оказавшись загнанными в небольшую, стоявшую на отшибе объекта четырехэтажную казарму, отдельные не раз недоумевали: кто и зачем затеял эту великую перестройку?

— А ты посмотри, какой вокруг объекта начал расти дачный поселок, — сухо сказал Бек. — И сразу поймешь, кому и зачем все это надо.

Наконец Сергея вызвали в «лес» — в штаб-квартиру внешней разведки СССР в Ясенево, где его ждал инструктаж, предварявший первую командировку в Западную Европу. Кураторы поездки объяснили, что он будет работать в составе делегации, контролирующей уничтожение мобильных пусковых установок для американских ракет средней дальности «Першинг». Место проведения работ — Центр по ремонту и техническому обслуживанию (ЦРТО) «Хаузен». Проживание — в офицерской гостинице на центральной военно-воздушной базе НАТО в Европе Rein-Mine Arial Port. Главная задача — визуальная разведка американских военных и военно-промышленных объектов. Фокус разведки — на усмотрение разведчика.

— Не забудьте зайти к контрразведчикам, — закончил свое напутствие куратор направления, — пусть вас познакомят с ответственным в делегации по их линии.

Офицеры контрразведки долго и подробно рассказывали Сергею, кто из американских офицеров и сержантов на какую спецслужбу работает. Получалось так, что, кроме технического состава, непосредственно распиливающего пусковые установки болгарками, все остальные были кадровыми разведчиками.

— Не обращайтесь внимания — у нас в делегации почти все такие же. И поменьше общайтесь с американцами. Впрочем, для вас прямого запрета на общение нет. Вы сами определяете характер и интенсивность контактов. Только имейте в виду, на каждого нового члена делегации они набрасываются, как пираньи. С вами захотят поговорить десятки человек на самые разные темы. Могут даже провести «вербовку в лоб». Не для того, чтобы завербовать, а чтобы посмотреть на реакцию. В действительности они будут отрабатывать типовой опросник для лица, впервые попавшего в поле зрения спецслужб. Через неделю все введут в компьютер, и он даст на вас развернутую личностную характеристику.

— Засветка на сто процентов?

— Ну в общем, да. Хотя вам-то какая разница? Если что, вы к ним на парашюте прилетите, а не с дипмиссией. А работать советником где-нибудь в Никарагуа или Анголе вы сможете спокойно и так.

Сергей, так и не дождавшись, когда ему представят офицера по контрразведке, сам спросил, кто будет его напарником по безопасности в этой командировке.

— Какой еще заместитель по контрразведке? Вы же им и будете. Летите-то всего на семь дней. Где мы столько контрразведчиков наберем?

В самолете Сергей внимательно рассмотрел своих коллег инспекторов. Среди них были специалисты со всей России. Вот так сразу определить, кто из них сотрудник КГБ или ГРУ, было непросто. Впрочем, меньше знаешь — крепче спишь. Сергей подумал, что лучше он подумает над этим ребусом применительно к американским спецслужбам.

Летели инспектора бортом военно-транспортной авиации. Обычной «тушкой». Необычным было то, что на борту самолета никого, кроме десяти членов делегации, не было. Договорившись с руководителем группы о том, чтобы его представляли референтом МИДа, стажирующимся в НЦУЯО, Сергей принялся рассматривать свой новенький дипломатический паспорт. Пронеслась мысль: он таки стал военным дипломатом!

Во Франкфурт самолет прибыл с задержкой. Встречающий инспекторов автобус с морскими пехотинцами подъехал прямо к трапу самолета. Уже через десять минут вместе с другими членами делегации Сергей был в гостинице. Его предупредили, что все время проведения инспекции с ними неразлучно будут ходить американские морпехи из военной полиции. Даже в туалет — до дверей кабинок. Исключение составляли только номера, да и те оборудованы прослушкой.

— Товарищи, мы выбились из графика, поэтому времени для принятия душа и отдыха у нас нет. Просьба через десять минут собраться вниз, — объявил руководивший делегацией советский полковник.

«Как это нет времени, если есть целых десять минут!» — подумал Сергей, уже нагишом заскакивая в ванную комнату комфортабельного одноместного номера. Потянувшись к кранам, он с изумлением обнаружил, что их нет. Вместо кранов в стене одиноко торчал странный рычаг, покрутив который вправо-влево, Сергей не получил никакого нужного эффекта. Время, которое он отвел себе на душ, подходило к концу. Как добыть воду в этом фешенебельном отеле, Сергей все еще не разобрался.

«Когда решения нет в традиционной системе координат, надо постараться перейти в другую плоскость», — улыбнулся он и потянул странный рычаг на себя. На затылок ему тут же рухнул поток ледяной воды. Поманипулировав «джойстиком», он кое-как добился нужной температуры и напора воды. Гордый тем, что самостоятельно разобрался с первой головоломкой, устроенной для него «коварными американцами», Сергей вовремя спустился в холл к собирающимся офицерам и инженерам-ракетчикам.

Первый культурный шок ждал Сергея утром следующего дня за завтраком. Ужин и вино в офицерском ресторане накануне вечером тоже были неплохими, но на Кавказе Сергея принимали и лучше. Потрясла же Сергея рядовая офицерская столовая, открытая также для сержантов и членов семей военнослужащих, проживающих в гостинице.

Положив себе на тарелку хаш-браун, мало чем отличающийся от наших дранников, Сергей обратил внимание, как в столовую вошла молодая пара с младенцем на руках. Пока юный сержант американских ВВС брал на раздаче завтрак себе и своей жене, молодая мать выбрала на стене, уставленной баночками с детским питанием необходимую для младенца смесь. Тут же на раздаче, как на детской кухне, ей все смешали и подогрели до нужной температуры. Все. То, что у Сергея дома отнимало все свободное время, то короткое время, когда он не уезжал в очередную «горячую точку», у семьи американского сержанта заняло всего пару минут.

«Вот этому у них и вправду надо поучиться», — закралась в голову Сергею диссидентская мысль.

В ЦРТО «Хаузен» советских инспекторов провели в специально выделенный под уничтожение установок «Першинг» цех. За прозрачной плексигласовой стеной были оборудованы сидячие места и накрыты столы с кофе, чаем, печеньем и фруктами, откуда инспектора могли наблюдать, как на их глазах рабочие болгарками распиливали корпуса ракетных установок на оговоренные в технических регламентах части. После «расчленения» очередной установки делегация выходила в цех и подписывала акт об уничтожении боевой единицы техники.

Как и предупреждали Сергея контрразведчики, скучать ему не пришлось. С периодичностью пятнадцать минут к нему подсаживались самые разные люди, работающие либо в ЦРТ, либо в американском штабе, отвечающем за взаимодействие с советскими инспекционными группами. Кто-то из новых знакомых говорил о своих детях и спрашивал о семье Сергея. Кто-то делился впечатлениями об увиденном вчера фильме и спрашивал о вкусах молодого инспектора. Сергей ясно представлял, как пазл под названием «инспектор Туев» в руках невидимых им «сборщиков» превращается в читаемую картинку. Картинку его установочных и характеризующих данных.

Сосед Сергея по этажу, инженер-оборонщик из Перми, постоянно дремал, и чтобы хоть как-то привести себя в нормальное состояние, пил черный кофе.

— Что-то не так? Плохо спали? — проявил бдительность не по своей воле назначенный контрразведчиком Сергей.

— Совсем не спал, авария у меня, — сокрушенно признался инженер, — с унитазом проблемы. Вода не уходит. Стоит почти по самую крышку и не уходит. Я его за ночь два раза разобрать успел, но такое ощущение, что у унитаза конструкция такая!

Чтобы помочь попавшему в беду товарищу, Сергей позвал старшего переводчика группы из Минобороны. Тот, прежде чем объяснить, долго хохотал.

— Говорите унитаз не такой? Все верно, это нормальный американский унитаз, и вода в нем должна стоять до краев именно по его конструктивному устройству. Сколько раз за ночь, вы говорите, успели его разобрать?

Во время второго визита в Германию Сергею стало известно, что американцы обратились к руководителю делегации и попросили вместо привычной работы в ЦРТО «Хаузен» заехать на базу дивизиона «першингов» и подписать акт о ее закрытии. Сергей понял, что у него появилась уникальная возможность изнутри изучить совершенно секретный военный объект США, система защиты которого поможет понять принципиальную модель охраны и обороны подобных объектов. Эта задача была явно боевой. Понимая это, он тщательно подготовился к главной визуальной разведке в своей жизни.

Предупредив руководителя делегации, чтобы он не спешил с подписанием акта, Сергей проинструктировал своих негласных помощников среди других инспекторов. По протоколу осмотра подобных ракетных баз члены инспекционной группы имели право заглянуть в любое помещение инспектируемого объекта, которое может вместить хоть одну ступень «першинга».

Вместо полутора часов, как надеялись американцы, инспектора НЦУЯО задержались на объекте до позднего вечера. Сергей, изучая устройство базы, мысленно аплодировал американцам. Первым удивлением стали десятиметровые щиты, словно непреодолимый забор, закрывавшие территорию размещения пусковых установок со стороны леса. Было ясно, что они выполняют роль не просто забора, но и физической защиты от выстрелов из гранатометов, огнеметов и неуправляемых реактивных снарядов. Внутренняя часть базы, наоборот, просматривалась и простреливалась с бетонной вышки караульного помещения, расположенной в центре объекта, в любом направлении. Для Сергея это означало, что даже физическое проникновение на базу «першингов» с помощью парашютов или дельтапланов ничего не дало бы диверсионной группе, кроме скорого уничтожения в специально подготовленных для этого секторах обстрела.

Важно было запомнить все: и общие принципы организации рубежей безопасности, и самые малые датчики контроля территории, которые он видел впервые в своей жизни. Изучая устройство американской военной базы, Сергей вспомнил, как в конце второго курса погранучилища он сдавал казавшийся ему тогда не очень нужным зачет по инженерно-техническому обеспечению охраны границы.

Вытащив экзаменационный билет, Сергей прочитал абсолютно загадочную для него фразу: «Концентраторы и их использование в охране государственной границы». Спас Сергея перекинувший шпору товарищ. Концентраторами оказались сейсмические датчики движения, похожие на обычные металлические кольца с набалдашниками, позволявшие опытному оператору-акустику фиксировать любое самое осторожное движение человека, включая переползание по-пластунски. Глядя на торчащие вдоль американского периметра «грибы», Сергей был почти уверен, что это сейсмическая техника, аналогичная отечественной.

За день голова у него распухла от увиденных технических новинок, рубежей охраны и расшифрованных им принципов защиты ракетной базы.

— Давай напоследок заглянем вон в ту пулеметную башню над караульным помещением, — обратился он к инженеру-оборонщику из Перми. — Хочется увидеть всю картинку в собранном виде.

Услышав от пермяка про башню караульного помещения, главный сержант морской пехоты, в котором советская контрразведка уже давно опознала офицера ЦРУ, буквально взорвался от злости:

— Вы думаете, мы, перед тем как отлить эту башню из бетона, туда одну ступень от «Першинга» спрятали?

— Господин главный сержант, потрудитесь открыть караулку и проведите нас всех наверх к пулеметной точке. Конечно, если вы все еще хотите, чтобы мы подписали протокол о закрытии базы.

Сергею было отчасти жаль американцев. Это было похоже на сдачу столь нелюбимого им наряда по нижней мойке: никогда не знаешь, к чему прицепится сменяющая тебя команда дежурных.

На следующий день, едва самолет российских ВВС оторвался от натовской взлетной полосы, Сергей принялся набрасывать на бумаге очертания и детали технических средств, которые видел на базе. По прилету в «Вымпел» он вооружился акварельными красками и за ночь нарисовал целый альбом технических эскизов. Подробное описание модели защиты совершенно секретного американского объекта было готово.

Командир части был в восторге: «У нас нелегалы за двадцать лет работы не всегда такие карты нарисовать способны! Видишь, где твоя художественная школа нам пригодилась! Можешь сверлить дырку для правительственной награды!»

Со временем полеты в Германию превратились в рутину. Одна из таких командировок совпала с операцией «Буря в пустыне», проводимой американцами и их союзниками в Кувейте против армии Саддама Хусейна. Было заметно, что даже закрепленным за инспекторами морпехам было не до советской делегации.

В один из вечеров к столику, за которым сидел Сергей, подсел начальник ЦРТО «Хаузен» Ричард Мур. В этот день он выглядел особенно уставшим. Оказалось, что помимо службы Ричард отработал с отрядом бойскаутов, сформированным на американской военной базе из детей американских военнослужащих.

— В основном на базе служат летчики. Отцы моих скаутов ежедневно летают на войну. Именно поэтому мы решили чаще встречаться с детьми, — улыбаясь, объяснил Ричард свою усталость.

Незаметно разговорившись с Муром про воспитание мальчишек, Сергей вдруг поймал себя на мысли, что эта тема его увлекла.

— Тебе обязательно надо работать с детьми, — заметил в конце разговора пожилой американец. — У тебя к этому есть большие способности.

«Знали бы вы, господин Мур, на что я свои способности направляю», — улыбнулся про себя молодой советский разведчик.

Ричард не забыл про ночной разговор и притащил в ЦРТО целую охапку учебников бойскаутов США различных годов выпуска, начиная с самого первого, 1909 года издания.

— Вот посмотри, может быть, пригодится! — щедро расставаясь со своим богатством, передал он книги Сергею.

Пролистав учебники прямо в цеху ЦРТО, Сергей подумал, что при других обстоятельствах своей жизни он бы с удовольствием начал водить в походы мальчишек и девчонок, щедро делясь с ними мастерством разведчика «Вымпела». Эта мысль не покинула его и в следующие дни. Вернувшись домой, он рассказал обо всем Марине:

— Знаешь, я скоро буду работать с детьми. Очень захотелось открыть свой военно-патриотический клуб. Чувствую, что это мое. Пока только не знаю, с чего начать.

— Открывай, я тебе помогу, — улыбнулась Марина. — Скоро и наш подрастет.

Вскоре случай еще раз подтолкнул Сергея к педагогике. В военном училище МВКУДИВ, расположенном совсем близко от их с Мариной дома, балашихинское отделение «афганцев» проводило очередное перевыборное собрание. В основном делили бизнес и доходы от коммерческих предприятий, созданных «афганцами» после введения для них новых налоговых льгот.

Неожиданно слово попросила молодая женщина — вдова погибшего в Афганистане офицера. Выйдя к трибуне, она презрительно бросила в зал собравшимся:

— Противно на вас смотреть, мужики! Торгуетесь, как проворовавшийся кооператив. У нас, вдов, сыновья брошены. Мы с утра до вечера на работе. Кусок хлеба для них зарабатываем. В школах детьми совсем перестали заниматься — ни продленок, ни кружков. А у вас одни деньги на уме.

На следующий день Сергей разыскал офис Российского союза ветеранов Афганистана в Балашихе:

— Мужики! Я тут на вашем собрании вдову послушал — правильно она говорит. С детьми надо что-то делать. У меня есть одна программа, так что ребят из семей погибших я возьму.

Так неожиданно для себя Сергей с Мариной стали руководить собственным детским клубом. «Ничего себе провел разведку на американской базе!» — шутил с женой по этому поводу Сергей.

Последняя поездка Сергея в Германию совпала с подписанием Горбачевым документов об объединении ГДР и ФРГ.

— Ну, вот теперь я побывал в трех Германиях! — подшучивал он. Первый раз — в Германской Демократической Республике, когда мой отец служил в ГСВГ. Второй раз — в Федеративной Республике Германия во

время первых поездок по линии договора о РСМД. И вот сейчас — просто в Германии.

Принимающая сторона весь визит превратила в не прекращавшийся ни на день дипломатический прием. После работы инспектора уже не ужинали в офицерском ресторане на авиабазе — каждый вечер их ждали все новые и новые роскошные рестораны. Германия ликовала! На всех встречах Сергею и другим инспекторам дарили кусочки разрушенной Берлинской стены, и к концу командировки у него был полный чемодан, набитый качественной немецкой штукатуркой.

ГКЧП

В августе 91-го Туевы, наконец, собрались в отпуск. Их сына Лешу, которому исполнилось уже три года, согласились взять к себе родители Сергея, поменявшие квартиру в Ленинградской области на квартиру в подмосковном Климовске. Молодая пара предвкушала три недели отдыха в санатории КГБ в многократно воспетом городе «у самого синего моря».

В санатории имени Дзержинского к ним отнеслись со вниманием. Как «афганцу» Сергею даже дали номер в «генеральском корпусе» — помпезной «сталинской» даче с лепниной и высокими, почти пятиметровыми потолками.

Показав свои медицинские книжки дежурившей медсестре, Сергей и Марина взяли ключи с массивными деревянными номерками на кольцах и пошли к себе в комнату устроиваться.

— Молодежь, куяльник забыли! — окликнула их пожилая медичка.

Муж и жена с недоумением посмотрели друг на друга и дружно расхохотались. В их лексиконе такого загадочного слова не было.

— Я говорю, куяльник забыли, — повторила медсестра, доставая из-под стола минеральную воду со звучным и почти неприличным названием.

Сергей обожал военные санатории еще с детства. Спокойная размеренная жизнь с жемчужными ваннами и стаканом кефира перед сном так контрастировали с реалиями его службы в «Вымпеле», что он рассматривал свою путевку, как краткосрочную командировку в рай. Марина не разделяла страсть мужа к тихому, размеренному и необыкновенно скучному, с ее точки зрения, отдыху. Однако в этот раз она и сама была не прочь отдохнуть в подобной обстановке: последние годы почти в одиночку она растила их сына Лешку, и лишь расслабившись в санатории, поняла, как была вымотана.

В кабинете ЭКГ, куда их направили для обследования, пожилой врач долго пожимал плечами и с удивлением рассказывал молодым супругам, что их кардиограммы почти идентичны:

— Первый раз вижу два таких похожих друг на друга графика, — развел руками многоопытный кардиолог.

Накупавшись в Черном море и съездив на знаменитый одесский Привоз, Сергей и Марина без задних ног провалились в глубокий, по-настоящему отпускной сон.

Утром, перед тем как выглянуть на улицу, Сергей нажал кнопку привезенного с собой портативного телевизора «Шиялис» и босиком вышел на холодный бетон балкона, любуясь на тенистый курортный парк, еще не раскаленный дневной жарой.

Из номера грустно зазвучала музыка из балета «Лебединое озеро». Успев привыкнуть, что ее включают в дни траура по ушедшим из жизни руководителям партии и правительства, Сергей вернулся в номер. Диктор Инна Ермилова печальным голосом зачитывала указ о введении чрезвычайного положения.

Уже собравшаяся на завтрак, Марина тревожно посмотрела на мужа:

— Что это значит?

— Похоже на государственный переворот. Скоро полетим обратно.

В этот момент в комнату постучала дежурная медсестра и с заметным волнением в голосе спросила:

— Капитан Туев здесь отдыхает? Вам срочная телеграмма!

Как и предполагал Сергей, в телеграмме из «Вымпела» лаконично предписывалось: «Срочно прибыть на работу!» Подпись — Ревский. Поняв, что их отпуск закончился, не успев начаться, Сергей и Марина начали спешно паковать разобранные с вечера чемоданы. Через двадцать минут они уже ловили машину до аэропорта, через час уже вылетали из Одессы, а еще через три часа Сергей был в ружпарке «Вымпела» и торопил своих подчиненных.

Такую скорость перемещения в пространстве им обеспечило благоприятное стечение обстоятельств и удостоверение специального сотрудника КГБ с пугающей надписью: «Всем должностным лицам оказывать незамедлительное содействие предъявителю».

Вот только в Москве капитан милиции, которому Сергей предъявил свое «волшебное» удостоверение, долго мямл его в руках, потел, сомневался в чем-то и, наконец, спросил без обиняков:

— Командир, а тебе сейчас помогать надо? Меня с работы не попрут?

— Ну, старик, это ты сам реши — сейчас многие стоят перед этой дилеммой. Только не ошибись! — исподлобья нехорошо улыбнулся капитану Сергей.

— А черт! Ладно, на всякий случай помогу! — наконец принял отчаянное решение милиционер и тормознул для Сергея проходившее мимо такси.

Когда в полном снаряжении Сергей выходил из ружпарка, его увидел Ким:

— Туев? Привет! Ты же в отпуске. Что ты тут делаешь?

Растерявшись от такого поворота дел, Сергей молча протянул Киму телеграмму-молнию.

— Понятно, — невозмутимо прокомментировал Ким, — замполит всех опередил. Я тебя не видел.

— Как это? — не понял Сергей. — Я могу снова убывать в отпуск?

— Я тебе сколько раз повторять буду? — также невозмутимо ответил Ким. — Я тебя не видел, и ты мне здесь сейчас не нужен.

Третий раз Сергеем можно было не объяснять. Сдав снаряжение обратно в ружпарк, он схватил такси, забрал из дома не успевшую распаковать чемоданы Марину, и на самолете молодые супруги вернулись в санаторий. Их номер еще никто не занял, и в состоянии легкого дежавю Сергей снова ощутил босыми пятками холодный пол каменного балкона «генеральского корпуса».

Вдохнув полными легкими аромат южного остывающего от жары парка, Сергей впервые по-мещански подумал, что с этим путчем в Москве справятся и без него. Больше в этот отпуск его уже не тревожили.

«Серые волки» Дудаева

После ГКЧП «Вымпел» срочно вывели из состава внешней разведки и передали в только что сформированное Министерство безопасности. Что делать с профессиональными диверсантами, здесь, похоже, не знали.

В голову Сергеем все чаще и чаще приходили мысли о каком-то вязком тупике, в котором оказались его страна, его любимый «Вымпел» и он сам — перспективный молодой офицер в абсолютно бесперспективный период истории. Иногда хотелось написать рапорт о переводе. Но куда? Здесь он был первым во всех резервах на выдвижение и действительно ценил, что сделали для него кадровики. Кроме того, в часть все больше и больше набирали молодых офицеров, и ему доверяли «ставить их на крыло».

Сергеем очень нравилось создавать авторские методики боевой подготовки, выстраивая их на базе личного опыта и анализа боевых архивов собственной части, КУОСа и НКВД. Особенно интересно было совмещать советский опыт с методиками лучшего зарубежного спецназа, которые он переводил сам из добываемых для «Вымпела» инструкций и полевых наставлений разных стран мира. Потихоньку обрастая материалами, Сергей выпустил два собственных пособия: одно — по боевому выживанию в различных регионах мира и другое — по штурму зданий во время городских операций спецназа.

Особенно интересно было экспериментировать с такими абсолютно прорывными вещами, как система скоростной стрельбы, которую спецназовцы называли незамысловато — «бам-бам». Разведчики «Вымпела» добыли эту методику в одном из самых успешных партизанских отрядов сандинистов в Никарагуа. Партизаны Фронта имени Сандино объяснили «вымпелам» несколько простых, но малоизвестных в советской военной практике истин: скоротечный ближний бой с применением огнестрельного

оружия происходит на расстоянии не более шести метров. В этом случае побеждает тот, кто быстрее достанет и перезарядит оружие, а главное — кто быстрее прицельно выстрелит и не даст противнику даже случайный шанс выстрелить в ответ.

Достигалось это особым удержанием пистолета двумя руками, особым спуском курка — спусковой крючок нажимался два раза подряд при каждом выстреле (отсюда «бам-бам») — и особым прицеливанием. Скорость стрельбы при этом была феноменальной. За три с половиной секунды стрелок, подготовленный по методике «бам-бам», гарантированно поражал четыре мишени, причем каждую из них двумя выстрелами. Но самое главное — этот прием можно было тиражировать и вооружать им самых обычных офицеров.

Наконец, в руководстве Министерства безопасности появилась здравая идея: переориентировать «Вымпел» на борьбу с терроризмом. В этом была логика: никто лучше диверсантов не мог поставить себя в положение террориста, понять террориста и уничтожить его. Преимущество такого подхода было неоднократно доказано как на послевоенном опыте — во время борьбы НКВД с «лесными братьями» в Прибалтике, так и в Афганистане — в операциях спецназа ГРУ и того же «Вымпела» по поиску и уничтожению душманских банд. Стали привлекать «Вымпел» и к сопровождению государственных должностных лиц, усиливая бойцами спецназа личную охрану кремлевских чиновников из Девятого управления.

«Вымпела» быстро нашли общий язык с «девяткой», что не сразу случилось с самими охраняемыми лицами. Кремлевские випы странным образом считали, что охраняющий их офицер одновременно с боевой работой может выполнять функции их личного помощника — подай-принеси. Они могли попросить захватить из самолета какой-то представительский груз, понести вещи, с которыми не справлялись секретари, и т.п.

Для «вымпелов», умевших ценить и долю секунды, это был полный шок: они точно знали, что в случае реальной опасности эти дополнительные просьбы к телохранителям лишали охраняемое лицо и без того невеликого шанса на выживание. С трудом и скандалами «вымпела» ставили на место министров и депутатов. Скоро к ним перестали обращаться с просьбами бытового характера, но репутация строптивых и неудобных для випов телохранителей за «вымпелами» сохранилась навсегда.

В сентябре 1991 года резко обострилась обстановка в Чечне. Генерал Дудаев, провозгласивший еще в июне независимость Чеченской Республики, объявил низложенным Верховный совет Чечни. На переговоры с генералом вылетела большая правительственная делегация во главе с Сергеем Шахраем.

Командировка с Шахраем должна была продлиться не более двух дней. В такие поездки Сергей мог позволить взять не штатное оружие, а то, что считал наиболее удобным. На этот раз он выбрал кольт: все-таки убойная

дальность вдвое превосходила штатный ПМ, а из автоматического оружия, пригодного для ношения под одеждой, — облегченную модель израильского УЗИ, обладавшего для ближнего боя уникальной скорострельностью. Весь этот арсенал вполне незаметно умещался под длинное до колен пальто, сшитое на заказ специально для таких случаев.

На полете к Грозному на борт пришла телеграмма за подписью Дудаева «Безопасность гарантировать не могу. Посадку не разрешаю». Минут двадцать самолет нарезал круги над Грозным. Шахрай, Абдулатипов и еще несколько человек из руководства делегации пытались решить, как поступить. Когда уже было решено лететь в Кисловодск, из Грозного пришла еще одна телеграмма, на этот раз за подписью председателя Верховного совета Чечни: «Безопасность гарантируем. Посадку разрешаем». Взвесив все еще раз, Шахрай принял решение садиться.

Как только самолет остановился на взлетно-посадочной полосе, его немедленно окружили бронетранспортеры и большое количество гражданских автомобилей. В основном черные правительственные «волги» и уже появившиеся в стране массивные японские джипы.

Бронетранспортеры грозно опустили свои крупнокалиберные пулеметы на правительственный самолет. Кинув жребий с Сергеем Климовым — напарником Сергея из «Вымпела», также прикрепленным к делегации Шахрая, — Сергей остался на борту. Климов вместе с Шахраем и большей частью «девятки» уехал во дворец.

Черные джипы, окружившие при посадке самолет Шахрая, уехали в колонне за правительственной делегацией. Бронетранспортеры остались на месте, показывая, что могут расстрелять борт в любую минуту. Стволы КПВТ — столь знакомых по училищу «крупнокалиберных пулеметов Владимирова танковых» — время от времени оживали, то опускаясь, то поднимаясь вдоль линии прицеливания. На борту остался экипаж самолета, стюардессы, два телохранителя из «девятки», еще пара офицеров специального отряда милиции из охраны здания Верховного совета в Москве и несколько референтов, готовившихся к совещанию в Кисловодске, которое было запланировано на следующий день.

Неожиданно от здания аэропорта к самолету выехали крытые армейские «камазы» и метрах в пятидесяти от самолета из них, как горох, посыпались бородатые бойцы в черной полевой форме и черных, как у морпехов, беретах. Проверив оцепление самолета, самый высокий и, видимо, главный в этом отряде бородач потребовал к себе старшего.

Летчики, стюардессы и референты вопросительно посмотрели на сидящих в конце салона офицеров. Офицеры — почему-то на Сергея. Поняв, что ему «доверили» роль старшего, Сергей вышел на трап и спустился к бородачу.

Вблизи это оказался высокий, крепкого телосложения чеченец лет тридцати, в спецназовской форме западного покроя. На голове командира чеченского

спецназа был лихо заломлен черный берет с оскалившимся, поднявшим дыбом шерсть черным волком. «Элитный президентский спецназ «Черные волки». Подчиняется лично Джохару Дудаеву, — вспомнил Сергей ориентировку оперативного отдела. — Так вот ты какой, северный олень!»

Командир чеченского спецназа приблизился к Сергею почти вплотную, резко поднял свой АКС-74У и, приставив его к горлу разведчика, в приказном тоне потребовал:

— Улэтай отсюда!

Не успев растеряться, Сергей с удивлением для себя холодно и спокойно ответил:

— Ага, улечу, не переживай! Вот дождусь шефа обратно и сразу улечу!

Чеченец поиграл автоматом на горле у Сергея и повторил еще раз, но уже жестче:

— Улэтай прямо сейчас! Нэ погань мою зэмлю! Вон там жди своего шефа! — подняв глаза, взглядом показал на небо чеченец.

Сергей, не убирая головы от ствола чеченца, откинул полу пальто, воткнул в живот «черному спецназовцу» израильский УЗИ и еще спокойнее сказал:

— Я тебе русским языком говорю: приедет шеф, и мы обязательно улетим.

Постояв с воткнутыми друг в друга автоматами еще секунд тридцать, спецназовцы разошлись. Когда Сергей поднялся назад на борт самолета, ему на шею бросились стюардессы и референты Шахрая. Офицеры «девятки» одобрительно хлопали по плечу и с удивлением приговаривали:

— А сидит тихий такой, интеллигентный, книжку на испанском читывает — ну ботаник ботаником!

После того как «черные волки» сняли оцепление и уехали обратно в сторону аэропорта, завелись и скрылись из виду зловещие бронетранспортеры. Самолет стоял в чистом поле один, над головой звенело осеннее синее небо, приятно пахло пожухлой, не кошенной травой. Более мирного пейзажа трудно было себе представить. «Прямо затишье перед бурей», — подумал Сергей.

Через тридцать минут возле самолета снова началось какое-то движение. Выйдя посмотреть, что стряслось на этот раз, Сергей с удивлением обнаружил, что под крылом самолета повара, по всей видимости из ресторана аэропорта, накрывают стол и выставляют на нем только что приготовленный шашлык, зелень, вино и еще теплые лепешки.

— Старший сказал, ты ему понравился, командир, — упреждая вопрос Сергея, сказал пожилой повар, — вот приказал «поляну накрыть».

Шахрай вернулся, так ни о чем не договорившись с Дудаевым. Вечером борт с правительственной делегацией приземлился в Кисловодске. Уже в гостинице «девятка» долго поила Сергея армянским коньяком, удивляясь его способности не хмелеть.

Пир во время чумы

В стране рушилось все, что когда-то составляло смысл жизни Сергея. В результате Беловежских соглашений 7–8 декабря все бывшие республики вышли из СССР 25 декабря Горбачев выступил с последним заявлением Президента СССР «О сложении полномочий». В 19.38 советский флаг над главным куполом Кремля спустили и подняли новый российский флаг — исторический триколор.

В «Вымпеле» пытались понять, что все это значит для их подразделения. Все офицеры по новому законодательству сдали партбилеты и вышли из КПСС. Вместо «Служу Советскому Союзу!» теперь полагалось говорить «Служу России!» Начинались разговоры о новой присяге. «Вымпела» не скрывали — второй раз они присягать не собираются. Тему замяли.

В стране и без присяги «вымпелов» было много других проблем: всюду идет «ваучерная приватизация», Гайдар начинает «шоковые реформы», на улицах появляется множество бомжей, страну заливают дешевым спиртом «Рояль». Чтобы как-то выжить, народ уходит в «челноки», как грибы растут палатки, кто-то пробует себя в фермерском бизнесе.

Получив свои «три «волги» — так в товарном исчислении новое правительство оценило стоимость причитавшейся Туевым доли национального богатства СССР, — Сергей спрятал ваучеры в папку с семейными документами. «Пусть лежит на память о том, как нас обьегорили», — сказал он Марине. За один ваучер вместо обещанных «волг» как раз давали один спортивный костюм турецкого производства.

Многие знакомые Туевых начали делать свой маленький бизнес. Кто-то ехал в Турцию, кто-то в Польшу, кто-то в Китай... Засобирались в челночные «загранкомандировки» и офицерские жены. По разговорам знакомых, одна коммерческая поездка в Турцию приносила выручку, позволявшую купить «товаров народного потребления» (видеомагнитофонов, магнитол, телевизоров, швейных машинок и пр.) примерно столько же, сколько мог приобрести за чеки в «Березке» офицер-афганец.

Сергей никогда не осуждал «челноков»: во-первых, он видел, каким огромным трудом и риском даются им «буржуазные» доходы, во-вторых, он отлично понимал, что в самые тяжелые времена именно «челноки» обували, одевали и кормили всю Россию.

Самих Туевых коммерция не привлекала. Сергей старался служить так, словно ничего в стране не произошло. Он прекрасно знал, что его коллеги из «Альфы» неплохо подрабатывают на стороне, оказывая разного рода охранные услуги. «Вымпелам» в этом плане было тяжелее: в отличие от «ашников», дежуривших в режиме сутки-трое, им надо было появляться в части каждый день.

Материальное расслоение стало проявляться и в офицерской среде. Если раньше личные автомобили были только у тех, кто не менее года прослужил где-то за рубежом — в Афгане, Анголе, Мозамбике или других странах, то

теперь самые дорогие авто появились у тех, кто сумел конвертировать свои профессиональные навыки в коммерческие доходы.

Однажды с подачи «афганцев» Сергея использовали втемную балашихинские бандиты. Узнав, что он ищет деньги на снаряжение для военно-патриотического клуба, его зазвали на ужин к местному предпринимателю Александру Бесихину. В Салтыковке у Бесихина был дом на берегу озера, один из первых зеленых газонов, по которому лениво прыгали декоративные белые кролики, и четыре парусных катамарана «Простор», которые он обещал передать в дар детскому клубу.

Во время разговора с Сергеем к Бесихину провели молодого местного кооператора. Представив Сергея офицером госбезопасности, хозяин разлил по бокалам коньяк и завел разговоры ни о чем. Сергей больше слушал и, стараясь быть вежливым, улыбался новому гостю. Когда Бесихин вышел по своим делам, у предпринимателя вдруг случился нервный срыв и раздраженно-плаксивым, как показалось Сергею, каким-то бабьим голосом он почти закричал:

— Что вы все время улыбаетесь? Понял я, понял!

Что понял гость Бесихина, Сергей узнал лишь полгода спустя. Радужный хозяин Бесихин с катамаранами не подвел. Все лето ребята из клуба «Кавалергард» катались под парусами на озере Плещеево. Правда, сам «успешный предприниматель» оказался матерым бандитом по кличке Саша Бес. В подвале его дома в Салтыковке при обыске нашли четыре трупа, залитых в бетон. А «страшного кагэбэшника» Сергея он приглашал к себе в качестве оружия устрашения для непокорных кооператоров, отказывавшихся платить дань.

Весной оперативный состав «Вымпела» разбросали по разным городам Татарии. Реализуя призыв Ельцина «Берите столько автономии, сколько сможете проглотить», автономная республика провела референдум о суверенитете. Большинство, конечно, было за. Задача разведчиков «Вымпела» — на месте разобраться в том, насколько далеко могут пойти местные националисты, а самое главное — официальное руководство республики.

Шаймиев оказался намного умнее и прозорливее взбунтовавшегося Дудаева и подписал с Кремлем договор «О разграничении полномочий». В обмен на лояльность Центр признал за Казанью республиканскую собственность и разрешил оставлять значительную часть налогов в республике.

Передвигаясь по стране, сравнивая один регион с другим, Сергей видел, что власть вообще не занимается проблемами обычного населения, с трудом справляясь с прекращением дальнейшего распада российской государственности. Настроение анархии и какой-то отчаянной вольницы проникало потихоньку и в подразделение Сергея.

Все чаще и чаще Сергей испытывал приступы безразличия к службе. Он заметил, что быстрее и активнее начали расти в должностях и даже получать боевые награды не те, кто больше и чаще других работал на передовой,

а те, кто был ближе к командованию части, особенно к кураторам «Вымпела» из числа высокопоставленных силовиков Министерства безопасности.

От грустных мыслей отвлекла неожиданная командировка в Сочи, куда небольшую группу «вымпелов» отправили для охраны одного из тогдашних руководителей Министерства безопасности — генерала Барсукова. Барсуков под охраной «лички» из Девятого управления поселился на государственной даче. Боевая группа разведчиков «Вымпела», укомплектованная в основном самыми опытными офицерами части, остановилась рядом — в расположенном поблизости санатории КГБ.

Напуганный информацией о возможном теракте, Барсуков покинул территорию госдачи лишь однажды. Сопровождая его до горного ущелья, «вымпела» оцепили заслонами небольшую охотничью заимку и ждали, пока их шеф не закончит свой пикник. Идея «секретного» пикника пришлась по душе и самим разведчикам. Узнав, что всю ближайшую неделю они могут быть свободны, мужики решили использовать свое необычное служебное положение в личных целях.

В санатории КГБ офицеры «Вымпела» находились на особом положении. С одной стороны, разведчики жили на правах обычных отдыхающих. Вместе с тем главврач, зная, что к нему прибыла секретная группа спецназа, выделил разведчикам отдельно стоящую генеральскую виллу. У виллы было два этажа. В подполе — огромный винный погреб, где давно не было никакого вина, зато он отлично подходил для складирования припасенных «вымпелами» огнеметов, гранатометов, стрелкового оружия и разного рода специальных средств.

По легенде, разведчики снова были динамовской командой, на этот раз — многоборцев. Назначенный старшим на выезде Алексей Астахов постоянно шутил: «Мы не спортсмены. Мы группа музыкантов, лучше всех играющих на «Рояле». Запасы дешевого спирта «Рояль» у разведчиков действительно были, но из-за жары они предпочитали спирту недорогое южное вино. Тем более что его в отличие от «Рояля» можно было пить сутками.

В первый день заезда в санаторий разведчики стали свидетелями ЧП и даже пытались его предотвратить. В этот день море штормило. Судя по волнам, было сильно за четыре балла. Несмотря на запрещающий красный флаг один из отдыхающих, мужчина лет пятидесяти, зашел в воду и быстро поплыл к буйкам, профессионально работая руками и ногами. Техника плавания выдавала в нем подготовленного спортсмена. Вдруг с пловцом что-то произошло, и он резко перешел на брасс, стараясь экономить силы.

Заметив неладное, четверо офицеров из числа боевых пловцов «Вымпела», бросились к обессилевшему мужчине. В разыгравшийся шторм более тридцати минут они не давали уйти под воду отчаянному пловцу, но никак не могли выйти с ним на берег. Когда, наконец, им это удалось, мужчина был уже мертв. Врачи констатировали сердечный приступ.

На второй день мужиков потянуло на танцы и подвиги. Понимая, что народ не удержать — в группе, за исключением пары лейтенантов, все были примерно равны по званиям и должностям, — командир сводной группы решил возглавить незапланированный офицерский «дебаш». В целях обеспечения постоянной боеготовности группы — поди сыщи ушедшего на ночь офицера — «дам сердца» было приказано приводить на виллу.

На дискотеке в соседнем пансионате — в ведомственном санатории КГБ команда решила не светиться — отдыхающие постоянно заказывали одну и ту же мелодию — «В городе Сочи темные ночи».

Группа молодых кавказцев правила бал на этом празднике жизни. Спортивные и накачанные, они приглашали в свой круг всех проходящих на танцы мужчин и доводили их до изнеможения в спортивном упражнении, исполнявшемся в стиле греческого танца сиртаки.

Положив руки на плечи друг друга, кавказцы ставили между собой других мужчин и начинали заводить тех «на слабо», в такт мелодии высоко закидывая ноги вверх. Уже через пару минут подвыпивших пузатых дядек можно было вывозить сразу в реанимацию. Другим отдыхающим это явно не нравилось. Но мужчины побаивались связываться с организованными смуглыми парнями. Девушки с недовольным видом скучали в ожидании редких медленных танцев.

— Надо поддержать местные виды спорта! — с удовольствием включились в предложенную игру разведчики и, подхватив за плечи кавказцев, легко взяли предложенный темп и высоту закидывания ног. Минут через пять, к концу песни, местные «короли дискотеки» начали явно сдавать. Тогда, не прекращая танца, «вымпела» заказали продолжение «Темных ночей» и задали уже свой ритм и амплитуду замаха. В импровизированном силовом танце профессиональные «балетные» офицеры забрасывали ноги вертикально вверх, демонстрируя качественный продольный шпагат. Обессиленные от такой нагрузки, кавказцы не сдавались, но все чаще и чаще висели на плечах спецназовцев, с трудом поднимая ноги.

— Еще разок, мужики? — ехидно поинтересовался старший группы у едва присевших на край сцены соперников. Немного отдохнув, кавказские парни тихо ушли.

После такой премьеры все девушки дискотеки были словно загипнотизированы лихими танцорами. Когда умолкли последние аккорды, шумная компания молодых мужчин и их новых знакомых отправилась на генеральскую виллу.

Пять дней с виллы никто не выходил. Лишь изредка молодые лейтенанты объезжали ближайшие винные магазины и заполняли вином большие двадцатилитровые рюкзаки. В окнах виллы до самого рассвета горел свет, и в южной ночи звучал романс про любовь сурового капитана, про маленькую женскую грудь и зарезанную в пьяной драке девушку из Нагасаки. За день

до того, как «спортсмены» съехали с виллы, они вызвали к себе старшего сторожа санатория и попросили убрать все пустые бутылки. Придя с огромным мешком, он только развел руками и побежал звонить сыну, чтобы тот подогнал свой грузовичок.

На последнем завтраке сосед по столику не удержался и спросил Сергея: — Это правды, что вы на вилле генеральский бордель охраняете?

Дело о «зеленых лимонах»

Поздней осенью в «Вымпел» прибыли офицеры российского Интерпола и представители Министерства безопасности. По их информации, в Москву приехали итальянские фальшивомонетчики с задачей продать донецким бандитам огромную партию фальшивых американских долларов очень высокого качества.

Как утверждали присутствовавшие при разговоре представители Центробанка, отличить итальянские «доллары» от американских могли только очень квалифицированные эксперты при наличии специальной техники, которой обычные банки России еще не располагали. По сведениям Интерпола, первая партия завозимой фальшивой валюты могла составить до пятидесяти миллионов долларов.

Операция итальянских мафиози с самого начала была под колпаком Интерпола, итальянской полиции и американского ФБР. Чуть позже к ней подключились российские органы государственной безопасности. В банду донецких преступников были внедрены специальные агенты.

Цель операции состояла в том, чтобы взять итальянцев с поличным при передаче денег донецким «браткам». По сведению агента из банды, ожидалось, что «братва» приедет на двенадцати автомобилях, а общее число преступников с российской и итальянской сторон может составить более сорока человек, поэтому для проведения захвата бандитов было решено использовать весь «Вымпел».

Когда итальянские мафиози с грузом прибыли в Москву, все боевые отделы были подняты по тревоге. Четвертому отделу было поручено сформировать группу захвата. Перемещалась группа в автобусе «Икарус». У окон, изображая провинциальных туристов, сидели женщины из медчасти «Вымпела» со своими аптечками и комплектом полевой реанимации. Вместе с ними, чуть спереди, расположилась группа огневой поддержки захвата во главе с Сергеем. Они также были в гражданской одежде и с только что поступившими на вооружение части «винторезами» — автоматами для бесшумной стрельбы со снайперскими прицелами.

Третьи сутки катаясь по Москве за ничего не подозревающими мафиози, Сергей сочувствовал друзьям из группы захвата. В полном боевом снаряжении, в тяжелых бронежилетах, офицеры лежали прямо на полу,

не имея возможности разогнуться в полный рост, чтобы не расшифровать истинное предназначение «мирного» туристического «Икаруса».

По задумке разработчиков операции внедренная в банду агентура должна была создать такую ситуацию, чтобы передача чемоданов с фальшивыми долларами проходила рядом с площадью трех вокзалов на парковке гостиницы «Ленинградская». Именно эта территория была отработана другими отделами «Вымпела» на предмет скрытного блокирования как самой парковки, так и прилегавшей к гостинице территории.

Поскольку поручиться, что все пойдет по плану интернациональной команды спецслужб, никто не мог, Четвертый отдел постоянно катался по Москве за фальшивомонетчиками, управляемый по рации бригадами наружного наблюдения.

Брать бандитов независимо от гражданства договорились жестко, не давая противнику опомниться. Бой в центре Москвы был крайне нежелателен. Агентов решили не бить. Их фотографии были показаны всем участникам группы захвата и непосредственного огневого прикрытия. Обоим агентам был присвоен псевдоним Вася. В случае если кто-то видел, что Васю бьют свои, надо было предупредить коллегу с помощью пароля: «Осторожно — это Вася!»

Наконец, автобус с «вымпелами» начал заезжать на парковку гостиницы. По оперативной связи передали полную готовность к захвату и предупредили, что перед гостиницей находятся двадцать шесть спортивного вида мужчин. «В группе захвата — десять человек плюс мои стрелки — шесть человек, итого шестнадцать против двадцати шести в первые тридцать секунд операции. Негусто», — прикинул диспозицию Сергей.

По команде «Вперед!» водитель открыл двери автобуса, и разведчики группы захвата, вооруженные только пистолетами, бросились на фальшивомонетчиков. Офицеры на бегу разворачивались из колонны в цепь, выбирая самых крупных противников для начала рукопашной схватки. На флангах атакующей команды, используя преимущество в весе, летели снайпера из группы Сергея. Без тяжелых бронежилетов они должны были как можно быстрее занять такие сектора ведения огня, чтобы в них не попадали товарищи из группы захвата. В случае если бы у противника появилось огнестрельное оружие, у Сергея и его снайперов был приказ стрелять на поражение.

Одновременно с покиданием разведчиками автобуса площадь перед гостиницей осветили десятки прожекторов и через мощные динамики раздалась грозная команда руководителя операции: «Министерство безопасности! Всем оставаться на своих местах! В случае сопротивления вы будете уничтожены!»

Преступники дружно подняли руки вверх и бросили чемоданы с долларами на землю. Пробежав свою дистанцию, Сергей не заметил ни одного вражеского ствола и уже поставил «винторез» на предохранитель. Краем глаза он успел заметить, что справа метрах в семи от него началась

какая-то возня, прогремел выстрел, и один из закованных в броню «вымпелов» как подкошенный рухнул на землю. Сергей знал, что ему туда нельзя — это был чужой сектор ответственности, и любое вмешательство могло только помешать другим номерам расчета, действующим на том направлении. «В атаке упавший рядом товарищ — еще не повод для остановки», — уже сам он учил молодых офицеров.

Услышав выстрел, остановившиеся было преступники бросились врассыпную. Сбив ударом приклада одного из тех, кто стоял на его пути, Сергей броском повалил на асфальт и второго бандита. Тот сразу обмяк и всем своим видом показывал, что отказывается от дальнейшей борьбы. Надев на него наручники, Сергей заметил, что он чем-то похож на «Васю». Когда к нему на помощь подбежали ребята из первого контура оцепления, он уже поднял своего «клиента» на ноги и предупредил бойцов, чтобы они с «Васей» были поосторожнее.

На Лубянке выяснилось, что в момент задержания произошла трагическая случайность. Один из самых здоровых итальянцев с испугу напрягся и, как показалось двум «бравшим» его офицерам, начал оказывать сопротивление. Чтобы «расслабить» объект, один из атакующих решил ударить его пистолетом по затылку, но итальянец именно в этот момент нагнулся и убрал голову из-под удара. Рука с пистолетом пролетела мимо, ударила в плечо преступника, и произошел случайный выстрел. Пуля пробила бронежилет второго номера группы захвата в самом незащищенном месте, повредила легкое и застряла в позвоночнике. Пострадавшим оказался Юра Боголюбов — офицер-пограничник, пришедший в «Вымпел» на год раньше, чем Сергей.

— Слушай, Серега, ты знаешь, что из всех задержанных сегодня мафиози и внедренных в банду агентов целым и здоровым остался только твой Вася, — рассказывали после подведения итогов «вымпела», принявшие у Сергея, задержанного им человека. — Вот только ты не угадал: мы его в «волгу» сажаем, наручники снимаем, а он нам: «Грация, сеньорес, грация!» А настоящим «васям» навалили по полной: теперь у них «отмазка» перед своими бандюками — зашибись!

«Слишком» умный спецназ

Столкновение между ингушами и осетинами в Пригородном районе Владикавказа, как всегда, стало новостью для руководства страны. Недооценив масштаб конфликта, от «Вымпела» запросили сначала одну боевую группу. Командиром этой группы улетел Сергей Климов. На следующий день ему на усиление вылетел весь четвертый отдел.

Приземлившись в аэропорту Владикавказа, боевые команды разведчиков распределились по объектам. Команде Сергея поручили оборонять один из корпусов госдачи, на которую уже прибыла Временная

администрация во главе с Егором Гайдаром. В обеих республиках — Осетии и Ингушетии — было введено чрезвычайное положение.

Сергею было очевидно, что кто-то сознательно раскачивал остатки российской государственности, вбивая клин в ее самые слабые места — межэтнические конфликты на основе территориальных претензий разных кавказских народностей друг к другу. Сталинское выселение вайнахов, прежде всего чеченцев, а также несправедливое размежевание земель, сознательно перекроенное в ущерб неугодных «вождю народов» этносов, стало мощной миной замедленного действия как для СССР, так и для России.

Эту «мину» Сергей уже испытал на собственной шкуре в армяно-азербайджанском конфликте. Теперь в другом месте, уже другие народы с тем же остервенением резали друг друга, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Наступление ингушских боевиков готовилось в условиях полной секретности. Пригородный район Владикавказа всегда был пороховой бочкой для осетино-ингушских бытовых конфликтов. Оказавшись чем-то вроде буферной зоны между административными границами Осетии и Ингушетии, Пригородный район стал местом совместного проживания и ингушей, и осетин. Старые обиды и конфликты, посеянные на молодую кровь, и в советские времена приводили к поножовщине и массовым дракам между молодыми людьми.

На этот раз о бытовой ссоре не могло быть и речи: многочисленные вооруженные группы ингушей целенаправленно истребляли целые населенные пункты, сжигали осетинские дома, убивали мужчин, насиловали девочек и женщин.

Сергей давал себе отчет, что симпатии и антипатии «вымпелов», в том числе его собственные, во многом зависели от того, с чьей из противостоящих сторон им приходилось смотреть на происходящие события. Защищая осетин, он волей-неволей был свидетелем жестокости ингушей. Точно такие же офицеры «Вымпела», дислоцированные в Назрани, видели страдания ингушских семей и варились в «бульоне» свидетельств жестокости осетин. Понятие «справедливость» после взаимного кровопролития никому не удавалось реализовать на практике, а сама попытка завести об этом разговор приводила лишь к очередной эскалации ненависти и насилия.

Как ни странно, именно здесь, на Кавказе, Сергей убедился, что единственным работающим институтом примирения враждующих кланов была кровная месть. Именно этот феодальный пережиток почти всегда останавливал эскалацию насилия и сажал враждующие семьи за стол переговоров.

Один из первых вызовов, по которому работала группа Сергея, был связан с убийством мужчины на территории граничащего с Осетией

ингушского села. Первая версия — нападение со стороны осетин — не подтвердилась.

Приехавший из района опер ингуш «успокоил» Сергея:

— Не переживай, с этим делом мы уже разобрались: претензий никто никому не предъявляет.

— Что значит, «претензий не предъявляет»? Человек-то убит! Зарезан, как баран, а претензий нет!

Опер неторопливо вводил Сергея в специфику местной работы:

— Понимаешь, потерпевший отсидел за убийство девушки четырнадцати лет и вернулся в село. Он знал, что его должны убить. Не могли не убить. Семья, мужчины которой не в состоянии исполнить кровную месть, становится изгоем. Раз он вернулся, он ждал этой смерти. Возможно, ради того, чтобы прекратить вражду, начатую им много лет назад.

— Но это же дикость какая-то! — горячился Сергей. — Человек уже был наказан государством, а значит, имеет право на его защиту!

— Разве твое государство может кого-то защитить? — начал терять терпение пожилой ингуш. — Семья убитого уже села за один стол с семьей погибшей много лет назад девушки и решили, что больше у них друг к другу претензий нет. Вот это и есть закон. Что является основным столпом любого права? Неотвратимость наказания. Может твое государство обеспечить этот принцип в полной мере для всех без исключения? Нет. А кровная месть может.

— А что тогда делать враждующим народам? — пытался услышать компетентное мнение из другой системы ментальных координат начинавший что-то понимать Сергей.

— С народами, брат, все сложнее! Слишком много «договаривающихся субъектов»! Но, откровенно говоря, ничего другого, кроме как, захлебнувшись в крови и ненависти, сесть за стол и простить друг другу своих павших ради будущих поколений, еще никто не придумал. Только для этого прозреть надо, а большое прозрение только от большого горя бывает.

Пока перед Сергеем была картина, как враждующие народы захлебывались в крови и ненависти друг к другу. В Назрани на площади перед администрацией республики люди в папахах играли в футбол отрезанной мужской головой. «Матч» не остановило даже появление российских военных.

К машине Сергея подошел любопытный мальчик лет семи-восьми. На вопрос, ингуш ли он, малыш гордо сказал:

— Еще нет. Вот когда осетина убью, тогда ингушом стану!

На госдаче Сергей очень быстро наладил отношения с окопавшимися по ее периметру мотострелками из местного горного батальона. По настоящему горячо защитникам госдачи пришлось только в первую ночь, когда закрепившихся на объекте разведчиков начали обстреливать сразу несколько диверсионных групп.

Получив заранее информацию о возможном нападении, «вымпела» попросили Гайдара и его команду в эту ночь на дачу не приезжать и устроили грандиозную засаду, которая была сорвана необученной пехотой, решившей не пропускать боевиков в подготовленный разведчиками «огненный мешок».

Расстроившись, что из-за глупости и амбиций военных засада не получилась, Сергей, не спавший уже несколько дней, махнул на все рукой и, проверив расстановку боевых постов в своем корпусе, пошел спать. Ему казалось, не отключись он хотя бы на пять минут, то сон свалит его прямо на ходу. Увидев в отведенной для него комнате заправленную белоснежным бельем кровать, Сергею показалось кощунством упасть на нее в грязном и потном спецназе. Он разулся, принял душ, аккуратно, как его натренировали еще в училище, сложил на стул форму и залез под чистенькое одеяло.

Неожиданно по крыше дома, в котором забаррикадировалась группа Сергея, начал бить станковый пулемет. Не сумев прорваться к госдаче, неизвестный противник решил хотя бы обстрелять возжеленный правительственный объект. Огненные трассеры резали небо, на землю за окном сыпалась откалываемая пулями штукатурка.

Несмотря на завязавшуюся перестрелку, Сергей решил не отступать от намеченного плана. Нашупав лежащую под подушкой портативную рацию, он нажал тангенту и циркулярно скомандовал всем постам: «Я — первый! На огонь противника не отвечать. В случае атаки действовать по плану. Если дадите мне поспать хотя бы полчаса, буду премного благодарен всем. Конеч связи!»

«Чистые простыни, мягкая постель, трассеры за окном и легкий запах гари... Что еще надо мужчине, чтобы быть счастливым?» — сама собой переделалась в голове Сергея известная фраза Абдуллы из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Через тридцать минут Сергей проснулся и снова обошел расставленные им посты. Обстрел прекратился. Почему-то прервалась связь с третьим корпусом, где находилась одна из его подгрупп.

— Костя, принимай управление на себя, — обратился он к своему заму и когда-то первому наставнику по спецназу майору Седову. — Я пойду проверю, что там у мужиков стряслось.

— Успокойся! Если тебя там кто и ждет, так только снайпер из леса, — грубо «наехал» на Сергея Седов.

— Костя, то время, когда ты «ставил меня на крыло», давно прошло, и решения сейчас принимаю я! — не давая зарваться старшему товарищу, резко отреагировал Сергей.

— Я тебя никуда не пушу! — грудью встал перед Сергеем Костя. — До третьего корпуса около трехсот метров. Местность открытая. Луна — как прожектор. Если у них на опушке есть хоть один паршивый стрелок, твои шансы

дойти — пятьдесят на пятьдесят, если снайпер — у тебя шансов нет вообще.

— Костя, ты охренел? Может быть, мы еще подеремся при подчиненных? — рассвирепел Сергей.

— Может, и подеремся! — глаза упрямого таежника также налились кровью. — Зато Маринке твоей соболезнования выражать на похоронах не буду.

Более молодые офицеры оторопели от столь «высоких отношений» своих непосредственных начальников. Ситуацию спасла зашипевшая на столе рация: «Первый! Я третий. Связь восстановлена. Извини, командир, не сразу нашлись запасные батарейки».

До конца этой командировки Седов и Туев больше не разговаривали.

Что означает фраза «страшно далеки они от народа», Сергей понял, только поработав с Гайдаром. То, что Егор Тимурович никогда не врал и говорил только то, что думал, Сергей убедился воочию. Гайдар, как оказалось, не был кабинетным премьером. Изучая задуманный охраняемым ВИПом маршрут, Сергей понял, что назначенный Ельциным глава Временной администрации на самом деле хочет увидеть все своими глазами.

Зрелище было действительно тяжелым. Тут и там большими чадающими пепелищами догорали осетинские дома, на площадях лежали неубранные трупы женщин и детей. Обезумевшие женщины в черных платьях голосили от горя.

Сергей вспомнил свои поездки по горным аулам Ильичевского района в Нахичевани, которые теперь ему казались легким прогулочным маршрутом. Здесь жило чудовищное, не успевшее даже чуть-чуть выплакаться горе. Толпа была заряжена такой ненавистью, что любое неосторожное слово могло вызвать взрыв агрессии. Понимая, что работать придется в неадекватной массе перевозбужденных людей, Сергей поставил задачу разведчикам не отпускать Гайдара далеко от бронетранспортера, держать боковой люк постоянно открытым и в случае опасности немедленно затаскивать премьера под броню. Повод для этого представился в первую же минуту общения Гайдара с народом.

Сначала Сергей не поверил собственным ушам: коротко дав оценку произошедшей трагедии, Егор Тимурович, трагично поджал губы и, как ни в чем не бывало, определил конечную цель урегулирования конфликта:

— Как бы горько нам сейчас не было, ингуши должны вернуться в свои дома.

Толпа тоже не поверила собственным ушам, и это дало Сергею шанс спасти Гайдара от неминуемой трагедии.

— Под броню его! Быстро! — заорал он прикрывавшим чиновника разведчикам.

Второй раз повторять приказ не потребовалось. Ошалевшие от такого самоубийственного заявления, офицеры подхватили премьера за руки и за ноги и, пробив им, как тараном, толпу, грубо забросили политика в боковой люк бронетранспортера.

Первый раз Сергей пожалел, что надел на себя пресловутое изделие ЖОПА. Удобный в бою, разгрузочный бронежилет с множеством функциональных карманов и карманчиков делал его легкой добычей для сотен протянувшихся из толпы рук. Вот кто-то сорвал застежку на пистолетной кобуре, и Сергей почувствовал, как к нему под ноги упал его табельный ПМ. Чтобы не потерять оружие, Сергей включил на максимум электрошокер и начал жалить вцепившиеся в него руки. Выиграв доли секунды, он нырнул за упавшим пистолетом, пробил плечом осаждавшую его толпу и, подхваченный руками товарищей, был внесен на подоспевший на выручку бронетранспортер.

Скоро командировки во Владикавказ стали рутинным занятием для «вымпелов». Казалось, им, наконец, нашли правильное применение — боевые отделы качественно работали с высшими государственными чиновниками. При необходимости «вымпелов» вместе с «Альфой» бросали на захваты вооруженных преступников. Но главное — офицеры «Вымпела» зарекомендовали себя как специалисты, способные системно мыслить и эффективно действовать в ситуации полного хаоса и непредсказуемости обстановки. Именно эти качества определили нишу направляемых в район ЧП боевых групп — теперь они работали в качестве прикомандированных к Временной администрации контртеррористических команд.

Командиры групп получили серьезные полномочия, и даже руководитель Временной администрации должен был согласовывать с ними все свои перемещения и условия обеспечения личной безопасности.

Уникальной спецификой «Вымпела» было то, что он располагал в Осетии и Ингушетии собственными мгновенно созданными агентурными сетями, не контактировавшими ни с одной из местных спецслужб, включая органы госбезопасности.

Офицеры оперативных подразделений «Вымпела» по модели, отработанной еще во внешней разведке, создали в воюющих республиках аналоги автономных нелегальных резидентур. В зависимости от обстановки «Вымпел» мог действовать негласно — с помощью офицеров, находившихся на нелегальном положении, официально — силами контртеррористических команд, закрепленных за Временной администрацией в районе ЧП, и комбинированно. Одной из задач, которые поставил перед собой «Вымпел», — во что бы то ни стало найти организаторов нападения на Пригородный район и источники финансирования этого вооруженного конфликта.

Сергей невольно сравнивал сценарии развития кризиса в Азербайджане и конфликта между Осетией и Ингушетией. В первом случае Москва просто самоустранилась от принятия решений и никак не поддерживала даже вменяемые инициативы направленных ею же вооруженных контингентов.

В Осетии действия Москвы напоминали суетливую активность, управляемую из разных центров силы. Особенно вредными для стабилизации обстановки в республиках были действия федеральных СМИ. Они словно специально подливали масла в огонь, сообщая, например, что осетины обстреляли ингушское село, в то время, как это село было осетинским и атаковано было ингушскими боевиками. Одной такой информации было достаточно, чтобы тысячи вооруженных осетин снова бросились в Пригородный район, где с таким трудом местная и федеральная власть поддерживали минимальную стабильность.

Однажды во Владикавказ прилетел Юрий Яров, влиятельный министр из ельцинской команды, знакомый Сергею еще по Сиверскому, точнее по Гатчине, где Яров был директором машиностроительного завода, на котором одно время работала мать Сергея — Анна.

Анна, работавшая тогда официанткой, накрывала стол в зале для руководства завода и всегда с большим уважением рассказывала Сергею про своего директора — такого воспитанного, образованного и доброжелательного по отношению к обычным рабочим руководителя.

Двое суток Сергей возил Ярова по территории враждующих друг с другом республик. Яров был в шоке от увиденного и очень сильно переживал за все, что случилось. Уже отвозя Ярова в аэропорт Беслана, Сергей напомнил ему про свою мать, и тот, сразу вспомнив трудолюбивую Анну, как-то по особому проникся к молодому майору из «Вымпела», оберегавшему его в этой опасной поездке.

Поскольку трезвым из Владикавказа никто не уезжал, Юрий Федорович по дороге в Беслан тоже был уже хорошо «тепленьким». Когда Сергей спросил, почему центральные СМИ постоянно передают дезинформацию, мешающую им наводить конституционный порядок, Яров неожиданно разоткровенничался: «Эти сволочи... я же им всем говорил! Да что я могу сделать!» — Юрий Федорович в отчаянии махнул рукой.

Гайдара на посту руководителя Временной администрации сменил Котенев. Московские начальники менялись, а ситуация в районе ЧП по-прежнему оставалась сложной. Наконец, во Владикавказ прибыл один из наиболее опытных и уважаемых в системе государственной безопасности кремлевских администраторов — Виктор Поляничко. Сергей знал это имя еще по Афганистану, о нем очень позитивно отзывался даже скупой на похвалу начальству Бек.

По линии ЦК Поляничко не вылезал из Афгана, объективно докладывал руководству страны обстановку и чем мог помогал воевавшему там контингенту. Сразу по приезде Поляничко во Владикавказ у находившихся на нелегальном положении разведчиков группы «Вымпел» появилась информация о готовившемся на него покушении.

В то жаркое лето Сергей прибыл во Владикавказ с опозданием. Самолет пограничной авиации Ан-72, развозивший боевые группы «Вымпела»

по горячим точкам страны, долго ждал погоды в Минеральных Водах. Командир корабля, бывший шеф-пилот самого Крючкова Володя Таланов, решил прорваться в Беслан в появившееся между двумя ураганами окно. Садились сразу после сильного града, ощущение было такое, что под ними не бетонная взлетка, а бурная горная река. Сергей хорошо понимал, как ждет его сменяемая во Владике группа: очень часто стандартная месячная командировка «вымпелов» превращалась в два, а то и три месяца отрыва от дома.

С улыбкой Сергей вспоминал, как его тоже хотели задержать на второй срок во Владике, как раз накануне отпуска, который они с Мариной планировали для проведения детского палаточного лагеря скаутов на озере Плещеево. В лагерь должны были ехать дети офицеров боевых отделов «Вымпела», которые уже разглядели в педагогических экспериментах Туевых очень полезное для их детей дело.

Когда Сергей доложил в часть, что Центр принял решение оставить его группу еще на один срок, то получил не по форме составленную шифровку: «Какой второй срок?! На Плещеево уже палатки стоят и продукты завезены. Все ждут только тебя». И вправду, смена нашлась, и Сергей вовремя ушел в положенный ему отпуск.

Город после пронесшихся ураганов и града, когда с неба падали куски льда размером с голубиное яйцо, стоял, словно после артобстрела — значительная часть оконных стекол была выбита. Электричество еще не дали, но самое любопытное, что отметил для себя Сергей, — были необычные покрытия легковых автомобилей, не успевших спрятаться в гаражи. Все они были очень ровненько «накернены» летевшими с большой высоты кусочками льда и были похожи на бракованные дуршлаг, в которых словно хотели сделать ровные дырочки, но не смогли пробить их насквозь.

В городском Доме офицеров Владикавказа располагался штаб корпуса, приданного Временной администрации на период действия ЧП. На втором этаже в самом большом кабинете сидели без света командующий корпусом генерал-майор Корецкий и глава Временной администрации Виктор Поляничко. Одетый в спецназ, Сергей решил отрапортовать по-военному:

— Майор Туев, прибыл в ваше распоряжение. Назначен руководителем группы противодействия террору.

Поляничко удивленно посмотрел на Туева, который в свои двадцать восемь лет выглядел значительно моложе:

— Сынок, а годков-то тебе сколько?

Привыкнув, что ему никто не давал его возраста, Сергей продолжил, словно не услышав заданного ему вопроса:

— Разрешите ознакомиться у генерала Корецкого с оперативной обстановкой?

Отношения у Сергея с Поляничко не заладились с самого начала. Молодой, похожий на студента майор оказался строптивым не по возрасту

и в первый же день начал спорить с бывшим секретарем ЦК, указывая тому, куда он может ехать, а куда нет. Поляничко давно и настойчиво звали в Тарское — горное село, известное своими оппозиционными на строениями и критикой федералов.

Боевой советский руководитель, облетавший весь Афган, настойчиво требовал от Сергея ехать на «волгах», в легких бронежилетах, не показывая оружия населению. Сергей настаивал, что в Тарское он готов вести Поляничко только в колонне, под броней бронетранспортера в сопровождении не менее одного взвода «Витязей», которые вместе со своим несменяемым руководителем Сергеем Лысюком снова оказались поблизости.

— Как ты это себе представляешь? — повышая голос, отчитывал Сергей Поляничко. — Вот я вылезаю под защитой твоего конвоя из бронетранспортера среди мирных жителей. Они же посчитают, что я их боюсь! Какое же ко мне после этого уважение будет?

— Поймите и вы меня: смотреть в глаза вдовам своих подчиненных из-за того, что вы боитесь потерять лицо, я не хочу. Извините за настойчивость, но отпустить вас в самый опасный, по оперативным данным, район без охраны, которую считаю минимально достаточной, я не могу.

На всякий случай Сергей детально изучил дорогу в Тарское по карте и даже один раз летал на рекогносцировку на вертолете. Дорога туда постоянно петляла, удобных мест для засады, особенно на подъезде к селу, было столько, что можно выбирать любое. Отступить же, в случае если после первого огневого контакта кто-то останется жив, было некуда — с одной стороны бурная горная река, с другой — крутые труднопроходимые горы.

Неожиданно Сергей считал визуальный сигнал, поставленный группой нелегального базирования недалеко от штаба корпуса, где располагался генерал Корецкий. Неожиданно потому, что почти за год работы в Осетии и Ингушетии оперативники на связь не выходили и никак не давали о себе знать. Сергей уже привык к отсутствию сигналов, но ежедневно продолжал проверять их на своем ежедневном маршруте по городу. На связь выходил руководитель резидентурной группы. Сигнал означал «Срочно нужна личная встреча!»

Встретившись после тщательной проверки с резидентом из оперативного отдела, Сергей согласился, что основания для такой встречи действительно были: два самых ценных агента «Вымпела», внедренные в незаконные боевые группы ингушей и осетин, сообщили, что вышли на след эмиссаров, ставивших им задачи и обеспечивавших финансирование. Самое интересное было то, что это были одни и те же люди, козырявшие корочками крупных московских чиновников. Все следы развязывания конфликта — и ингушский, и осетинский — вели в Кремль, в высокие кабинеты нового политического руководства России.

— Ты ведь у меня совета спросить хочешь, — оценив новые обстоятельства, сказал Сергей. — Так он такой: бери билет до Москвы и поезжай сразу на Лубянку. У нас не докладывай — после ГКЧП там все зашуганные. Никто твоей новости рад не будет.

Последовав совету Сергея, руководитель оперативников улетел в Москву. Через день Сергей прочитал в милицеских сводках, что на территории Осетии и Ингушетии одновременно совершены два странных ритуальных убийства. Двух никак не связанных между собой человек неизвестные в черных масках отвезли ни местное кладбище и демонстративно расстреляли у свежесрытых могил, выпустив в каждого по четыре магазина автоматных патронов.

По почерку было понятно, что это сигнал, но кому, милиционеры не понимали. Зато хорошо понимали «вымпела». Вернувшийся из Москвы резидент передал через тайник сообщение: «Это были наши люди. Нас сдали. Получил приказ свернуть оперативную деятельность и срочно вернуться на базу».

Вскоре истек срок и командировки Сергея. Сухо попрощавшись с Поляничко и Корецким, Сергей с ощущением честно сделанной, но мало полезной работы, загрузил своих бойцов на борт к Володе Таланову. В Москве, как всегда, было намного холоднее, чем в местах его очередной командировки. Дома Марина накрыла стол и напекла домашних пирогов. Стараясь не думать о работе, Сергей с удовольствием прилег под бочок к заждавшейся его жене. Зазвонивший телефон так и не дал ему дотронуться до любимой женщины. Дежурный по отделу казенным голосом сообщил:

— Товарищ майор, тревога! Вся часть срочно вылетает во Владикавказ, там ЧП.

— Ты что, шутишь, лейтенант? — Сергей оторопел от такого поворота событий. — Я только что прилетел из Владикавказа!

Приехав в часть, Сергей узнал, что Поляничко и Корецкого расстреляли на подъезде к Тарскому. Сменившая группу Туева свердловская «Альфа» прямо после приземления выполнила приказ Поляничко и, экипировавшись в легкие бронежилеты, на трех «волгах» выехала с ним в горное село. На подъезде к селу у крутого изгиба дороги, который так не нравился Сергею, их расстреляли из двух пулеметов. Поляничко погиб на месте, Корецкий, раненный в бедро, умер от болевого шока. В засаде погибли и два офицера «Альфы».

После этих двух событий, отношение к «Вымпелу» резко изменилось. Сначала их выселили с госдач в гостиницу «Интурист» на берегу Терека. А потом и вовсе перевели в казармы местного военного училища. Самое неприятное заключалось в том, что «Вымпелу» поменяли характер задач. Словно в насмешку и назидание за «неправильное поведение» их прикрепили в качестве бойцов охраны к самым обычным следакам.

Иногда одного молодого следователя в чине лейтенанта или старшего лейтенанта охраняли двое, а то и трое старших офицеров «Вымпела», у каждого из которых за плечами были десятки боевых командировок, правительственные награды, несколько иностранных языков и два-три высших образования.

— Это они нас «лечат», чтоб не умничали, — плевался от досады Бек. — Помни мое слово: эти суки специально стравливают Россию с Кавказом!

— Зачем? Им же от этого только хуже будет, — не разобрал логики Бека Сергей.

— А чтобы народу было кого ненавидеть больше, чем их!

Обилие во Владикавказе военных и силовиков из разного рода спецслужб никак не влияло на качество их работы. Сергей окончательно убедился, что реальные причины нападения ингушей на Пригородный район никто расследовать не собирался. После демонстративного расстрела агентуры «Вымпела» неизвестными боевиками офицеры следственной группы стали чураться излишне любопытных офицеров из Балашихи и не делились с ними вообще никакой оперативной информацией.

Эти внезапные изменения в отношениях были настолько очевидны, что испытывающие чувство неловкости следаки, наконец, сознались, что приказ ни о чем не рассказывать «вымпелам» пришел к ним прямо из Москвы.

Ближе к зиме согнанные со всей России следователи, опера и военные начали потихоньку сходить с ума и откровенно спиваться. В казарме стало опасно спать: каждый вечер кто-то напивался до чертиков и начинал палить из имевшегося под рукой табельного оружия по фанерным межкомнатным перегородкам. Один раз длинная автоматная очередь прошла стену комнаты, в которой отдыхали «вымпела». Оказалось, что это началась белая горячка у заместителя руководителя следственной группы.

В качестве культурной программы офицеров иногда вывозили в Цейское ущелье или поближе — на красивое горное озеро недалеко от Владикавказа. Содержание культурного досуга при этом мало отличалось от традиционного в казарме.

На озере, шатаясь от выпитой водки, к Сергею подошел огромный, двухметрового роста бугай из военной контрразведки и, протягивая граженный стакан, до краев наполненный бесланской водкой, коротко сформулировал свое предложение:

— Пей!

— Я не пью, — устало отказался Сергей.

Не понимая, какие у нормального человека могут быть основания не пить в этой искусственно созданной заднице, контрразведчик долго смотрел на Сергея мутным взглядом, пока не нашел убедительного объяснения этом феномену:

— Не пьешь, значит, бабник!

«Полковнику никто не пишет»

В один из тех редких периодов, когда Сергей находился не на «кавказских пожарах», а на объекте в Москве, ему позвонила мать и сказала, что отец лежит в Подольском госпитале с инсультом.

Отец давно знал про свои проблемы со здоровьем и с беззаботным, почти веселым видом рассказывал, что долго не проживет. Первый инфаркт у него случился в двадцать восемь лет, когда его перебросили из заполярного Тикси в жаркий Краснодар.

Уже дома, в Климовске, мать рассказала сыну, как все случилось. Отец, словно предчувствуя беду, сам засобиравшись в госпиталь.

— Если после обеда не вернусь, меня не жди и не ищи, значит, я лег в кардиологию, — проинструктировал он Анну перед выходом.

Не дождавшись мужа, утром следующего дня Анна поехала в госпиталь. В кардиологии Александра не оказалось. В справочной она с ужасом узнала, что муж лежит в реанимации. Когда она пробилась за разъяснениями к начальнику отделения, местная медсестра еще и отчитала ее:

— Что же вы так поздно мужа разыскиваете? Его к нам еще вчера до обеда привезли!

Оказалось, что, выйдя из квартиры, Александр сумел дойти лишь до автобусной остановки. Инсульт случился уже там. Находившиеся рядом люди вызвали скорую. Бригада, пытаясь установить хоть какую-то информацию о бессознательном пациенте, наткнулась на медицинскую книжку офицера запаса и сразу отвезла его в госпиталь в Подольск.

Поговорив, сын и мать поехали в госпиталь уже вдвоем. В палате, где лежал отец, были размещены еще семь человек, в основном солдаты срочной службы. Тусклый свет еле освещал большое помещение с обшарпанными, давно не крашенными стенами. Отец, все еще без сознания, лежал на оранжевой клеенке, прикрытый сверху несвежей простыней. Вокруг кровати стоял неприятный запах. Безучастные бойцы, занятые своими делами, лежали на кроватях. «Неужели это все, что он заслужил за тридцать три года службы?» — со злостью и горечью подумал Сергей.

Вызванный по просьбе Туевых, начальник отделения только разводил руками:

— Денег нет, лекарств нет, делаем все, что в наших силах.

Сергей не выдержал:

— У вас что, денег и на вторую простыню нет? Или просто клеенка для вас удобнее? Стряхнул мочу и готово! К вам офицера привезли, а не животное!

Начальник отделения напрягся, вызвал дежурную медсестру и устроил ей разнос на всю палату. Сергей не раз видел этот дешевый прием и хорошо знал, что с его уходом все вернется на свои места. Его парализованный

отец здесь был не нужен никому, кроме своей жены, которая уже поняла, какой горький груз новых забот вдруг упал на ее когда-то сильные плечи.

Отчего-то Сергей вспомнил, что еще в конце 70-х, когда отца перевели из ГДР в ЛенВО, он сумел отстоять для старшего брата квартиру в Мичуринске, которую КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) решила незаконно отобрать у взрослого сына офицера, чтобы не терять для части жилищный фонд.

Александр, заручившись характеристиками партийной организации, «дошел» до самого главкома ВВС маршала Кутахова, и ему, обычному майору, каких тогда было тысячи, пошли навстречу. Отец выиграл этот спор, потому что закон и справедливость были на его стороне, а институт Вооруженных сил еще защищал интересы своих служивших стране офицеров.

Через несколько недель Анна забрала мужа домой. К Александру вернулось сознание, но пропал рассудок. Это было неизвестное Сергею человеческое существо, очень похожее на его отца. Парализованный, с разрушенным интеллектом отец едва двигал правой ногой и рукой. Он смутно узнавал жену и сына, но вел себя, как затравленный, смертельно напуганный зверек. Глядя на отца, Сергей понимал, что уход за ним подорвет здоровье и психику матери, но поделать ничего не мог — уже на следующий день ему надо было снова собираться во Владикавказ.

Квартира Туевых-старших из жизнерадостного, постоянно заполненного энергией Анны семейного очага превратилась в приют безысходности. Несмотря на уколы дорогого импортного лекарства, который с трудом доставала «по блату» работавшая в медицинской сфере старшая невестка Александра Татьяна, рассудок к отцу так и не вернулся. Болезнь прогрессировала. Начались повторные микроинсульты. Два раза отца отвозили в госпиталь и снова возвращали домой в силу безнадежного состояния больного.

Перед самым Новым, 1993 годом отца госпитализировали в последний раз. Врачи предупредили Анну, чтобы она собирала детей и готовилась к худшему. Сергей, в очередной раз прилетевший из беспокойной Осетии, успел еще раз увидеть отца. Врач долго уговаривал Сергея не делать этого, но, в конце концов, сдался и, протянув ему белый халат, провел в реанимацию.

Отец был подключен к аппарату искусственного дыхания, но выглядело это совсем не так, как в кино. От его избыточного когда-то веса не осталось и следа. Он больше походил на маленький, легкий, как пушинка, скелетик. Грудь его высоко вздымалась от тяжелого, нагнетаемого аппаратом дыхания. Казалось, что в конце каждого вдоха он даже подпрыгивал, выгибаясь всем телом, чтобы вдохнуть в себя как можно больше поступающего из шлангов кислорода. На его лице была гримаса испуга и боли.

Увидев Сергея, Александр на секунду сфокусировал на сыне взгляд и снова вернулся к своей мучительной борьбе с аппаратом дыхания. Сергей понял, что отец его узнал, и был этому рад.

— Я же говорил, что не надо вам это видеть, — мрачно, словно оправдываясь, произнес реаниматолог, когда вместе с Сергеем они вернулись в ординаторскую.

— Док, это мой отец, а не ваш. Мне виднее, что видеть, а что нет.

Когда Сергей вернулся в Климовск к матери, ей уже позвонили, что отца не стало. Случилось это 28 декабря, в то время, когда вся страна готовилась к новогодним праздникам.

В части Сергею выделили армейскую санитарную машину, чтобы он быстрее мог решить все вопросы с похоронами. Когда организационные дела были завершены, оказалось, что на Балашихинском кладбище, где Сергей, посоветовавшись с матерью, решил похоронить отца, запили рабочие и копать могилу надо было самим.

Отдел, не прекращавший боевой подготовки и в промежутках между выездами на Кавказ, только что вернулся с суточных лесных занятий. На улице стоял мороз тридцать градусов. Услышав про беду Сергея, офицеры развернули «шишиги» в сторону кладбища. «Вымпела» хорошо знали этот район: очень часто в районе Новой деревни они тренировались в спортивном ориентировании, и на их картах кладбище было одним из основных ориентиров.

В ночь с 29 на 30 декабря на участке, выделенном под захоронение отца Сергея, офицеры развели огромные костры и при свете автомобильных фар, меняя друг друга, ломами и лопатами начали расковыривать замерзшую землю.

Василий не пустил Сергея, рвавшегося на помощь только что вышедшим из леса, уставшим, не спавшим двое суток разведчикам:

— Примета плохая. Дети могилы родителям не копают, чтобы следом не отправиться.

Утром весь отдел, в летном зимнем обмундировании с оружием и холостыми боеприпасами, снова прибыл на кладбище. Привезя на выделенной ему «санитарке» гроб с телом отца в парадной летной форме, Сергей заметил, как оживилась и обрадовалась его мать, увидев почетный караул из сослуживцев сына. После стольких мучений, отсутствия хоть какой-то помощи со стороны государства и унижительно бесперспективной борьбы за жизнь мужа ей было очень важно, чтобы ему были отданы положенные по Уставу воинские почести.

Сергей тоже был благодарен своим друзьям и командирам, не бросившим его один на один с семейными проблемами в наступившей предпраздничной суете. Когда прогремел прощальный салют и отдел поехал на Карбышева, 5, где Марина уже накрыла стол для поминок, Анна захотела еще чуть-чуть побыть на могиле мужа.

Мороз отступил градусов до двадцати, небо затянуло низкими серыми тучами, начала мести промозглая, пронизывающая до костей поземка. У свежей могилы отца без слов и плача стояли Анна, старший сын Виталий с женой и сам Сергей. Сестры отца сильно болели и не смогли приехать на похороны брата с далекого Южного Урала.

«Логичный финал для честного советского офицера, всю жизнь, как перекати-поле, мотавшегося по военным гарнизонам, — подводя итоги жизни отца, подумал Сергей. — Ни корней, ни друзей, ни знакомых. И стране до тебя — никакого дела».

Арзамас-16

В конце февраля 1993-го Сергея вызвали к командиру части. Генерал Герасимов, переведенный на должность командира части из ГРУ, сообщил, что «Вымпелу» поставлена задача проверить на предмет защищенности от возможной диверсии самый охраняемый ядерный объект страны — федеральный центр по производству ядерных боеприпасов в закрытом городе Арзамас-16.

— Товарищ генерал, — зная доброе к нему отношение Герасимова, не по уставу возразил Сергей, — ну, какие учения в такой обстановке? Мы завязли по уши во Владикавказе. Офицеры семей не видят — постоянно сидят в горячих точках.

— Да знаю я все, Сережа, знаю. Но такой объект в стране один. В советское время он считался абсолютно неприступным. Там у контрразведки агенты больше, чем местного населения. А как там дела на самом деле, никто, кроме нас, не определит.

Сергей, уже отвыкший от учебных мероприятий, еще немного поспроотивлялся:

— К таким учениям готовиться надо месяца три. Систему защиты изучить. Понаблюдать не спеша.

Генерал улыбнулся:

— Три месяца я тебе не обещаю, а на три недели рассчитывать можешь. В Ногинск поезжай, в учебный центр инженерных войск — там тебе напомним про технические средства охраны. Ну а если твою группу в Арзамасе задержат, не взыщу — не все же тебе сухим из воды выходить. После БЖРК и так тебя все везунчиком называют.

Сергей понял, что сопротивление бесполезно, и засобиравшись обратно в отдел.

— Задержись на минутку. У меня сейчас совещание будет. Хочу нового офицера представить.

Вскоре за столом у генерала собрались начальники отделов и находившиеся в части командиры боевых групп. Майор Туев, несмотря на молодость, считался одним из самых опытных и результативных командиров

«Вымпела»: к двадцати девяти годам у него за плечами был Афган, сложнейшие оперативные учения, многочисленные командировки на Кавказ, опыт работы в Западной Европе, правительственные и ведомственные награды.

Когда адъютант Герасимова открыл дверь и пригласил для представления коллегам нового офицера, Сергей увидел до боли знакомую, постаревшую, но по-прежнему красную, как помидор, морду начальника курсантской столовой. На этот раз на ней было подобострастное выражение заискивающего просителя.

— Капитан Куценко! Прошу любить и жаловать, — представил новичка Герасимов. — Назначен на должность начальника столовой нашей части.

Сергей с удивлением смотрел на толстого капитана, за тринадцать лет после их первой встречи не сумевшего продвинуться по службе ни на одну новую звездочку и хотя бы на один шаг в табели о рангах. С трудом верилось, что этот излучающий доброжелательность толстяк когда-то выбивал из-под него стул и, брызгая во все стороны слюной, матюками заставлял бесправного первогодка драить варочные цеха пограничного училища.

— Вот и свиделись, капитан, — Сергей пристально посмотрел в глаза новому-старому начальнику столовой.

— Не припомню, товарищ майор. Мы встречались? — словно испугавшись чего-то, засуетился Куценко.

— Встречались. В другой жизни и при других обстоятельствах, — не захотел ничего объяснять Сергей. Свиданием с капитаном Куценко он был удовлетворен.

Три недели, отведенные Сергеем для подготовки к учебному захвату цеха по производству ядерных боеприпасов, не прошли даром. С утра до вечера офицеры группы работали над темой «Преодоление препятствий и инженерно-технических заграждений противника».

Натяжные, инфракрасные, емкостные и другие датчики систем сигнализаций были изучены офицерами до мельчайших подробностей. Но самое главное — Сергей попросил всех наиболее опытных разведчиков «Вымпела» поделиться разными способами их преодоления, изученными в других странах.

Бек делился афганским опытом, Юра Боголюбов, после ранения на площади трех вокзалов уже сидевший в инвалидной коляске, рассказывал, как работают кубинцы, Коля Корзиенко показывал вьетнамскую технику. Особенно интересно было видеть, как Николай ползет по-вьетнамски со скоростью пять сантиметров в минуту. Кому-то это могло показаться маразмом, но только не «вымпелам». За час таким способом можно преодолеть целых три метра! При этом даже опытный наблюдатель при грамотно подобранном камуфляже не заметит никаких передвижений, а некоторые виды датчиков при такой скорости движения объекта просто не работают.

Вместо привычных тренировок в спортзале и традиционных для зимы лыжных гонок Сергей ежедневно бегал со своими офицерами по снежной целине. Благо снега в тот год в Подмоскovie навалило по грудь. Кто-то даже крутил пальцами у виска — чудит Туев! Ворчали и подчиненные ему молодые офицеры:

— Брось, командир. Над нами уже все отделы ржут. Опять, говорят, «боевые сурки» Туева в поход собираются.

После выхода на экраны мультика про Чипа и Дейла, зная про увлечение Сергея детскими лагерями, местные зубоскалы действительно приклеили его группе такое название. Но он не обращал на это никакого внимания. Он хорошо понимал, что на бросок из исходного района до колючки закрытого города Арзамас-16 у него будет не более одной ночи, а поскольку все дороги будут перекрыты засадами, группе надо будет «скакать» по заснеженным полям. Снова и снова он уже сам цитировал своим молодым офицерам коронную фразу старых «вымпелов»: «Держитесь, мужики! Тяжело в учении — в бою легче не будет».

Разрабатывая план штурма засекреченного Арзамаса-16, Сергей понимал, что исходный рубеж для начала атаки должен быть намного дальше от объекта, чем радиус контрразведывательных мер, намеченных условным противником. Именно поэтому он решил действовать с позиций Нижнего Новгорода, откуда до заданной цели было около пяти часов езды на машине.

Когда группа разведчиков вышла из фирменного поезда Москва — Нижний Новгород, Сергей с горьким вздохом посмотрел на своих офицеров: молодые спортивного вида мужчины, одетые в нейлоновые зимние костюмы с одинаковыми туристическими рюкзаками и торчащими из них концами обрезанных охотничьих лыж, сразу привлекали к себе внимание.

— Ничего себе «группа в полосатых купальниках» нарисовалась, — еще больше испортил настроение Сергею его зам по боевой работе десантник Юра Павлюк.

— Не каркай, все путем! Мы по легенде — спортсмены-лыжники, — огрызнулся невыспавшийся в поезде Сергей.

Легенда, которую разработали разведчики для работы в особо охраняемой зоне, была действительно на грани фолла: согласно ей некая московская турфирма, работающая с паломниками, получила заказ на прокладку лыжного маршрута для семинаристов православных училищ по святым местам Серафима Саровского.

Благо места эти располагались в непосредственной близости от нужного им закрытого города. На этот раз Сергей не стал ломать голову над более сложной и убедительной легендой, так как хорошо знал, что, попадись они в руки контрразведчиков, любая легенда не устоит и суток. Особенно здесь и сейчас — в период усиления контрразведывательного режима вокруг самого режимного объекта страны. Какая бы ни была легенда, но на территории,

кишащей агентурой, возвращаемой еще со времен Лаврентия Берии, любой новый человек в окрестностях атомного центра неизбежно попадал под колпак спецслужб.

Выход из этого оперативного тупика мог быть только один — работать с позиции леса и не заходить ни в один из населенных пунктов, расположенных в радиусе ста километров от секретного города физиков-ядерщиков.

Для изучения ситуации на месте Сергей решил применить «челночную» тактику: каждый из шести разведчиков должен был лишь один раз выйти на разведку к периметру Арзамаса-16, одним мазком «срисовать» в своем секторе необходимую для командира информацию и вернуться в Нижний. В случае засветки разведчики должны были передать собранную информацию через тайник и, не возвращаясь на базу, отправляться в Москву.

Сам Сергей, как паук, намеревался сидеть в центре создаваемой им разведывательной сети в Нижнем Новгороде, оценивать на основании полученных данных обстановку и принимать решение о проникновении в секретный город. Готового рецепта, как это делать, у него не было.

В гостинице «Волга» разместиться в номерах сразу не получилось — время прибытия «спортсменов» совпало с пересменкой администраторов. Усевшись в мягких креслах холла, восемь здоровых молодых мужиков мирно дремали, бдительно придерживая свои рюкзаки со спрятанными в них автоматами и средствами, имитирующими взрывные устройства.

На свой страх и риск Сергей откровенно нарушал принятые в «Вымпеле» правила размещения — селиться в гостинице, да еще всей разведгруппе, было категорически запрещено. Туев шел на это, зная, что в Нижнем Новгороде их никто искать не будет — слишком далеко разведчики находились от места выполнения поставленной задачи. К тому же и контрразведчики вряд ли ожидали от «вымпелов» такой наглости.

Сквозь полудрему, в сумраке постепенно светлеющего дня Сергей заметил, как к его заму подошел незнакомый мужчина и, предъявив какую-то корочку, начал задавать вопросы. Юра Павлюк, курировавший в группе боевую подготовку, отвечать на вопросы незнакомца не стал и перенаправил его напрямик к Сергею.

— Корреспондент ИТАР-ТАСС по Нижегородской области, — представился Сергею подошедший незнакомец. — Мне сказали, что вы старший группы. Расскажите, пожалуйста, что вы за команда, с какой целью прибыли в город и почему у вас такое странное снаряжение.

«Неужели нас пасли прямо из Москвы?» — тоскливо подумал Сергей, но не моргнув глазом выдал легенду про паломников, Серафима Саровского и туристический маршрут по святым местам. Корреспондент оживился и предложил свою помощь:

— Как интересно! Неужели в Москве хоть кто-то понял, насколько важно приобщать молодежь к истории России и ее духовным покровителям?

Я вам обязательно помогу — вот моя карточка. Знаете, я много писал на эту тему, работал в архивах. Очень интересная тема.

Когда корреспондент ушел, разведчики окружили командира:

— Что думаешь — подстава? Пора ехать назад? — флегматично пошутил Юра.

— Поначалу я тоже так подумал, но похоже, и корреспондент, и ИТАР-ТАСС самые настоящие. Для закрепления легенды надо бы дать ему интервью, — Сергей повернулся и нашел глазами лейтенанта Вадима Фрунзе, недавно прибывшего из пограничного училища чернявого общительного одессита с легендарной фамилией революционного маршала. — Фрунзик, в Москве с исторической частью легенды ты работал? Тебе и карты в руки: мужик и архивы за тобой. Высший класс — это достать дореволюционную карту Сарова с окрестностями.

— Принято, командир. А нельзя было корреспондентку лет двадцати подцепить вместо этого потрепанного мужлана? Мужики и старенькая профессура — не мой профиль.

— Вадик, твой профиль, на период выполнения поставленной задачи буду определять я, — недобро отбрил шутника Сергей.

Помощь корреспондента пришлось как нельзя кстати. Вадим добросовестно отработал все журналистские связи. Как настоящий архивариус, он целую неделю прожил в нижегородском областном архиве и, наконец, принес Сергею ксерокопию уникальной карты Сарова с отмеченными на ней святыми местами Серафима Саровского.

Вадим даже показал эту карту местному профессору — другу корреспондента и, как выяснилось, университетскому преподавателю главы администрации поселка Дивеево — прославленного своим монастырем и находящегося в непосредственной близости от секретного города.

Дивеевский монастырь издавна считался одним из главных земных пределов Божьей Матери, был известен на всю страну своими чудесами исцеления и чуть ли не крупнейшим центром паломничества в России. «Не такая уж слабая у нас легенда, — подумал Сергей после доклада Фрунзика, — сама ведет к выполнению задачи».

Вооружившись добытой картой и наложив ее на топографическую карту генштаба, Сергей нашел, что в дореволюционной России топографы и геодезисты не зря ели свой хлеб — рельеф местности в точности совпадал с современной военной картой. Что касается самого города, то Саров на старинной карте был представлен гораздо лучше, чем Арзамас-16 на карте советского генштаба. Засекреченного города физиков-ядерщиков на советской карте просто не существовало!

Сделав ксерокопии старинной карты, Сергей проинструктировал своих офицеров и отправил их на разведку не существовавшего на карте города. Из шести разведчиков двое все-таки попали в поле зрения местной контрразведки и, заложив в тайники результаты визуальной разведки, убыли

в Москву. К исходу второго дня Сергей располагал не только старинной картой, но и подробными сведениями о местности, составленными по результатам визуальной разведки.

Из докладов разведчиков следовало, что на подступах к городу раскинута широкая сеть скрытых «секретов», а все дороги, включая лесные, патрулируются мобильными группами. В дневное время с воздуха постоянно работают вертолеты. Несмотря на это, вернувшиеся из разведки офицеры доложили, что к охраняемому периметру города можно незаметно подойти по распадку, засыпанному глубокими сугробами и поросшему густым лесом с завалами из сушняка и бурелома.

«Секреты» противника прикрывали только вход в этот естественный коридор, но если «врезаться» в него в другом месте, то дорога на Арзамас-16 была бы открыта.

Кроме того, входившие в состав группы Сергея боевые пловцы доложили, что успешное проникновение в город можно обеспечить по руслу реки, впадающей в Арзамас-16. Правда, для этого требовались как минимум зимние гидрокостюмы.

Вадим Фрунзе, которому единственному было разрешено вступить в контакт с местным населением и проверить контакт, переданный по линии корреспондента ИТАР-ТАСС, встретился с главой дивеевской администрации. Передав привет от любимого университетского профессора и вручив главе дореволюционную карту Дивеева, оформленную в дорожной, купленный на последние оперативные деньги багет, Фрунзик добился самого главного: глава Дивеева пообещал сделать ему пропуск в Арзамас-16 и лично провести по местам, связанным с именем Серафима Саровского.

— Только потерпи немного, — попросил разведчика расстроженный картой и приветом от профессора глава. — У нас тут комитетчики взбесились — ловят каких-то диверсантов. Весь город на уши поставили, каждый день инструктажи проводят. Ты когда входил, в дверях с мужиком столкнулся — начальник горотдела КГБ собственной персоной пожаловал. Говорит, если хоть одна живая душа произнесет слово Арзамас-16, немедленно ему звонить.

После щедрого обеда глава поселка с Фрунзиком поехал к настоятельнице дивеевского женского монастыря и лично поселил Вадима вместе с его напарником-боевиком в гостинице для паломников. Анатолий Пичуров, работавший с Вадимом в паре боевой плавец, оборудовал в выделенной им двухместной келье тайник для хранения оружия и взрывных устройств. Каждый раз, когда Фрунзик возвращался из города, Анатолий требовал от молодого разведчика хлеба и колбасы.

— Угораздило же нас именно в пост сюда попасть, — ворчал вечно голодный новоиспеченный «паломник». — Пустая гороховая каша на воде каждый день и сухарики! Везет вам, операм, хоть пожрать как люди можете.

О результатах подготовки к штурму и плане проникновения в Арзамас-16 Сергей должен был доложить посреднику. Для встречи с ним он выбрал дешевую пивную возле Речного вокзала.

Начальник первого отдела штаба «Вымпела» полковник Козлов был весьма раздражен тем, что группа оказалась так далеко от места выполнения поставленной задачи, но заслушав доклад о результатах разведки, остался доволен.

— Там уже больше двухсот человек во всех районных КПЗ сидит! — рассмеялся Козлов. — А твои умники, выходит, как ниндзя, только по ночам на пару часов появляются и с рассветом уходят. Молодец! Сам придумал?

— Нет, местные контрразведчики надоумили, уж больно хорошо работают, — отшутился Сергей и рассказал о предложении боевых пловцов пройти в город по руслу лесной речушки, впадающей в закрытый город.

— Ну, это все в теории. Где ты водолазное снаряжение возьмешь? — начал придирается к замыслу Сергея посредник.

— Вот оно, — Сергей махнул рукой, и какой-то бомж, рывшийся в мусорном ведре недалеко от беседующих за кружкой пива разведчиков, подтащил полковнику два резиновых мешка с зимними водолазными костюмами, — акваланги тоже имеются.

От бомжа несло мочой так, что полковник не стал проверять содержимое мешков и поверил Сергею на слово.

— Прогони его на хер, воняет, словно он целый год под себя ссал, — проворчал Козлов. — Нашел тоже с кем связываться. Еще мандавошек домой привезу!

Бомж, словно обидевшись, повернулся к посреднику и протянул тому полиэтиленовый пакет с намазанным внутри клеем «Момент»:

— Будешь, падла, или побрезгуешь? — с угрозой прошипел бомж и неожиданно добавил: — Я эти джинсы, Владимир Сергеевич, только вчера обоссал и по приказу командира на батарее высушил. Майор Туев считает, что иначе образ бомжа будет неубедительным.

Козлов хмыкнул. В бомже он, наконец, узнал старшего прапорщика Корнеева.

— Ладно, если только вчера, то потерплю. Тебе проще — свое не пахнет. А вообще молодцы. Костюмы-то где достали?

— А здесь и достали, — Сергей кивнул на Речной вокзал. — У спасателей за три пузыря на неделю арендовали.

Для второй встречи с посредником Сергеем пришлось добираться аж до Арзамаса. Не до того, что Арзамас-16, а того, откуда был родом дед его недавнего клиента Егора Гайдара — детский писатель Аркадий Гайдар, — провинциального городка, давшего свое имя секретному ядерному объекту.

На этот раз посредники сами настояли, чтобы Туев остановился в гостинице. Находилась она на самой окраине города. Сразу за ней начинался

лес. Гостиницей оказался старый деревянный барак, похожий на первый корпус старой базы «Вымпела» возле ДОРНИИ в Балашихе. Такой же старый, подгнивший и пропахший мышами. Внутри было жарко натоплено, и после назначенной посредником встречи Сергей рассчитывал отдохнуть и всласть отоспаться после восьми часов дороги на перекладных автобусах.

На этот раз на встречу вышел другой посредник «Вымпела» — его тезка подполковник Сергей Курочкин. Он сообщил, что группе Туева засчитана полная победа и что такой способ проникновения, как водолазный проход по дну реки в закрытый город, до них никто не рассматривал.

— Только у нас к тебе просьба есть, — замялся Курочкин. — Посредники с той стороны просят, чтобы ты их в лоб штурманул, на участке не более пяти сот метров. Вот карта, здесь все помечено.

— Как это? Я должен буду сам залезть в западню, а они на нас своих собак натравят. Может, они еще и флажки красные повесят? — изумился от таких условий Сергей.

— Что тебе собаки? В первый раз, что ли? А мужикам будет чем отчитаться перед начальством. Нельзя же их «всухую» наказывать. Нам с ними еще работать, — умоляюще посмотрел на Сергея посредник. — А потом до собак еще дойти надо. Может, они вас еще на дальних подступах засекут. Там же под каждым кустом боец сидеть будет.

— Все?

— Время выхода на исходный рубеж для штурма — послезавтра в четыре утра, — Сергей Курочкин, словно стесняясь чего-то, на прощание пожал Сергею руку. — Погоди, я тут наружку на плечах привел. Извини, ничего личного, только бизнес. Вот теперь все.

— Спасибо, что предупредил, — Сергей понял, что вместо сна в протопленной деревянной гостинице ему предстоит уходить от преследования по ночному мартовскому лесу. — Чтоб тебе на пенсии «подставлялой» работать! Погоди три минуты — я пока твою карту со своей схемой сличу. Только заскочу в галюн на минутку.

Зайдя в туалет, Сергей открыл фрамугу и со второго этажа выпрыгнул в глубокий, спрессовавшийся за долгую зиму снег. Дожидаясь посредника, он успел изучить все подступы к гостинице и знал, если их разговор будут «пасти», то, скорее всего, из машин, припаркованных со стороны главного входа.

Верхнюю одежду Сергей специально оставил на спинке стула в буфете, где они только что говорили с Курочкиным. «Три минуты он меня точно подождет, — подумал он, — еще две минуты они будут решение принимать. Ну а за пять минут я уже далеко буду».

Сергей уверенно побежал в ночной лес, хорошо представляя, куда ему надо двигаться и сколько времени займет эта ночная пробежка — без плана действий на случай провала он никогда не приступал к серьезной работе.

«Хорошо живет на свете Ви-ни-пух! Оттого поет он эти песни вслух!» — как герой фильма «В зоне особого внимания», замурлыкал себе под нос Сергей, в такт песне подстраивая ритм бега. Пробежка по глубокому снегу после двух недель сидения в Нижнем Новгороде его даже развлекла. «Эх, не зря мы бегали по сугробам, товарищи «боевые сурки»!» — весело крутилось в голове у Сергея от азарта и удовлетворения от собственной предсмотрительности. Через тридцать секунд его силуэт мелькнул на фоне освещенной луной опушки и растворился в черном сосновом лесу.

Через день группа Туева снялась со своей «базы» в Нижнем Новгороде. Для поездки в нужный им район разведчики арендовали «пазик», расплатившись с водителем все той же водкой и немного рублями. Дорога в исходный район на автобусе заняла около шести часов. За тридцать километров до периметра закрытого города офицеры спешили и на лыжах побежали по заранее проложенному маршруту.

Лыжные гонки, как только снег становился слишком глубоким, перемежались с уже отработанным бегом по сугробам и наледям. С выходом на участки, где снега было поменьше или наст покрепче, разведчики снова вставали на лыжи и прибавляли скорость. На марш-бросок и просачивание через секреты противника у них было одиннадцать часов темного времени.

За десять километров до нужного рубежа офицеры снизили скорость и выдвинули вперед наиболее опытных следопытов. Задача следопытов состояла в своевременном обнаружении скрытых постов противника — секретов. Солдаты внутренних войск выдавали себя, прежде всего, сигаретами. Красные огоньки раскуренных сигарок в темной морозной ночи лучше всего показывали их «секретные» лежки.

В 3.55 группа залегла в небольшом овраге в десяти метрах от первого рубежа колючей проволоки, огораживавшей Арзамас-16. В это время все посредники, как от «Вымпела», так и от противоборствующей стороны, сонно дремали в штабе управления учениями, превращенном в эту ночь в усиленный караул по охране и обороне секретного города. До начала «атаки» оставались считанные минуты, но ни один из многочисленных секретов о приближении диверсантов «Вымпела» еще не доложил.

— Заблудились ваши «вымпела», Владимир Сергеевич, — начали подкалывать полковника Козлова посредники от МВД. — Снега много, увязли поди.

Насупившись, Курочкин и Козлов посмотрели на свои портативные радиостанции, настроенные на волну Туева. С момента начала учений прошло уже около трех недель, и все это время радиостанции молчали, как мертвые.

На «Маяке» пропикало точное время. «В Москве — четыре часа утра», — под убаюкивающую музыку сообщил диктор. Неожиданно, без треска эфира, словно тот, кто нарушил караульную тишину, находился прямо в этом помещении, прозвучал отчетливый доклад Туева: «Посредник, я «Группа», нахожусь на рубеже атаки. К выполнению задачи готов».

Что тут началось! Десятки офицеров подскочили со своих мест и побежали к своим тревожным группам, в ружьях спавшие прямо в форме бойцы хватали автоматы и стремглав летели за своими офицерами. На лицах еще минуту назад угрюмых посредников «Вымпела» играла торжествующая улыбка.

— Едри их мать, Серега! Похоже, Туев и его ребята даже здесь всех сделали! По моим расчетам, они не дальше трехсот метров от нас находятся.

Группа Туева на самом деле была гораздо ближе к караульному помещению. Володя Корнеев был направлен на самый дальний фланг с задачей устроить срабатывание сигнализации, отвлечь на себя тревожные группы и сдать-ся под легендой заблудившегося туриста-паломника. Остальные разведчики группы прорыва залегли в непосредственной близости от административного здания со светящимися всю ночь окнами и офицеров, регулярно выходящих для проверки расставленных караулов. Когда над их головами прогремели сапоги последней тревожной группы, Сергей дал сигнал «Вперед!».

Бежать по расчищенному лесу внутри периметра было значительно легче. Вскоре группа обнаружила за собой погоню. Еще два офицера остались прикрывать шедших на прорыв разведчиков, и уже через пару минут в тылу обвешанных «взрывчаткой» диверсантов раздались подрывы сигнальных мин и стрельба холостыми патронами.

— Командир, — докладывал по радиации Павлюк, — одна тревожная группа условно уничтожена. Готовимся принять следующую.

Наконец, в редющей тени леса показалась долгожданная опушка и еще не проснувшиеся ото сна городские окраины Арзамаса-16. В задачу Сергея входило войти в город. Хотя бы на один шаг. Выскочив на опушку, разведчики невольно рассмеялись: миссия невыполнима — по периметру городской окраины стояли сотни бойцов внутренних войск. Взявшись за руки, как в детской игре колдунчики, они словно ждали, когда из леса выскочат страшные диверсанты-ниндзя и прорвут их сомкнутые цепи.

За спиной залаяли собаки. Первой до Сергея добежала добродушная немецкая овчарка и с любопытством начала обнюхивать людей в белых масках. Сергей угостил пса кусочком галеты и, почесывая лохматого добряка за ухом, дождался, когда к нему подбежит солдат-проводник.

— Твой пес? — поинтересовался Туев.

— Мой, — с радостным любопытством ответил совсем юный рыжий боец.

— А что добрый такой?

— В меня, наверное, — без тени страха отвечал караульный.

— Молодец! В отпуск поедешь — диверсантов поймал. Мы сдаемся. Правда, мужики? — обратился Сергей к другим разведчикам.

— Правда, правда, — подыгрывая командиру, засмеялись офицеры.

После ночного броска офицеры отоспались, сходили в баню, а вечером к ним в гостиницу вместе со вчерашними «врагами»-контрразведчиками пришли такие же молодые, как сами диверсанты, ученые из ядерного центра. С гитарами, коньяком и хорошей закуской.

Молодые мужчины смотрели друг на друга с уважением и гордостью за свою страну. Сергей думал о том, как здорово, что такие молодые увлеченные ребята продолжают традиции советского «термояда». Ученые с детской завистью смотрели на представленных им «ниндзя» — подтянутых «вымпелов» в черных штурмовых костюмах с проглядывающими под горлом десантными тельняшками.

Говорили, как водится у пьяных мужиков, в основном о работе. Вскоре выяснилось, что один из физиков занимается твердыми сплавами и изобрел пластины, которые, с его слов, не пробивает снайперская винтовка.

— Ну, это ты загнул, — захмелевшие и перешедшие на ты, разведчики и молодые ученые общались, словно были знакомы тысячу лет, — СВД бронетранспортер на два борта пробивает! Сколько раз в Афгане это было.

Чтобы выяснить, кто прав, на следующий день было решено провести стендовые испытания. «Стендовые испытания» было решено продолжить и для группы Сергея.

Тут уже завелись контрразведчики:

— Ну хорошо, мужики! — горячился начальник местного горотдела КГБ. — В город, положим, вы вошли. А дальше что? Как вы на спецплощадки попадете? Там защита не чета городскому периметру будет! Слабо?

— Почему, слабо? — возразил Сергей. — Можно попробовать. Вам же важно знать, проходимы самые главные периметры или нет. Испытания так испытания. Мы готовы. Только давайте уже без оперативных игр. Мы придем, посмотрим и сделаем одну попытку.

— Идет! — ударили по рукам физики, инженеры, контрразведчики и «вымпела».

На следующий день группу Туева доставили к внешнему периметру спецплощадки № 16. Проще говоря — прямо к цеху по производству ядерных боеприпасов. Изнутри на разведчиков Сергея смотрели руководители Центра, офицеры инженерно-технической службы и контрразведчики, затеявшие этот эксперимент.

— Нам нужен шест метров шесть длиной, кусок веревки метра четыре и тридцать минут на подготовку, — попросил у начальника охраны Сергей.

Удивившись, но не сказав ни слова, разведчикам принесли все, что они попросили. Сергей собрал своих товарищей в круг:

— Так, мужики, эту систему мы обыграем. Я уже вижу дыру. Главное — ювелирная точность. Пятеро держат шест: Юра, Толя, Фрунзик — вы спереди поддерживаете. Володя, Виктор — вы обеспечиваете противовес и контролируете расстояние от шеста до проволоки забора. Меня на шесте аккуратно подносите к забору. Не забудьте про емкостные датчики — ближе чем на метр ни я, ни шест, ни веревка к проволоке приближаться не должны. Далее: я спускаю веревку в «дырку» между рубежами технической защиты, опускаюсь на ту сторону забора и «по-вьетнамски» разбираюсь с инфракрасными датчиками. Вопросы?

— Сергей, я только одно не пойму, где ты «дырку» видишь? Забор как забор, все сделано по чертежам. Как во Владимире на полигоне, — удивленно переспросил Сергея Павлюк.

— Юра, ты ТТХ этого забора помнишь? Там козырек должен быть длинной не менее сто пятьдесят сантиметров. А здесь — и семидесяти нет! Отсюда и «дырка» — узенькая, всего восемьдесят сантиметров, и невидимая. Но мы-то знаем, что она есть. Точно знаем! Главное — это опуститься именно в это окно. Все остальное — дело техники.

После короткого инструктажа на виду у местных генералов Сергея, как на колодце-журавле, подняли над окружающим цех забором. Расстояние до проволоки — метра полтора. Емкостные датчики не срабатывают. В невидимую неискушенному взгляду «щель» Сергей осторожно опускает конец веревки и спускается по ней сам уже с той стороны забора.

Как акробат Тибул из сказки про «Трех толстяков», он балансирует руками и словно боится прикоснуться к какой-то невидимой стоящей перед ним стенке. Сработки снова нет! Военные в папах краснеют и начинают потеть, несмотря на мороз.

Сергей осторожно ложится в снег и медленно, со скоростью пять сантиметров в минуту начинает входить в поле действия лучевых датчиков. На преодоление полутора метров перекрываемой лучами зоны у него уходит тридцать минут! Зрителям внутри периметра кажется, что он вообще не движется, но он движется ровно с такой скоростью, которая не позволяет самой современной аппаратуре фиксировать его передвижение. Все: самые сложные рубежи пройдены. Сергей встает и обычным шагом идет к изумленной комиссии.

— Товарищ полковник, — он обращается к начальнику инженерно-технической службы, — вы поняли, почему я смог пройти этот периметр? Вот эти рогатки с колючей проволокой короче требований ТТХ, установленных инструкцией, на восемьдесят сантиметров. Если бы эти «обычные железки» были чуть длиннее, я бы не сумел преодолеть забор без сработки и не смог бы обыграть все последующие датчики.

Покрасневший полковник, не скрывая досады, сорвал с головы папаху и еле выдавил из себя:

— Я же говорил, что надо делать, как инженеры в инструкции написали. А они — экономить надо, экономить! Такой объект с открытой дверью стоял!

Вечером в закрытый город на автобусе приехал весь Четвертый отдел. Начинаясь второй этап учений — теперь уже другие «вымпела» должны были уничтожать условных террористов, захвативших цех по производству ядерных боеприпасов. Только террористами на этот раз выступали уже сами контрразведчики.

В гостинице Сергей узнал, что пластину из неизвестного сплава молодого ученого даже в упор не пробили ни СВД, ни «винторез».

— Не трогайте гения, он мой, — шутливо объяснял всем Бек, уводя к себе молодого изобретателя. — Теперь наша ЖОПА будет всем жопам жопа!

Довольный изобретатель был несколько смущен. Как его бронированная пластинка может быть полезна ЖОПЕ этого обходительного и одновременно настырного азиата, он явно не понимал.

«Крови не будет»

В начале октября 1993-го, уйдя в очередной отпуск, Сергей остался с сыном один. Марину с большим трудом он уговорил уехать в санаторий на «профилактический ремонт».

Сын явно проголодался. Сопя и побрякивая, он вытащил из-под софы огромный немецкий чемодан с десантными пайками, достал банки с сосисочным фаршем и с многозначительным видом отправился на кухню.

Неожиданно запищал и завибрировал мультитон. На дисплее загорелась цифра 1 — сигнал, означающий «Срочно прибыть в распоряжение части». Сергей напрягся — на работе ни для кого не было секретом, что Сергей остался один с маленьким сыном. «Что там опять?» — подумал он и набрал дежурного по отделу.

— Товарищ майор, машины за сотрудниками уже вышли. Исключений ни для кого нет. Если хотите подробности, включите телевизор.

Сергей нажал кнопку пульта заработанного в Афгане «Панасоника». По Москве шли танки. Прикрываемый бронированными пластинами, Ельцин яростно жестикулировал руками. Мрачный Руцкой взывал к защитникам Белого дома.

«Дежавю наоборот, — мрачно подумал Сергей, — сначала был фарс, трагедия только начинается».

В отдел он прибыл одним из первых. Схватив в ружпарке табельное оружие, уже не спеша начал экипироваться. Сидя на ящиках с патронами, сын смотрел на отца с явным уважением. Больше всего из экипировки ему понравился западногерманский пуленепробиваемый шлем TIG с массивным забралом, закрывающим большую часть лица.

— Товарищи офицеры! — зычно рыкнул дежурный офицер, и в комнату, закрепленную за отделением Сергея, вошел командир Группы специального назначения «Вымпел» генерал-майор Герасимов.

В полном боевом снаряжении, офицеры и прапорщики по-кошачьи быстро выстроились в одну шеренгу и замерли по команде «смирно».

— Товарищ генерал-майор! Первое отделение четвертого оперативно-боевого отдела построено. К выполнению боевой задачи готовы. Начальник отделения майор Туев, — Сергей закончил доклад и почувствовал в левой опущенной руке маленькую теплую ладошку сына.

— Быстро собираетесь, молодцы, — похвалил командир разведчиков и без всякого юмора добавил: — Подмогу привели, майор?

— Никак нет, товарищ генерал. Сына не с кем оставить: жена в отъезде, теща никак не может доехать — в Москве кордоны, танки.

— Вот что, Туев, бери машину и отправляйся домой. Дождешься тещу — будешь командовать резервом. И никаких возражений... А сын в строю смотрится хорошо, — улыбнулся Герасимов.

Вернувшись на Карбышева, Сергей увидел сумевшую прорваться через оцепление Лидию. Оставив ей Алексея, Сергей снова бросился на работу. Чтобы сократить время, он решил бежать через хорошо знакомый ему лес. Уже подбегая к части, Сергей увидел хвост уходящей колонны.

Первый раз Сергей наблюдал за действиями «Вымпела» не из боевых порядков, а со стороны. Из всех доступных источников оперативной связи лучше всего работали телевидение и радиостанция «Эхо Москвы». «Командование резервом» в конечном счете свелось к регистрации не успевших вовремя подоспеть в часть офицеров-отпускников. Оперативная связь молчала. Один раз кто-то из штабных позвонил по обычному телефону и передал, что убили Гену Сергеева.

Сергей хорошо знал этого молодого высокого старлея, постоянно спаринговавшего в спортзале с лучшими тренерами «Вымпела» по рукопашке. Гена неоднократно писал рапорта, чтобы его перевели в Группу «А», и наконец, добился своего.

Гену застрелил снайпер, когда он вместе с другими «ашниками» помогал десантникам затаскивать в БМД раненых на площади перед Белым домом бойцов.

— Мы вообще не горели желанием лезть в это дерьмо, — плевался вернувшийся из Белого дома Василий Полищук. — Сначала десантура попросила помочь вытащить их раненых, ну а когда снайпер снял Генку, ясное дело, начали разворачиваться по полной.

— А что, опять никакой команды на штурм не было? — удивился Сергей.

— На этот раз была. Герасимов ее из Ельцина буквально клещами вытащил. Командиров групп собрали прямо у президента. Ждали долго. Наконец, появляется. Весь белый, как восковая кукла, язык еле шевелится, руками еле двигает, а еще что-то изображает. «Эти там засели, понимаешь. Надо их выкурить. Начинайте без промедлений. Если надо, прикроем вас авиацией, танками, понимаешь», — передразнил Ельцина Вася. — Но Герасимов не растерялся и специально переспросил, являются ли его слова приказом.

— Ну, и что Ельцин?

— Сказал, что это приказ. Пока устный, но скоро передадут и в письменном виде.

После получения приказа лично от Ельцина командиры боевых групп собрались в небольшой кружок и обсуждали, что делать дальше. Герасимов попросил обратиться к офицерам от его имени, чтобы каждый для себя принял решение, идти ему на штурм или не идти:

— Приказ получен, надо его выполнять, но я готов набрать штурмовую группу только из добровольцев. Никого неволить не буду.

В этот момент к группе совещавшихся командиров подбежал кто-то из помощников Ельцина в бронежилете, наброшенном прямо на гражданский костюм.

— Ну, что ждете, мужики? Вперед, вперед! Вам же президент сказал!

— Мужик! Иди на х...! — указали направление движения помощнику президента не привыкшие, чтобы их так бесцеремонно прерывали, офицеры. — Если у тебя в жопе свербит, иди сам и воюй!

Возможно, эта фраза стала роковой для «Вымпела»: уже через несколько минут Ельцину доложили, что «вымпела» отказались выполнять его приказ.

Между тем ни от чего не отказывавшиеся «вымпела» построились для отбора добровольцев. Командиры уже довели до своих подчиненных решение Герасимова, и теперь каждый должен был сделать свой выбор.

— Товарищи офицеры! Мое предложение вы уже знаете, я его повторять не буду, — сурово перед общим строем объявил Герасимов. — Добровольцы, шаг вперед — шагом марш!

Василий оценил поступок генерала. Другой на его месте мог бы и не разводить демократию, но Герасимов дал свой шанс каждому. Понимая, что у самого генерала такого выбора нет, Вася шагнул вперед. За ним шагнула вся его группа.

— Ну ладно я, — ворчал он потом на офицеров, — а вам на хера это надо?

— Ты чего, командир? — удивились младшие по званию офицеры. — Ты пошел, значит, и мы за тобой! Иначе кто мы после этого?

Наблюдая за развитием обстановки, Сергей хорошо понимал, что для защитников Белого дома и для страны в целом было большой удачей, что на штурм пошли опытные, неоднократно обстрелянные офицеры. Кроме того, ни у кого не было желания убивать собственных соотечественников. Там, где необстрелянные мальчишки-десантники оставили бы сотни трупов, офицеры группы «А» и группы «Вымпел», оставляли спасенных от смерти людей. Тем более среди осажденных в Белом доме сопротивленцев было немало депутатов Верховного совета, личную безопасность которых еще совсем недавно «вымпела» обеспечивали во Владикавказе. Один из них, депутат Валерий Шуйков, тот самый, который под белым флагом три раза пытался вывести из осажденного парламента детей, узнав в одном из наступающих бойцов Сергея Климова, громко закричал: «Не бойтесь — крови не будет! Это «Вымпел»!»

Докладывали про события в Белом доме и подчиненные Сергею офицеры:

— Понимаешь, выбили мы дверь, врываемся в кабинет. А там мужик с пистолетом борьбой мотивов упражняется: то к виску ствол поднесет,

то на меня направит. Ну я ему — брат, у тебя дети есть? Он кивает. Тогда сдавай ПМ под расписку и иди к семье, детей воспитывать. Но не это страшно. Страшно стало, когда мы депутатов из автобусов у метро выпускали. Понимаешь, они к стенке стали — думали, мы их сейчас расстреливать будем...

До генерала Руцкого первым дошла группа полковника Доценко. Расчищая маршрут не очередями и гранатами, как когда-то во дворце Тадж-Бек, а матюками и перекрикиванием с противоборствующей стороной, полковник добился, чтобы его провели к опальному вице-президенту.

— Товарищ вице-президент, я прошу вас сложить оружие. Мы оба русские офицеры, и делить нам нечего. Вы знаете, что проиграли, а у меня приказ вас арестовать. Если мы развяжем здесь большое сражение, то победителей в нем не будет. Погибнут ни в чем не виноватые мальчишки. Вы же знаете! Мы гордились вами в Афгане. Не подводите нас и теперь.

— Ладно, полковник, давай покурим, — миролюбиво предложил Руцкой.

Доценко достал из накладного кармана скомканную пачку «Примы».

— Ну, едрена вошь! Какое дерьмо курит лучший в мире спецназ! — возмутился Руцкой и крикнул стоявшим за дверями помощникам. — «Мальборо» принесите кто-нибудь!

Через двадцать минут после перекура Доценко передал сдавшегося Руцкого группе «А», и уже она вывела мятежного генерала из Белого дома.

После подавления путча «вымпелов» привлекли к усилению охраны изолятора в Лефортово, где в это время содержались основные организаторы неудавшегося мятежа. Сергей чувствовал себя полным идиотом, вышагивая за тюремными охранниками по внутренним коридорам изолятора.

С задержанными «путчистами» охрана обращалась культурно: не разворачивала к стенке лицом и не заставляла держать руки за спиной. Видеть у себя в качестве эков вчерашнее высшее руководство страны после десятилетий брежневского застоя было непривычно. Задержанные путчисты ходили в спортивных костюмах, держались доброжелательно и почти всегда улыбались сопровождавшим их спецназовцам.

Не менее паршиво чувствовал Сергей, протирая вместе с отделом штаны в спортзале изолятора. Каждый день оперативно-боевые отделы меняли друг друга в Лефортово. Власть, похоже, всерьез опасалась, что удерживаемых здесь неудачников кто-то захочет отбить силой. Кто-то из офицеров качался, местный «шнырь» ползал под расставленными для офицеров панцирными кроватями, Сергей по привычке повторял упражнения из учебника испанского.

Когда дежурства в Лефортовском изоляторе закончились, Сергей понял, что перегорел, как лампочка, — он больше не хотел служить такому

государству. Оно потеряло в его глазах всякий авторитет. Он увидел, что среди лиц, принимающих решения в судьбе «Вымпела», нет людей из когорты тех офицеров, которые были для него образцом.

Василий Полищук подливал масла в огонь:

— Ты не представляешь, как мне было стыдно в этом гребаном Белом доме! Всю жизнь положить на то, чтобы служить своему народу, и вот так стать для него врагом и держимордой!

Но самое большое откровение состояло в том, что впервые за две боевые пятилетки в «Вымпеле» Сергей вдруг понял, что кроме утраченного в одночасье государства у него еще есть семья — жена, маленький сын, одинокая мать, оказавшиеся вдруг такими же беззащитными, как миллионы несчастных людей, которых он видел во время своих командировочных скитаний по СССР и России.

Ельцин так и не простил «Вымпелу» Белый дом. Когда страсти улеглись, было принято решение постепенно избавиться от спецназа госбезопасности, оказавшегося слишком умным, чтобы без разбору стрелять в собственных граждан, недостаточно лояльным и опасным для самой власти укорененными в офицерах советскими ценностями.

Специальным указом в/ч 35690 вместе с новым объектом была передана в состав МВД и переименована из «Вымпела» в «Вегу». Подавляющее большинство офицеров боевых отделов, не желая переучиваться из разведчиков на жандармов, подали рапорта об увольнении.

Новое командование части, пытаясь сохранить хоть какой-то боевой потенциал, бегало по отделам и убеждало офицеров, взывая к их патриотизму:

— Мы давали присягу! Какая разница, где служить своей Родине! — пафосно обращалось оно к собиравшимся на гражданку офицерам.

Кто-то молчал, кто-то отворачивался. Не смолчал только закадычный товарищ Мурмана Саша Задорожный:

— Хватит нас лечить, товарищи генералы и полковники! Где служить Родине действительно неважно. А вот с кем — имеет значение!

Узнав, что Туев подумывает об увольнении, его вызвали на собеседование в «большую разведку».

— У вас очень хорошие рекомендации, мы готовы предложить вам должность помощника начальника отдела в ПГУ, — предложил Сергею куратор из отдела кадров. — Поработаете, покрутитесь у нас лет пять, зарекомендуете себя — включим в резерв на заграникомандировку.

Сергея разобрала такая досада, что он не удержался:

— А я что последние десять лет делал? Вы меня что, с улицы приглашаете? Чтобы я еще пять лет себя зарекомендовывал!

Вернувшись после собеседования с кураторами ПГУ, Сергей написал рапорт об увольнении и подал его «по команде». Начальник отдела кадров полковник Уклонов, которого Сергей знал в роли посредника еще

по читинским учениям, не слишком долго его отговаривал. В конце беседы он приготовил для Сергея свой главный аргумент:

— Только имей в виду — теперь мы будем по разные стороны баррикад. Сергей даже опешил:

— Как легко, оказывается, попасть в список врагов собственной конторы! Это у вас в кадрах правило такое?

Уклонов демонстративно промолчал.

Многие были удивлены поступком Туева: двадцать девять лет, полковничья должность, два языка, два высших образования, уникальный опыт работы и многочисленные успешные операции. Что еще надо офицеру, мечтающему дослужиться до генерала?

Только генеральские лампасы Сергея уже не интересовали. Когда мосты были сожжены, Сергей испытал удивительное чувство эйфории, словно подсознание кричало ему: «Ты прав! Ты прав! Ты прав!»

— А что, Мариш, — обнял он жену, придя домой после подачи рапорта об увольнении, — по-моему, в двадцать девять лет еще не поздно начать все с чистого листа?

«ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАД»

Новые планы

К удивлению Сергея, главная эмоция, которую он переживал после увольнения с воинской службы, была радость. Та самая радость, на которую ссылался его наставник по боевому выживанию Александр Иванович Долматов. Как когда-то, при возвращении из Афганистана, подсознание бурлило и кричало Сергею: «Парень, ты живой! И завтра тебя никто не поднимет в атаку!» Вчерашнему спецназовцу было даже неловко от таких мыслей: за десять лет службы он ни разу не дал повода подумать, что может не справиться с собственным страхом и не подняться по команде «Завхват!» вместе со своими боевыми друзьями.

На гражданке Сергей решил посвятить себя педагогике. В голове вертелись планы создания такой воспитательной системы для молодежи, которая готовила бы из обычных юношей и девушек не просто патриотов России, а энергичных и предприимчивых людей, знающих толк в системном анализе, проектировании способов решения сложных проблем, лидерстве. Задача стояла так: все, чему он научился за десять лет службы в боевой организации нелегальной разведки, следовало превратить в развивающие разновозрастные тренинги и комплексные учения для детей и молодежи. В качестве исходной модели для такого проекта Сергей избрал скаутские методики, открытые им когда-то на американской базе в немецком городе Рейн-Майн и апробированные в ходе нескольких летних сезонов в собственном военно-патриотическом клубе «Кавалергард».

За поддержкой проекта Сергей отправился к ветеранам-афганцам: сначала в Балашихинское отделение Союза ветеранов Афганистана, а потом и в центральный офис РСВА, где уже работал ряд офицеров из «Вымпела». Идеи Сергея были приняты на ура, в штате Союза была открыта для него специальная должность, и впервые в жизни он начал профессионально разрабатывать не спецоперацию, а образовательную экспедицию для подростков.

Проводить экспедицию было решено в Крым: южное море, уникальная природа и множество памятников героической истории прошлого делали полуостров лучшей площадкой для реализации замыслов начинающего воспитателя. За помощью на месте Сергею рекомендовали обратиться к Александру Козлову, больше известному в Симферополе и его окрестностях как Фотич.

Несмотря на то что наводку на Фотича Сергею дали далекие от спецслужб люди, его новый партнер тоже оказался офицером госбезопасности. На закате СССР Александр Козлов служил в техническом подразделении КГБ и хорошо разбирался в «железе» — передающей и принимающей аппаратуре связи. Как и Сергея, Фотича в свое время «пробило» на работу с детьми, что привело к появлению популярного в Симферополе спелеологического клуба для детей и молодежи «Оникс-Тур».

При первом знакомстве Фотич произвел на Сергея впечатление охотника за вурдалаками — человека собранного, злого, готового к любым опасностям, привыкшего сначала бить, а потом принимать решения. Внешне Фотич напоминал грушу поздних сортов — увесистую, твердую до того, что можно сломать зубы, но при этом очень внушительную по размерам и формам.

— «Вымпел», говоришь? — Фотич чему-то обрадовался, подобрел и тут же провел короткий фиксированный удар Сергею чуть ниже солнечного сплетения. — Молодец, удар держишь. Что надо от меня?

После такого приветствия Сергей понял, что с экспедицией все будет в порядке. Услышав про скаутские планы, Фотич отложил все дела и свирепым криком объявил своим сотрудникам:

— Я на гору! Буду вечером!

«На гору», как выяснил Сергей, уже сидя с Фотичем в его армейском «уазике», означало, что они отправились на горное плато Чатырдаг, расположенное примерно на полпути от Симферополя до Ялты, неподалеку от поселка Перевальное. На горе у Фотича действительно было на что посмотреть. За несколько лет до приезда Сергея к Фотичу местный пастух, потерявший на горном плато козленка, попросил спелеологов из клуба Фотича поискать его в узком горном колодце, куда, по мнению парня, могло угодить бедное животное. Специфика Чатырдага состоит в том, что эта огромная гора, словно головка швейцарского сыра, наспигована многочисленными внутренними отверстиями. Большинство из них не видно вообще. Некоторые отверстия выходят на поверхность и представляют собой естественные пещеры или колодцы глубиной от пяти до трехсот метров. Сколько внутри Чатырдага больших и малых пещер, известно разве что Создателю.

Опытные подростки-спелеологи, вымуштрованные в клубе у Фотича, спустились в еле заметную щель со всеми необходимыми предосторожностями, оборудовав для этого надежный страховочный пункт. Вместо

козленка первый спускавшийся вниз спелеолог обнаружил настоящую бездну: луч мощного фонарика не добивал до дна гигантской подземной пещеры, под потолком которой, словно муравей на паутинке, болтался на страховке воспитанник Фотича. Так была открыта известная на весь Крым пещера «Мраморная».

Осваивая открытую клубом гигантскую пещеру, Фотич проявил феноменальную предпринимательскую хватку: чтобы превратить «Мраморную» в туристическую Мекку, директор спелеоклуба превратился в антикризисного прораба, умевшего делать деньги если не из воздуха, то из песка и цемента. Собрав в конце лета всех симферопольских бомжей, Фотич предложил им за еду и крышу над головой отлить в пещере бетонные пешеходные дорожки. Для обеспечения рабочих едой была завезена полевая армейская кухня и поставлены строительные кунги-бытовки. Расположенная на Чатырдаге радиолокационная точка космической связи выделила предприимчивому Фотичу солдатику-повара. Фотич, в свою очередь, наладил стабильное обеспечение точки питьевой водой.

Подписываясь под предложением Фотича, симферопольские бомжи отправлялись на длительное зимовье: в зимний период плато Чатырдаг заматывает глубоким снегом, и любая связь с пещерой, кроме как по воздуху, становится невозможной. Другого занятия, кроме как лить из бетона дорожки, у добровольных поселенцев просто не было. Работать в пещере можно в любую погоду: независимо от времени года там всегда одинаковая температура — плюс 6 градусов. К весне первые километры подземных туристических маршрутов были готовы для приема туристов с Южного берега Крыма.

Оригинальная подсветка подземных залов закончила задуманную Фотичем экспозицию подземных красот. Теперь в гигантской пещере можно было находиться любому неподготовленному туристу. Очереди из автобусов с отдыхающими очень скоро потянулись к Фотичу, а сама пещера стала таким же брендовым туристическим местом Крыма, как Ласточкино гнездо или знаменитые крымские дворцы. «Оникс-Тур» из подросткового клуба юных спелеологов превратился в рентабельное коммерческое предприятие, а вдохновленный успехом Фотич принялся осваивать другие, еще более красивые пещеры и реализовывать другую мечту своей жизни — строить музей спелеологии Крыма.

Ко всему прочему Фотич оказался человеком зубодробительной энергии и отваги. Все его гуманитарные и коммерческие свершения пришлось на период разгоревшихся в Крыму криминальных войн:

— Тут тебя с пацанами никто пальцем не тронет, — карабкаясь по горному склону, пыхтел Фотич. — На плато другого хозяина нет. Если что, так и говори: мол, мы от Козлова.

В маленьком Крыму Фотич знал всех — от президента Мешкова до самого мало-мальски значимого бандита. «Голос Америки» назвал его как-то «крымским Отто Скорцени». В этом была значительная доля истины:

на горе у Фотича регулярно тренировались все силовые подразделения Крыма, а потом и Киева. Он был на короткой ноге с комдивом из Перевального — бывшим центром ГРУ ГШ, готовившим диверсантов для «освободительных движений» всего мира, — и помогал тому выстоять в войне против братьев-«башмаков» — самой влиятельной и безжалостной криминальной банды Крыма.

Упиваясь собственной силой и безнаказанностью, «башмаки» решили обложить данью даже военных. Как-то раз вооруженные бандиты остановили колонну бензовозов из Перевального и в ультимативной форме потребовали от комдива, чтобы он платил им бензином дань за передвижение по «их территории». За советом комдив поехал к Козлову. Фотич не колебался ни секунды:

— Эти отморозки уважают только силу. Действовать надо немедленно. Поднимай танковый батальон.

Уже через полтора часа вслед за «арестованной» бандитами колонной бензовозов в село, где находился родовой дом братьев Башмаковых, вошла колонна танков. Раздав вставшие на пути колонны джипы личной охраны бандитов, танки окружили дом, владельцев которого боялся весь Крым. Весь — кроме Фотича.

— Сиди и не высовывайся, — сидя на броне головного танка, приказал он комдиву, собравшемуся вылезать из-под брони, — ты человек в погонах. Я сам поговорю.

На порог дома вышли хмурые «башмаки». Такой «стрелки» в их жизни еще не было.

— Мужики! — обратился спустившийся с брони Фотич. — Тут недоразумение вышло, которое лучше исправить прямо сейчас. У нас колонна с бензином заблудилась — мы ее начали искать и кое-что вам помяли. Предлагаю сделку: вы больше не паркуете здесь наши бензовозы, а мы делаем все, чтобы танковые снаряды случайно не залетали в этот огород.

В подкрепление слов Фотича три танка опустили свои дула и навели их на дом-дворец братьев-«башмаков». Сделка была заключена. Военных оставили в покое.

Другой «спецоперацией» Фотича, принесшей ему лавры местного «Отто Скорцени», стало спасение личной охраны президента Мешкова от суда и предотвращение штурма администрации президента Крыма в Симферополе. Как и в Москве, противостояние президента и Верховного совета Крыма привело сначала к двоевластию, а затем и к вооруженному противостоянию. Депутаты рвались в бой, собирали ополчение и призывали к штурму администрации Мешкова.

На самое горячее заседание Верховного совета Фотич притащил огромный баул. Когда депутаты с пеной у рта стали кричать: «На штурм, на штурм!», Фотич вытащил свой баул к трибуне и, раскрыв его, начал доставать снаряженные для боя автоматы.

— На, иди штурмуй! — бросил он выступавшему с трибуны политику. — И ты иди, и ты!

Фотич, как ни в чем не бывало, раздавал оружие самым горячим головам.

— Александр Фотиевич, ты чего? — как от ушата холодной воды, сразу успокоился спикер. — Зачем ты мне это дал? Я ведь и стрелять не умею.

— Вот ты, б...дь, даже стрелять не умеешь, а хочешь, чтобы мальчишки из охраны администрации по таким же мальчишкам огонь открыли! Иди сам и стреляй! Что ты кровь на других повесить хочешь?

Зал замолчал. Порыв немедленно идти на штурм дворца президента у всех прошел. Успокоились даже самые отчаянные крикуны. Вечером, когда Мешков уснул, Фотич сам пришел в осажденную администрацию, но уже не с автоматами, а с водкой. Охрана президента Мешкова Фотича знала хорошо — он же ее и готовил у себя на горе.

— Мужики, у вас завтра будут большие проблемы, — с порога заявил он своим бывшим ученикам. — Завтра Верховный совет примет решение об импичменте Мешкова, и вас всех посадят.

— За что, Фотич? Мы ведь ни в кого стрелять не собираемся! — раздались тревожные возгласы.

— За незаконное хранение оружия и участие в незаконном вооруженном формировании, — мрачно объяснил охранникам Козлов. — Я еще на горе вам говорил, что вы все — на птичьих правах. Нет такого закона на Украине, который давал бы вам официальные государственные полномочия.

— А что делать? — встревожилась охрана

— Немедленно сниматься со своих постов и дуть в МВД, там вас ждут для приема на работу.

— Так ночь же...

— А на рассвете будет уже поздно. А ну, давайте дуйте писать заявления!

Стоя над обрывом Чатырдага, Сергей смотрел в километровую бездну с проплывавшими под его ногами облаками и любовался кружащими у его ног орлами. После общения с Фотичем, говоря языком марксизма-ленинизма, Сергей снова думал «о роли личности в истории государства». Получалось, что один сильный, решительный мужик может спасти от кровопролития тысячи людей. Оставалось создать систему воспитания таких вот сильных, умных, порядочных, думающих о Родине людей. Это была достойная миссия для новой жизни офицера запаса.

В итоге Сергей и Фотич разработали настоящее образовательное приключение: в поисках задуманных по их легенде «секретных ключей Чатырдага» скаутам Сергея предстояло пройти ускоренный курс обучения альпинизму, работе под землей, подводным спускам, то есть в прямом смысле побывать в небесах, под землей и на морском дне. План был готов, Союз ветеранов в лице доброго товарища Сергея по «Вымпелу» Владимира Гриднева выделил деньги. Оставалось только привезти детей.

«Крымские гонки»

Крымская экспедиция Сергея вызвала большой интерес у детей, ходивших к Сергею и Марине в созданный ими клуб «Кавалергард». В списках желающих числилось более тридцати человек. Под крымский проект Туевых написали рапорта об отпуске и инструктора клуба, продолжавшие служить в созданной на базе «Вымпела» «Веге». Стройный план подготовки к экспедиции был разрушен в самый последний момент. Сергею позвонил Гена Кудлов — боевой пловец, проходивший с ним подготовку еще в Очакове:

— Сергей, мы все улетаем. В Минводах — захват заложников. Извини, отпуска нам всем отменили.

— Ладно, думаю, справлюсь — там свои инструктора есть. Удачи! — подбодрил товарища Сергей. — Прорвемся!

До выезда в Крым оставалось три дня. Вполне достаточно времени, чтобы решить возникшие проблемы. Марина с сыном Лешкой уже уехали в Крым: по плану они должны были присоединиться к скаутской экспедиции после приезда воспитанников «Кавалергарда» на базу к Фотичу. Прокручивая в голове все возможные риски, Сергей снова услышал звонок телефона. Звонила давняя подруга Марины Лена Агеева, которая двенадцать лет назад была у них свидетельницей на свадьбе. Голос в трубке дрожал от волнения. Было похоже, что Лена еле-еле сдерживает плач:

— Сережа, мне очень надо с тобой поговорить. У меня беда, но это уже не по телефону.

Дав слово немедленно приехать, Сергей подумать, что за беда могла приключиться с Леной. Еще пару лет назад она была рядовой сотрудницей НИИ дефектологии, где когда-то проходила практику и его жена Марина. Там девушки и познакомились. Лена долго сидела, что называется «в девках», как вдруг за три года до этого злополучного звонка вышла замуж за учителя из Владивостока. Саша Шведов, так звали Аленкиного мужа, в жизни Сергея впервые появился на Курском вокзале — Лена попросила встретить их после поездки в свадебное путешествие в Ялту и хотела передать старым друзьям подарок.

Саша оказался общительным молодым человеком с коротко стриженными пшеничными волосами и умным, сосредоточенным взглядом. Белая растянутая у горловины футболка с пальмами и рваные во многих местах джинсовые шорты подчеркивали его демократическое происхождение и не менее демократические жизненные принципы. Лена представила своего мужа, особо отметив, что он «без пяти минут кандидат педагогических наук». Обменявшись рукопожатиями, молодые мужчины поприветствовали друг друга и немного поболтав, расстались, чтобы встретиться через пару лет при совсем других обстоятельствах.

Второй раз Лена с Сашей пригласили Туевых на годовщину своей свадьбы. Для ужина был выбран самый дорогой и пафосный по тем временам ресторан Москвы — «Садко-Аркада». Вместо обычно скромно, но со вкусом одевавшейся Аленки и демократичного аспиранта Дальневосточного педуниверситета Сергей и Марина увидели необычную для них чету «новых русских»: Лена была одета в роскошное вечернее платье с бриллиантовым колье на шее, на Саше — классический малиновый пиджак, безумно дорогие часы и тяжелая золотая цепь — «голда», как ее называли повывлезавшие из всех щелей бандиты.

Шведовы всячески демонстрировали, что ничего в их отношениях не изменилось: Лена с веселым хихиканьем вспоминала, как Тоня, жена ротного Сергея, потеряла золотую цепочку и как ротный Ветров успокаивал ее: дескать, сдаст все пустые бутылки и купит ей новую, еще лучше. Саша шиковал и выбирал для друзей самые изысканные и экзотические блюда из меню. На столе появились французские запеченные улитки. На аперитив подали по двадцать пять грамм коллекционного коньяка из погребов Наполеона. Общий счет ужина составил более шестисот долларов.

После такого ужина Сергей долго чувствовал себя не в своей тарелке. В переводе на доллары его месячное довольствие в «Вымпеле» по тем временам составляло 85 «зеленых». Получилось, что Шведовы угостили их ужином на сумму равную годовому доходу их семьи. И это притом что Сергей считал свою зарплату очень высокой — вдвое выше, чем у обычного офицера Минобороны. К тому же каждый день, пусть и не ради денег, он рисковал своей жизнью. Классовое чутье подсказывало Туеву, что тут что-то не так.

На встрече Лена рассказала Сергею, что Сашу захватили бандиты, а ей с полуторагодовалым Ванькой каждый день угрожают расправой, если она не расскажет, в каких странах и на каких счетах ее муж хранит свои деньги.

— Сереженька, я боюсь за Ванечку, — из глаз Аленки градом катились слезы. — Сегодня утром они спросили, есть ли у нас дома уютю или им брать свой. Я не знаю, что делать! Я вообще ничего не знаю — Саша мне ничего никогда не рассказывал!

Оценив состояние Лены и сложившуюся ситуацию, Сергей предложил «подышать свежим воздухом», и чтобы убедиться в своих самых худших предположениях, решил выйти на старый проверочный маршрут, отработанный им еще в КИ. Через полтора часа неспешной прогулки по старой Москве Сергей точно знал, что за ними ведет слежку не очень опытная, но многочисленная бригада филеров. Из рассказа Лены о бизнесе мужа Сергей также понял, насколько серьезные тучи сгустились над головой их старой приятельницы:

Лена рассказала, что проблемы у Саши начались сразу после убийства Отари Квантришвили, который, собственно, и пригласил ее мужа

из Владивостока в Москву для работы в созданном им фонде социальной защиты спортсменов имени Льва Яшина. По словам Лены, Отари очень ценил уникальные математические способности продвинутого учителя математики и доверял ему многие финансовые вопросы.

Сергей помнил это громкое убийство, случившееся на следующий день после выхода приказа о его увольнении с воинской службы. 5 апреля 1994 года на выходе из бани снайпер застрелил одного из самых уважаемых криминальных авторитетов страны, «вора в законе», знакомого с высшим руководством новой России. Говорили, что незадолго до гибели Квантришвили сам Ельцин выражал ему свои соболезнования в связи с убийством его старшего брата Амирана.

В убийстве Отари Сергея насторожил тот факт, что его убили тремя выстрелами: в сердце, шею и голову. При этом все пули поразили цель до того, как Квантришвили упал. Такую меткость и скорострельность мог позволить себе только настоящий профессионал — либо из Главного разведывательного управления, либо из КГБ. Это была советская снайперская школа, и Сергей хорошо знал многих ребят, умеющих стрелять подобным образом. Все они были наперечет и готовились «поштучно».

Выявив слежку, Сергей решил не бросать молодую женщину и поехал вместе с ней на квартиру, где их ждали родители Лены и маленький Ванька. Предполагая, что квартира, а возможно, и домашний телефон находятся под контролем, Сергей позвонил по сотовому телефону Лены своему товарищу Сергею Климову, с которым они вместе сопровождали Шахрая во время поездки к Дудаеву и часто бывали во многих горячих точках. Климов тоже уволился из расформированного «Вымпела» и помогал создавать службу безопасности нефтяной компании «Лукойл».

— Тезка, привет! — Сергей поприветствовал, как ни в чем не бывало, однопольчанина. — У меня тут проблемка образовалась. Маленькая, но если не поможешь, может случиться так, что я окажусь там же, где братишка Ткачев.

Климов сразу понял, о чем идет речь: прапорщика Ткачева, известного «вымпеловского» боевика-каратиста, связавшегося с какими-то мутными типами после увольнения из части, ровно неделю назад застрелили в подъезде собственного дома, когда он возвращался домой после работы.

— Если срочно, говори адрес, мы подскочим.

Через час в дверь Шведовых позвонили. На пороге стоял Андрей Костоглодов, ушедший с Климовым из «Вымпела» в службу безопасности «Лукойла».

— Где у вас тут руки моют? — с порога поинтересовался Костоглодов.

В ванной под шум льющейся из-под крана воды Андрюха шепотом прошептал:

— Ну, ты, Серега, красавец! Это надо ж было так вляпаться — двор перекрыт шестью «бэхами». В каждой машине — по четыре быка с оружием. Быстро ты крутых врагов сумел нажить. Уважаю.

— Хватит прикалываться! Скажи лучше, что делать будем?

— Вывозить тебя будем. Пока народ не очухался. Берешь бабу свою, ребенка и по «зеленому свистку» ныряешь ко мне в машину. За рулем — лучший гонщик славной «семерки». Оторваться помогут наши ребята: Серега после твоего звонка пригнал сюда всю тревожную группу компании.

Через десять минут к подъезду подъехал серебристый мерседес. Сергей взял на руки Ваньку. Лену, обнажив ствол, прикрывал Андрей.

— Раз, два, три — елочка гори! — подал он команду Сергею.

Коротким броском товарищи с Леной и Ванькой заскочили в салон мерседеса. Завизжали и задымили шины по асфальту. Опытный водитель на глазах у изумленных «быков» вылетел со двора на Лужковскую набережную и на скорости 160 км в час скрылся из виду. Костоглодов включил сканер, фиксировавший переговоры бандитов по портативным радиостанциям. Мат, ярость и растерянность взорвали режим радиомолчания затаившихся в засаде бандитов.

Уже через час Сергей, Лена и Ванька сидели на базе службы безопасности «Лукойла». Он ломал голову, что делать дальше. Еще утром все было так хорошо: его ждал солнечный Крым и интересная программа для его скаутского отряда. Отменить программу он не мог. Также как не мог просто бросить Лену одну наедине с ее проблемами.

— Лен, у тебя сколько денег с собой? — спросил он подругу своей жены.

— Долларов сто наберу, а что?

— Негусто, если учесть, что нам надо переходить на нелегальное положение.

Чтобы запутать следы и не отрывать друзей от службы, Сергей решил дальше действовать самостоятельно. По его просьбе Костоглодов довез их до Твери, где они взяли билет до Ленинграда. В Питере, убедившись, что за ними нет слежки, Сергей взял билеты до Симферополя: было решено, что Лену с ребенком надо прятать недалеко от тех мест, где он будет проводить свою скаутскую экспедицию.

Пока он стоял в очереди за билетами, Лена успела потратить пятнадцать долларов на футболку.

— Лена, на эти деньги в Крыму ты могла бы жить две недели, — недовольный Сергей, раздосадованный новорусскими привычками старой знакомой. — Привыкай жить скромно. У нас совсем нет денег.

— Извини, Сергей! Я все понимаю. Просто затмение какое-то нашло. Словно все это сон и у меня все, как прежде.

В Симферополе Сергей действовал по отработанной еще в «Вымпеле» схеме: вокзал, привокзальная площадь и подальше из города. Молодой мужчина с симпатичной женщиной и ребенком на руках ни у кого не вызвали подозрений — туристический сезон был в самом разгаре. «Если хочешь спрятать соломинку, спрячь ее в стог сена», — вспомнилась Сергею поговорка Лешакова.

Уже через пять минут, довольный возможностью заработать на «питерцах», привокзальный водитель крутил баранку, увозя в Евпаторию Сергея, Лену и маленького Ваню. Дальше снова по схеме: подальше из города, в самый неприметный частный сектор, к простой и отзывчивой бабушке, без лишних вопросов сдающей недорого комнату для женщины с ребенком. Все! Теперь можно подумать и о скаутской экспедиции.

Перед возвращением в Москву Сергей заехал в Гурзуф, где в пансионате «Спутник» отдыхала Марина с маленьким Лешкой. Жена очень расстроилась, узнав про историю с Леной, но полностью одобрила решение Сергея. «Наш человек!» — лишний раз убедился Сергей, восхищаясь готовностью жены бороться за подругу и ее ребенка с неизвестными бандитами.

Во время нахождения скаутов на горном плато Чатырдаг Сергей регулярно навещал Лену, каждые три-четыре дня путешествуя на перекладных из одной части Крымского полуострова в другую. В такие дни рано утром Сергей спускался с горного плато, добирался до своей беглянки и поздно вечером возвращался обратно на гору. Подобный «горный туризм» поддерживал Туева в хорошей спортивной форме — расстояние от трассы Симферополь — Ялта до пещеры составляло более десяти километров. В два конца — двадцать километров по горной пересеченной местности. Спецназ явно не отпускал Сергея на гражданку.

После окончания экспедиции Сергея предупредили: мол, солнцевские братки разыскивают обидевшего их парня из «Вымпела», который уехал в Крым с каким-то детским лагерем. Взвесив все «за» и «против», Сергей решил проявить инициативу и поговорить с бандитами напрямую. Переводить в подполье еще и свою семью он не собирался. «Стрелку» вчерашнему разведчику назначили на Пушкинской площади.

В ожидании «гостей» Сергей сидел на лавочке в сквере, где когда-то встречались только влюбленные парочки. В голове вертелась сцена из фильма «Место встречи изменить нельзя», в которой опытного опера МУРа закололи спицей так, что никто из обеспечивающих этот разговор сотрудников МУРа не заметил, как это случилось. Неожиданно Сергей увидел своего давнего знакомого по КЮОСу — пожилой преподаватель по специальной тактике и минно-взрывному делу доброжелательно помахал ему рукой и направился навстречу к нему.

«Семен Семеныч, только вас мне сейчас и не хватало!» — подумал Сергей и поспешил к одному из своих бывших наставников, чтобы поскорее поговорить и расстаться со стариком.

— А ведь ты меня ждешь, Сережа, — без обиняков начал Лешаков. — Девушку с мальчиком надо вернуть на место!

Сергея словно окатило горячей волной:

— Понятно, Семен Семеныч. Так, значит, все эти побег, погони — фикция? Очередные «специальные комплексные учения», в которых участники

не должны знать своих ролей? А как же Костоглодов, Климов? Они тоже вам подыгрывали?

— Нет, Сереженька! Ты нас очень сильно озадачил со своим «похищением Елены». Вот уж на самом деле — картина маслом получилась. У нас все охренели от самой возможности, что у Отарика и его финансиста Саша Шведова могла быть в заначке подобная команда профессионалов. Хорошо, на записи видеонаблюдения сумели разглядеть лицо Костоглодова. Тогда только и поняли, что против наших тупых солнцевских «быков» сработали свои же пацаны из «Вымпела». Молодец! Не зря мы столько лет тебя готовили.

— Ладно, обойдемся без комплиментов. Что вы от меня хотите?

— Елену и Ванечку, Сережа. И все. На тебя мы не в обиде — мотивацию твою знаем, поняли, сочувствуем. Друзей в беде оставлять нельзя.

— Ну раз мотивация моя вам понятна, тогда слушайте: Лену и Ивана я вам не отдам. Никаких ниточек, кроме меня, у вас к ним нет. Защищать их буду, как свою семью. В обмен на понимание обещаю, что Сашиними проблемами заниматься не буду. Я на него не работал, денег он мне не платил, и никаких обязательств перед ним лично у меня нет. Но семью не трогайте — Лена действительно ничего не знает. Она бы со мной уже поделилась.

— И то слава богу! А про Сашу забудь — нет его. Умер в больнице от острой сердечной недостаточности. Правда, перед этим успел рассказать про все свои счета в Латинской Америке. А Елену в Москву верни, что ей маяться по съемным квартирам. Пусть хоть мужа похоронит по-человечески. Урну с прахом мы отдадим.

— Спасибо за гуманизм, Семен Семеныч. И еще за один урок. Век не забуду! — от злого бессилья Сергей сплюнул на асфальт. — А вы не думали, что ваши воспитанники могли перестрелять друг друга? Свои своих!

— А ты не серчай, Сереженька! Ты еще много чего не знаешь. Помнишь наш главный закон: каждый командир знает свою задачу только на одном этапе ее выполнения. А что касается «своих», так их больше нет. Теперь у каждого «свой» — только хозяева. Обживайся тут на гражданке, привыкай. Если надо, мы знаем, как тебя найти. Да, кстати, загляни к Пал Палычу, он сейчас в Кремле сидит, кадрами заведует. Тебе ведь компенсационные по «оргштатке» полагаются. Ну, бывай.

Учитель специального назначения

В 1998 году Семен Семеныч действительно нашел Сергея снова.

— А ты молодец! Кандидат наук, проректор корпоративного университета ЮКОСа, школа менеджмента Йельского университета. Сам Ходорковский тебе большие проекты доверяет. Вторая жизнь тебе явно удалась.

— Будем пить за мои успехи или сразу к делу перейдем? — после случая со Шведовыми Сергей уже не мог заставить себя по-прежнему уважать своего бывшего учителя по спецназу.

— Одно другому не мешает, Сереженька. Давай сначала выпьем, и если ты не против, узкий круг уважаемых людей хотел бы послушать про то, что ты делаешь в образовательных программах Миши Ходорковского.

— Хотите сравнить агентурные данные с первоисточником?

— Не дерзи, — Семеныч добродушно, как любящий школьный учитель, погрозил Сергею пальцем. — Действительно интересно: эти твои скауты, деловые игры, летние лагеря гремят на всю страну. В них есть и наши ноу-хау, между прочим. Сколько у тебя за плечами специальных комплексных занятий — сотни, тысячи? Не дрейфь, свои права на них мы предъявлять не будем. Так расскажешь?

Сергею действительно было что рассказать.

Через несколько месяцев после увольнения в запас и завершения «крымской эпопеи» Сергей понял, что жить на одну «афганскую» зарплату, которую ему платили в Союзе ветеранов Афганистана, невозможно. Жизнь на гражданке без офицерского пайка и регулярной выдачи удобного обмундирования, в том числе так называемого «оперативного гардероба» оказалась более дорогой, чем ожидалось поначалу. Разного рода подработки, хотя и позволяли сводить концы с концами, вызывали в душе офицера отвращение.

В стране открылись первые биржи. Бывший начальник Сергея, который когда-то принимал его на старом объекте «Вымпела», — Виктор Ким — предложил поработать в охране зала, где проводились биржевые торги. Три часа позора дались Сергею с большим трудом. Небольшой зал был полон народу, половина из которого была одета в знакомые Туеву малиновые пиджаки. Значимость участников торгов легко определялась по перстням и толщине золотой цепи, висевшей на шеях шаставших туда-сюда «предпринимателей». К обладателям самых толстых цепей организаторы торгов в обязательном порядке подводили Кима и рассказывали, что зал обслуживает команда самых лучших государственных «киллеров» России и что «эти ребята» за пару секунд могут порвать кого угодно. Каждый час позора стоил сто долларов. Получив положенные ему триста долларов, Сергей прикинул, что на эти деньги семья сможет протянуть еще месяц, но в зоопарке под названием «Посмотрите на самых крутых киллеров России» решил больше никогда не участвовать.

В один из вечеров после очередной попытки найти приличную работу, не связанную с его прежней профессиональной деятельностью, Марина сказала, что Сергею звонили из «Менатепа». Днем позже, накрывая ужин, Марина снова напомнила Сергею о телефонном звонке.

— Тебе снова звонили из приемной Ходорковского. Просили подъехать. Оставили телефон.

— Я с ним незнаком, — устало отмахнулся Сергей.

— Но ведь ты все равно ищешь работу. Позвони, — Марина протянула ему листок календаря с номером телефона.

Секретарь Ходорковского почему-то обрадовалась звонку Сергея, и уже на следующий день он сидел в приемной загадочного молодого олигарха, владеющего банком «Менатеп», чей логотип на телевизионных часах, предваряющих ежедневную новостную программу «Время», видела вся страна.

В кабинете Ходорковского Сергея встретила атмосфера основательности и аскетизма. Во всем угадывался английский стиль — дорого, потому что на века, но ничего лишнего. Массивный дубовый стол, похожий на морской капитанский сундук викторианской эпохи, глубокие кожаные кресла, огромная шкура белого медведя на полу создавали рабочий уют и располагали к разговору.

Навстречу Сергею поднялся крепко сложенный молодой человек.

— Ходорковский. Здравствуйте. Мне рекомендовали вас как специалиста в области воспитания мальчишек.

Сергей понял, что в этом кабинете принято говорить лаконично.

— Спасибо за лестные рекомендации, но, боюсь, их еще надо заслужить. До недавнего времени я считал себя профессионалом совсем в другой сфере.

— В той сфере, о которой вы говорите, на рынке нет недостатка в людях, — цепкие глаза хозяина кабинета выдавали в нем умного, волевого, уверенного в себе человека. Ни одного лишнего слова. Ни одной нечетко сформулированной мысли.

— Мы планируем открыть корпоративный лицей для детей-сирот с полным пансионом. Основной контингент — дети погибших офицеров. Я предлагаю вам должность руководителя лицея. Будет все, что необходимо для работы. Финансовые условия меня не интересуют — в любом случае договоримся. Важно принципиальное согласие и умение создать систему работы, способную стать моделью корпоративного воспитания. Через год я должен увидеть результаты. Если их не будет — расстанемся.

Именно это предложение не только кардинально поменяло жизнь Сергея, но и стало своеобразным мостиком между его военным прошлым и новой профессией на гражданке. Профессию учителя Сергей сразу понял как возможность служить своей стране и воспитывать для нее эффективных, преданных, умеющих хорошо работать, управлять, а если потребуется, то и воевать граждан. Идея Сухомлинского насчет «второй профессии мужчины» надолго стала его жизненным и профессиональным кредо.

— Понимаешь, Мариш, — горячо рассказывал он своей жене за ужином, — ведь может случиться так, что любой из ребят, которых мы учили с тобой в нашем клубе или будем учить в новом лицее Ходорковского,

окажется в ситуации, когда только он и никто больше сможет спасти Россию или потерять ее навсегда. И от того, что мы в него заложим сейчас, будет зависеть вся российская история!

Этого запала Сергею и его новым друзьям хватило надолго. Уже через год в полную силу заработал лицей, куда стали набирать детей погибших офицеров-пограничников. В 1997 году Ходорковский перебросил Сергея на разработку и управление другой корпоративной программой — программой поддержки детей и молодежи в регионах ЮКОСа. Проект, получивший название «Новая цивилизация», за короткий период охватил более тысячи российских школ, а задуманные Сергеем еще на Чатырдаге образовательные приключения стали проводиться на семидесяти четырех площадках по всей стране — от Владивостока до Калининграда.

Рассказ Сергея был воспринят коллегами из спецслужб внимательно, но с некоторым недоверием. Прощаясь с Сергеем, уже на выходе из конспиративной квартиры Семен Семенович многообещающе прошептал:

— Скоро жизнь наладится окончательно. Через пару лет наш человек станет президентом! Все уже на мази.

«О чем это он? Совсем из ума выжили старики-диверсанты», — подумал Сергей, проходя мимо пустующего постамента на Лубянской площади, где еще семь лет назад стоял демонтированный в 1991-м железный Феликс.

Лицей

Заниматься созданием лицея Сергею довелось не одному. Директором создаваемого учебного заведения стал Юрий Григорьевич Мамонов, генерал-пограничник, боевой офицер, сражавшийся на Даманском и в Афганистане, опытный организатор воспитательной работы, один из создателей Движения юных друзей пограничников.

Именно ему принадлежала идея отбирать на учебу в лицей не сирот из детских домов, находящихся на попечении у государства, а детей погибших и постоянно воюющих в горячих точках офицеров-пограничников. Командование погранвойск с воодушевлением поддержало такую инициативу.

Впрочем, не все было гладко. В Одинцовском районе, где подходило к концу строительство корпусов лицея, кто-то упорно распускал слухи о том, что генерал и какой-то спецназовец собираются с малых лет готовить боевиков для новых русских банкиров. С большим скепсисом на первых порах к идее корпоративного лицея отнеслись и в управлении образования. Как выяснилось, до того в России никто не создавал частных лицеев интернатного типа, что подразумевало полное отсутствие нормативно-правовой базы и типовой документации. На лицей посыпались доносы и жалобы как в местную администрацию, так и в адрес попечителей.

— Только бы у Ходорковского хватило духу не разогнать нас раньше, чем мы успеем что-то дельное сделать, — не раз говорил Сергею Юрий Григорьевич после очередного выяснения отношений с недоброжелателями.

Но Ходорковский был верен своему слову: им доверяли, не мешали работать и принимать самостоятельные решения.

После сдачи в эксплуатацию жилых и учебных помещений лицея Туев с Мамоновым отправились на границу набирать будущих воспитанников. В самолете, как выяснилось, думали об одном и том же: отдадут ли им офицерские вдовы своих детей, сумеют ли они найти слова для материнских сердец, хватит ли им сил, ума и опыта, чтобы заменить опаленным войной мальчишкам и девчонкам их семьи?

В память Сергея прочно врезался самый первый лицейский праздник, на который администрация лицея пригласила руководство Пограничных войск во главе с генералом Николаевым. Как и полагается в таких случаях, вместе с начальниками приехала пограничная пресса. Как ни странно, лица военных журналистов были скорее удрученными, чем радостными. Сергей не удержался и без обиняков обратился к одному из корреспондентов:

— Слушай, капитан, ты не обижайся, я тебя как офицер офицера спрошу: что ты такой недовольный? Тебе что, чужой праздник настроение портит?

Корреспондент, казалось, только и ждал повода, чтобы выплеснуть свое раздражение. Вызов был принят.

— Как офицер офицеру задаю встречный вопрос — генеральских сынков набрали?

На этот вопрос Сергею отвечать не пришлось. Приглашая гостя пройти на концерт, к собеседникам подошел Карен. Он приехал из разрушенного землетрясением Гюмри из многодетной семьи старшего прапорщика. Сергею понадобилось большое красноречие, чтобы убедить отца отдать мальчику в лицей. Глаза военного журналиста округлились:

— Погоди... Я знаю этого пацана и его семью. Что он здесь делает?

— Не все знаешь, капитан. Мать Карена погибла во время землетрясения. У отца на руках остались трое сыновей...

Там, в Гюмри, Сергея ждала еще одна встреча — с человеком, которого он должен был когда-то уничтожить.

Дорога из Еревана в Гюмри красноречивее любых книг и фильмов говорила о трагедии, которую переживала Армения и другие республики бывшего Союза. До всех войн и революций, вызванных распадом СССР, вдоль нее росли высокие пирамидальные тополя. Раньше Сергей бывал в Армении лишь пролетом — в Карабах надо было забросить одну из боевых групп «Вымпела». Так вот тополей вокруг дороги больше не было. Мало того, возле дороги не было даже пней. Вместо пней в землю уходили зияющие дупла — лунки, выщербленные в мощных корнях красавцев тополей

на глубину до полуметра и больше. Отсутствие дров заставляло жителей выковыривать щепки буквально из-под земли.

Школа в погранотряде под Гюмри была расположена в старом здании типовой пограничной заставы, конструкция которой была хорошо знакома Сергею еще с абитуриентской поры. Войдя внутрь, Сергей почувствовал какой-то странный диссонанс, не отвечавший его представлениям о школе, расположенной в старом пограничном бараке. Вызван он был наглядной агитацией, развешанной, как это водится, в школьных коридорах. Сергей был готов отдать на отсечение голову, руку, что угодно — уровень стенгазет, лихость карикатур и острых шуточек больше отвечали уровню наглядной агитации МИФИ или Бауманки.

Поговорив с директором и завучем пограничной школы, которые оказались мужем и женой, Сергей понял, что дух университета и свободы поддерживали именно они — ереванские интеллигенты, ранее никогда не работавшие в школе. Он, окончив с отличием Технологический институт, работал инженером, она филолог, много и с любовью переводила русских классиков на армянский язык. Только начав разговор, Сергей и его новые друзья поняли, что им есть о чем поговорить. И не один день.

В итоге Сергей был приглашен на ужин. Как оказалось, «при свечах»: город после землетрясения лежал в руинах, и дом, в котором жила семья руководителей пограничной школы, тоже был наполовину разрушен. Уцелевшая от удара стихии часть квартиры была аккуратно прибрана, на столе накрыта белоснежная скатерть. Зелень, тонкий лаваш и козий сыр стали главным блюдом этого ночного пира. Свет отключили сразу, как стемнело.

— Ночью в жилых домах свет отключают, электричества не хватает в больницах, — зажигая свечу, пояснила директор школы.

Увлеченные рассказами о планах собственных воспитательных систем, мужчины не заметили, как выпили бутылку армянского коньяка — чуть ли не единственного продукта, к дефициту которого не смогли привести ни война, ни землетрясение. Захмелев, Сергей вспомнил об обстоятельствах своего короткого посещения Армении. Глаза собеседника от услышанного стали задумчиво-грустными. Жена взяла мужа за руку.

— Что-то не так? — поинтересовался Сергей.

— Нет, ничего, — хозяин дома открыл новую бутылку, — просто я и есть тот самый лидер Народного фронта, которого вы с друзьями так долго ловили по всему Нагорному Карабаху. И неизвестно, кто остался бы жив, пересекись наши пути тогда.

Помолчав, новые знакомые чокнулись и подняли тост за здоровье своих семей.

— Вы в России тоже скоро поймете, что значат слова: «Революцию делают идеалисты, а ее плодами пользуются прагматики». И прагматики будут еще опаснее и подлее той, прежней власти, — усмехнулся новый знакомый

Сергея. — Мне во время боя в спину стреляли три раза. Всех моих друзей из институтской ячейки убили бандиты. Нам нужны были идеалы, а им деньги и власть...

Когда гости лица разъехались, Сергей вернулся в директорскую и достал личные дела прибывших с границы воспитанников. Скупые слова характеристик, словно кадры кинохроник, воскрешали горькие страницы новейшей истории России: ...отец геройски погиб, выполняя интернациональный долг в Афганистане ...отец погиб при исполнении служебных обязанностей ...мать погибла в результате террористического акта в Каспийске.

Но даже бумага не могла рассказать обо всем. «Захваченные в засадах командиры застав, погибшие под пытками душманов, вертолетчики, сгоревшие заживо вместе со своими боевыми машинами, командиры пограничных кораблей, избитые до смерти контрабандистами, разведчики, отравленные неустановленными ядами, — их сыновья и дочери достойны того, чтобы Россия позаботилась об их будущем. И совсем неважно, какая часть России — государство ли, бизнес или просто добрые люди — возьмет на себя эту нелегкую ношу. Главное — не забыть про наших детей, не предать память об их родителях», — думал Сергей, рассматривая личные дела своих первых лицестов.

Тайна Анны

После смерти мужа Анна долго не могла прийти в себя. Сильный властный характер не позволял ей найти общий язык с невестками и, убедившись, что в качестве хозяйки ее не готовы принять ни одна из сыновних семей, она решила жить самостоятельно в подмосковном Климовске.

Доказывая финансовую самостоятельность, Анна постоянно работала — то посудомойкой недалеко от дома в небольшом частном кафе, то в Москве на Казанском вокзале уборщицей в помещениях путевых рабочих. Сергей видел, что мать стала сильно уставать. В каждый свой приезд он настаивал, чтобы она прекратила изматывать себя тяжелой черной работой, на что та сердито отвечала, мол «себя прокормить она сумеет всегда».

В 90-е годы, после того как ушел из жизни отец, Анна скрупулезно вела свою нехитрую «экономическую политику». Она постоянно переоформляла пенсию: когда вдовам офицеров повышали военные пенсии, она бежала в собес, чтобы получать пенсию мужа; когда ее собственная мизерная пенсия вновь обгоняла военную — спешила вернуться к собственному гражданскому варианту.

Несмотря на то что Сергей начал хорошо зарабатывать и ежемесячно подкидывал матери по двести-триста долларов, Анна с работы не уходила, пока у нее не стали болеть коленные суставы. Сергей старался хотя бы два

раза в месяц навещать больную мать. С каждым разом эти встречи становились все труднее и труднее: даже через столько лет Анна продолжала ревновать сына к его жене Марине, «отобравшей у нее сына». Климовские ужины постоянно заканчивались упреками со стороны матери. Не помогал даже армянский коньяк, любимый Анной еще с молодости, который Сергей, собираясь к матери, захватывал вместе с другими продуктами.

Чуть-чуть сердце Анны смягчилось, когда двенадцать лет спустя после рождения Лешки Марина родила еще и дочку Настю. Анна, сама мечтавшая о дочери, не выпускала внучку из рук, и в глазах ее светилось неподдельное счастье, когда Сергей с Мариной привезли маленькую Настю на бабушкины смотрины,

Через какое-то время после этого приезда Анна вдруг выдала Сергею:

— Хорошую ты жену себе взял! Красивую. Марине передай: пусть на меня зла не держит. Огня во мне больше нет, вреда ей не причиню.

Суставы у Анны с каждым днем болели все сильнее. Наконец, Сергей убедил мать не заниматься самолечением и лечь в пограничный госпиталь на обследование и лечение. Первые прогнозы были самые обнадеживающие: суставы у нее оказались не такими уж и больными. Гром грянул, когда Сергея пригласил начальник отделения, где лежала Анна, и рассказал, что реальная причина всех болей — запущенное онкологическое заболевание, спровоцировавшее метастазы в суставные сумки. Жить Анне оставалось чуть больше месяца.

Всеми правдами и неправдами Сергей устроил мать в лучшую московскую больницу, профилем которой были онкологические заболевания конечностей. Ей выделили отдельную палату и обеспечили полное обезболивание. Несмотря на хороший уход, она рвалась домой, как она говорила, «к себе в любимую постельку». Дома в привычной обстановке, среди мебели и посуды, ради которых она обегала в 70-е годы лучшие магазины всего Восточного Берлина, ей было действительно легче. Возвратившись из больницы в свою квартиру, она разговаривала с ней, как с живым человеком, радовалась ей, гладила обои, начинала проверять, насколько хорошо укутаны марлей и переложены таблетками от боли наряды и шубы ее молодости. Несмотря на то что всю жизнь проработала на тяжелых работах, Анна всегда выходила в свет, как сама говорила, «с шиком». А если накрывала стол, то не жалела самых дорогих немецких сервизов, фужеров и скатертей.

Свое заболевание мать «назначила» временным и неопасным. Когда Сергей пытался объяснить ей, что надо обязательно исполнять назначения врачей, она прерывала его одной и той же репликой:

— И знать ничего не хочу. Я всю жизнь сильной была. А врачи твои ничего не знают. Вот весна придет, я сама встану!

От болезни Анна ослабла и стала сильно потеть. Привыкшая содержать себя в чистоте, она постоянно принимала ванну. Даже когда уже не

могла самостоятельно стоять на ногах и врачи запретили ей подниматься с постели.

Однажды Сергей приехал к матери раньше, чем обычно. Открыв дверь, он увидел такую картину: обессиленная мать, бросив под себя старый халат — на нем лучше было скользить по лакированному паркету, — на слабых руках упрямо ползла в ванную комнату. Ноги ее безжизненно тащились по полу, каждый сантиметр пути давался с огромным трудом. Сергей вдруг понял: мать проделывает этот маршрут как минимум два раза в день. «Вот где спецназовский дух», — с болью и гордостью за мать подумал Туев.

На его попытки укорить ее за такое самоистязание, она отрезала слабым, но не терпящим возражения голосом:

— Что ж мне лежать и вонять тут с утра до вечера?

За ужином сын и мать в этот день разговорились особенно душевно. До того скрытная и не расположенная к рассказам о своем детстве, мать сама начала разговор о своей семье:

— Дед твой покойный, Григорий Михайлович, настоящим хозяином был. Мельницу построил, работников нанял. Наш дом в деревне самым крепким был. В колхоз они с твоей бабушкой Дашей не вступали, жили особняком. Потом, правда, заставили, а мельницу отобрали, — мать нахмурилась и продолжила: — В 37-м его первым из деревни забрали. Он даже до лагеря не доехал: с этапа восточку передали, мол, убит при попытке побега. Как там все было на самом деле, один Бог знает. Сгинул человек, как и не было его.

— А вы как жили после этого? — Сергей знал, что если не спросит мать сейчас, то не узнает о ее детстве уже никогда.

— Потом у нас отобрали дом, а нас выбросили на улицу. Мне семь лет тогда было. Нас с сестрой Фросей по чужим семьям раздали. С тех пор мы на чужих людей батрачили. Я полы мыла, за скотиной ходила, а лет в двенадцать меня в Тамбов отправили, к тетке, с глаз долой. У тетки полегче стало — какая-никакая, а родня. На машинке шить выучили, так я и строжила на продажу с утра до вечера.

— А почему с глаз долой?

— Дралась я сильно. Даже мальчишек не боялась. Один раз они дразнить меня начали. Так я палку взяла и в кровь их избил. Одному из них, сыну председателя, больше всех досталось. Тут меня в город и отправили от греха.

— Что ж ты молчала столько лет?

— Вам боялась навредить: у нас в стране жизнь такая — ляпнешь где про деда, а другие скажут «куда следует». Кому нужны внуки врага народа? А сейчас хочу, чтобы вы знали: дед ваш честным человеком был, работающим, люди его уважали. Горячий был, не молчал, колхоз ругал. Вот и сгинул — по навету.

— Мам, ты что, всех врагов народа еще при Хрущеве реабилитировали! — не находил слов Сергей. — Я сам у тебя десять лет в КГБ отслужил, отца в звании перегнал, а ты все молчала. Что за страх такой? Сколько бояться можно?

— Страх какой, говоришь? Страх подлости и зависти людской. Людей бояться надо, ненависти людской. Позавидуют и убьют. И ты не высывайся, не связывайся ни с кем. Убьют!

После ужина Сергей завалился спать на знакомую с детства софу, но еще долго не мог прийти в себя от услышанного.

— Сына, поди ко мне, — тихим голосом снова позвала мать из своей спальни.

Сергей подошел к ее кровати.

— Ты только не убивай никого, грех это!

От неожиданности Сергей растерялся:

— Мам, что за мысли у тебя сегодня? Почему я должен кого-то убивать!

— Время такое поганое, а ты человек боевой, опытный. Денег еще предложат. Не бери! На жизнь всегда заработать можно, — мать умоляюще смотрела на Сергея.

Сергей хотел было отшутиться, но увидев, с какой тревогой мать ждет его ответа, успокоил:

— Обещаю. Душегубом не был и никогда не буду. Спи, не переживай.

После обещания сына мать успокоилась и вскоре уснула.

Мать уходила из жизни в полном сознании. Сергея удивляло, как точно врачи назвали дату приближающейся ее смерти. За два дня до определенного врачами срока, о котором сама Анна, естественно, не знала, она была как никогда строгой и в очередной раз отчитала сына, слишком поздно приехавшего к ней в больницу. Прощаясь, она тревожно воскликнула: «Ты знаешь, я ведь умираю!»

Едва сдержавшись, чтобы автоматически не ответить «Я знаю, мама», Сергей как мог успокоил мать.

На следующий день он снова был у нее в палате. На этот раз Анна была в прекрасном расположении духа: постоянно улыбалась, расспрашивала про внучку, хвалила врачей и больницу. В какой-то момент она заспешила и стала торопить сына в дорогу:

— Беги, беги, темно уже, дороги плохие. Еще въедешь куда-нибудь!

Сергею не хотелось уходить от нее — в таком добром расположении духа он помнил ее только в детстве. На выходе из комнаты он обернулся и увидел, как мать крестит его на дорогу.

— Беги, говорю тебе, — мама несколько раз сжала и разжала ладошку, прощаясь с сыном этим шуточным сигналом. — Настеньку мою целуй и Марине — привет!

Утром ее не стало. Вернувшись в опустевший родительский дом за необходимыми для похорон документами, в секрете у матери Сергей

нашел крупную сумму долларов. Это были те самые деньги, которые он ежемесячно привозил ей в течение последних лет. На конверте было написано: «Любимой внучке — приданое от бабушки».

Хождение во власть

Гуманитарные проекты Ходорковского набирали обороты. После лица и «Новой цивилизации» загремела по всей стране «Федерация интернет-образования» — еще одна общероссийская программа, направленная на обучение обычных учителей современным информационным технологиям. Уже через пару лет после запуска этого проекта в пятидесяти крупнейших городах России при ведущих университетах регионов была создана всероссийская сеть центров интернет-образования, которые могли выпускать от ста до двухсот человек в месяц каждый.

Конвейер интернет-просвещения скоро заработал в полную силу — одновременно за партами Федерации сидели более пяти тысяч учителей. С помощью интернета они учились находить в сети нужное им содержание и на основе компьютерных технологий, которым их учили преподаватели высшей школы, разрабатывали собственные мультимедийные уроки. Это была настоящая революция, помогавшая российским учителям из глубинки освоиться в новой цифровой эпохе. Бюджет проекта составлял более десяти миллионов долларов в год. Подав пример, Ходорковский буквально заставил правительство России заняться информатизацией российской школы.

Вместе с коллегами по проекту Сергей исколесил всю страну. Не было ни одного крупного российского города, где бы он ни побывал. По итогам проекта в 2003 году вся команда разработчиков и руководителей проекта, включая Сергея, были удостоены званий лауреатов Премии Президента РФ в области образования.

На подъеме новой образовательной карьеры бывшего спецназовца вызвал Василий Шахновский — топ-менеджер ЮКОСа, отвечавший за поддержание отношений с органами государственной власти.

— Сергей Александрович, что если мы рекомендуем вас в депутаты Государственной думы?

— В каком смысле? — не собиравшийся делать политической карьеры, Сергей не был готов к такому предложению.

— Мы хотим согласовать вашу кандидатуру с администрацией президента на включение в списки партии «Единая Россия» на выборы 2004 года.

— Почему я? Какие новые задачи у меня появятся? — Сергею идея в целом понравилась. Комплексов неполноценности у него никогда не было, проблем с амбициями тоже: он уже многого добился в жизни и не сомневался, что в депутатском кресле сумеет что-то сделать для страны, своих

проектов и компании ЮКОС, ставшей для него почти такой же ценностью, как когда-то «Вымпел».

— Никаких особых задач перед вами никто не ставит. — Шахновский подлил крепкого черного чая в чашку Сергею. — Вы человек с идеями и многими реализованными проектами. Их, кстати, с вас никто не снимает.

— Без проектов мне в Думу идти неинтересно. Я бы, например, с удовольствием взялся за государственную молодежную политику и защиту детства. Мне кажется, мы очень многому научились в ЮКОСе в этом направлении.

— Вот и правильно. Если все получится, мы хотим, чтобы вы продолжили работу над детскими и молодежными проектами, но уже в другом качестве. Дума — это правильное место для серьезных контактов и полезных деловых связей. Только имейте в виду, мы можем только рекомендовать вас. Решение всегда остается за Кремлем.

Через пару месяцев, когда Сергей уже начал забывать о разговоре у Шахновского, ему позвонили из приемной заместителя главы администрации президента Суркова и попросили подъехать в Кремль. Владислава Суркова в ЮКОСе знали хорошо. Туев попал в команду Ходорковского примерно в то же время, что и Сурков. Когда Сергею предложили создать лицей, Сурков возглавлял в «Менатепе» департамент по связям с общественностью, но вскоре перешел на работу в администрацию президента. Именно он и должен был рекомендовать или не рекомендовать Сергея.

Идя по коридорам Кремля, Сергей не испытывал особого пиетета: он хорошо помнил бывшее послевкусие от разговора в пафосных кремлевских кабинетах и гадливость от тотального предательства в стране и системе государственной безопасности.

Кабинет Суркова очень напоминал тот, в котором рыжий чеченец предлагал ему возить через «зеленку» миллионы долларов в охваченную войной Чечню. Хозяин кабинета внешне проявил к вошедшему Туеву полное равнодушие. Складывалось ощущение, что он ему и не особо нужен.

Сергей поздоровался и ответил на несколько формальных вопросов биографического характера. В знак благодарности за внимание к своей особе Туев вручил Суркову свою лучшую книжку для детей «Как стать разведчиком». Яркая, с красивыми цветными иллюстрациями, книжка про скаутов выдержала уже три издания, и почти сто тысяч экземпляров разлетелись по стране, как горячие пирожки. Родители воспитанников Сергея с улыбкой рассказывали, как часто отбирали его учебник по «разведке», когда их чада ночью под одеялами с фонариками в руках продолжали изучать профессию отважных первопроходцев.

Видя, что Сурков потерял к нему интерес, Сергей спросил, может ли он идти. Не поднимая головы от разложенных на столе бумаг, Сурков

кивнул. За четыре минуты разговора Сергей не считал ни одной эмоции, кроме флегматичного равнодушия к его визиту. «Станный тип, — подумал Сергей. — Мог бы хоть для приличия один раз улыбнуться». Впрочем, эту манеру общаться с нижестоящими людьми в маске деланного равнодушия Сергей часто встречал в высоких кабинетах олигархов и государственных «винов». Лица-маски уже давно не раздражали его и не вызывали ни трепета, ни ужаса перед их влиянием и силой. «Гудвины, блин, великие и ужасные. Маленькие человечки, дергающие за ниточки механизмы свирепых картонных чудовищ, посаженных на бутафорский трон», — так думал часто о них Сергей.

За несколько месяцев до выборов в Думу четвертого созыва вокруг Ходорковского начали сгущаться черные тучи. В октябре 2003 года в аэропорту Новосибирска он был арестован. Ирония судьбы — для Туева — состояла в том, что арестовали Ходорковского спецназовцы «Вымпела», возвращенного на тот момент обратно в лоно ФСБ. За «операцию» отвечал лично генерал Тихонов, Герой России, назначенный на должность командира группы президентом Путиным. Представлять, как его коллеги «крутят» Ходорковского и его личную охрану, Сергею было противно. Начальник лички МБХ был известен ему еще по Афгану: тогда опытному офицеру «девятки» поручили физическую защиту самой возжеленной цели душманов всего мира — президента Республики Афганистан Бабрака Кармая.

Сергей прекрасно понимал, что при желании Ходорковского можно было арестовать во время его очередного посещения прокуратуры, куда он исправно ходил в рамках заведенного на него уголовного дела. И «Вымпел», и Герой России генерал Тихонов, и силовой захват людей, которые не собирались сопротивляться, — все это были, как стало модно говорить, «дешевые понты», прекрасно характеризующие заказчика охоты.

После ареста главы ЮКОСа из списка кандидатов в депутаты от «Единой России» одного за другим начали вычеркивать соратников МБХ по ЮКОСу. Так что Сергей тоже не видел для себя никакой возможности пройти в парламент по списку партии Путина. Тем более что членом этой партии он никогда не был.

Правительственная телеграмма от Грызлова с поздравлениями по поводу избрания в Госдуму стала для него полной неожиданностью. По всей видимости, те, кто принимал это решение, посчитали, что длительная принадлежность к системе КГБ — более весомая рекомендация, чем все проекты, которыми Сергей последние десять лет занимался в команде опального Ходорковского.

Когда после избрания в Госдуму Сергей впервые попал внутрь здания на Моховой, он понятия не имел, что и как ему надо делать. К счастью, после первого установочного собрания для новоиспеченных «слуг народа» к нему подошла молодая женщина в элегантном деловом костюме:

— Простите, а вы тот самый Туев, который руководил молодежными программами в ЮКОСе? Я вас видела на Истре в детском лагере.

— Тот самый, — улыбнулся Сергей. — Чем могу служить?

— Спасибо вам за сына. Помните, вы его никак не хотели брать из-за отсутствия свободных мест. Никакие думские статусы не помогали, но когда я сказала, что мальчик был среди заложников в Норд-Осте, место сразу нашлось. Вспомнили?

— Вспомнил. Ну не вас, если честно, а ситуацию. Мы ведь через секретаря общались. Все прошло хорошо? Сын доволен?

— Не то слово. Да и вообще приятно, что есть люди, для которых пароль «был в Норд-Осте» важнее, чем «вам звонят из Государственной думы». У вас, кстати, вопросы, проблемы есть?

Сергей рассмеялся:

— Да я сам — одна большая проблема! Вообще не знаю, с чего начать и к кому идти!

Незнакомка подвела его к буфету и, наказав никуда не отлучаться в течение пятнадцати минут, словно испарилась в воздухе. Через назначенное время она вернулась с ключом в руках и, протягивая его Сергею, сказала:

— Ваш кабинет 615-й. Мебель уже стоит, после обеда подключат телефон и установят компьютеры. Вселяйтесь и работайте.

— Вы фея, — снова улыбнулся Сергей.

— Нет, но я стараюсь не забывать сделанное мне добро.

Фракция от партии «Единая Россия» была такой огромной, что в здании Думы, кроме зала пленарных заседаний, не было такого помещения, которое могло бы вместить всех ее членов. Чтобы как-то облегчить управление депутатами, их разделили на четыре группы. Сергей попал в группу к Морозову. В кулуарах поговаривали, что к Морозову попали наименее лояльные или непонятные для Кремля депутаты. Кто-то даже пошутил, что Морозов назначен на «штрафные батальоны».

В своей депутатской фракции Сергей действительно обнаружил много интересных и приятных ему людей. В группу Морозова входило много лоббистов от крупных промышленных структур. Двусмысленность положения Сергея состояла в том, что его компания была атакована государством, Ходорковский сидел в тюрьме, и всем было ясно, что ничьи интересы в Госдуме Туев представлять уже не может.

То, что Госдума не является демократическим институтом, стало понятно уже на первом совещании «морозовской группы». Такие совещания проводились каждый раз за полчаса до начала пленарного заседания и формально предназначались для согласования позиции фракции по выносимым на «пленарку» вопросам. В реальности это был инструктаж: кто, как и по каким вопросам должен голосовать.

Перед началом лютучки все единороссы получали распечатку таблицы, в которой перечислялись выносимые на голосование вопросы. Последний

столбец в таблице назывался «Рекомендуемая позиция по голосованию». Очень скоро депутаты узнали, что речь шла не о рекомендациях, а о жесткой установке, нарушение которой строго каралось.

В порядке кары своевольного депутата могли лишить ежемесячного конверта с двумя-тремя тысячами долларов из «внебюджетного фонда» администрации президента. Конверты с «бонусом» незаметно раздавали особо доверенные депутаты, чаще из числа бизнесменов средней руки. Помимо этого на карточки парламентариям ежемесячно перечислялась официальная зарплата.

Сначала Сергей не придавал этому большого значения — серые зарплатные схемы в России были скорее нормой, чем исключением. Пора удивляться пришла, когда вместо положенного и уже привычного конверта с долларами ему объяснили: премии в этом месяце не будет — слишком часто он воздерживался по вопросам, за которые надо было голосовать «за».

Одним из таких вопросов было голосование по Байкалу, точнее, по маршруту для нефтепровода в Китай: совет фракции по непонятным сначала причинам настаивал, что такой маршрут должен проходить по берегу легендарного озера.

— Да как я после этого к своим избирателям поеду? — во время летучки рвал на себе волосы депутат от Иркутской области. — Меня же на первой встрече тухлыми яйцами земляки забросают. И правильно сделают — нельзя тянуть нитку трубопровода вдоль береговой линии. Это же Бай-кал!

В итоге думское большинство «Единой России» проголосовало за очевидное для всех экологическое вредительство. Правда, очень скоро президент Владимир Путин в хвост и гриву раскритиковал принятый депутатами законопроект и выдвинул свой — по-президентски умный: с трубой, идущей в Китай за удаленным горным хребтом.

— Учись, Серега, как надо рейтинг президенту поднимать, — в сердцах плевался Егорыч, пожилой депутат-«афганец», попавший в Думу по кремлевской «квоте» от крупной нефтегазовой компании. — Эти сволочи из администрации нас специально «опустили», чтобы наш всенародно избранный мудак «на белом коне» всей стране показал, как он о Байкале заботится.

Закурив, Егорыч продолжил делиться парламентским опытом:

— Ты парень новый. Имей в виду — Сурков Думу ненавидит. В прошлые созывы он сюда столько бабла перетаскал — чемоданами по каждому голосованию. Как говорят знакомые из администрации, Слава при свидетельствах хвастался, что новую Думу в отместку за прежние унижения он во все дыры иметь будет!

Таких думских самобичеваний единороссов потом было много. Самым вопиющим стало предложение убрать Красное знамя Победы из числа государственных символов. И опять «думающий о стариках и ветеранах»

Путин не позволил «тупым» депутатам издеваться над здравым смыслом и славной российской историей.

Воспитание депутатского корпуса в духе послушания кремлевской администрации шло по нарастающей. «Мы работаем только с теми, кого контролируем на сто процентов» — эту фразу Суркова, как священную мантру, постоянно повторяли депутатам Госдумы во фракции «Единой России». Апогеем унижения депутатов стала выволочка в Кремле, устроенная все тем же Владиславом Сурковым.

В июне 2004 года вместе с группой других лоббистов от российской промышленности Сергей был вызван в Кремль. Содержание предстоящего разговора не было известно никому. Накануне встречи все были в приподнятом настроении. Кто-то даже вспомнил шутку из кинофильма «Волга-Волга»: «Вас вызывают в Москву! Радость-то какая!»

На следующее утро день у Туева явно не задался. Ночью ему снова приснился сон, как после своего первого отпуска у родителей он возвращается в казарму пограничного училища. Гнетущее ощущение возвращения в несвободу снова охватило все его сознание. Этот кошмар начал преследовать Сергея сразу после увольнения с воинской службы. С регулярностью в несколько лет, а иногда и месяцев один и тот же сон вновь и вновь тревожил его подсознание. Вот и на этот раз, идя во сне по мытой-перемытой за четыре года «взлётке» коридора первого этажа, он уговаривал себя, что все будет хорошо: «Не дрейфь, Серёга! Ты уже старший офицер, командир спецназа, депутат Государственной думы, в конце концов!» Но ничего не помогало — ощущение неизбежности приближающегося рабства не уходило.

Встреча у Суркова была назначена на шестнадцать. Чтобы заполнить оставшийся после обеда час до встречи, Сергей пошел прогуляться по Камергерскому переулку. Ярко светило солнце, на ступеньках Школы-студии МХАТ переживали вступительный мандраж стайки мальчишек и девчонок, мечтающих о судьбе артиста.

Выйдя на Тверскую, Сергей взял курс на Красную площадь и далее на Кремль. И в этот момент идущий навстречу ему мужчина, увидев на лацкане его пиджака депутатский значок, вдруг приостановился и отчетливо произнес:

— Сволочь!

Сергей словно споткнулся об это заряженное энергией народной ненависти слово. Он понимал, что относилось оно не к нему лично, но настроение было испорчено окончательно.

Когда все вызванные депутаты расселись в комнате для переговоров, появились Владислав Сурков и Александр Косопкин — полпред президента в Думе.

Сурков был чернее тучи. В его карих глазах горел холодный огонь специально расpalенной внутренней ярости, хотя как обычно он держал себя неторопливо и основательно. Сергею показалось, что Владислав «зомбирует»

присутствующих затянувшейся суровой паузой и, похоже, верит, что таланта гипнотизера ему не занимать.

— Как вы смаете голосовать в Думе по своему усмотрению? — тихо, но очень жестко начал разговор Сурков. — За каждого из вас я поручался лично!

Сурков обвел взглядом сидящих за столом депутатов и, выбрав самого молодого — им оказался тридцатилетний директор завода из Волгограда, — заорал, как обычно «дед»-ефрейтор орет на провинившегося новобранца:

— Ты как на кнопки жмешь?! Ты что, читать не умеешь: в таблице указано голосовать «за»! Так и голосуй, как написано!

Парень побледнел. Он понял, что в этой кремлевской разборке ему выпала роль «козла отпущения», и она его явно не устраивала:

— Владислав Юрьевич, я как лучше хотел. Законопроект был сырой, непроработанный. Это же видно даже неспециалисту!

— Умник нашелся! Что, народным избранником себя почувствовал? Он хотел, как лучше для дела! — Сурков снова обвел взглядом всех сидящих перед ним депутатов, обращаясь уже ко всем присутствующим. — Каждый из вас мне лично обязан местом в Думе. И корпорации ваши, обращаясь за поддержкой о вашем прохождении в парламент, знали все правила игры. А кто забыл — я напому про дело ЮКОСа. Напомнить?

Тут на правах «доброго следователя» в игру ввязался Александр Косопкин. Нервно вскочив со своего места, он начал отчаянно жестикулировать и кричать на таком жаргоне, что Сергею показалось, что он попал на какую-то воровскую сходку:

— Мужики! Ну, что вам еще не понятно? Мы же все тут повязаны! Ну почему мы вам должны еще что-то объяснять?

Теперь поспорить с кремлевскими кураторами решила депутат из Новосибирска — молодая женщина с уникальным опытом работы в финансовой сфере. Она с трудом сдерживала дрожавшие на ресницах слезы и очень вежливо, но твердо задала вопрос:

— Владислав Юрьевич, а что делать, если проекты, за которые нам предлагают голосовать, вообще не выдерживают никакой критики? Что если они абсолютно не профессиональны и наносят ущерб нашей личной деловой репутации и позорят партию «Единая Россия»?

— Голосуйте, как написано. Все давно продумано без вас. Мы сказали — вы сделали. И чтобы никаких сомнений и «воздержавшихся», — поставив точку, Сурков решительно встал и вышел из комнаты.

— Вот тебе и «вас вызывают в Москву!» — посетовал сидевший рядом с Сергеем Егорыч. — Такого еще не было, Сережа. Что-то тут затевается — помни мое слово! Не иначе как Конституцию менять будем.

Уже на улице, в очередной раз закулив, нефтяник подвел итог:

— И Мишу твоего они не зря вспомнили — пойду доложу вождю, что дело совсем табак!

Двадцать лет спустя

Вскоре после выволочки у Суркова Сергею позвонил Игорь Строганов. В училище Игорь был одним из тех, кто организовывал для Сергея и Марины курсантскую свадьбу. Распределившись по выпуску в разведотдел погранвойск, Игорь со временем перешел в МВД, а потом — в российский офис Интерпола. Однажды вместе с Мариной они чуть не довели Сергея до инфаркта.

Дело было в аэропорту Шереметьево-2, который на тот момент находился в зоне оперативного обслуживания тогда уже полковника Игоря Строганова. Сергей первый раз в жизни летел в США. На территорию, как было принято считать в СССР, вероятного противника. Его пригласил в Штаты лично Джеймс Биллингтон — директор Библиотеки конгресса США, очень влиятельный общественный деятель и пожизненный конгрессмен. Доктор Биллингтон очень впечатлился очередным проектом Ходорковского — Федерацией интернет-образования, — управление которым на этапе запуска было поручено Туеву. Несмотря на высокий статус приглашения, Сергей волновался до последней минуты. Странно было, что ему — установленному советскому разведчику — дали в США визу. Не менее странно было и то, что с российской стороны ему никто не чинил никаких препятствий.

Когда телескопический трап отъехал от самолета и стюардессы начали закручивать штурвалы замков на входных дверях, в салоне началась какая-то паника. Команда стюардов вдруг засуетилась, дверные замки начали раскручивать в обратную сторону, и одна из напуганных бортпроводниц с заметным волнением в голосе обратилась к Сергею:

— Господин Туев, вас просят пройти на выход. За вами пришли офицеры Интерпола.

Когда Сергей вышел к трапу, страшным офицером Интерпола оказался Игорь:

— Старик, ты чего телефон раньше времени выключил? Маришка ключи от гаража найти не может. Вот просила у тебя спросить, куда ты их засунул.

Вот и на этот раз без лишних эмоций Игорь проинформировал однокашника:

— Старик, наш батальон собирается по случаю двадцатилетия выпуска. Ты будешь?

— Очуметь! А что, уже 20 лет? Из командиров кто будет?

— Да вроде все собираются: Гончаков, Присяжнюк, Ветров, комбат...

На встречу с однокашниками за два пролетевших десятилетия Сергей пришел впервые. На улице возле ресторана на Старой площади народ курил и ждал, когда официанты пригласят войти всех внутрь. Чуть в стороне стояли курсовые офицеры 3-го батальона и комбат Вьюшичев. Увидев Туева, бывшие командиры Сергея зашушукались:

— Вон депутат идет. Не совсем, видно, зазнался.

Подходившие к ресторану мужчины присматривались друг к другу, хлопали по спинам и с веселым смехом обнимались с сильно изменившимися курсниками. Было радостно и грустно одновременно. Народ заметно заматерел, полысел и, мягко говоря, повзрослел.

Сергей даже представить себе не мог, что доброй четверти из тех, с кем забритый «под ноль» курсантом-первогодком он принимал присягу, уже нет в живых. Когда очередь дошла до третьего тоста, по экрану в луче проектора поползла длинная череда фамилий погибших, умерших и убитых в 90-е годы выпускников его батальона. От зарябивших в глазах знакомых с юности имен стало не по себе.

С рюмкой водки в руке, в белом щегольском костюме и Звездой Героя России на левом лацкане пиджака к Сергею за стол подсел Скиф. Он все еще служил в группе «А», был начальником отдела и по-прежнему держал себя в отличной спортивной форме. Во время боя в Будёновске Скифу осколком оторвало фаланги пальцев на левой руке, Сергей знал, что весь он штопан-перештопан, но держался так, словно двадцати лет бесконечных войн, ранений и гибели боевых друзей и не было.

Помянув ребят, Сергей спросил, почему не видно Слона.

— Готовится к увольнению, — Андрей подумал и решил сказать всю правду. — Тяжело Слону, демотивация полная. Крепко подсел на стакан. Последний раз на дежурстве один бутылку вискаря выжрал. Для него это, конечно, пшик — помнишь, как он с бетонной тумбой на плечах на спор в училище бегал? Но ведь не на дежурстве же!

Скиф помолчал и философски заметил:

— Там, в Будёновске, мы с ним вместе под пулеметами Басаева лежали. Я в сравнении с ним маленький, плоский, за камнем спрятался. А он — гора мышц — прямо на виду у них лежал. Так в меня попали четыре раза, а у него — ни царапины. Выжил во всех передрыгах, а смысл в жизни потерял.

— Как там, на войне? — совсем не из праздного любопытства спросил Сергей. — Что в Грозном? Батальон «Восток» за что подставили? С Кадыровым младшим ладите?

Скиф мрачно усмехнулся:

— Что значит «ладите»? Мы с ними ладим, пока их Москва деньгами заливает. Закончатся деньги — они нас первыми резать начнут. Ты же про «Восток» не просто так спросил. Я Звезду Героя вместе с Кадыровым и Ямадаевым получал. У Ямадаева желваки так и играли. Путин это заметил и, чтобы разрядить обстановку, предложил тост. Так Ямадаев не выдержал: «Я с этим трусом и предателем пить вместе не буду!» Думаешь, Рамзан ему это простит? А наши поставили на Кадырова — значит батальон «Восток» и весь клан Ямадаевых обречен. А ведь по чеченским табелям о рангах горцы Ямадаевы и равнинные Кадыровы рядом не стояли! Кто был никем, тот станет всем. Тебе это ничего не напоминает?

Сергей хорошо понимал, о чем говорил Скиф. Тактика стравливания низших кланов с кланами национальных элит была обкатана большевиками еще в сражениях с басмачами.

Скиф, обычно не пьющий в компаниях, выпил еще одну рюмку и снова обратился к Сергею:

— Как же, б...дь, всё достало! Мы даже лечимся с боевиками в одних местах. Тут после ранения сидим с женой на пляже в Сочи. Подшефные бизнесмены путевку в дорогой отель подарили. Я в корсете, руки, как у пугала — врасстопырку. И тут такой же, как я, «чех» идет. С выводком — жёны, дети, обслуга. Ранения у него, сразу вижу, как у меня — огнестрельные. Взглядами пересеклись — аж искры посыпались. Он своим что-то сказал, те вещи собрали и увели от греха подальше.

Андрюха снова налил. Видно было, человеку давно хотелось выговориться:

— А тут еще страх, что ли, появился — входишь в зелёнку и боишься напороться на растяжку. Аж пот пробивает! Да что там растяжка. Любой мальчишка сопливый готов тебе в спину из «калаша» шмальнуть! А мы ведь с тобой народ защищать хотели, жизнью на каждом шагу рисковали. А тебе дети — в спину...

На эстраде слишком громко заиграла музыка. Пышных форм певица, безвкусно наряженная в пошлое подобие русского народного костюма — в кокошник и мини-юбку, запела популярные в кабаках якобы казацкие песни. Офицеры, пришедшие не на шансон, а поговорить с друзьями, потянулись в курилку.

В тумане накуренных облаков дыма Сергей узнал всегда неприметного в компании, но колкого на словцо ротного зубоскала — Генку Кудинова. Поговаривали, что это он «сдал» уволенную англичанку Марину Андриасовну особому отделу. Но не со зла и не из подлости, а по зову сердца и долгу службы: болтали, что Генку завербовали училищные особисты еще на курсе молодого бойца.

Косвенным подтверждением слухов про стукачество Генки стало его распределение в особый отдел КСАПО — Краснознамённый Среднеазиатский пограничный округ. Из КСАПО Генка часто мотался в Афган. Несколько раз бывал в очень жестких переделках. Был награжден орденом Красной Звезды. Как и Сергей, в двадцать восемь лет был поставлен на полковничью должность. Как и Сергей, в двадцать девять лет в одночасье уволился, не объяснив никому причины своего поступка.

Трезвый как стекло, Генка смолил одну за другой крепкие кубинские сигареты без фильтра.

— Ты не находишь, что среди нас нет ни одного счастливого человека? — неожиданно спросил он Сергея.

Как всегда наблюдательный, опытный особист четко сформулировал общее ощущение от встречи выпускников.

— Многие знания — многие печали, — пожал плечами Сергей, не склонный изливать душу товарищу из контрразведки.

— Не уходи от ответа, Туев! Мне твои дипломатические любезности ни к чему — у меня профессия нерукопожатная, чтобы ждать от тебя общественного признания.

— Может, ты ждешь, что я тебе в жилетку плакать начну? Иди выпей — может, легче станет.

Кудинов одобрительно закивал:

— А что, с тобой выпью! Только тет-а-тет. Идет?

Сергей вдруг подумал, что у Кудинова к нему дело.

— Только тебе «догонять» придется. Стоишь тут в газовой камере, а сам трезвый, как дурак!

«Догоняльщик» из Генки получился отменный. Присев в углу зала за самый дальний столик от сцены, Гена взял чистый стакан, приготовленный под соки, до краев наполнил его «Путинкой» и, словно обычную воду, опрокинул водку в себя. Не останавливаясь, налил еще.

— Хватит уже. Смотри — «перегонишь»! — шуткой попытался остановить товарища Сергей.

— Поговорить хочу! — Генка опрокинул в себя второй стакан водки. — Нет, плевать! Не поговорить — хочу, чтобы ты меня послушал!

Стальные глаза Кудинова начала затягивать мутная хмельная поволока.

— Сволочь ты, Туев! Ну, в хорошем смысле. Я тебя четыре года в училище изучал, по заданию. А ведь так и не понял, кто ты? Ангел или дьявол?

Сергей решил уйти.

— Ангел, Геныч, ангел. Только, как все нормальные мужики на пятом десятке, уже падший!

— Опять ты отшучиваешься, разведчик. Сядь, кому сказал! Дослушаешь и иди с богом. Я тебя, может, лучше других знаю, потому и прошу — не уходи!

Сергей вдруг понял, что никакого «специального» дела у Генки к нему нет — он просто, как и Скиф, тоже захотел выговориться.

После Афгана Гена решил завязать с контрразведкой. Надоело писать «шкурки» на тех, кто рядом с тобой отстреливался от духов, перевязывал тебя раненого и тащил на себе, не евши трое суток. Правда, Служба так просто Гену не отпускала. Когда началась Чечня, охотился за Дудаевым, потом за Басаевым. Злился и не понимал, почему Басаеву долго позволяли оставаться безнаказанным, несмотря на то что внедренная в его окружение агентура регулярно докладывала почти о каждом шаге террориста № 1. Чтобы молчал и не задавал лишних вопросов, дали еще один орден.

Когда в спецслужбах появилась потребность в профессиональных переговорщиках, Гена сам запросился на переподготовку. Увлечся настоящим. Даже провел несколько успешных операций, в том смысле,

что операции с применением спецназа при его посредничестве уже не требовались.

— Знаешь, я, дурак, таким счастливым себя почувствовал! Как тогда в училище — «Есть такая профессия Родину защищать!» Выходят из окруженного дома дети, женщины — живые! А без меня их бы танками в асфальт закатали. Да еще по ящику очередных уничтоженных «пособников» показали.

Гена налил себе третий стакан.

— Ген, хватит! Много будет, — Сергей начал настаивать уже не в шутку.

— Много не будет... Один раз меня срочно вызвали в командировку. Первый раз летели не на Кавказ — на Северный флот. Молодой матрос, избитый «дедами», заперся на подводной лодке в отсеке атомного реактора. С оружием. Я должен был уговорить его сдаться. Поговорил с матерью, узнал про семью. Парнишка такой честный, правильный оказался: вместо вуза сам пошел на флот служить. Родину хотел защищать. Мать его на меня, как на бога молилась! Все причитала: «Он вам поверит! Он вам поверит! Вы только телефон ему дайте — мне с ним поговорить надо, и все будет хорошо!»

— Ну?

— В итоге особист, с которым мы все обсуждали, телефон разрешил. Я его парню передал. Мать рада была! — от выпитой водки Гена начал тормозить капитально, но снова стал озираться по сторонам, словно хотел выпить и четвертый стакан. — Только эти уроды тайком от меня мобильник пластидом снарядили. Как только парень до матери дозвонился, тут ему голову и разнесло.

Последний рапорт

О том, что затевал Кремль и имел в виду Сурков, прессуя депутатов с независимым личным мнением, Сергей понял только в сентябре — после трагедии в Беслане. Не успели догореть угли на пепелище школы № 1, а в Думу уже был внесен пакет законопроектов по противодействию терроризму, никакого отношения к реальной борьбе с террором не имевших. Кремль требовал от Думы немедленного запрета на выборы губернаторов и наложения ограничений на политические права и свободы российских граждан.

— Ну, все, приплыли, — прочитав поправки к закону «Об экстремизме», мрачно произнес Егорыч. — Теперь критика начальства в эмоциональной форме может быть приравнена к экстремизму.

Зная из первых уст о том, как бездарно была провалена «операция» в Беслане, Сергей хорошо понимал, что эта трагедия стала поводом, который Путин и его команда цинично использовали для реализации давно подготовленного плана. Плана по устранению любой политической конкуренции созданной ими же системе.

Большая кремлевская «порка» депутатов в переговорной у Суркова явно была тестом на послушание и одновременно устрашением наименее надежных с точки зрения Кремля депутатов. Быть соучастником государственного переворота и молчаливым свидетелем очередной на его веку государственной измены Сергей не захотел.

Первым шагом «политического самоубийства» Туева стало открытое письмо спикеру российского парламента Грызлову о категорическом несогласии с новым курсом президента Путина и партии «Единая Россия». Вторым шагом стал депутатский запрос генеральному прокурору и председателю Конституционного суда о полномочиях заместителя руководителя администрации президента Владислава Суркова, позволяющего себе в грубой форме командовать высшими должностными лицами Российской Федерации.

Когда Конституционный суд ответил Туеву, что «описанные им события не являются предметом его рассмотрения», а генеральный прокурор предложил подать в суд, если он считает, что ему был нанесен какой-либо ущерб, Сергей вставил в принтер официальный бланк депутата Госдумы — единственный символический инструмент государственной власти в его руках — и начал набирать текст:

Рапорт «Голому королю»

Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину.

В связи с Вашими последними инициативами в области реформирования политической ситуации в России считаю своим долгом направить Вам мой личный анализ текущего положения дел в стране и возможных негативных последствий предложенных Вами шагов...

На мой взгляд, все, что Вы делаете после переизбрания на второй срок, неправильно, вредно для России и губительно для Вас — человека, с избранием которого многие связывали свои надежды на возрождение России.

Наши «университеты» в ту пору, когда мы носили погоны, были одни и те же, и аналитическая школа у нас тоже одна. Следуя правилам именно этой школы, попробую доказать, что национального лидера Владимира Путина уничтожит не оппозиция, не «пятая колонна» мировой закулисы, а собственная политика укрепления самого себя и самовластие президентского окружения...

Хотите самую страшную правду для президента, сделавшего своим предвыборным «коньком» борьбу с терроризмом? В отличие от Америки и Европы, где нет социальной базы для терроризма, Вы и Ваш предшественник создали ее в России.

Наши юные шахидки, еще вчера участвовавшие в студенческих КВНах, далеки от этих идей. Их основной мотив — чувство мести за гибель близких, подкрепленное наркотиками и специальными технологиями

психологической обработки. Самые непримиримые полевые командиры в Чечне — наши вчерашние однопольчане по Афгану, ставшие безжалостными боевыми роботами, потеряв свои семьи во время ковровых бомбардировок...

Беда в том, что российская разновидность террора гораздо опаснее «Аль-Каиды». В вирусологии есть понятие «штамм» — гибрид нескольких опасных вирусов, лечение которого носит особенно сложный, мучительный характер, увы, с непредсказуемым исходом. Наш штамм — это смертоносный вирус идеологии «Аль-Каиды», помноженный на спровоцированную Вашими «ястребами» ненависть чеченского населения к России. Членов «Аль-Каиды» — единицы. К нам они ползут, чтобы стать тысячами...

О бесчинствах, которые творятся сегодня в Чечне, Вам боятся докладывать даже те, кого Вы направили туда наводить порядок. Вчерашние бандиты, ставшие в одночасье крупными руководителями Чеченской Республики, на дружеских вечеринках выставляют на колья головы казненных врагов, а во время командировок в Москву за ночь оставляют в увеселительных заведениях столицы десятки тысяч долларов. Есть у Вас такая оперативная информация? Или подчиненные щадят Вашу нервную систему, не отягощая совесть президента деталями?

Возможно, Вам будет интересно узнать, что трое из пяти моих бывших коллег — офицеров «Вымпела», участвовавших в бесланском бою, на вопрос «Мочить «чехов» или договариваться?» (извините за профессиональный сленг) ответили: «Надо договариваться». Они что — тоже предатели?

Но самое вредное, что Вы делаете для страны и что сложнее всего будет исправить, когда Вы потеряете власть, — это возрождение у правоохранительных элит инстинкта личной преданности «государю», т.е. в нынешней трактовке — Вам и Вашему окружению. Между тем есть гораздо более ценные и ценимые в Государстве Российском качества — это Честь, Примат закона и Способность служить своей стране, прежде всего, собственной совестью. Проблема пропрезидентской сервильности особенно остро касается судей, работников спецслужб и правоохранительных органов. Сегодня многие из них действуют с оглядкой на Вас гораздо чаще, чем на Букву Закона. Но они служат Вам не потому, что Вы олицетворяете Закон, а потому, что Вы — самый сильный Хозяин...

К сожалению, наиболее влиятельная часть Вашего окружения практически не оставляет Вам шансов отказаться от специальных приемов подавления оппозиции и остаться в правовом демократическом пространстве. Слишком много чужой собственности было отобрано ими, как сегодня говорят в России, «по полному беспределу». Слишком много высоких руководителей спецслужб и Вашей администрации не просто «крышевали» эту новую русскую экспроприацию, но и были ее непосредственными

организаторами. Именно эти новые русские олигархи из президентского окружения сделают все, чтобы не потерять государственную власть. Потому что альтернативой власти в их случае является только тюрьма. Нисколько не сомневаюсь, что они готовы пролить кровь людей, которых сами же выдавливают на протестные митинги. Только кровь эта в российской истории останется на Ваших руках...

Если Ваши аналитики говорят вам всю правду, то Вы, очевидно, знаете главный феномен президента Путина — ни одна Ваша реформа не была поддержана народом. НИ ОДНА! При этом Ваш личный президентский рейтинг зашкаливает до безумия.

Ваш триумф будет продолжаться до тех пор, пока люди будут верить, что Вы служите Отечеству своей совестью. И за это самое главное в российском менталитете Служение они прощают Вам «проколы» в экономике, политике, даже в социальной защите. Но Ваш карт-бланш имеет временные ограничения. Когда-то в Вас увидели честного офицера, не безразличного к нуждам обычных людей, способного постоять за Честь России и поднять ее «с колен». Способны ли Вы оправдать эти ожидания? Не факт.

Просчитав этнокультурные и психологические особенности преобладающего большинства российского населения, Вы уверенно пришли к власти. Но Вам нечего дать народу в качестве реальной объединяющей Идеи («легенда» о построении не нужного Вам Гражданского Общества не в счет). И уж тем более Вам нечем подкрепить свою идеологию конкретными делами. Поэтому все, что Вы делаете в информационной области, — силовь политехнологии, призванные отвлечь людей от Вашей содержательной беспомощности и переключить внимание населения с фокуса созидания (точнее — отсутствия такового) на фокус врага.

Ваша проблема в том, что имидж честного, думающего о своей стране президента скоро столкнется с непреодолимым конфликтом практики Ваших дел. Безусловно, Вы — эффективный объединитель административного ресурса, но объединить людей Вам нечем! У Вас хороший имидж правильного слуги народа, но что-то в походке и выражении лица все чаще наводит на мысль, что Вы чувствуете себя его господином.

Мой аналитический вывод достаточно прост: то, что Вы и Ваша команда проделали со страной, — это ГКЧП-2, которого никто не заметил в силу высокого профессионализма его организаторов. Более того — это узаконенный ГКЧП, потому что Ваша власть не только абсолютно легитимна, но и подкреплена (пока) доверием большинства населения России. Ваши политехнологи блистательно доказали свою эффективность. Но задумайтесь, на чем основан их успех? Обман, подкуп, запугивание, фальсификация, недобросовестная информация, подлог, незаконное вмешательство в дела сопредельных государств — вот далеко не полный арсенал «портных», обшивающих Голого Короля.

Я неслучайно хочу напомнить Вам эту сказку. Вспомните: первый, кто поверил портным, был сам Король!

Очнитесь от гипноза, пока не поздно. Вся сила Вашей политической конструкции основана исключительно на фантоме президентского образа. ВАМ ВЕРЯТ!!! Слепо, по-русски, не допуская никаких сомнений. Политтехнологи Кремлевской администрации абсолютно правильно просчитали национальную русскую идею. Ваш имидж — ее стопроцентное воплощение. И эта идея — ЧЕСТНАЯ ВЛАСТЬ! Как только люди поймут, что Ваша честность такая же «легенда», как и все остальное, Вы останетесь ровно в том же наряде, что и упомянутый мной сказочный персонаж Андерсена.

Запечатав письмо в именной депутатский конверт, Сергей вызвал офицера фельдсвязи. Он знал — уже вечером его текст будет в приемной президента. Выбор был сделан.

Старая площадь

Отправив свой «Рапорт», Сергей поехал домой. Марина, прочитав написанный мужем текст, без колебаний произнесла: «Правильно! Я с тобой!» и заспешила накрывать на стол. Ложась спать, Сергей удивился, что вместо ожидаемой в подобной ситуации тревоги на душе у него было светло и спокойно. Жена, закопавшаяся в одеяле под боком, неожиданно призналась:

— А я даже рада, что тебя сейчас отовсюду выгонят — мне даже стыдно перед людьми было, что ты из фракции «Единая Россия».

Впервые за многие годы он уснул глубоким сном ребенка, сном маленького Сережки Туева, уверенного в том, что если в мире и есть зло, то дружба, отвага и вера в свое Отечество всегда смогут его победить.

Утром сразу после начала рабочего дня Сергею на мобильный позвонил «куратор»:

— Сергей Александрович, вас приглашает Косопкин Александр Сергеевич. Вы не могли бы зайти к нам в районе четырнадцати? — знакомый голос на этот раз ничего не хотел от Туева, в нем отчетливо читались нотки уважительного удивления.

— Хорошо, буду, — Сергей ждал этого звонка — «несистемная» выходка не могла остаться без внимания.

К комплексу зданий администрации президента на Старой площади Сергей пришел на полчаса раньше. Коротая время перед встречей с Косопкиным, он зашел в пивной ресторан «Сливовица» и заказал себе бокал свежего чешского пива. Мосты были сожжены, но как поведут себя его партийные боссы, он не представлял. От невеселых мыслей его отвлек телефонный вызов. Из Швейцарии звонил уехавший туда Василий Шахновский — тот самый, что отправлял его на собеседование к Суркову.

— Сережа, добрый день! Что там у вас происходит? — по голосу было слышно, что бывший топ-менеджер ЮКОСа встревожен. — Мне из администрации все телефоны оборвали в Берне. Спрашивают, кто вами управляет.

Сергей улыбнулся:

— Это они по себе судят: человек, способный принимать самостоятельные решения, не вписывается в их концепцию мира.

— Так я могу передать, что вам никто не ставит задачи?

— Почему же, мне ставит задачи моя жена, — отшутился Сергей. — Только звоните скорее — я через пятнадцать минут буду уже у Косопкина.

Коридоры и кабинеты Старой площади, в здании, где сидел представитель президента, очень напоминали кремлевские. Правда, классом пониже. За счет чего складывалось такое впечатление, Сергей так и не понял. Дверь приемной открылась, и секретарь, строгая женщина лет пятидесяти, пригласила Туева пройти.

— Ну, дай, бл...дь, я на тебя посмотрю! — с ходу доброжелательным, потцовски строгим матерком встретил Сергея Косопкин.

По типуажу он напоминал Сергею перешедшего на сторону администрации лидера независимого профсоюза: рубаха парень, крутой мужик, умеющий говорить рабочим то, что они хотят услышать, при этом «на все сто» отработывающий зарплату купившей его администрации.

— Неужели ты не понимаешь, что тот разговор у Суркова был обычным производственным совещанием? Ты — офицер такого подразделения, работал в такой корпорации!

— Александр Сергеевич, — Сергей присел на предложенное ему кожаное кресло за низким журнальным столиком, — вы действительно считаете, что спецназ, промышленная корпорация и парламент — это одно и то же? А как же принцип разделения властей?

Косопкин осекся. Попросил для Сергея чаю и перешел на вы. Поговорив еще минут пять об абсолютно неважных делах, он закруглил разговор. Провожая Сергея к выходу, прежде чем открыть дверь, он задал еще один вопрос:

— У вас дети есть?

Сергей понял, что это один из главных вопросов, которые ему собирались задать:

— Намекаете?

— Нет, интересуюсь.

— У вас на столе лежит моя биографическая справка. Прочитайте ее еще раз.

Не успел Сергей вернуться в Думу, как его пригласили к Морозову. Руководитель фракционной подгруппы был сама любезность:

— Сергей Александрович, мы на Совете Думы обсудили ваше поведение и пришли к выводу, что вы действовали не сгоряча. Можно сказать, это ваш сознательный выбор. Верно?

— Бессознательных выборов я еще не делал, — улыбнулся Сергей.

— В этой связи мы решили исключить вас из фракции «Единая Россия». У вас не будет возражений?

— Боюсь, я не оставил вам другого выбора, — снова улыбнулся Сергей. — Впрочем, добровольно я бы из фракции не вышел. Мне кажется, многие коллеги разделяют мою точку зрения.

— А вот комсомольского собрания я вас очень прошу не устраивать. Договорились? — с надеждой посмотрел на Сергея Морозов.

Через пятнадцать минут в комнате для совещаний собралось человек пятнадцать. На повестке дня стоял вопрос об исключении депутата Туева из фракции «Единая Россия». Четыре человека проголосовали против исключения, еще четверо воздержались.

— Остальные голосовали по доверенности, решение об исключении принято, — торопливо сообщил Морозов. — Прошу всех ко мне в кабинет. Предлагаю по случаю моего дня рождения принять по пятьдесят грамм. Сергей Александрович, милости просим. Вы теперь у нас независимый депутат!

На фуршете Морозова к Сергею подошел Егорыч:

— Старик, классную ты им пощечину отвесил! Все тебе завидуют. Знаешь, они даже разговаривать с нами стали по-другому. Испугались, падлы. Думают, тут целый заговор!

У Сергея снова заиграл мобильный. Мелодия Высоцкого «Еще не вечер» здорово взбодрила обстановку в кабинете:

— Командир! — в трубке раздался громкий голос профессора Прутченкова, друга и соратника Сергея по детским программам ЮКОСа. — А мы тут у Большого театра как обычно собрались. Человек сто, а то и больше. Дети в форме, с флагами. Если сможешь, подходи. Первого сентября из-за Беслана мы решили не собираться, а сейчас подумали, что даже правильно будет.

Через пятнадцать минут Сергей уже подходил к Большому. Подтянутые, не по возрасту серьезные, девчонки и мальчишки в красивой скаутской форме собирались под большим российским триколором. Ежегодная встреча друзей, посвященная воспоминаниям о летних лагерях и походах, превратилась в торжественный сбор памяти о погибших в Беслане.

В руках одного из юных разведчиков появилась гитара.

— Сергей Александрович, давайте нашу! — позвали Туева в свой круг его воспитанники.

Приобняв за плечи ребят, Сергей не пел. В который раз он слушал написанный в 1914 году гимн юных разведчиков на слова Николая Адуева и думал, что там, «за зубцами», этих простых и великих смыслов новым кремлевским стражам никогда не понять.

Будь готов, разведчик, к делу честному!
Трудный путь лежит перед тобой.
Глянь же смело в очи неизвестному,
Бодрый телом, мыслью и душой!

В мире много горя и мучения,
Наступила страдная пора:
Не забудь святого назначения —
Стой на страже Правды и Добра!

Тем позор, кто в низкой безучастности
Равнодушно слышит брата стон...
Не страшись работы и опасности,
Твердо верь: ты молод и силен!

Помогай больному и несчастному,
К погибающим спеши на зов,
Ко всему большому и прекрасному
Будь готов, разведчик, будь готов!

Товарищи офицеры!

(вместо послесловия)

Прошло еще девять лет. «Единая Россия» бесконечно рапортовала о своих достижениях. Ходорковский продолжал сидеть в тюрьме. Продолжал работать и его лицей «Подмосковный». Десятки детей из Беслана, в том числе из взорванной, выгоревшей дотла школы № 1, учились теперь в Коралове.

Подрастая и становясь выпускниками, бесланские ребята обязательно возвращались домой и хотя бы одну, последнюю, четверть стремились окончить у себя на родине, в Осетии. В той самой, сгоревшей и отстроенной на новом месте школе № 1. Педагоги лицея немного ревновали своих новых воспитанников, но понимали — получить аттестат зрелости школы, взорвавшей твою жизнь, было делом принципа.

Однажды, 23 февраля, в качестве традиционных для этого праздника гостей-военнослужащих Сергей пригласил в лицей пятерых офицеров «Вымпела» — из числа тех, кто таскал на себе обессиленных девчонок и мальчишек из взорванного спортзала и шел на автоматные очереди, прикрывавшихся детьми бандитов. «Вымпела» пришли в беретах, черной штурмовой форме с боевыми наградами и в высоких спецназовских берцах. В лучах софитов на сцене школьного клуба они смотрелись, как команда гладиаторов, всегда готовых умереть или победить.

Когда классный час подошел к концу, бесланские дети, не сговариваясь, плотной гурьбой обступили своих спасителей и как-то разом, все вместе, беззвучно зарыдали. С трудом сдерживали слезы и сами «вымпела». Пытаясь успокоить вздрагивающие плечи детей, спецназовцы в разные стороны протягивали свои сильные руки и были похожи на великанов-баскетболистов, бросающихся от одного мяча к другому.

Уйдя из Думы, Туев пытался не выпадать из молодежной политики, хотя прекрасно знал, что его объявили «ходорковцем» и персоной нон-грата. Однажды он обнаружил свою фамилию в книге с красноречивым названием «Враги Путина». Пришлось купить — компания «врагов» оказалась более чем приличной.

«Странно однако получается, — не отпускала Сергея навязчивая мысль, — уже 18 лет после ухода из «Вымпела» как я делаю одно и то же — учу молодых людей, как защищать слабых, быть сильными,

умными и самостоятельными. Еще совсем недавно меня ценили, награждали, возводили в степени и лауреаты президентских премий. И вдруг... раз! И я уже враг и «пятая колонна». Великая штука — исторический контекст!»

«Пятилетки» Путина сменялись одна за другой. Страна молчала. Власть воспринимала апатию людей как знак смирения и согласия. Политика превратилась в пир победивших политехнологов. На смену скаутам и навигаторам «Новой цивилизации» пришли комиссары движения «Наши», на всю мощь заработала главная постирочная молодых мозгов — Селигер. В Новосибирске на молодежном форуме инноваторов Сергей увидел автора нашумевшей книги для профессиональных манипуляторов общественным мнением «Уши машут ослом». Главный «пиарщик» Кремля господин Матвейчев самоуверенно распинался, что «они» с «их технологиями» могут делать с российским народом все что угодно.

Сергей обернулся за зал: неужели все сидящие здесь академики, доктора, эксперты и просто уважаемые люди согласны с очередным, как они сами себя называют, «пропагандоном»? Матвейчев закончил. В зале раздались аплодисменты.

И вдруг... в стране начали звучать совсем другие голоса. Откуда ни возьмись появилось целое поколение умных, образованных, оригинально мыслящих молодых людей. Никто из них не спешил делать политическую карьеру: они жаждали самореализации, творчества и просто не хотели, чтобы им мешали жить по их собственным «чертежам». Сергею было с ними легко и интересно. Он давно ждал это поколение. Он 20 лет приближал его приход в своих детских и молодежных программах.

В декабре 2011 года в интернете на портале Фейсбук внимание Туева привлекло странное движение — тысячи людей открыто записывались на оппозиционный митинг. Белая лента стала самым модным атрибутом личных профилей. Десять тысяч человек, двадцать, тридцать... восемьдесят четыре тысячи! Неужели они придут? А страх? Тот неискоренимый, вбитый в подкорку страх его матери Анны?

После объявления результатов выборов атмосфера в Москве накалилась до предела. Интернет обещал, что на улицы выйдут десятки тысяч людей. Заволновались друзья-ветераны и действующие сотрудники. Что будет делать Кремль? Как вести себя спецслужбам? Как быть молодым необстрелянным бойцам и их командирам? Он уже задавал себе похожие вопросы. Тогда, в 90-х...

Сергею, как это бывало после его ухода из «Вымпела» при очередной террористической атаке, снова почудилось, что его друзья улетели на важное и опасное задание, а он опять остался здесь, в тылу, абсолютно не у дел. Впрочем, почему не у дел? Он еще может помочь и тем, и другим! Пальцы сами побежали по клавиатуре компьютера:

Товарищи генералы, офицеры, сержанты и солдаты российских спецслужб и правоохранительных органов!

Имею честь обратиться к вам как офицер и командир оперативно-боевой группы спецназа, уже переживший в своей судьбе, что сегодня, за два дня до намеченного массового выступления российских граждан против фальсификации выборов, переживает большинство из вас.

Очень скоро через забрало своего защитного шлема вы увидите тех, ради кого шли служить своему Отечеству. Это будут лица людей, очень похожие на ваших отцов и матерей, братьев и сестер, добрых знакомых и соседей по лестничной клетке. В 91-м — во время ГКЧП, в 93-м — во время штурма Белого дома, еще раньше — в Баку, в Нахичевани и во время вильнюсских событий я не находил себе места, думая, как должен поступить командир спецназа в ситуации силовой конфронтации с собственным народом.

Спасительный ответ на этот вопрос оказался прост, хотя и неочевиден с первого взгляда — продолжать служить своему народу даже тогда, когда политики и подчиненные им силовые министры ставят перед тобой задачи откровенно репрессивного характера. Мы хорошо знаем повадки наших политиков: в острых ситуациях они никогда не берут на себя ответственность и не принимают жизненно важных решений, успешные операции приписывают себе, а в случае провала крайними назначают людей в погонах. Это было всегда, и один из наиболее ярких примеров тому — Беслан.

Но Беслан при этом и свидетельство того, что может сделать настоящий офицер в ситуации управленческого хаоса, бездарности и трусости политического руководства. Все погибшие и выжившие сотрудники «Альфы», «Вымпела» и других спецподразделений действовали в захваченной террористами школе без приказа — его просто не было! Так и 10 декабря в толпе митингующих вы останетесь один на один с исходящей от толпы угрозой и необходимостью мгновенно решать, как реагировать на те или иные ситуации. Лучше подготовиться к этому до того, как точка невозврата будет пройдена.

С учетом набитых когда-то шишек позволю сформулировать некоторые рекомендации, позволившие мне и моим друзьям не потерять чувство собственного достоинства и продолжать чувствовать себя не наемниками, а защитниками своего Отечества даже в самые неблагоприятные моменты службы:

- 1. В случае получения приказа применить силу против митингующих, особенно если речь идет о применении спецсредств или, не дай бог, огнестрельного оружия, требуйте оформления приказа в письменном виде. Это особенно актуально для командиров всех уровней. Мое поколение спецназа хорошо помнит то время, когда люди, ставившие перед нами карательные задачи, нас же потом и обвиняли в самоуправстве и несанкционированном применении силы.*

2. *О митинге протеста 10 декабря известно заранее. Это значит, что после проведения рекогносцировок в штабах и оперативных группах отрабатываются различные варианты применения сил и средств, предназначенных для обеспечения предстоящего мероприятия. Добивайтесь, чтобы подобная штабная работа проводилась при достаточном количестве свидетелей, не соглашайтесь участвовать в «неформальных» обсуждениях и персональных инструктажах за закрытыми дверями.*
3. *Когда вас инструктируют непосредственно перед выездом, добейтесь, чтобы ваши командиры публично и при свидетелях разъяснили вам порядок применения оружия и спецсредств. Особенно попросите разъяснить, какие действия митингующих можно рассматривать как проявление агрессии. Вы это знаете и так, но заставьте командиров произнести нужные слова непосредственно перед вашим применением.*
4. *Отправляясь на задание, вне зависимости от полученных задач, поставьте перед собой цель — защищать людей, против которых вы будете стоять в боевых порядках. Если вы командир «полевого» уровня, от вашей выдержки, профессионализма и команд будет зависеть очень многое. Еще раз — вы должны ехать не «мочить» врагов режима, а защищать своих сограждан, вынужденных таким образом отстаивать свои права. Это трудно. Но это миссия. Многие мои коллеги вплоть до расформирования подразделения не увольнялись из «Вымпела» не потому, что им нравились новые для нас полицейские функции, а потому что знали наверняка: без нас, обстрелянных во многих горячих точках профессионалов, среди мирных граждан и вверенного личного состава будет море крови. Особенно в случае профессиональных провокаций.*
5. *Постоянно ждите и будьте готовы к атакам боевиков-provокаторов. В Баку, Вильнюсе и особенно в Москве сценарий развития массового кровопролития выглядел одинаково: неизвестные снайперы убивали солдат и офицеров, призванных обеспечивать порядок во время массовых митингов. Дальше все зависело от выдержки и профессионализма людей в форме. В Баку, например, неподготовленные, плохо обученные «партизаны»-резервисты открыли ответный огонь по всем, кого видели в этот момент на улице. В результате — сотни убитых мирных людей, уцелевшие снайперы-provокаторы и миллионы вышедших на улицы протестующих граждан. Обратный пример — это штурм Белого дома в 1993 году, осуществленный без единой жертвы путем упорных «поэтажных» переговоров с его защитниками.*

6. *Не надо думать, что снайперы и иного рода провокаторы — всегда оружие противостоящей вам толпы. Новейшая история показывает, что зашатавшаяся российская власть готова исподтишка стрелять в спины своих же офицеров, чтобы пролить первую кровь и подтолкнуть своих защитников к более активным действиям. Уничтожайте и блокируйте подобных боевиков точно. Их задача — заставить вас озвереть и вылить вашу ненависть на ни в чем неповинных людей.*
7. *Сдерживайте своих менее подготовленных в психологическом плане товарищей и подчиненных. Вставайте на пути тех, кому все равно кого и по какому поводу «мочить в сортире». Не допускайте применения против ваших земляков иногородних подразделений ОМОНа. Их для того и привозят издалека, чтобы они не испытывали угрызений совести от того, что бьют своих. Ваше слово для них будет весомым. Ваше физическое присутствие спасет конкретных людей от насилия.*
8. *Помогайте пострадавшим митингующим, оказывайте им должное содействие в случае задержания. Оставайтесь людьми при любых обстоятельствах.*

Как видите, я не призываю никого изменять присяге, отказываться от исполнения приказа и переходить на сторону митингующих. Просто помните, что с другой стороны баррикад не враг, а такие же как вы граждане России. Умейте защитить их даже в таких непростых обстоятельствах. Каждый должен исполнить свой долг!

Сергей Туев,
ветеран Группы «Вымпел»,
подполковник запаса

Ермолин Анатолий Александрович

**Одиссея пионера,
или Защитник преданной страны**

Дизайн обложки: Александр Былов
Дизайн-макет, верстка: Алексей Баранов
Корректор: Лариса Долбина

Подписано в печать 20.04.2013г.
Формат 62х94/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Nat Flight»
Печать офсетная. Усл. печ. л.19,17
Тираж 1000 экз. Заказ № 27943

Издательский дом «Народное образование»
109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2

Отпечатано в типографии LocusStandi.
г. Москва, ул. Щепкина, д. 8

Он мог бы похвастать приемом в императорском дворце Японии, аудиенцией у короля Швеции и знакомством с королевой Англии. По мотивам его «похождений» в разведке снят художественный фильм... Но дружескую подпись «Толе Ермолину — настоящему мужину» на книге от Евгения Ясина он, похоже, ценит гораздо выше.

Биография Анатолия Ермолина, автора «Одиссеи пионера», не укладывается ни в какие каноны: как разведчик-диверсант он обучал специальных агентов-боевиков в Афганистане и работал под дипломатическим прикрытием в странах Западной Европы. Как командир группы спецназа — обеспечивал безопасность высших должностных лиц Российского государства и охотился за лидерами национально-освободительных движений в республиках Закавказья. Как учитель — помогал Михаилу Ходорковскому строить первый в стране лицей-интернат для детей погибших офицеров и возрождать снаутское движение России. Как депутат Госдумы — в одиночку выступил против курса Путина и был исключен из фракции «Единая Россия». Как журналист — вел расследования о коррупции в высших эшелонах власти. Как гражданин — носит белую ленту и считает себя частью протестного движения.

Когда о бывшем сотруднике спецназа нелегальной разведки КГБ СССР впервые рассказали в СМИ, тут же заговорили, что такой биографии в возрасте чуть за сором в принципе быть не может. Оказывается, все возможно — просто прочитайте эту книгу.

НОВАЯ
гАЗЕТА

